

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.com

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

СЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

(СРЕДНІЕ ВѢКА И НОВОЕ ВРЕМЯ)

Соч. В. Кеннингема,

профессора Кембриджскаго университета

Переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго, съ предисловіемъ
профессора Московскаго университета А. А. МАНУИЛОВА

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5

1903

Дозволено цензурою. Москва, 7 ноября, 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появленіе книги Кеннингема на русскомъ языкѣ представляется во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно желательнымъ. При громадной важности, какую имѣетъ для пониманія современной эпохи исторія хозяйственнаго быта, въ литературѣ отсутствовали до послѣдняго времени серьезныя попытки свести въ одно цѣлое важнѣйшія данныя объ экономическомъ прошломъ цивилизованныхъ народовъ. Это объясняется главнымъ образомъ необыкновенной трудностью задачи, для успѣшнаго разрѣшенія которой требуется отъ изслѣдователя обширная эрудиція, соединенная съ выдающейся способностью къ обобщенію историческихъ фактовъ. Кеннингемъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Его сочиненіе отличается богатствомъ фактическаго матеріала, но факты не давятъ читателя; авторъ сумѣлъ удачно сгруппировать ихъ и освѣтить мыслью, придающей изложенію цѣльность и живой интересъ.

Настоящій томъ представляетъ окончаніе труда, первая половина котораго посвящена была древности. Авторъ начинаетъ изслѣдованіе съ той эпохи, когда Римская имперія оказалась уже не въ силахъ охранять и распространять цивилизацію. Ея мѣсто заняла церковь, на долю которой выпала эта миссія въ періодъ, слѣдовавшій за паденіемъ имперіи. Кеннингемъ подробно выясняетъ значеніе христіанства для европейской цивилизаціи вообще и въ частности—для хозяйственнаго развитія европейскихъ народовъ. Мысль о значеніи христіанской идеи не только для духовнаго, но и для матеріальнаго прогресса Европы проходитъ черезъ всю книгу и звучитъ ея заключительнымъ аккордомъ, сообщая ей внутреннюю цѣльность и законченность. Затѣмъ Кеннингемъ выясняетъ причины ра-

спаденія соціальної системи, поддерживавшейся церковію, и слѣдитъ за переустройствомъ экономической жизни на новыхъ началахъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ процессу образованія національностей, съ которымъ связаны появленіе на исторической сценѣ соперничающихъ торговыхъ государствъ и выработка началъ національной экономической политики. Это эпоха быстро возрастающаго значенія капитала, могущественное вліяніе котораго сказывается во всѣхъ сферахъ жизни. Наконецъ. въ послѣдней части своего сочиненія Кеннингемъ изображаетъ промышленный переворотъ, подготовленный ростомъ капитала, и заканчиваетъ общей характеристикой современнаго періода.

Читатель найдетъ въ книгѣ Кеннингема обзоръ экономической исторіи Европы съ V вѣка, а если присоединить сюда и первый томъ, то съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; но — только обзоръ, а не подробное изслѣдованіе ряда историческихъ проблемъ, представляющихся при изученіи хозяйственнаго быта. Авторъ не углубляется въ изслѣдованіе процессовъ, происходившихъ въ глубинахъ соціальной жизни; онъ изображаетъ только продукты этихъ процессовъ, — явленія, опредѣлявшія собою типическія черты жизни въ теченіе цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Его задача охватить только самое общее и крупное и запечатлѣть въ умѣ читателя представленіе о томъ, что было наиболѣе характерно для каждой эпохи. Съ этой точки зрѣнія и нужно оцѣнивать сочиненіе Кеннингема.

По своимъ воззрѣніямъ на существующее положеніе авторъ является оптимистомъ; но его оптимизмъ не мѣшаетъ ему видѣть зло, связанное съ господствомъ капитала, и правильно опредѣлять опасности, лежащія на пути дальнѣйшаго прогресса. Результаты, достигнутые до сихъ поръ промышленнымъ развитіемъ для счастья человѣческаго рода, представляются ему ничтожными въ сравненіи съ громадной силой орудій производства, сдѣлавшейся доступной человѣку, благодаря вѣку изобрѣтеній. Но онъ далекъ отъ пессимизма, осуждающаго матеріальный прогрессъ за то, что онъ приноситъ народу, будто бы, только одни бѣдствія. Этотъ прогрессъ открываетъ возможность улучшеннаго типа благосостоянія, и задача, представляющаяся современному человѣчеству, заключается въ томъ, чтобы воспользоваться этой возможностью. Кеннингемъ полагаетъ, что ма-

матеріального благосостоянія можно лучше всего достигнуть при помощи капиталистической организаціи промышленности, но „сущность современной задачи заключается въ контролированіи этой силы такимъ образомъ, чтобы ее дезинтегрирующее дѣйствіе на общество и ея давленіе на личность были удержаны въ должныхъ границахъ, и чтобы успѣхи матеріального прогресса могли дѣйствительно служить орудіемъ нравственного и интеллектуального благосостоянія человѣческаго рода. Эта задача не подлежитъ какому-либо общему рѣшенію; здѣсь приходится имѣть дѣло съ различными способами, согласно особеннымъ условіямъ cadaго государства; при этомъ должны быть приняты во вниманіе особенности физическаго характера, національнаго темперамента и политическаго устройства“. Таковъ выводъ Кеннингема, но читатель будетъ правъ, если останется не вполне удовлетворенъ имъ и спроситъ себя: не существуетъ ли въ ряду способовъ рѣшенія указанной задачи такихъ, которые имѣютъ силу для всякаго народа, потому что безъ ихъ примѣненія невозможно осуществленіе важнѣйшаго условія матеріального прогресса — развитія личной энергіи и почина, не отдѣлимыхъ отъ общаго развитія личности?

А. Мануиловъ.

Въ этомъ опытѣ я старался показать, какимъ образомъ матеріальный прогрессъ человѣческаго рода осуществлялся однимъ большимъ государствомъ за другимъ и находился подъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ. Благосклонная критика замѣтила, что схема книги раскрываетъ органическую связь между странами и между самыми отдаленными періодами; но выборъ матеріала и соразмѣрность мѣста, назначеннаго для различныхъ темъ, которымъ спеціально посвящается этотъ второй томъ, могутъ разочаровать читателей, глубоко интересующихся изученіемъ прошлаго ради его самого. Безъ сомнѣнія, многія историческія проблемы могутъ быть яснѣе освѣщены, если примѣнить къ ихъ разрѣшенію экономическую точку зрѣнія, но я не пытаюсь вступать въ борьбу съ такими трудностями. Непосредственная цѣль моего опыта—указать на отдаленныя и сложныя причины въ прошломъ, которыя содѣйствовали промышленности и торговлѣ вылиться въ ихъ формы настоящаго времени. Промышленное и торговое вліяніе англосаксонской расы такъ сильно выражено и такъ далеко распространилось, что необходимо опредѣлить великое значеніе тѣхъ условій, которыя привели Англію къ верховному владычеству надъ морями. Съ другой стороны, сильная торговая жизнь итальянскихъ городовъ въ средніе вѣка была не особенно плодотворна по отношенію къ послѣдующимъ временамъ; и мы не можемъ не чувствовать, что эти великолѣпныя общины оказали меньшее вліяніе на экономическій прогрессъ всего свѣта въ общемъ, чѣмъ на какое разсчитывали тѣ современники, которые внесли въ лѣтопись ихъ величіе.

Трудность приведенія въ порядокъ фактовъ, почерпнутыхъ

изъ такого множества источниковъ, а также изложенія исторіи столѣтій на нѣсколькихъ страницахъ представляли бы для меня не легкую задачу, если бы счастливая судьба не дала мнѣ возможности пользоваться помощью миссъ Лиліанъ Томнъ (Miss Lilian Tomn) во все продолженіе моей работы; ея обширная начитанность и заботливое критическое отношеніе были для меня необходимой съ ея стороны услугой на каждой ступени моего труда въ настоящемъ томѣ.

Этимъ опытомъ заканчивается серія трехъ учебныхъ книгъ, которыми я былъ занятъ съ 1893 года. Онѣ, служа дополненіемъ одна другой, назначались пособіемъ для студентовъ при изученіи современной экономики; онѣ представляютъ результатъ моихъ научныхъ занятій въ Кембриджѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ и являются заключительною частью сущности лекцій, которыя я имѣлъ честь читать въ Harvard'скомъ университетѣ въ 1899 году.

ВВЕДЕНИЕ.

71. Въ первомъ томѣ этой книги была сдѣлана попытка на бросать картину прогресса матеріальной цивилизаціи въ древнемъ мірѣ отъ ея начала въ Египтѣ и Финикіи до ея высшаго развитія въ Римской имперіи при Адріанѣ. Были описаны также тѣ вліянія, которыя подрывали могущество этого великаго государства и сдѣлали его безсильнымъ отразить нападеніе варваровъ; мы видѣли также, что хотя часть древней имперіи и оказала имъ успѣшное сопротивленіе въ Константинополѣ, но тевтонское нашествіе поколебало или разрушило весь общественный строй въ западныхъ частяхъ Европы. Военная организація оказалась недостаточной: беззащитные города сдѣлались добычей варварскихъ завоевателей; то, что когда-то составляло хорошо управляемую имперію, было превращено въ развалины и общественный порядокъ пришелъ въ хаотическое состояніе. Древне-скандинавское и датское нашествія въ девятомъ и десятомъ вѣкахъ были послѣдними изъ этихъ постоянныхъ наводненій, которымъ подверглась Западная Европа ¹, и когда эти нашествія прекратились, мы можемъ отмѣтить возникновеніе новой цивилизаціи, которая представляетъ странное сходство съ древнимъ міромъ и такое же не менѣе странное отличіе отъ этого не вполнѣ погибшаго міра.

Средневѣковое христіанство, какъ организованное общество.

Самое названіе, которымъ мы опредѣляемъ новую социаль-

¹ Cunningham *Alien Immigrants*, стр. 5.

ную систему, обращаетъ вниманіе на то, что христіанство есть главная черта, яснѣ всего отличающая новую цивилизацію отъ цивилизаціи древняго міра. Римская имперія была создана военной доблестью; военная организація, съ ея военными дорогами, связывавшими различныя провинціи имперіи, была существеннымъ элементомъ, поддерживавшимъ эту цивилизацію. Напротивъ, христіанство съ своимъ духовнымъ главой папой тратитъ матеріальную энергію на сооруженіе великолѣпныхъ церквей и на дары монастырямъ; оно посвящаетъ источники своихъ доходовъ на борьбу съ невѣрными. Религіозныя основы и стремленія выражались въ сооруженіи великолѣпныхъ построекъ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ; эти идеи и чувства проникали во всѣ соціальныя установленія; и хотя они и покоились, такъ сказать, на поверхности, но они далеко не поверхностны. Война въ дѣйствительности продолжалась непрерывно въ началѣ среднихъ вѣковъ, но она рѣдко представляла организованную силу; и хотя много франкскихъ мечей содѣйствовало возвышенію папства, все же тайна его власти лежала болѣе глубоко. Не военной силой, а религіознымъ авторитетомъ были вновь положены въ далекомъ прошломъ основы цивилизованнаго общества; что же касается возобновленія древнихъ учреждений въ средневековомъ христіанствѣ, то они большей частью измѣнялись и преобразовывались тѣмъ же религіознымъ вліяніемъ.

Разсматривая прошлое съ точки зрѣнія настоящаго времени, когда политическія и религіозныя различія такъ сильно содѣйствовали рѣзко выраженному раздѣленію христіанства, мы склонны забыть ту ихъ солидарность, которою они отличались въ давнопрошедшія времена. Въ тринадцатомъ столѣтіи духовная организація сообщала единство соціальному строю во всей Западной Европѣ; тамъ, гдѣ папа былъ признанъ духовнымъ, а императоръ свѣтскимъ намѣстникомъ Бога, политическія и расовыя различія были относительно менѣе значительны.

Для экономическихъ цѣлей едва ли необходимо отличать разныя страны одну отъ другой въ тринадцатомъ столѣтіи, потому что тогда было меньше преградъ для общественныхъ сношеній внутри границъ христіанства, чѣмъ это мы встрѣчаемъ въ настоящее время. Латинскій языкъ былъ единственнымъ литературнымъ языкомъ, и студентъ, переходя изъ одного университета въ другой, чувствовалъ себя вездѣ какъ дома,

такъ какъ методы наукъ были вездѣ одни и тѣ же. Купецъ, посѣщая иностранный портъ, или ремесленникъ, находясь въ отдаленномъ городѣ, находили тѣ же стѣсненія или тѣ же льготы, которыя были знакомы имъ дома. Въ церквахъ различныхъ частей христіанства вѣрующаго мало поражали непривычные церковные обряды. Одинаковыя каноническія правила, одинаковыя торговые законы, преобладая на обширномъ пространствѣ и смѣшиваясь съ гражданскими и варварскими законами, были въ общемъ распространены. Христіанство, хотя и разбитое на много политическихъ частей, составляло одно организованное общество для всѣхъ цѣлей экономической жизни, потому что всѣ эти части находились между собою въ свободномъ общеніи. Съ этой точки зрѣнія мы и можемъ разсматривать эту ясно выраженную и ясно отличающуюся цивилизацію, которая наслѣдовала Римскую имперію и заняла ея мѣсто.

Въ географическомъ отношеніи онѣ не были сходны. Западное христіанство въ тринадцатомъ столѣтіи заключало много территорій, входившихъ въ составъ Римской имперіи, въ томъ видѣ, какъ онѣ были укрѣплены и украшены Адріаномъ; но многія изъ нихъ отпали отъ него. Весь дальній Востокъ и Африка, а отчасти и Испанія были утрачены, вслѣдствіе нашествія магометанъ; а греческія страны сохранили ту независимость отъ Рима, которую онѣ приобрѣли, когда Константинъ основалъ свою столицу на берегахъ Босфора. Съ другой стороны, христіанство сдѣлало нѣсколько приобретений; оно мирнымъ путемъ креста покорило Ирландію и Шотландію, Исландію, Данію и Скандинавскій полуостровъ; а воинствующее христіанство, наконецъ, одержало верхъ въ Саксоніи и Ливоніи. Такимъ образомъ на Сѣверѣ христіанство распространилось за предѣлы, установленные римскою стратегіей для имперіи.

На всемъ этомъ пространствѣ существовала одна социальная система, и потому возможно опредѣлить общій ходъ ея исторіи въ цѣломъ; но, очевидно, что достоинство экономического прогресса не было одинаково и не происходило одновременно во всѣхъ этихъ христіанскихъ странахъ, особенно, если мы примемъ во вниманіе различіе ихъ физическихъ условій и ихъ обитателей. Мы не касаемся отдѣльнаго развитія промышленности въ каждой ея части самой по себѣ, но разсматриваемъ каждую поочередно, насколько она являлась типичной въ извѣстный моментъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто во всемъ

христианствѣ. Различныя христианскія страны исходили не изъ одного и того же пункта и не слѣдовали по одному направленію; одно время стояла во главѣ Франція, въ другое Италія, Германія или Фландрія; но интересно отмѣтить ясно выраженные различныя ступени, которыхъ достигали различные народы въ разныя времена; одни были піонерами, другіе подражателями на каждомъ шагу ихъ поступательнаго движенія, и тѣмъ не менѣе путь прогресса для всѣхъ былъ одинъ и тотъ же.

Развитіе цивилизаціи въ древнія времена поддерживалось наслѣдіемъ расъ, которыя взаимно исключали другъ друга и были враждебны, между тѣмъ какъ ея прогрессивное движеніе въ средніе вѣка и въ новое время обуславливалось социальными элементами, которые были хотя и различны, однако допускали общее подчиненное сродство.¹ Самыя отдаленныя страны принимали большее или меньшее участіе въ движеніяхъ, которыя происходили въ другомъ мѣстѣ; великолѣпныя церкви въ Кирквалѣ (Kirkwall), Дронтгеймѣ и Упсалѣ показываютъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи даже самыя отдаленныя христианскія области вносили свою долю художественнаго или промышленнаго труда; эти древніе памятники свидѣтельствуютъ о взаимномъ общеніи, которое вполнѣ не прекращалось никогда. Народы западнаго христианства образовали одну цивилизацію не потому, что ихъ историческія условія были тождественны, но потому, что какъ бы ни были они въ то время и теперь различны, сношенія между ними были такъ часты и связь такъ близка, что измѣненія, происходившія у одного народа, непременно отражались на всѣхъ другихъ.²

72. Развалины Римской имперіи во многихъ отношеніяхъ служили основой для созданія цивилизованнаго общества на Западѣ. Уже самая традиція императорской власти оказала огромное вліяніе, какъ объединяющая идея,³ которая пережила самое себя, чтобы дать опредѣленное направленіе честолюбивымъ домогательствамъ Карла, и способствовала общему призна-

**Экономическія
заимствованія
у древняго
Рима.**

¹ Единство ихъ христианской религіи порождало сознательное сродство, которое не было присуще городской жизни древняго міра (Fustel de Coulanges, *La Cité Antique* I. 11. с. 4, *De l'esprit municipal*) и которое соединяло всю Западную Европу противъ могометанскаго міра.

² О важномъ значеніи общенія, характернаго для западной цивилизаціи, см. томъ I. стр. 5.

³ Bryce, *Holy Roman Empire*. 1875, стр. 24, 72.

нію центральної влади Рима. Эти політичеськія вліянія найбільше замѣтны, но и другія, прослѣдить которыя весьма трудно, имѣють едва ли не меньшее значеніе; мы находимъ признаки новаго соціального строя, главнымъ образомъ, когда разсматриваемъ его съ матеріальною стороны, и находимъ ихъ не только въ большемъ административномъ центрѣ, но и во многихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, и именно тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствовали началу прогресса ¹. Не было ни одной провинціи, въ которой варвары уничтожили бы всѣ слѣды римскаго завоеванія. Даже въ Британіи вишневыя деревья, живыя изгороди, пшеница и скотоводство являются наслѣдіемъ, оставленнымъ римскимъ земледѣліемъ ², а дороги, каналы и постройки служили образцами, которымъ подражали въ дальнѣйшія времена. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной Франціи вліяніе імперіи сравнительно было поверхостнымъ ³, но оно не изгладилось совсѣмъ; и когда извѣстный порядокъ былъ снова обезпеченъ, тогда можно было воспользоваться имѣвшимися богатымъ матеріаломъ для новаго соціального устройства. Матеріальные остатки римской цивилизаціи сохранились въ большей части западныхъ странъ; а въ нѣкоторыхъ городахъ удержались слѣды римской администраціи. Перешедшіе по наслѣдству приемы ручной и механической работы медленнымъ путемъ выработанные въ Египтѣ, Финикіи, Греціи и Карфагенѣ, вошли въ культуру, которую распространили римляне, и подлежитъ сомнѣнію, чтобы какое-либо изъ промышленныхъ искусствъ, извѣстныхъ римлянамъ и примѣнявшихся у нихъ, было совершенно утеряно для Запада. Кромѣ того существовали формы экономической жизни, которыя появлялись снова, когда обстоятельства благопріятствовали ихъ возникновенію, и не было необходимости изобрѣтать ихъ вновь. Организациія средневѣковаго помѣстья имѣетъ аналогію съ римской виллой; средне-

¹ Начало цивилизованной жизни въ сѣверной Британіи, сгруппировавшейся вокругъ Колумбанской церкви, находилось внѣ вліянія епископа; точно такъ же не изъ Рима исходилъ импульсъ дѣятельности св. Колумбана въ Бургундіи и Швейцаріи и св. Бонифація въ Германіи.

² Pearson, *England during Early and Middle Ages*, 1, 56. Coote, *A. Neglected Fact of English History*, p. 53; Hughes, *Royal Agricultural Journal*, 3—rd Ser. V, 561.

³ Dareste de la Chavanne, *Histoire de Classes Agricoles*, стр. 51.

вѣковой городъ съ его цехами есть воспроизведеніе римскаго города съ его *коллегіями* (*collegia*). На фискальную и судебную системы различныхъ странъ оказывали вліяніе тѣже системы императорскаго Рима. Въ нѣкоторыхъ областяхъ наблюдается возникновеніе учреждений, которыя пришли въ упадокъ, но не исчезли совсѣмъ; въ другихъ существовало прямое подражаніе или пересажденіе системъ, пережившихъ въ иныхъ мѣстахъ; но во всѣхъ частяхъ христіанскаго міра есть многое, напоминающее намъ, что новая цивилизація возникла на развалинахъ Римской имперіи. Точно такъ же насъ не должно удивлять, что возрожденіе слѣдовало въ нѣкоторомъ отношеніи параллельно направленію самосостоятельнаго развитія; переходъ изъ натурального въ денежное хозяйство, организація сначала пассивной, а потомъ активной торговли, устройство ярмарокъ, регулированіе промышленности все это развилось въ средніе вѣка точно такъ же, какъ мы это уже видѣли въ древнемъ мірѣ; „натуральный прогрессъ богатства“ одинаково можно наблюдать какъ въ древнемъ, такъ и въ средневѣковомъ обществѣ. Что касается промышленныхъ искусствъ и великихъ типовъ соціальной и экономической организаціи, то ихъ новое развитіе слѣдовало по тому же направленію, что и старое.

73. Итакъ справедливо, что заимствованіе христіанства ¹ у древняго Рима весьма велико, и потребовались столѣтія для постепеннаго роста, прежде чѣмъ средніе вѣка могли соперничать съ древней цивилизаціей во внѣшнихъ проявленіяхъ матеріальнаго благосостоянія; но было бы ошибочно предположить, что новое общество было только воспроизведеніемъ стараго; оно отличалось отъ него во всѣхъ своихъ чертахъ. Выше ² было указано, что хотя финикійцы достигли высокаго совершенства въ промышленности и торговлѣ, но характеръ греческой цивилизаціи отличался отъ цивилизаціи ея семитическихъ учителей; между этими цивилизаціями существовалъ такой же контрастъ, какъ между цивилизаціями Римской имперіи и средневѣкового христіан-

Сравненіе христіанства съ Греціей и Римомъ по отношенію къ матеріальнымъ условіямъ и источникамъ богатства. Переустройство и преобразованіе общества.

¹ Однако, такая связь можетъ быть доказана только на многихъ городахъ Италіи; см. ниже стр. 24.

² Томъ I, стр. 69, 93.

ства; различіе заключалось не только въ технической ловкости и искусствѣ, но во всемъ духѣ цивилизаціи. Хотя этотъ элементъ имѣетъ весьма важное значеніе, но онъ такъ неуловимъ, что не легко поддается анализу, и описаніе его представляетъ извѣстныя трудности; однакоже то лучшее, чего достигли греки, можно принять за точку отправленія, отъ которой началось новое движеніе впередъ. Грекъ смотрѣлъ на матеріальное богатство какъ на средство для достиженія цѣли, какъ на представляющійся благоприятный случай для культурной жизни свободнаго человѣка въ городѣ - государствѣ. Высокое уваженіе къ достоинству человѣка и склонности, свойственныя человѣческой природѣ, существенно государственной, составляли главную черту его отношеній къ матеріальному міру и обуславливали его занятія земледѣліемъ, промышленностью и торговлей. Христіанское ученіе вознесло эту греческую идею о цѣнности человѣческой жизни гораздо выше, представляя ее въ ея сверхъестественныхъ образахъ. Доктрина воплощенія¹ утверждала, что человѣческое тѣло способно создавать соотвѣтствующую среду, для проявленія божественной природы; доктрина воскресенія порождала въ немъ неизмѣнную надежду на личное безсмертіе человѣческой души. Такимъ образомъ христіанство имѣло болѣе возвышенный взглядъ на человѣческую жизнь, какъ таковую, чѣмъ какой былъ у грековъ, которые по красотѣ формъ судили о благородствѣ расы. Высшее достоинство человѣка, какъ человѣка, было провозглашено христіанскимъ ученіемъ, и обычное подчиненіе матеріальныхъ предметовъ человѣческимъ идеаламъ и стремленіямъ доведено было до такой высокой степени, какъ никогда прежде; съ тѣхъ поръ на человѣка стали смотрѣть не только какъ

¹ Нѣтъ такой стороны человѣческой жизни, которая не могла бы не оказывать вліянія на экономическія перемѣны (Cunnigham, *Growth of English Industry, and Commerce*, I. стр. 7.). и хотя рѣдко бываетъ необходимо обращать вниманіе на философскія вѣрованія или религіозныя убѣжденія, но мы должны обратиться къ нимъ, если пытаемся характеризовать духъ народа или вѣка. Такимъ образомъ, какъ указываетъ профессоръ Bury (*Later Roman Empire*, I. стр. 188), побѣда аеанасіанства надъ аріанствомъ имѣла всемірно-историческое значеніе. „Дѣло шло о всей сущности христіанства, ибо главное могущество христіанства находится въ зависимости отъ идеи о Христѣ, доктрина же Арія стремится унизить Христа считая Его ниже Бога, и если бы эта тенденція восторжествовала то въ концѣ концовъ она изгнала бы Христа изъ міра“.

на разумное существо, но какъ на существо безсмертное, имѣющее извѣстное мѣсто въ сверхъестественномъ строѣ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ недостатковъ Римской имперіи заключался въ томъ, что ея система отводила очень мало мѣста индивидуальнымъ стремленіямъ и имѣла тенденцію ограничивать энергію какъ капиталистовъ, такъ и земледѣльцевъ ¹. Христіанское же ученіе открывало безконечные горизонты индивидуальной личности и вѣчной надеждой поощряло ее къ прилежанію и дѣятельности. Но такое сосредоточіе мысли на загробной жизни не отвлекало вниманія отъ мірскихъ обязанностей ²; христіанство не гнушалось ими, но видѣло ихъ въ новомъ освѣщеніи и указало новые мотивы, побуждавшіе горячо относиться къ этимъ обязанностямъ. Христіанскій монахъ, такъ же какъ и римскій рабъ, былъ лишенъ гражданскихъ правъ и находился въ абсолютномъ подчиненіи и распоряженіи своего главы. Но въ этомъ монастырскомъ послушаніи не было ничего унижительнаго, ибо ему добровольно подчинялся свободный человѣкъ, какъ дисциплинѣ, при помощи которой можно достигнуть самой доблестной участи.

Усвоеніе такого высокаго взгляда на достоинство человеческой жизни, какъ безсмертной, привело къ болѣе полному признанію личной отвѣтственности. Древняя философія смотрѣла на человѣка, какъ на властелина матеріальнаго міра; христіанство же ввело новое понятіе о долгѣ. Новое ученіе не могло поощрять того, чтобы матеріальныя богатства расточались только на непрерывное удовлетвореніе царской гордости и изнѣженной роскоши, или чтобы они способствовали обнищанію праздної и звѣрской толпы, которой доставляли хлѣбъ и зрѣлища. Богатства стараго свѣта расточались именно такимъ образомъ: провинціи были ограблены и разорены и источники доходовъ не увеличивались, а истощались; и христіанскіе проповѣдники были вынуждены протестовать противъ такого упо-

¹ Томъ I, стр. 184.

² Легенда, популяризованная Робертсономъ (*State of Europe in Charles, V. I.* стр. 26) и Мишле (*Histoire de France*, II, стр. 132), объ общемъ равнодушіи къ мірскимъ интересамъ и о потрясеніи всего общества въ концѣ десятаго вѣка, вслѣдствіе распространившагося убѣжденія въ кончинѣ міра, какъ показываютъ недавнія изслѣдованія, совершенно противорѣчила истинѣ. Pfister, *Etudes sur le règne de Robert le Pieux*, въ *Bibliothèque de l'Ecole des hautes Etudes*, Fasc. 64-me, стр. 322.

требленія богатства, которое игнорировало славу Божію и благо людей ¹.

Такимъ образомъ въ этомъ и заключалось характеристическое отличіе древней цивилизаціи отъ новаго строя, который началъ процвѣтать въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ. Безъ сомнѣнія, справедливо будетъ сказать, что эти принципы весьма несовершенно осуществлялись, но насколько они оказываютъ вообще вліяніе на настоящую жизнь, настолько же они помогаютъ намъ понять сущность политическихъ контрастовъ между языческой имперіей и латинскимъ христіанствомъ. Своенравнаго и своевольнаго правителя привѣтствовали съ божескими почестями въ древнее время; въ средніе вѣка сохранялась супрематія вѣчной и сверхъестественной власти надъ всѣми человѣческими существами, которые могли отправлять верховную власть; этотъ контрастъ подтверждается борьбой папъ съ императорами за инвеституры. Христіанская доктрина о цѣнности и христіанское осужденіе прибыли на счетъ другого человѣка оказали вліяніе на всю средневѣковую организацію городской жизни и на урегулированіе внутренней торговли и ввели ясно выраженные измѣненія въ дѣловыя отношенія древнихъ городовъ. Христіанская оцѣнка труда, какъ долга, совершенно измѣнила судьбу средневѣкового виланна; она во всѣхъ отношеніяхъ отличалась отъ судьбы раба древней имперіи. Отвѣтственность собственниковъ, а равно и государей настолько сохранялась, что ставила существенныя преграды для тиранніи всякаго рода. Ибо эти принципы не были только простыми благочестивыми мнѣніями, но существенными правилами практической жизни. Благодаря обстоятельствамъ, сохранившимъ мѣстами слѣды римской цивилизаціи и основамъ ² новаго общества, для христіанскаго ученія и примѣра

¹ S. Thomas Aquinas, *Summa iia iiae*, q. 66, art. 2, 7.

² Старый порядокъ не былъ вполне разрушенъ въ Константинополѣ, и старая цивилизація со многими присущими ей недостатками пережила на Востокѣ; христіанское ученіе внѣшнимъ образомъ касалось общества и потому оно не могло вполне преобразоваться подъ его руководствомъ. Церковь въ государствѣ не имѣла значительнаго вліянія на управленіе государствомъ, находясь подъ контролемъ императора (Bury, *History of Later Roman Empire* 1, 105, 186; Finlay, *History of Greece*, I. 186), хотя косвеннымъ путемъ она обуздывала Императора (Finlay, *op. cit.* 188).

представилось много удобныхъ случаевъ ясно проявить свое вліяніе на ея развитіе.

74. Примѣняя строгій экономическій критерій, можетъ явиться сомнѣніе, дѣйствительно ли цивилизація тринадцатаго столѣтія опередила цивилизацію Римской имперіи въ ея лучшее время; въ четырнадцатомъ столѣтіи черная смерть была причиною такого общественнаго потрясенія, отъ котораго общество только медленно оправилось, и въ послѣдней четверти пятнадцатаго столѣтія Европа все еще искала вдохновенія въ прошломъ, ближе ознакомляясь съ образцовыми произведеніями древней литературы и искусства. Только въ концѣ пятнадцатаго столѣтія западное христіанство очевидно достигаетъ болѣе высокаго матеріальнаго прогресса, чѣмъ какого достигла Римская имперія ¹. Открытіе Америки и новаго пути въ Остѣ Индію произвело переворотъ въ идеяхъ человѣчества на всей поверхности земного шара и породило совершенно новое представленіе о тѣхъ размѣрахъ, которыхъ могутъ достигнуть торговыя сношенія и колонизація.

Это было второю большою ступенью интеллектуальнаго поступательнаго движенія и отсюда непосредственно вытекали важные экономическіе результаты. Христіанское откровеніе дало человѣку новое пониманіе его личной отвѣтственности и способствовало преобразованію цивилизованнаго общества; вѣкъ открытій породилъ новую идею о томъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ и о возможностяхъ обогащенія, котораго можно было бы достигнуть обладаніемъ или торговлей въ отдаленныхъ частяхъ свѣта. Эти новыя благопріятныя условія нашли себѣ примѣненіе именно въ то время, когда единство, характеризовавшее средневѣковое христіанство, начинало распадаться. Поглощеніе болѣе мелкихъ государствъ, отчасти при помощи завоеваній, благопріятствовало возникновенію значительныхъ монархій—Англіи, Франціи, Португаліи и Испаніи; и ихъ государственные люди начали сознательно направлять свои соображенія на изысканіе средствъ для утилизированія источниковъ дохода каждой отдѣльной страны такимъ образомъ, чтобы существенно усилить ея могущество.

¹ Болѣе подробныя объясненія см. ниже, о возникновеніи капитала и кредита.

Самая ясная система въ этомъ смыслѣ была принята Испаніей, и она заключалась въ стремленіи добыть какъ можно больше драгоцѣнныхъ металловъ; но скоро оказалось, насколько была недальновидна такая государственная система. Необходимо было не только накапливать и запасать „сокровища“ или слитки¹, но найти источники, при помощи которыхъ можно было бы добывать всякаго рода „богатства“. Начали тщательно изслѣдовать производительныя силы каждой страны; и каждый великій, государственный человѣкъ вырабатывалъ специальную экономическую схему, которой необходимо было слѣдовать, чтобы добыть средства для войны². Образованіе національностей вмѣстѣ съ благопріятными условіями для накопленія сокровищъ, чему способствовали серебряныя рудники въ Америкѣ, сообщили внезапный импульсъ не только торговымъ сношеніямъ и колонизаціи, но и изученію политической экономіи и лучшихъ способовъ для сохраненія и поддержанія національнаго богатства страны. Какъ въ практическомъ отношеніи, такъ и въ экономической наукѣ шестнадцатое и семнадцатое столѣтія сдѣлали быстрые успѣхи, перешедшіе границы, достигнутыя въ этомъ отношеніи древнимъ міромъ. Къ стыду древняго Рима, онъ мало сдѣлалъ въ дѣлѣ развитія источниковъ богатства въ Галліи и различныхъ провинціяхъ³, но въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ такая небрежность проявлялась далеко въ меньшей степени; ибо на каждую страну смотрѣли какъ на отдѣльное государство, которое старательно изучали во всѣхъ направленіяхъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться тѣми ея средствами, которыя могли привести ее къ самому большому могуществу.

¹ Писателей семнадцатаго столѣтія отчасти несправедливо укоряютъ въ небрежности, съ какою они смѣшиваютъ понятія объ элементахъ богатства, которые они старались различать. *Сокровищами* они называли драгоцѣнные металлы, *богатствами*—комфортъ и удобства жизни.

² Объ отношеніи государственнаго богатства къ военной силѣ, сравн. R. Egenburg, *Das Zeitalter der Fugger*, I. 9.

³ Это замѣчаніе, разумѣется, надо понимать съ ограниченіемъ; весьма вѣроятно, что въ Британіи поощряли разведеніе пшеницы для продовольствія; точно такъ же въ этой странѣ ввели разведеніе плодовыхъ деревьевъ и породъ скота. Можно еще напомнить, что Юстиніанъ ввелъ въ Сиріи культуру шелка. Въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ дѣла въ провинціяхъ находились въ самомъ лучшемъ положеніи, но *coloni* были разорены, грабежи въ провинціяхъ представляли нерѣдкое явленіе. Cf. Juvenal, *Sat.* VIII. 87 seq.

Образованіе національностей представляет медленный процесс протянувшійся до нашего времени, когда образованіе единой Италіи и единой Германіи впервые дало возможность каждой изъ нихъ формулировать и стараться примѣнить политику экономического устройства и расширенія. Англія, вслѣдствіе своего ограниченнаго островнаго положенія ¹, была первой страной въ Европѣ, которая организовала свою политическую и экономическую жизнь на національной основѣ. Признаки обдуманной экономической системы, общей для страны, можно замѣтить ранѣе того замѣчательнаго года, когда Эдуардъ I созвалъ первый парламентъ и утвердилъ *Торговый уставъ*. Но, хотя ясно отмѣчается такое различіе во времени, когда различныя европейскія страны входили въ эту фазу развитія, тѣмъ не менѣе его можно разсматривать какъ общее движеніе, поочередно охватывавшее каждую изъ нихъ. Опреѣленная форма политики удобная для одной страны не годилась для другой, но во всѣхъ случаяхъ сказывалось стремленіе достигнуть одной и той же цѣли и утилизировать истѣчники богатства страны такимъ образомъ, чтобы они могли усилить ея могущество. Такое движеніе особенно замѣтно въ реформаціонный періодъ, когда распаденіе Христіанства пробудило въ различныхъ націяхъ болѣе острое чувство независимости и новые мотивы для соперничества; политика правительствъ стала благопріятной для погони за богатствомъ, этой выдающейся чертой современнаго общества, столь противоположной обществу начала среднихъ вѣковъ, и столь отличающей нынѣшній западный міръ отъ неподвижныхъ народовъ Востока. Однако же только въ семнадцатомъ столѣтіи обнаружились въ ясномъ свѣтѣ дѣйствіе и вліяніе этой фазы экономического стрѣя; они нашли свое полное изображеніе въ той странѣ, которая въ то время была несомнѣннымъ вождемъ европейской политики. Французская монархія при Людовикѣ XIV своимъ блескомъ способна была наводить страхъ на сосѣдніе народы, и она доказала мудрость государственнаго управленія, которое вновь создало земледѣліе и промышленность, послѣ опустошенія, причиненнаго религіозными войнами.

75. Интеллектуальный прогрессъ восемнадцатаго столѣтія

¹ Cunnigham an Mc Arthur *Outlines of English Industrial History*, стр. 24.

былъ весьма замѣчательнѣ; онѣ положилъ начало поразительнымъ экономическимъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ послѣдніе сто пятьдесятъ лѣтъ. Обѣ этой эпохѣ мы можемъ говорить, какъ о вѣкѣ изобрѣтеній; ибо, хотя человѣческая изобрѣтательность не была ограничена однимъ какимъ-нибудь періодомъ, но восемнадцатый вѣкъ сильно подвинулъ впередъ физическія и химическія науки, а также создалъ экономическія и социальныя условія, при которыхъ это новое знаніе физическихъ силъ могло найти практическое примѣненіе. Доменная печь, паровая машина, самодѣйствующая прядильная машина и такой же ткацкій станокъ произвели въ промышленной жизни даже болѣе выдающійся переворотъ, чѣмъ тѣ перемѣны въ торговлѣ, которыя слѣдовали за вѣкомъ географическихъ открытій.

Вѣкъ изобрѣтеній и общее примѣненіе капитала.

Дѣйствительно, кажется, что вѣкъ открытій съ его исканіями сокровищъ необходимо долженъ былъ предшествовать, чтобы сдѣлать возможнымъ появленіе вѣка изобрѣтеній. Искатели приключеній на морѣ открыли отдаленные рынки для европейской торговли и дали возможность дѣловымъ людямъ заниматься производствомъ въ большихъ размѣрахъ и ввести дорогія машины. Тѣ же открытія доставляли матеріальныя средства, способствуя запасу богатствъ, которыя можно было утилизировать какъ капиталъ ¹. Вопреки строгимъ постановленіямъ испанцевъ, драгоцѣнные металлы, которые вывозились изъ новаго свѣта, не могли тщательно сохраниться въ государственной казнѣ; слитокъ нашелъ свой путь въ обращеніи и перешелъ изъ государственнаго казначейства въ частныя руки, гдѣ онѣ служилъ болѣе полезнымъ цѣлямъ, такъ какъ его утилизировали въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ. Мы уже видѣли, что расточительность была одною изъ причинъ паденія Рима; и постоянныя жалобы на недостатокъ капитала и на запоздалое развитіе англійской промышленности служили предметомъ памфлетовъ англійскихъ писателей семнадцатаго столѣтія. Повидимому эти жалобы были весьма основательны, такъ какъ многія человѣческія изобрѣтенія безъ сомнѣнія утрачены для міра, за недостаткомъ ма-

¹ Cunningham, *Growth of English Industry*, II, стр. 14.

теріальнихъ средствъ для успѣшнаго примѣненія опыта на практикѣ. Образование капитала и облегченіе кредита въ восемнадцатомъ столѣтіи сильно способствовали уничтоженію этихъ препятствій для прогресса. Затрата и рискъ при введеніи машиннаго прядильнаго производства только тогда могли найти предпринимателей, когда въ рукахъ предпріимчивыхъ людей оказалось изобиліе капитала и когда открылся доступъ ко многимъ отдаленнымъ рынкамъ, которые позволяли надѣяться на сбытъ продуктовъ.

Скопленный въ большихъ массахъ капиталъ и поиски за помѣщеніемъ его съ достаточной прибылью также были главными двигателями распространенія западной цивилизаціи по всему земному шару. Благодаря предпріимчивости англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, проложены желѣзныя дороги, учреждены въ отдаленныхъ частяхъ стараго свѣта факторіи; въ тоже время новый свѣтъ опередилъ насъ, не только изобрѣтательностью американскихъ предпріятій, но и громадными размѣрами, въ которыхъ она проявлялась. Японія заразилась этой лихорадкой и подражаетъ культурѣ европейскихъ народовъ. Личный и компанейскій капиталъ съ его необыкновенною текучестью и переносная сила искуснаго труда и продуктовъ труда распространяють позднѣйшіе результаты нашего матеріальнаго прогресса между дикими и полудицилизированными народами. Мы могли бы продолжать торговлю съ ними, какъ торговали компаніи семнадцатаго столѣтія, но эти сношенія оказывали на нихъ мало вліянія; западные же капиталисты, вводя новыя изобрѣтенія, произвели, къ добру или къ худу поразительныя измѣненія въ соціальныхъ условіяхъ каждой страны, въ которую они проложили себѣ путь.

Такимъ то образомъ распространяется Западная Цивилизація, дѣйствуя на жестокомъ поприщѣ добычи. Ея выдающіяся черты, — поработеніе силъ природы и необыкновенная легкость въ добываніи матеріальнаго богатства, — обусловливають другъ друга; ихъ переживаніе обезпечено, онѣ вынуждены найти доступъ въ каждую страну и заставляютъ общество приспособиться къ нимъ. Въ этомъ и заключается опасность; въ нашемъ изумленіи передъ всѣми чудесами новой цивилизаціи мы можемъ прійти къ тому, что станемъ смотрѣть на матеріальный прогрессъ какъ на цѣль саму по себѣ, и забыть объ идеалахъ чело-вѣческаго общества и индивидуальной жизни, которые явля-

ются самыми драгоценными земными дарами. Дѣйствительно будетъ грустно, если, увеличивая благоприятныя условія, которыя могли бы способствовать культивированію истинно городской жизни, мы потеряемъ силу и желаніе достойно пользоваться этими условіями.

76. Предыдущіе параграфы быть можетъ служили не только указаніемъ на существующее различіе между цивилизаціей древняго міра и цивилизаціей среднихъ вѣковъ и новаго времени, но и выяснили основаніе, принятое для подраздѣленія слѣдующихъ страницъ. Было три великихъ стадій прогресса: познаніе человѣкомъ *самого себя*, своего *міста* въ мірѣ и своихъ *силъ*; и каждая изъ нихъ оказывала очень важное вліяніе на промышленную и торговую жизнь. Подъ вліяніемъ христіанскаго ученія люди достигли новаго пониманія долга и мы можемъ прослѣдить дѣйствіе этихъ идей въ установленіяхъ христіанства, при чемъ онѣ наиболѣе были выражены во время Людовика Святого. Затѣмъ, когда наступилъ періодъ открытій и *понятія* людей о землѣ и представляемыхъ ею возможностяхъ внезапно расширились, мы находимъ вліяніе этого новаго знанія не только въ расширеніи торговли, но и въ національной экономической политикѣ, типичный примѣръ которой представляетъ Франція при Людовикѣ XIV. Наконецъ съ вѣкомъ изобрѣтеній наступило усиленное ознакомленіе человѣка съ физической природой въ связи съ исключительно благоприятными случайностями для примѣненія этого знанія къ практическимъ цѣлямъ; англичане выдвинулись первые не только какъ изобрѣтатели, но и какъ пионеры въ дѣлѣ распространенія и примѣненія новой индустріи, а также въ дѣлѣ организаціи ея во всемъ свѣтѣ. Въ продолженіе каждаго изъ этихъ трехъ періодовъ вниманіе сосредоточивалось поочередно на одной изъ потребностей производства. Въ средневѣковомъ христіанствѣ мы находимъ установленія для урегулированія труда; фаза національно-экономической политики главнымъ образомъ обращала вниманіе на развитіе земельныхъ владѣній; въ новое же время мы наблюдаемъ замѣчательные результаты утилизаціи капитала.

**Подраздѣленія
содержанія
этой книги.**

КНИГА IV

ХРИСТИАНСТВО.

ГЛАВА I.

Основы общества.

**Обезпеченіе
труда и пред-
пріятія нрав-
ственнымъ ав-
торитетомъ.**

77. Мы привыкли разсматривать различные политическіе организмы, какъ здоровые или больные, смотря потому на сколько успѣшно они содѣйствовали охраненію личности и собственности. Такой взглядъ примѣнимъ не только къ высшей цивилизаціи, но и къ первобытнымъ народамъ; ибо тамъ гдѣ господствуетъ постоянная необезпеченность, едва ли возможно обществу продолжать свое существованіе, и едва ли можно надѣяться на какое-либо увеличеніе матеріальнаго богатства. Рачительность въ трудѣ и предприимчивость въ дѣлахъ замедляются, если люди будутъ имѣть мало надежды получить вознагражденіе за свой трудъ или пользоваться тѣмъ, что они приобрѣли. Для 'прогресса необходимо, чтобы общество было защищено какъ отъ нападеній извнѣ, такъ и отъ его внутренняго безпорядка.

Въ стремленіи къ достиженію этихъ цѣлей люди не всегда руководились одинаковыми принципами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно было воспользоваться преимуществами географическихъ условій, которыя могутъ служить серьезнымъ препятствіемъ для непріятельскаго нашествія, хотя и не могутъ обезпечить полной безопасности и не представляютъ гарантіи для внутренняго благосостоянія. Тиръ въ теченіе столѣтій сохранялъ свою независимость, но его преуспѣяніе было поколеблено революціонными взрывами. Повидимому, сильная военная орга-

низация могла бы удовлетворять обѣимъ этимъ цѣлямъ, какъ это и было нѣкоторое время въ Римѣ, но сама армія можетъ сдѣлаться опасною для гражданскихъ учрежденій, особенно если утрачено общественное чувство долга или ослаблена связь дисциплины. Самая дѣйствительная защита общества основана на вліяніи нравственнаго авторитета; и на него тѣмъ болѣе можно положиться, чѣмъ сильнѣе вѣра въ то, что право и несправедливость въ государственныхъ дѣлахъ обусловлены чѣмъ то болѣе глубокимъ, чѣмъ одною только выгодною. Это болѣе или менѣе чувствовалось во многихъ государствахъ и особенно ясно выражено въ средневѣкомъ христіанствѣ. Право подкрѣплять всемогущество Божьей воли, какъ верховной надъ всѣми людьми¹, простымъ обращеніемъ къ человѣческой совѣсти подчиниться этой Волѣ, представляетъ самую сильную позицію, какую только можетъ занять авторитетъ человѣка. Такое убѣжденіе въ божественномъ полномочіи можетъ придавать правителямъ достоинство и мужество, которые производятъ сильное впечатлѣніе на людей не принадлежащихъ къ этому обществу, и сообщать имъ силу характера, внушающую уваженіе.

Нравственный авторитетъ рѣдко пытался обходиться безъ всякой внѣшней поддержки. Св. Колумбанъ и его монахи на своемъ островѣ довольствовались защитой, которую давало для нихъ море. Могутъ представляться многіе случаи призыва арміи на борьбу за право, но тайна успѣха заключается не въ этихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но во вдохновляющихъ идеяхъ. Требованіе подкрѣпить право есть лучшая основа гражданскаго авторитета, и признаніе этого требованія подданными служить достаточной причиной ихъ законнаго повиновенія. Когда христіанство было постепенно принято, то вмѣстѣ съ его новыми воззрѣніями на человѣческую природу и ея отвѣтственность возникло огромное вліяніе тѣхъ, кому была дана власть говорить именемъ Бога и предупреждать неповинуящихся объ опасности навлечь на себя божеское наказаніе въ этой или въ будущей жизни. Духовная власть по-

¹ Этотъ принципъ имѣетъ одинаковое значеніе какъ для магометанъ, такъ и для христіанъ. Онъ беретъ свое начало въ іудействѣ. Язычество, съ его мѣстными культами, не могло дать общей религіозной основы для нравственныхъ принциповъ, какъ одинаковой связи всѣхъ людей. Объ экономическомъ значеніи этого вѣрованія см. *The Duke of Argyle, Unseen Foundations*, 192, 219.

своеянно оказывала покровительство и помощь личности и собственности; и ею пользовались, чтобы ограничить частыя войны и смягчить их жестокость ¹, ибо война была тогда главнымъ источникомъ социальнаго неустройства, между тѣмъ, какъ требовавшіяся условія для владѣнія и охраны церковной собственности благопріятствовали усиленію владѣтельныхъ правъ духовенства ² и помогали установить законныя формы, опредѣлявшія права собственности и ея передачу.

Притязаніе римскаго епископа говорить съ авторитетомъ именемъ Бога и провозглашать абсолютную истину было признано всюду въ средніе вѣка, въ тринадцатомъ столѣтіи; религіозными идеями были проникнуты все гражданскія установленія; и сила духовныхъ запрещеній сказалась въ униженіи императора Генриха IV въ Каноссѣ. Папскій авторитетъ выросъ на слабыхъ основахъ; и мы должны весьма тщательно изучить его, чтобы увидѣть, какимъ образомъ въ дѣйствительности проявилось его вліяніе. Язычники, разбиравшіе императорскія войска, имѣли мало причинъ уважать духовныя установленія; но даже въ самыя темныя времена мы можемъ замѣтить какимъ образомъ вмѣшательство личнаго вліянія того или другаго епископа останавливало на мгновеніе потокъ нашего дѣянія, или облегчало участь его подданныхъ и, такимъ образомъ, способствовало сохраненію нѣкоторыхъ элементовъ древней цивилизаціи. Кромѣ этого вліянія личнаго характера, было также корпоративное религіозное вліяніе, которое мы рассмотримъ дальше ³; индивидуальная власть людей проявлялась въ сохраненіи нѣкоторыхъ остатковъ стараго порядка, корпоративная же религіозная жизнь много способствовала къ созданію новой цивилизаціи. Этотъ религіозный энтузіазмъ давалъ возможность монахамъ на Западѣ быть піонерами въ дѣлѣ обращенія такихъ областей, которыя, казалось, были утеряны навсегда. Отдѣльныя дѣянія христіанъ и христіанскихъ общинъ служили фундаментомъ, на которомъ разрослось впослѣдствіи далеко распространившееся вліяніе папства.

¹ Bethune Baker, *Influence of Christianity on War*, 87, 118. Semichon, *La Paix et la Trêve de Dieu*. Lecky, *History of European Morals from Augustus to Charlemagne* II. 274.

² Cunningham, *Growth of English Industry*, I. 68.

См. ниже, стр. 34.

78. До насъ дошло много прекрасныхъ легендъ о геройскихъ поступкахъ епископовъ при заступничествѣ ихъ въ дѣлѣ защиты своихъ городовъ, главнымъ образомъ, во время нашествія гунновъ. Неукрѣпленный городъ Труа былъ окруженъ толпой обманутыхъ отступавшихъ солдатъ, которые требовали добычи, но св. Lupus убѣдилъ Атилу увести его войска до грабежа ¹. Позднѣе тотъ же завоеватель, въ моментъ нерѣшительности, уступилъ ходатайству другого епископа. „Во время этихъ сомнѣній и размышлений Атилы, передъ нимъ величественно предсталъ Леонъ, ² человекъ святой жизни, съ твердой волей и неустрашимой храбростью, — что несомнѣнно почувствовалъ Атила, въ первые минуты ихъ свиданія, — кромѣ того Леонъ занималъ высокій санъ, уважаемый всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Варваръ былъ покоренъ его чарами, такъ же какъ чарами Lupus'a въ Труа, и по преданію, которое не вполне достоверно, шутиливо извиняясь въ непривычномъ своемъ смиреніи, сказалъ, что онъ умѣлъ побѣждать людей, но левъ и волкъ (Leo и Lupus) научились побѣждать его“. Подобный же примѣръ героизма епископовъ представляетъ св. Ананій въ Орлеанѣ ³, въ то время какъ бѣдствія провинцій смягчались также вліяніемъ, какое оказывали на дикихъ завоевателей епископы ⁴ или такія частныя лица, какъ св. Северинъ (S. Severinus of Noricum) ⁵. Отвѣтственность, которую брали на себя епископы въ дѣлѣ возбужденія успѣшнаго сопротивленія, можно наблюдать какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ ⁶, въ то время какъ оставшееся въ живыхъ несчастное населеніе искало въ епи-

Личное вліяніе и официальное положеніе епископовъ въ ихъ сношеніяхъ съ язычниками варварамъ.

¹ Hodgkin, *Italy and her Invaders*, II, 122, 451 г.

² Hodgkin, II, 161, 452 г.

³ Hodgkin, II, 119, 451 г.

⁴ Справ. вліяніе Avitus'a, епископа въ Вѣнѣ (400 — 523 гг.) и Cesarius'a арльскаго (502—542 г.) во время перехода Арля отъ бургундцевъ и готовъ подъ власть франковъ.

⁵ Hodgkin, II, 514 (453—482 г.).

⁶ Справн. вліяніе гераклійскаго епископа въ Македоніи на заключеніе мирнаго договора съ Теодорихомъ (Finlay, *Greece*, I. 170). Въ Θεσσαλονικιαхъ населеніе настаивало на передачѣ городскихъ ключей преторіанскими префектами архіепископу. (Bury, *Later Roman Empire*, I. 267). Въ этомъ отношеніи замѣчательное исключеніе представляетъ предательство епископа Маргуса гуннамъ (Bury, I. 164).

скопствахъ защиты отъ угнетенія варваровъ ¹ и императоровъ ².

Такой взглядъ на благотворное вліяніе епископальнаго строя становится болѣе вѣроятнымъ, если обратить вниманіе на то, что многіе изъ германскихъ городовъ, имѣвшихъ право претендовать на свое непрерывное существованіе съ римскихъ временъ, были древними епископальными центрами ³. Кельнъ, Триръ, Мецъ, Майнцъ, Шпейеръ, Вормсъ и Страсбургъ суть древніе *civitates* ⁴, которые, повидимому, имѣли непрерывную церковную исторію ⁵, хотя это, кажется, не имѣло вліянія на ихъ гражданское управленіе. Археологическіе ⁶ остатки въ нѣкоторыхъ французскихъ городахъ показываютъ, что римскіе *civitates* въ Галліи, не раздѣлили судьбы британскихъ ⁷, которые перестали существовать, какъ населенныя мѣста.

Кромѣ того, необходимо вспомнить, что такое успѣшное вмѣшательство въ защиту безопасности города распространялось не только на мѣсто, заключенное въ его стѣнахъ, но также и на всю окружающую территорію; ⁸ и границы такихъ діоцезовъ

¹ Kemble (*Saxons in England*, II. 375, 393) обращаетъ вниманіе на такую же дѣятельность епископовъ въ Англіи.

² Finlay, *Greece*, I. 202.

³ Съ другой стороны въ Англіи большая часть городовъ возникла вокругъ аббатствъ или замковъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, подобно Іорку, *civitas* занималъ мѣстоположеніе англійскаго города, не было непрерывной церковной исторіи; Винчестеръ не представляетъ исключенія въ этомъ отношеніи.

⁴ Hegel, *Entstehung des deutschen Städtewesens*, стр. 3. Rietsche, *Die Civitas*, 33.

⁵ Rietschel, *op. cit.* p. 51.

⁶ Во многихъ французскихъ городахъ мѣсто, окруженное развалинами римскихъ стѣнъ, представляло ясно опредѣленный и отдѣльно управляемый участокъ, извѣстный какъ городъ; это мѣсто было центромъ, вокругъ котораго позднѣе сформировались предместья. Du Cange, *Glossarium* s. v. Burgus. Pirenne, въ *Revue historique*, LVII. 60. Flach, *Le origines de l'ancienne France*, II. 237, 239, 245.

⁷ Средневѣковые города въ Англіи, возникшіе среди развалинъ римскихъ городовъ, вообще занимали нѣсколько иное мѣстоположеніе и представляютъ значительное отклоненіе отъ главныхъ торговыхъ путей. Chisholm, *Journal of Royal Geographical Society* (1897) X. p. 512. Винчестеръ, повидимому, представляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи.

⁸ Hegel, *Geschichte der Stadtverfassung von Italien*, II. 347 Терминъ *civitas* можетъ быть примѣненъ къ понятію объ епархіи епископа. Rietschel, *Die Civitas* 21, 59. Многіе римскіе города имѣли земли, которыя снабжали ихъ съѣстными припасами. Pardessus, *Lex Salica*, App. VIII, p. 544

средневѣковой Франціи, какъ Турень и Перигоръ, какъ бы увѣковѣчиваютъ древнее гражданское подраздѣленіе ¹ и отмѣчаютъ территорію, которая раздѣляла счастливую участь епископальныхъ епархій Тура и Перигѣ.

Такимъ образомъ, когда епископы старались защищать свои города отъ грабежа, они въ то же время создавали благоприятныя условія для торговли внутри городскихъ стѣнъ. Есть серьезныя основанія думать, что епископы принимали дѣятельное участіе въ регулированіи коммерческой и промышленной жизни въ своихъ діоцезахъ. Намъ извѣстно, что этотъ трудъ былъ формально возложенъ на восточныхъ епископовъ и потому едва ли подобныя обязанности не практиковались и на Западѣ ². Епископы принимали участіе въ провѣркѣ денегъ, израсходованныхъ на общественныя работы ³, въ надзорѣ за продажей продовольственныхъ припасовъ ⁴ и въ контролированіи чрезмѣрныхъ прибылей христіанскихъ купцовъ ⁵. Обыкновенно предполагали, что епископы занимали должность защитника города *Defensor civitatis* ⁶, то-есть одну изъ главныхъ гражданскихъ должностей и что на ихъ отвѣтственности лежало храненіе городскихъ грамотъ (*gesta*); и хотя не видно, чтобы какой-либо епископъ занималъ этотъ постъ, ⁷ однако, весьма вѣроятно, что епископы вообще оказывали господствующее и всестороннее вліяніе на жизнь этихъ борющихся городовъ ⁸. Совершенно невѣроятно, чтобы города Франціи сохранили ненарушенной традицію въ системѣ гражданского управленія ⁹,

¹ Здѣсь представляется другой поразительный контрастъ съ Англіей. Церковное раздѣленіе Англіи не имѣетъ яснаго отношенія къ гражданскому дѣленію Римской Британіи. Во Франціи Меровинговъ приходъ (*gau*) совпадалъ съ границами діоцеза даже тогда, когда тамъ не было римской *civitas*, какъ это было въ Шалонѣ и въ Маконѣ. Rietschel, *Die Civitas*, 26.

² Срав. торговыя льготы, которыхъ добился епископъ Patiens въ Лионѣ для продовольствія населенія въ Овернѣ, въ 474 г. Hodgkin II. 4 488.

³ *Codex Justin.* I. 4, 26, sec. 2.

⁴ *Digest*, L. 4, 18, 7.

⁵ *Codex Justin.* I. 4, 1.

⁶ Houdoy, *Droit Municipal* (1876). 650.

⁷ Chénon *Etude historique sur le Defensor Civitatis* въ *Nouvelle Revue historique de Droit*, XIII. (1889), стр. 555.

⁸ Fustel de Coulanges, *Institutions politiques, L'invasion germanique* (1891), 70. Hegel, *Städte und Gilden* (1895), стр. 14.

⁹ Вліяніе христіанства сильно способствовало паденію системы управленія при помощи *civiales* (Fustel de Coulanges, *Institutions*

но съ другой стороны весьма возможно, что многіе изъ городовъ продолжали оставаться густо населенными во весь періодъ варварскаго завоеванія и что экономическая жизнь нѣкоторыхъ стойко сохранилась. Если какіе-либо элементы древней администраціи пережили нашествіе франковъ, то своимъ сохраненіемъ они не въ малой степени обязаны личному характеру и существенному вмѣшательству епископовъ ¹.

79. Оцѣнить точные результаты христіанской вѣры, поскольку она вдохновляла людей на сопротивленіе язычникамъ-варварамъ, не легко, но еще болѣе трудно оцѣнить вліяніе религіи, какъ задерживающаго элемента, при перемѣнѣ поведенія варваровъ обращенныхъ въ христіанство. Разумѣется мы можемъ понять, что Теодорихъ Великій сознательно желалъ сохранить римскія учрежденія и администрацію. Живя какъ христіанинъ въ границахъ имперіи, онъ изумлялся ея великимъ преданіямъ и пытался воспользоваться мечами своихъ остготовъ для предохраненія ея отъ вѣющаго и внутренняго упадка. Оставшіеся въ Равеннѣ великолѣпные памятники свидѣтельствуютъ о величіи его народа, пока онъ существовалъ, и представляютъ глубочайшій интересъ; но королевства готовъ исчезли такъ внезапно и такъ всецѣло, что можетъ возникнуть сомнѣніе, принимали ли они какое-нибудь участіе въ развитіи западной цивилизаціи. Хотя мы не можемъ подробно опредѣлить ни одного элемента, происхожденіемъ котораго мы были бы обязаны Теодориху, тѣмъ не менѣе, существуютъ два основанія, заставляющія обратить вниманіе на его королевство, по крайней мѣрѣ, какъ на переходную форму. Устройствомъ хорошаго управленія въ Италіи онъ создалъ благопріятныя условія для продолженія существованія традицій римской администраціи, ² и насколько возможно

Сдерживающее вліяніе на обращенныхъ въ христіанство варваровъ — Теодорихъ. Остготы.

politiques, L'invasion germanique (1891), 35] и тщательное изслѣдованіе Hegel'я показываетъ, что въ Италіи во всякомъ случаѣ городскія учрежденія были въполнѣ преобразованы въ промежутокъ между временемъ императоровъ и средними вѣками (*Städteverfassung von Italien*, I. 199); см. также Flach, *op. cit.* II. 236.

¹ Насколько заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство современнаго панегирика, интересно сравнить Fortunatus, *Opera Poetica* въ *Mon. Germ. Hist. Auctorum Antiquis-simorum*, IV, part. I.

² Обезпеченная такимъ образомъ безопасность создавала благопріятныя условія для переживанія въ Италіи многихъ император-

облегчалъ переживаніе подобныхъ учреждений во Франціи и въ другихъ мѣстахъ. Однако, есть болѣе существенная причина, заставляющая обратить особенное вниманіе на его царствованіе; письма Кассіодора, его секретаря, представляютъ цѣнное собраніе государственныхъ документовъ, которые разъясняютъ принципы государственной политики, характеризующіе его благотворное управленіе. Весьма возможно, что они оказали болѣе чѣмъ временное дѣйствіе; Кассіодоръ своимъ примѣромъ и вліяніемъ далъ новое направленіе монашеской жизни и положилъ начало любви къ наукѣ, которою отличались столь многіе бенедиктинцы. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что его политическіе идеалы помогли возникнуть тѣмъ принципамъ, при помощи которыхъ западные монахи оказывали вліяніе на отдаленныя государства, гдѣ они поселялись; по крайней мѣрѣ, замѣчательно, что мы находимъ въ корреспонденціи Кассіодора ясныя предвидѣнія тѣхъ экономическихъ началъ, которыя господствовали во всѣ средніе вѣка. Эти далеко распространяющіеся результаты нѣсколько проблематичны, но вліяніе христіанства на дѣятельность Теодориха сказывается совершенно ясно. Мы можемъ видѣть, что съ одной стороны, излюбленныя имъ политическія цѣли совершенно согласовались съ христіанскимъ ученіемъ и его христіанское воспитаніе давало ему возможность принять ихъ, а съ другой, сравнивая его адми-

скихъ и гражданскихъ учреждений, слѣды которыхъ въ противномъ случаѣ могли бы исчезнуть. Письма Кассіодора заключаютъ въ себѣ много замѣчаній о системѣ фиска (Cassiodorus *Variae*, XI, 7) и показываютъ, что оцѣнка земли (*Ib.* III, 52) и взиманіе поземельнаго налога (*census*) составляли обычную операцію. Почтовая служба также сохранялась (*Ib.* I, 29), торговыя льготы сдѣлали возможнымъ снабженіе Рима провизіей изъ самыхъ отдаленныхъ областей (*Ib.* I, 35). Въ городахъ также было обращено вниманіе на исправленіе и сохраненіе водопроводовъ (*Ib.* III, 31, V, 38), на укрѣпленія и другія общественныя работы (*Ib.* I, 25; III, 29, 30, 44, 48, 49); въ то же время очевидно, что организація земледѣльцевъ въ *корпораціи* (*collegia*) пережили въ большей части городовъ Италіи до болѣе поздняго времени. Повидимому, документально доказано, что тамъ существовали ассоціаціи рыбаковъ и купцовъ въ Равеннѣ въ 943 и 953 г. послѣ Р. X. (Fantuzzi, *Monumenta Ravennitica* t. IV, 174 и t. I, стр. 133 и 227, какъ его цитируетъ Levasseur, *Histoire des Classes ouvrières*, I. 124). Hegel, который доказывалъ полное разрушеніе древняго гражданскаго управленія, допускаетъ вѣроятность переживанія торговыхъ обществъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи (*Städteverfassung*, I. 196), а также въ Римѣ (*Ib.* I. 255, II. 298); см. еще Rodonachi (*Corporations ouvrières à Rome*, preface, VIII), гдѣ переживаніе представляется сомнительнымъ.

нистрацію съ администраціей императорской системы, мы замѣтимъ различіе въ подробностяхъ, которое является слѣдствіемъ христіанскаго вліянія.

Въ болѣе раннихъ письмахъ Кассіодора мы можемъ прослѣдить идеалы Теодориха, какъ они были обрисованы его секретаремъ. Основною цѣлью всей его системы было сохраненіе закона и порядка (*civilitas*). Этотъ идеаль былъ выраженъ скорѣе въ философской, чѣмъ въ религіозной формѣ, какъ нѣчто такое, что апеллировало къ чистой справедливости ¹ и благу подданныхъ; но въ практическомъ отношеніи это былъ тотъ же общественный договоръ, которымъ епископы Галіи старались обезпечить себя въ борьбѣ съ язычниками франками. Въ итальянскомъ королевствѣ были употреблены большія усилія, чтобы доставить благо хорошаго управленія двумъ отдѣльнымъ расамъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою собственную исторію, свою національную гордость, свою духовную систему и свои обычныя чувства. То, что такая проблема была смѣло поставлена и на время разрѣшена съ значительнымъ успѣхомъ, служить блистательнымъ доказательствомъ государственной мудрости Теодориха и его министровъ, даже если ихъ мѣры не всегда способствовали постоянному разрѣшенію трудности положенія.

Происхожденіе и воспитаніе Теодориха подготовили его къ такимъ попыткамъ; онъ слишкомъ гордился своей расой и своимъ королевскимъ происхожденіемъ, чтобы добровольно занять хотя бы и высокое, но подчиненное положеніе въ Имперіи; онъ такъ глубоко проникся своимъ величіемъ въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія отрокомъ въ Константинополѣ, что не желалъ лишиться его; онъ уважалъ и сохранялъ римскіе законы и администрацію. Подобно Атольфу онъ, повидимому, сознательно стремился къ сохраненію своего древняго государства съ его законами и къ возстановленію римскаго могущества силою оружія готовъ, но безъ всякаго намѣренія уничтожать готскія имперскія и гражданскія установленія ². Такая попытка никогда не могла бы придти въ голову языческаго завоевателя ³; и если бы не обращеніе въ христіанскую вѣру

¹ Cassiodorus, *Variar.* IV. 33.

² Orosius VII. 43. Hodgkin, *Italy*. 822, III. 249.

³ Hodgkin замѣчаетъ, что многія изъ этихъ намѣреній Теодориха оскорбляли чувства готовъ. *Italy*, III. 245.

готовъ, то она не могла бы имѣть даже временнаго успѣха. Въ концѣ концовъ побѣдители и побѣжденные одинаково признали христіанство, и хотя они отличались по своимъ теологическимъ воззрѣніямъ ¹, но у нихъ была общая точка зрѣнія на политическую правду и несправедливость. Такое положеніе дѣлъ представляло для Теодориха возможность основать государство, въ которомъ готскіе воины и римскіе подданные жили вмѣстѣ, сохраняя каждый свои обычаи и управляясь своими собственными законами. Установленіе гражданскаго закона и порядка было, главнымъ образомъ, необходимо для блага обѣихъ расъ ².

Съ цѣлью сохранить эти благопріятныя условія, первой заботой Теодориха было покровительство собственности. Онъ не могъ брать на себя отвѣтственности за зло, причиненное прежде, чѣмъ онъ получилъ власть въ Италіи въ сраженіи при Изонцо; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы обезпечить пользованіе имуществами тѣхъ, которые подпали въ то время подъ его власть ³. Онъ заботился также объ охраненіи пріобрѣтенныхъ правъ даже въ томъ случаѣ, когда злоупотребляли ими; нѣкоторые лица выпустили воду изъ римскихъ акведуковъ и отвели ее изъ города на свои мельницы или сады. Теодорихъ настойчиво запретилъ это въ видахъ общественной пользы и въ то же время повелѣлъ вознаградить тѣхъ, кто могъ доказать право тридцатилѣтней давности ⁴.

¹ Теологическое несогласіе было не безразлично даже въ экономическомъ отношеніи, насколько оно касалось будущаго его развитія. Аріанизмъ стремился только къ деизму и не могъ оказать существеннаго противодѣйствія могометанству. О противоположности между христіанствомъ и магометанствомъ по отношенію къ экономической жизни см. ниже кн. IV. Гл. III.

² Сохраненіе при существовавшихъ условіяхъ мира въ Италіи представляло для гражданскаго правителя болѣе высокій долгъ, чѣмъ сохраненіе истинной религіи; въ королевствѣ Теодориха временно жили вмѣстѣ католики и аріане, пользуясь тѣмъ, что можно было бы назвать совмѣстнымъ учрежденіемъ, и какъ объясняетъ въ своихъ письмахъ Кассіодоръ, такая вѣротерпимость покоилась на здоровомъ смыслѣ, на могуществѣ непоколебимой истины, а также на невозможности заставить вѣрить. Какъ пишетъ Dr Hodgkin, „эта терпимость тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что она не проистекала изъ его индифферентизма къ предметамъ религіозныхъ споровъ“. The letters of Cassiodorus, p. 22. Такое настроеніе ума очевидно всего проявляется въ грамотахъ на привилегіи евреевъ, которымъ въ то же время высказывается порицаніе за ихъ отступничество отъ христіанской вѣры. *Variae*. II. 27, V. 37.

³ Hodgkin, Italy, III. 191.

⁴ Cassiodorus *Variae*, III. 31.

Если мы сравнимъ учрежденія и администрацію этого хорошо устроеннаго королевства съ такими же Римской имперіи, то найдемъ между ними значительную разницу, которую справедливо должно объяснить вліяніемъ христіанства.

Жестокій способъ взиманія податей служилъ поводомъ частыхъ жалобъ въ древней имперіи ¹ и, повидимому, въ этомъ отношеніи было сдѣлано очень мало улучшеній императорской администраціей въ шестомъ столѣтіи. ² Но частыя просьбы о сложеніи податей вслѣдствіе бѣдности плательщиковъ представляютъ характеристическую черту корреспонденцій Кассіодора. Такое же облегченіе было сдѣлано для жителей Апуліи ³, для гражданъ Арля ⁴ и позднѣе для Венеціи ⁵, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими отъ непріятельскихъ нашествій, а въ Лигурии въ виду угрожающаго голода. Было установлено правило, что платежная способность народа служила извѣстной границей требованій государя ⁶; и время отъ времени подати пересматривались и уменьшались, если оказывалось, что они слишкомъ отягощали народъ ⁷. Ясно, что намѣреніе правительства заключалось въ томъ, чтобы обложеніе податю согласовалось съ возможностью земледѣльца жить и преуспѣвать, не лишая его средствъ продолжать свое занятіе ⁸. Это былъ благоразумный принципъ финансовой политики, но императорскіе совѣтники не скоро признали его за таковой; и его благотельное примѣненіе на практикѣ въ всякомъ случаѣ согласовалось съ правилами христіанскаго милосердія.

Повидимому, существовало такое же большое различіе въ способѣ исполненія другого важнаго гражданскаго долга. Во времена Діоклетіана была сдѣлана попытка ограничить выгоды и прибыль торговыхъ посредниковъ установленіемъ максимальной цѣны на хлѣбъ и другіе обыкновенные предметы потребленія, но этотъ эдиктъ прямо отказывается отъ намѣренія устанавливать

¹ Т. I. 176.

² Успѣхъ императорскаго оружія въ Африкѣ, повидимому, сопровождался усиленной алчностью при взиманіи податей. Hodgkin, II. 264.

³ *Variae*, I. 16.

⁴ *Ibid.* III. 39.

⁵ *Ibid.* XII. 7.

⁶ *Ibid.* III. 40, XI. 7. На практикѣ жалобы на платежную неспособность, разумѣется, разслѣдовались *Ib.* VII. 45.

⁷ *Ib.* IX. 10.

⁸ Срав. податныя льготы въ Англіи, въ 1255 году. Cunningham, *Growth of English Industry*, I. 152, 296.

точные продажные цѣны на припасы до тѣхъ поръ, пока они не превышали максимальныхъ цѣнъ, установленныхъ закономъ. Но изъ инструкцій, данныхъ дефенсорамъ (*defensores*), а также изъ случайныхъ сообщеній, мы узнаемъ, что Кассіодоръ иначе понималъ обязанность должностного лица въ этомъ дѣлѣ. Въ употребляемыхъ имъ выраженіяхъ сказывается христіанское понятіе о цѣнѣ, какъ его толковали въ позднѣйшіе вѣка. *Curator* (*Curator*) было приказано назначать „умѣренные цѣны“¹ и не позволять продавцу пользоваться излишними барышами въ торговлѣ, а *defensor* обязанъ былъ устанавливать цѣны для гражданъ „соображаясь съ хорошимъ или плохимъ урожаемъ“². Кроме того, въ неурожайные годы принимались исключительныя мѣры съ цѣлью предупредить скупку и барышничество³; вся эта фразеологія наводитъ на мысль о средневѣковыхъ аналогіяхъ и представляетъ нѣкоторые контрасты съ тѣмъ, что практиковалось въ древнемъ мірѣ. Однако, весьма вѣроятно, что Кассіодоръ только высказалъ тѣ принципы, которые болѣе или менѣе сознательно вліяли на епископовъ при надзорѣ за торговлей хлѣбомъ и другими предметами потребленія⁴.

Такая связь съ древнимъ міромъ и такое сродство съ средними вѣками сообщаютъ особенный интересъ исторіи готскаго королевства; это былъ разумный компромиссъ, но съ слабостью присущей каждому компромиссу. Не было сліянія двухъ расъ на почвѣ Италіи; готы не могли быть приспособлены къ императорской системѣ и не стали патронами и покровителями латинскаго христіанства.

80. Хотя Теодорихъ сдѣлалъ многое для введенія порядка и законности въ своемъ королевствѣ, но онъ имѣлъ мало успѣха въ установленіи мирныхъ сношеній съ сосѣдними государствами. Постоянныя войны были вѣпющимъ зломъ въ шестомъ столѣтіи, и онъ старался ограничить это зло, создавъ систему союзовъ между господствовавшими королевскими домами. Его жена была дочерью короля салійскихъ франковъ. Его сестра была заму-

Обращеніе въ
христіанство
франковъ и при-
знаніе одного
общаго духов-
наго авторитета
въ Западной
Европѣ.

¹ Cassiodorus *Variae*, VII. 12.

² *Ib.* VII. II.

³ *Ibid.* IX. 5. Во времена Зено (*Zeno*) существовалъ также законъ противъ монополіи цѣнъ на товары и синдиката ремесленниковъ. *Codex Justin.* IV. tit. 59, c. 2, sections 1, 2, 3.

⁴ *Corpus juris Civilis Digest* L. tit 4, sec. 18, 7.

жемъ за королемъ вандаловъ, а его дочери были женами бургундскаго и вестготскаго монарховъ ¹. Но созданныя такимъ образомъ семейныя узы не принесли существенной пользы европейскому миру. Не было никакой дѣйствительной надежды даже во времена Велизарія и Нарсеса на то, что императоръ возвратитъ свою древнюю власть и правительственный авторитетъ надъ западнымъ миромъ. Попытка возстановить императорскую власть послужила къ увеличенію бѣдствій Италіи, и временный успѣхъ Юстиніана только усилилъ эти бѣдствія. Римскій миръ (*pax romana*) не могъ быть вновь установленъ въ провинціяхъ имперіи; но постепенное признаніе духовнаго авторитета, какъ власти, господствующей надъ всѣмъ западомъ, власти, централизованной и усиленной вліяніемъ римскаго епископа, помогало восполнить недостатки гражданскаго управленія. Католическіе епископы съ своимъ политическимъ и социальнымъ вліяніемъ въ ихъ діоцезахъ сдѣлали много для обезпеченія внутренняго мира; вслѣдствіе враждебнаго отношенія готовъ, бургундцевъ и вандаловъ къ аріанскимъ монархамъ, католическіе епископы составили практическій союзъ и эта далеко распространенная власть поддерживалась и укрѣплялась дѣйствіями римскаго престола. Когда крещеніе Клодвигъ и обращеніе франковъ нарушило равновѣсіе теологическихъ идей на западѣ, торжество католической доктрины сообщило рѣшительный импульсъ возрастающей власти перваго епископа латинской церкви. Съ этого времени прогрессивное признаніе одного духовнаго общаго авторитета ² въ западномъ христіанствѣ было обезпечено. Гражданское управленіе, дѣйствовавшее независимо, было не въ состояніи возстановить законъ и порядокъ; но можно было надѣяться, что на нихъ окажетъ лучшее вліяніе содѣйствіе духовной власти.

Весьма важно, что новый авторитетъ былъ духовный и требовалъ послушанія не какъ естественнаго права, но какъ обязанности къ Богу. Онъ провозглашалъ абсолютно справедли-

¹ Hodgkin, *Italy*, III. 321.

² Мы не касаемся здѣсь ни послѣдующихъ усилій оправдать это притязаніе подложными декретами, ни вопроса, о томъ было ли папство съ духовной точки зрѣнія законнымъ развитіемъ христіанской іерархіи, но насъ интересуетъ только фактъ, что авторитетъ былъ признанъ и что это признаніе какого бы ни было общаго авторитета служило для установленія закона и порядка въ христіанствѣ.

вую Волю ¹, обязательную для всѣхъ людей и такимъ образомъ пытался сдержать своеволие императоровъ и монарховъ и то неограниченное управленіе, которое они желали бы ввести. Такое требованіе было весьма ясно формулировано въ столкновеніяхъ по поводу инвеституръ, но практически оно примѣнялось далеко раньше. Когда св. Амвросій настаивалъ, чтобы Феодосій принесъ публичное покаяніе въ преступномъ участіи въ убійствахъ въ Фессалоникахъ, то онъ поддерживалъ принципъ отвѣтственности передъ Богомъ земного правителя за свои дѣйствія, при чемъ служители Бога въ своихъ отношеніяхъ къ королю не должны были обращать вниманія на его санъ ²; Агапетъ (Agapetus) проявилъ такую же непреклонность, отказавшись подчиниться требованіямъ Юстиніана ³. Восточное духовенство не такъ успѣшно сохраняло свое положеніе, хотя и руководилось тѣмъ же принципомъ, и отчасти поэтому играло не столь значительную роль въ исторіи Европы. Какъ духовный глава христіанства, римскій епископъ претендовалъ на всемірную супрематію именемъ Бога; подчиненіе же такому авторитету не имѣло никакого характера рабства или личнаго униженія.

81. Власть главы латинскаго христіанства постепенно возрастала и завершила дѣло объединенія, котораго безуспѣшно старался достигнуть Теодорихъ при помощи родственныхъ союзовъ. Духовный авторитетъ служилъ двумъ цѣлямъ: сохраненію элементовъ римской жизни и преобразованію варварскихъ нравовъ; такимъ образомъ онъ закончилъ сліяніе франкскихъ правителей съ галло-романскими подданными ⁴—цѣль, къ которой остготы

Сліяніе франковъ съ галло-романами.

¹ Кассіодоръ разсматривалъ этотъ предметъ съ философской точки зрѣнія и защищалъ принципъ послушанія на почвѣ чистаго разума. Съ религіозной точки зрѣнія долгъ послушанія основанъ на понятіи о совершенствѣ доброй воли. Христіанство основываетъ всякую гражданскую свободу, на томъ, что только чело-вѣкъ, говорящій именемъ Бога или исполняющій обязанности Его же именемъ, имѣетъ право требовать послушанія. Уступка нѣкоторой доли личной свободы для охраненія собственности есть плохой способъ установленія порядка и законности, но его Локкъ считалъ лучшимъ принципомъ для основанія гражданского управленія. (*Civil Government*, § 123).

² Въ 390 г. См. Hodgkin, *Italy*, I. 533.

³ Въ 530 г. Hodgkin, *Italy*, IV. 91.

⁴ Франки были готовы принять отъ своихъ подданныхъ нѣкоторыя приобрѣтенія ихъ цивилизаціи вмѣстѣ съ ихъ религіей. Но

даже никогда не стремились. Въ законодательствѣ варваровъ мы можемъ прослѣдить, стремленіе при помощи измѣненія древняго обычая разрушить главную преграду, которая раздѣляла двѣ расы, жившія въ одной странѣ и принявшія одну и ту же вѣру. Салическій законъ—этотъ самый ранній латинскій кодексъ обычнаго права франковъ,—охранялъ расовыя отличія, при чемъ налагалось болѣе строгое наказаніе за убійство варвара, чѣмъ за убійство римлянина¹; но, однако, этотъ кодексъ однимъ фактомъ опредѣленія облегчилъ путь постепеннаго подчиненія обѣихъ расъ одинаковой судебной системѣ².

Болѣе яркое доказательство амальгамации двухъ расъ можно видѣть въ общихъ дѣйствіяхъ вождей двухъ партій въ политическихъ дѣлахъ. Уже въ седьмомъ столѣтіи мы находимъ, что франкская аристократія дѣйствовала сообща съ духовенствомъ въ дѣлахъ оппозиціи коронѣ. При заключеніи мира въ Парижѣ въ 614 г.³, каждая изъ этихъ партій получила удовлетвореніе своихъ требованій; франки сопротивлялись захватамъ короны, а духовенство защищало право свободного избранія въ епископствахъ, а также и другія важныя привилегіи. Весь этотъ инцидентъ показываетъ, что духовенство и франкская аристократія приходили къ болѣе тѣсному сближенію.

Франки также сумѣли воспользоваться нѣкоторыми остатками пережившей римской системы управленія, и эти остатки не были такъ незначительны, какъ иногда думаютъ. Дѣйствительно, нѣтъ основанія предполагать, чтобы административная организація оставалась неизмѣнной; или что во времена Меровинговъ тѣ же чиновники съ одинаковою властью отправляли тѣ же обязанности, какъ и ихъ предшественники во времена имперіи. Употребленіе одинаковыхъ названій въ двухъ различныхъ историческихъ періодахъ не даетъ намъ права предпо-

греки восточной имперіи были менѣе способны на уступки варварамъ, здѣсь было менѣе условій, благоприятныхъ для слиянія новаго съ старымъ, и, повидимому, въ этомъ и заключается одна изъ причинъ косности восточнаго христіанства.

¹ *Lex Salica*, XLI. 1, 6, XLII. 4. Pardessus, p. 23.

² Сліяніе уже началось съ тѣхъ поръ, какъ терминъ *ingenium* повидимому относился къ римлянамъ, такъ и къ франкамъ (Pardessus, *Lex Salica*, p. 540). Длинное предисловіе показываетъ, что кодексъ былъ составленъ подъ вліяніемъ христіанства. Pardessus, p. 344.

³ Lavissee et Rambaud, *Histoire Générale*, I. 154.

ложить, что не было измѣненія въ обозначаеваемыхъ ими предметахъ ¹; если разсматривать эти давнопрошедшія времена съ конституціонной точки зрѣнія, у насъ, разумѣется, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно непрерывнаго дѣйствія какой-либо части государственной машины. Но при всемъ томъ, по-видимому, экономическая жизнь осталась нетронутой не только во многихъ городахъ, но и въ обширной области; франкскіе короли старались собирать подати почти тѣмъ же способомъ, какъ собирали ихъ римляне, и удержали древнюю фискальную систему; они наслѣдовали нѣчто большее, чѣмъ простую традицію, и старались пользоваться ею съ наибольшей для себя выгодой.

Ясно только одно, что официальная оцѣнка помѣстій не потеряла значенія и что поземельный налогъ взимался такъ же, какъ и при имперіи ². Августъ ³ произвелъ поземельный кадастръ въ римской имперіи; и народная перепись, возобновляемая по указу каждыя пятнадцать лѣтъ, удержалась на востокѣ, хотя, по-видимому, она не сохранилась во владѣніяхъ франковъ. Франкскіе короли извлекали много свои доходы изъ тѣхъ же источниковъ ⁴. Что и въ древности, и фискальныя обязательства римскихъ землевладѣльцевъ остались какъ наслѣдство отъ императорской системы.

Затѣмъ, такая система обложенія вызывала необходимость удержатъ или организовать систему регистраціи документовъ на право владѣнія. Земли нерѣдко переходили отъ римлянъ къ варварамъ, и тогда возникалъ спорный вопросъ, долженъ ли новый владѣлецъ платить старую поземельную подать, или это новое владѣніе становилось свободнымъ отъ нея, какъ аллодіальная земля (*alleu*), которой онъ пользовался какъ франкъ. Слѣдствіемъ этого явилась систематическая регистрація ⁵ такихъ документовъ, какъ дарственные записи или акты, возстановляющіе потерянные документы. Страна, въ которой сохранилась такая система, не могла вполне перейти въ состояніе варварства.

¹ Dareste de Chavanne, *Histoire de classes agricoles*, 136.

² Dahn, *Zum Merowingischen Finanzrecht* въ *Germ. Abhand. zum LXX. Geburtstag K. von Maurers*, 1893, стр. 336. Pardessus, *Lex Salica*, VIII App. стр. 559 562.

³ Томъ I. стр. 167.

⁴ Fustel de Coulanges, *Institutions; La monarchie franque* (1888), 266.

⁵ Объ одномъ такомъ случаѣ см. у Rocafort, *Paulin de Pella*, стр. 83.

⁶ Chénon *op. cit.* въ *Nouvelle Revue Historique de Droit* (1889), XIII. 527.

Точно также не прекращались исполнѣ и торговыя сношенія ¹; таможенныя пошлины продолжали доставлять доходъ и налоги, въ родѣ тѣхъ, которые взимали римляне ², взыскивались съ водныхъ путей, портовъ и мостовъ. Можно думать, что, благодаря этому, торговля сильно страдала, но нельзя предположить, что она совершенно прекращалась, и могла бы вновь возникнуть изъ тѣхъ ничтожныхъ началъ, на какія указывали ³ древніе англійскіе законы. При такихъ обстоятельствахъ является вѣроятнымъ переживаніе торговыхъ ассоціацій, которыя, какъ говорятъ, непрерывно продолжаютъ свое существованіе со временъ Римской имперіи. Такихъ примѣровъ весьма немного, но вѣроятность этого предположенія доказываетъ существовавшее во времена Тиверія общество *Nautae Parisiani*, которое продолжало организованную торговлю по Сенѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ

Сравнивая условія развитія цивилизаціи въ Англіи и во Франціи, мы видимъ, какое обширное наслѣдство оставила римская жизнь въ континентальной странѣ. Въ Англіи дѣло цивилизаціи заключалось въ измѣненіи варварскихъ нравовъ подъ вліяніемъ христіанства и въ развитіи зачаточной администраціи сознательнымъ подражаніемъ иноземнымъ образцамъ. Здѣсь не было необходимости въ сліяніи двухъ элементовъ, ибо дѣло шло объ одномъ только племени. Въ Галліи же пережило галло-романское населеніе, нравы и обычаи котораго сохранились и къ которымъ должна была приспособляться система ихъ франкскихъ завоевателей.

82. Въ предыдущихъ четырехъ параграфахъ мы пытались показать, какимъ образомъ христіанское ученіе и духовная власть содѣйствовали защитѣ закона и порядка во всей Западной Европѣ, подготавливая такимъ образомъ существенныя условія для матеріальнаго прогресса. Когда мы обратимъ вниманіе на другую сторону религіозной жизни и рассмотримъ результаты основанія монастырей, то увидимъ,

**Экономическое
вліяніе мона-
стырей на зем-
ледѣліе, про-
мышленность,
торговлю.**

¹ Въ шестомъ столѣтіи сохранилась система перемѣнныхъ лошадей для почты. Pigeonneau, *Histoire du commerce de la France*, 1. 59.

² Много такихъ примѣровъ указалъ Pigeonneau, *op. cit.* 1. 63 n.; Fustel de Coulanges, *op. cit.* 247.

³ Cunnigham, *Growth of English Industry*, 1. 128.

⁴ Fagniez, *Etudes sur l'Industrie*, 4. Парижскіе мясники также претендуютъ на свою непрерывную исторію.

что оказанное ими вліяніе имѣло вполне экономическій характеръ. Лучше всего можно понять это, если разсматривать монастыри какъ христіанскія промышленныя колоніи и вспомнить, что они измѣнили форму общества, скорѣе примѣромъ, нежели заповѣдью.

Мы такъ привыкли къ сатирическимъ нападкамъ на монастырскую жизнь, столь распространеннымъ въ реформаціонный періодъ, что можетъ показаться почти парадоксомъ, если сказать, что главная заслуга монашества, вызывающая нашу къ нему признательность, заключается въ томъ, что оно помогало распространять лучшія понятія о долгѣ и достоинствѣ труда. „Монахи“ считали ручной трудъ дисциплиной, помогающей обрѣсти путь къ вѣчному спасенію; такой трудъ не имѣлъ въ виду вознагражденія, такъ какъ продукты этого труда шли или на содержаніе общины, или въ пользу бѣдныхъ; на него такъ же не смотрѣли, какъ на черную работу, которую исполняютъ подъ страхомъ наказанія. Онъ не былъ жадой къ наживѣ, или подневольной службой раба, а простымъ чувствомъ долга, который надо было усердно воздавать Богу. Можно сказать, что на эту сторону монастырской жизни было обращено особенное вниманіе уже въ пятомъ столѣтіи, вслѣдствіе излишествъ и неправильной жизни, которая даже тогда безчестила религіозную профессію ¹. Св. Августинъ настаиваетъ на обязанности честнаго труда; и этотъ элементъ дисциплинированной жизни занимаетъ выдающееся мѣсто въ уставѣ, введенномъ Св. Бенедиктомъ, для руководства монахамъ его ордена ². Позднѣйшая практика, разсматривая письмо и рисованіе какъ ручное ремесло, стремилась сохранить это древнее ученіе, но она ввела въ общину гибельное раздѣленіе занятій; и примѣръ, какой давали монастырскія учрежденія, какъ христіанскія колоніи, становится гораздо менѣе поучительнымъ послѣ десятаго столѣтія ³. До тѣхъ же поръ, можно сказать, монахи давали живое доказательство обязанности труда и установили истинный характеръ и достоинство честной работы ⁴.

¹ S. Augustine, *De op. monach.* c. 36.

² *Reg. S. Benedict*, cap. XLVIII. *De opere manum quotidiano.*

³ Levasseur, *Histoire des classes ouvrières en France.* I. 144.

⁴ Cunningham. *Modern Civilisation*, 201. Это убѣжденіе вмѣстѣ съ требованіемъ уваженія къ жизни и собственности составляютъ основные принципы христіанскаго экономическаго ученія.

Порочность меровингскихъ правителей была такъ велика и очевидна, что мы едва ли можемъ не почувствовать, что ихъ номинальное христіанство было его оскорбленіемъ. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ ихъ исповѣдыванія христіанства имѣлъ реальное значеніе. Франкскіе монархи отличались отъ своихъ саксонскихъ или датскихъ сосѣдей, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что первые способствовали насажденію этихъ христіанскихъ колоній ¹, въ то время, какъ послѣдніе продолжали разрушать ихъ. Каждый разъ, когда во Франціи по какому бы ни было поводу основывался бенедиктинскій монастырь, всегда была необходима извѣстная небольшая территорія, гдѣ и учреждался новый центръ цивилизаціи. Много хорошаго сдѣлали монахи, поддерживая въ темные вѣка любовь къ знанію ²; и легко указать, что ихъ рабочая дѣятельность имѣла огромное вліяніе, какъ элементъ матеріальнаго прогресса и она не мало способствовала распространенію промышленныхъ искусствъ, улучшенію земледѣлія и развитію болѣе правильныхъ торговыхъ сношеній.

Вслѣдствіе плохаго римскаго управленія и нашествія варваровъ, значительная часть гальскихъ земель снова превратилась въ лѣса ³; нужно было употребить много труда, чтобы приспособить эти запущенныя земли для обработки; кромѣ того въ окрестностяхъ основанныхъ монастырей угрожала постоянная опасность отъ нападенія разбойниковъ и даже хищныхъ звѣрей, которые часто навѣщали эти уединенныя мѣста. Каждый изъ бенедиктинскихъ монастырей первоначально былъ образцовой фермой, сохранявшей внѣшность римской виллы ⁴ и занимавшейся земледѣліемъ по принятому старинному способу. Быть-можетъ, не возможно отличить улучшеній въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, сдѣланныхъ монахами отъ тѣхъ, которыя были введены римлянами въ Галліи и Британіи, но по крайней мѣрѣ можно сказать, что, благодаря религіознымъ колонистамъ,

¹ Земельными надѣлами и льготами, освобождавшими отъ налоговъ, правами на судебныя пошлины и на взиманіе податей, Berthelot у Lavissee et Rambeaud, *Histoire général*, I. 339.

² S. R. Maitland, *Dark Ages*, 172.

³ Montalambert, *Monks of the West*. II. стр. 316.

⁴ Paillard de St Aignan, *Changements de l'Etat social en Belgique* въ *Mémoires de l'Académie royale de Bruxelles* (1844), XVI, стр. 68. Описание римской виллы можно найти у Meitzen'a, *Siedelung und Agrarwesen* I. 352.

хлѣбопашество удерживалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему угрожала опасность быть совсѣмъ забытымъ.

Монастырь увѣковѣчилъ традиціи римской виллы не только въ смыслѣ обработки почвы, но и въ смыслѣ промышленной дѣятельности¹. Для преуспѣянія этихъ учрежденій было необходимо, чтобы они насколько возможно могли сами продовольствовать себя и чтобы монахи шили для себя необходимую одежду и исправляли земледѣльческія орудія безъ посторонней помощи. Поэтому аббатъ монастыря былъ обязанъ организовать полезный трудъ, такъ чтобы получались наилучшіе результаты для общины; онъ могъ заставить ремесленника заниматься его мастерствомъ, при чемъ совершенно исключалось понятіе о личномъ вознагражденіи за трудъ, и искусный работникъ не долженъ былъ гордиться своей работой²; всякая работа входила въ кругъ извѣстныхъ обязанностей служенія Господу, исполнявшихся для блага общины въ строгомъ подчиненіи управленію аббата³. Кельтическая традиція, какою мы находимъ ее у С. Колумбана, точно такъ же налагаетъ обязанность упорнаго ручного труда⁴, и основатели преобразованныхъ орденовъ — Систеріанскаго и Картезіанскаго — ревностно преслѣдовали этотъ идеалъ, отъ котораго отклонились Бенедиктинцы⁵.

Наиболѣе яркую картину этой стороны монастырской жизни можно найти въ описаніи монастыря въ Солиньякѣ (Solignac), основаннаго въ 631 году п. Р. Х. св. Элигіусомъ (Eligius), знаменитымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, при помощи его царственнаго повелителя Дагобера. Одно время монастырь заключалъ въ себѣ до пяти тысячъ братьевъ; онъ былъ такъ хорошо организованъ, что руанскій архіепископъ бралъ его за образецъ для другихъ такихъ же учрежденій. Между братьями находилось очень много искусныхъ мастеровъ въ различнаго рода

¹ Levassent, I. 136, которому я обязанъ многими послѣдующими извлеченіями.

² *Reg. S. Benedict*, cap. LVII.

³ J. Cassianus, *De coenobiorum institutis*, IV. Cap. XII.

⁴ См. Lefasseur, I. 138.

⁵ Такъ какъ бенедиктинскіе монахи ограничили свою дѣятельность художественной и литературной работой, то они находились въ зависимости отъ внѣшней помощи для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, и ихъ жилища были ядромъ, вокругъ котораго разрастались города. Lefasseur, I. 141.

ремеслахъ, которые воспитывались, какъ христіане, въ строгомъ повиновеніи ¹. Если вспомнить, какъ легко утрачивалась тайна ручнаго мастерства, тогда нельзя не признать той великой услуги, какую оказывали средневѣковой европейской промышленности эти разбросанные центры, въ которыхъ ненарушимо сохранялась традиція искуснаго труда въ уединеніи монастырской жизни и подъ охраной обѣта послушанія ².

Чѣмъ болѣе монастыри развивали спеціальную промышленную дѣятельность, тѣмъ болѣе у нихъ оставались излишки продуктовъ, которые можно было выгодно продавать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они должны были покупать матеріалы для своей промышленности; и потому весьма естественно, что такимъ образомъ они развивали и коммерческую дѣятельность, и, какъ общины, должны были входить въ постоянныя экономическія сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Это важное дѣло поручали спеціально избираемому съ этой цѣлью чиновнику — *negociator ecclesiae* ³; онъ долженъ былъ руководиться принципами честной торговли, которые заботливо охранялись. „Льготы“, пожалованныя аббатствамъ меровингскими королями, давали возможность монахамъ покупать необходимые для нихъ товары и безпошлинно перевозить ихъ; религіозныя обитатели постепенно развивали свои торговые сношенія и не только покупали для себя, но и вообще вели торговлю въ значительныхъ размѣрахъ. Торговые посредники С. Вандрилля, Жюмьежа и Фекана перевозили большое количество бургундскихъ винъ внизъ по Сенѣ; а Руанъ ⁴ служилъ портомъ, откуда можно было пересылать ихъ за море. Лучшимъ доказательствомъ ранняго развитія торговли суконными товарами во Фландріи служить то, что въ восьмомъ

¹ *Vita S. Eligii*, с. XVI.

² См. ниже, Прибавленіе. Домашнія ремесла и искусства тоже непрерывно поддерживались монахинями, которые посвящали себя обыкновеннымъ домашнимъ обязанностямъ по кухнѣ и прачечной, а также ткацкому мастерству, включая сюда пряденіе и крашеніе, и такому тонкому искусству, какъ вышиваніе. Levasseur, I. 139. Eckenstein, *Woman under Monasticism*, 222 и слѣд. Такіе монастыри, какъ монастырь Гильда (Hilda) въ Уитби (Whitby) или монастыри Джильберта, представляли большія удобства въ экономическомъ отношеніи.

³ *Negociator ergo Ecclesiae talis sit, ut nunquam, vel raro decipi valeat et studiose neminem ipse decipiat: qui nec, ut charius vendat, nec ut villius emat, ore suo fallaciam proferat, vel jeramentum ab his exigat aut ipse exhibeat. Reg. B. Petri de Honestis*, III. с. XXIX.

⁴ De Freville, *Commerce maritime de Rouen*, стр. 50.

столятии агенты монаховъ св. Вандрилля отправлялись туда для покупки шерстяныхъ тканей; между тѣмъ существуютъ указанія о путешествіяхъ купцовъ изъ Прюма въ Ахенъ, Кельнъ, Кобленцъ и другіе прирейнскіе города¹. Послѣ основанія имперіи Каролинговъ монастырская торговля сильно расширилась и Людовикъ Благочестивый освободилъ монаховъ Тура отъ платежа пошлинъ въ Провансѣ, въ Италіи и во всѣхъ своихъ владѣніяхъ².

Существованіе этой обширной торговли заставляло монастыри, въ виду какъ торговыхъ, такъ и религіозныхъ интересовъ, заботиться объ улучшеніи внутреннихъ сообщеній. Правда, исправленіе мостовъ и содержаніе дорогъ вообще лежало на обязанности землевладѣльцевъ³, но на эту обязанность смотрѣли какъ на благочестивый трудъ, и въ этомъ смыслѣ о немъ говорится въ прекрасной легендѣ⁴ о св. Христофорѣ. Эту полезную работу взяли на себя многія аббатства, и въ двѣнадцатомъ столѣтіи было специально основано нѣсколько религіозныхъ общинъ для исполненія этого долга⁵. Кромѣ того мы можемъ прослѣдить начало правильной системы перевозки. Большія аббатства на берегахъ Сены и Луары имѣли много кораблей для веденія своей торговли; и крестьяне ихъ помѣстій должны были или доставлять имъ быковъ съ телегами для сухопутной перевозки, или вносить монахамъ извѣстную плату, чтобы дать имъ возможность самостоятельно организовать дорожную службу⁶. Основанія этой торговли были положены ранѣе Карла Великаго; но, благодаря его заботливому покровительству, она сильно расширилась, такъ что религіозныя обитатели сдѣлались главными центрами торговой дѣятельности. Если мы ясно представимъ широкое развитіе этой коммерческой стороны монастырской жизни, тогда станетъ вполнѣ понятно, почему датчане такъ часто направляли свои набѣги противъ этихъ учреждений⁷. Но, быть-можетъ, монастыри понесли еще болѣе тяжкую кару за свои коммерческіе успѣхи.

¹ Imbart de la Tour, *Des immunités commerciales* въ *Études du Moyen Age*, dédiés à G. Monod, стр. 74.

² Levasseur, I. 141.

³ *Capitulare*, 803 г.; Migne, I col. 254, с. 18.

⁴ A. Jamesson, *Sacred and Legendary Art*, II. 433.

⁵ Levasseur, I. 143.

⁶ Imbart de la Tour, *op. cit.* 75, 76.

⁷ Keary, *The Vikings in Western Christendom*, 127.

ибо, повидимому, уже въ девятомъ столѣтіи набожные люди чувствовали опасность, которая заключалась въ томъ, что дѣловыя предпріятія монастырей отвлекали братію отъ ихъ благочестивыхъ дѣлъ ¹.

83. Сильное правленіе на всемъ Западѣ, возстановленное Карломъ Вѣликимъ, обусловливалось его личнымъ вліяніемъ, и съ его смертію раздѣленіе его имперіи представлялось неизбѣжнымъ; не было возможности продолжать систему правленія Карла въ отдѣльныхъ королевствахъ, доставшихся его наслѣдникамъ; и въ Европѣ въ теченіе столѣтій господствовали безпорядокъ и испорченность нравовъ. Хотя правленіе Карла было весьма непродолжительно, тѣмъ не менѣе оно оставило очень глубокій отпечатокъ на всей послѣдующей исторіи: онъ употребилъ большое усиліе, чтобы организовать общество, пользуясь вліяніемъ только одной гражданской, но освященной власти; и онъ настолько успѣлъ въ этомъ, что его царствованіе представляется поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Западной Европы. Если мы сравнимъ вѣка, предшествовавшіе его правленію съ послѣдующимъ временемъ, то увидимъ, что различные элементы, внесенные римлянами и варварами, наконецъ слились въ его время подъ вліяніемъ христіанства въ одно большое государство. Созданное имъ управленіе, хотя и было его личнымъ дѣломъ, но не представляло только переходную форму, подобно королевству Теодориха. *Капитуляріи* продолжали оказывать непосредственное вліяніе на послѣдующую исторію Франціи и Германіи, тогда какъ короли Скандинавіи ² и Англіи ³ сознательно или безсознательно принимали его за образецъ. Все то смутное уваженіе къ имени Римской имперіи, которое пережило на Западѣ, относилось къ личности Карла. Со времени Карла имперія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее возстановилъ постоянно являлась для всѣхъ типомъ благоустроеннаго государства; административная традиція ⁴ классической

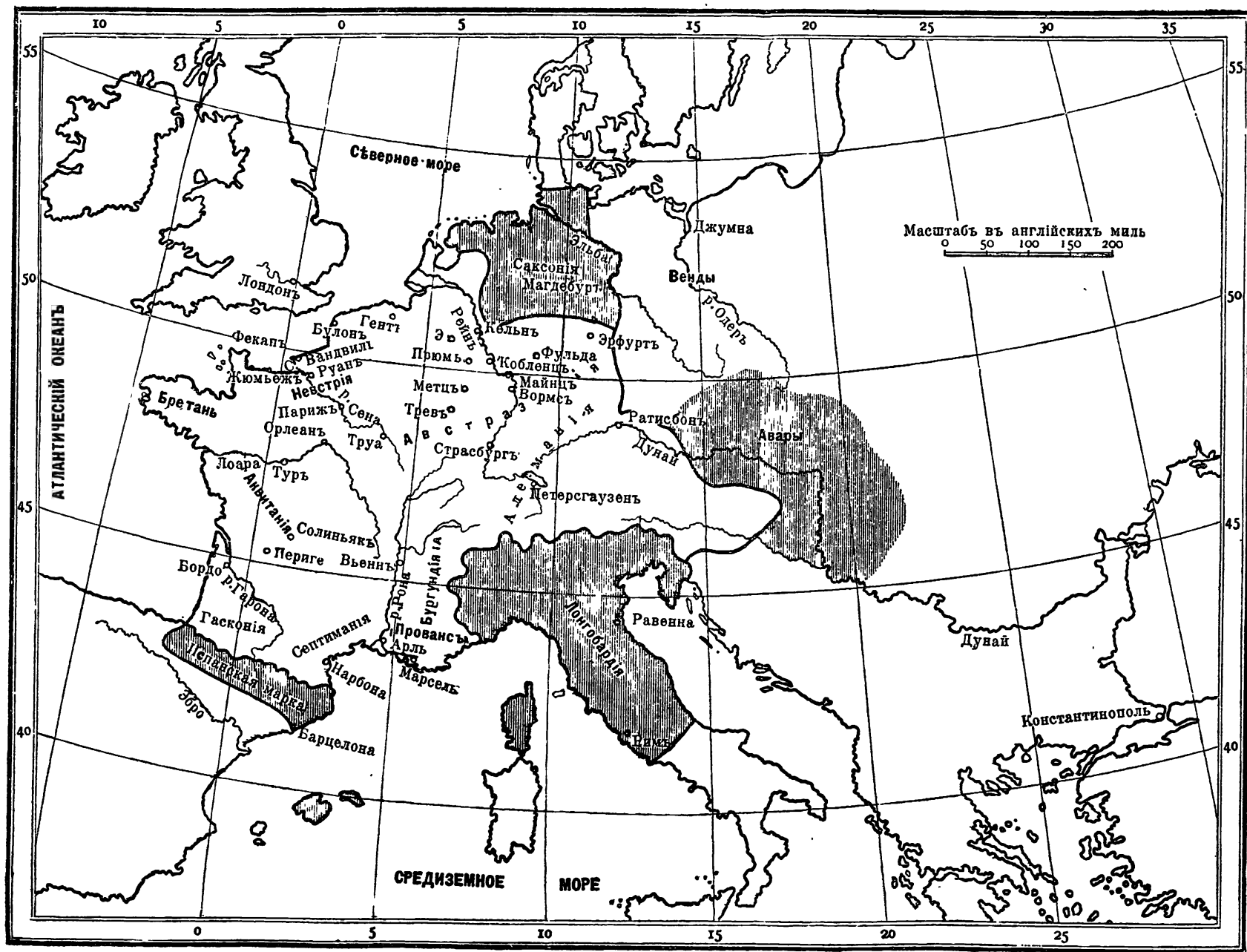
Имперія Карла, ея значеніе и ея характеръ. по сравненію съ королевствомъ Теодориха.

¹ Levasseur, I. 143. А также *Capit. Migne*, I. col. 227, с. 17,

² Сравни. Крещеніе св. Магнуса. Laing, *Heimskringla of Snorro Sturleson*, II, 181.

³ Дѣятельность Альфреда такъ сильно похожа на дѣятельность Карла, что наводитъ на мысль о сознательномъ ему подражаніи.

⁴ Здѣсь идетъ вопросъ не о новомъ введеніи изъ Константинополя тѣхъ торговыхъ обычаевъ и промышленныхъ искусствъ, ка-

Владѣнія и завоеванія Карла Великаго.

древности оказывала дѣйствительное вліяніе только въ томъ случаѣ, когда она продолжалась въ установленныхъ имъ учрежденіяхъ ¹.

Справедливо также, что эпоха Карла есть начало новаго міра, потому что политическія проблемы, съ которыми мы имѣемъ дѣло до сихъ поръ, сходны съ тѣми, которыя разрѣшить пытался и онъ. Мы, также, до сихъ поръ стремимся распространить вліяніе христіанства на политическую и экономическую жизнь. Мы до сихъ поръ стоимъ лицомъ къ лицу съ проблемами, возникающими изъ расовыхъ отличій, и съ трудностями подчинить всѣхъ подданныхъ королевства одной системѣ нравственности и справедливости ². Правители до сихъ поръ признаютъ, что ихъ общественный долгъ заключается не только въ томъ, чтобы получать доходы, но и въ томъ чтобы насколько возможно лучше развивать источники благосостоянія страны. Таковы общепризнанные идеалы всѣхъ великихъ державъ нашего времени; и когда мы говоримъ, что Карлъ старался разрѣшать тѣ новыя проблемы, съ которыми древній міръ едва ли пытался вступать въ борьбу, то склоняемся на сторону того мнѣнія, которое считаетъ 800 годъ послѣ Р. Х. началомъ новой исторіи.

Едва ли необходимо обратить вниманіе на контрасты между государствомъ Карла и государствами такихъ его предвѣстниковъ, какъ имперія Александра или Римская имперія. Древнегреческій міръ былъ такъ несовершенно организованъ, что отъ него пережили немногіе элементы общиннаго права или администраціи, и только въ городскихъ общинахъ удержалась и перешла въ потомство традиція цивилизованной жизни; но городская жизнь въ имперіи Карла не представляла никакихъ характерныхъ чертъ. Мы уже указали ³ на нѣкоторыя различія между Римской имперіей и христіанствомъ, и нѣтъ надобно-

кіе практиковались въ древнемъ Римѣ, и не о новомъ научномъ открытіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, но только о *традиционномъ* переживаніи.

¹ Повидимому, онъ сознательно заимствовалъ придворный этикетъ изъ Византии, Gibbon, *Decline and Fall*, с. 58.

² Здѣсь, разумѣется, существуетъ аналогія съ Римскою имперіей, но попытка ввести такую нравственность отличаетъ современный міръ отъ древняго. Уничтоженіе самосожженія въ Индіи и осужденіе многоженства въ Соединенныхъ Штатахъ едва ли обратило бы на себя вниманіе гражданскаго управленія древней имперіи.

³ См. выше, стр. 8 и слѣд.

сти останавливаться на нихъ и пытаться разбирать ихъ болѣе подробныя отличія. Однако особенно поучительно сравнить королевство Карла съ королевствомъ Теодориха и обратить вниманіе на то, что Карлъ, благодаря сліянію расъ и широкому распространію своей власти, былъ въ состояніи преслѣдовать много такихъ цѣлей, которыя находились внѣ предѣловъ *практической политики* въ то время, когда королевство Остготовъ было основано въ Италіи. Для насъ въ данную минуту самое важное между ними отличіе заключается въ томъ, что Теодорихъ, повидимому, оставался доволенъ тѣмъ, что могъ обезпечить *civilitas* (гражданственность), въ то время какъ Карлъ сознательно поощрялъ *utilitas* (пользу). Карлъ не только заботился о сохраненіи закона и порядка, такъ какъ понималъ ихъ необходимость, и могъ жестоко бороться за нихъ въ своихъ сношеніяхъ съ саксами ¹, но, отбросивъ варваровъ, онъ также сознательно стремился воспользоваться миромъ и развить источники благосостоянія своей имперіи для блага народа, находившагося подъ его властью ². Онъ старался не только получать доходы, но и содѣйствовать преуспѣянію страны, отъ котораго зависѣло богатство государственныхъ финансовъ, и поставилъ себѣ цѣлью преобразовать земледѣліе и промышленность государственныхъ имуществъ и покровительствовать торговымъ сношеніямъ ³. Заботы о развитіи источниковъ богатства также отличали политику Карла отъ политики его франкскихъ предшественниковъ, которые главнымъ образомъ заботились о накопленіи драгоцѣнныхъ металловъ ⁴, точно такъ же его планъ

¹ Война противъ саксовъ была вызвана невозможностью мирно жить съ такими сосѣдями (Eginhardus *Vita*, с. 7) и привела его къ систематическимъ усиліямъ цивилизовать эту страну. (Giesebrecht, *Kaiserzeit*, I. 118).

² De communi omnium nostrorum utilitate. *Capit. Duplex Aquisgranense*, 811 г., title to second part. *Caroli Magni Opera Omnia*. Migne, I. 330. Nos Considerantes utilitatem nostram et populi a Deo nobis concessi, *Capit Ticinense*, 801 г. *Ib.* 212. In communem sanctae Dei ecclesiae et omnium nostrorum utilitatem. *Ludovici et Lotharii Capit. Aquisgran.* 817 г. *Ib.* 396.

³ Развитіе этихъ источниковъ было необходимо для поддержанія и вооруженія войска. Съ этимъ срав. Oman, *Art of War in Middle Ages*, 78—83.

⁴ Levasseur, I. 151 и примѣч. Различіе между стремленіями франкскихъ королей накоплять слитки и стремленіями Карла аналогично различію между собирателями слитковъ и меркантилистами семнадцатаго столѣтія, или между колониальными системами Испаніи и Англіи.

устройства матеріальнаго благосостоянія ¹ королевства глубоко отличается отъ экономической системы, господствовавшей въ восточной имперіи.

Нѣкоторыя изъ всѣхъ великихъ трудностей, съ которыми приходилось бороться Теодориху, какъ готу аріицу, являлись слѣдствіемъ того, что католическое духовенство всегда относилось несочувственно къ его управленію, между тѣмъ какъ во владѣніяхъ Карла латинская церковь была вездѣ установлена его законодательствомъ. Франкскіе короли уже раньше особенно покровительствовали религіознымъ учрежденіямъ, и много богатствъ было пожаловано въ даръ монастырямъ; но Карлъ ² содѣйствовалъ окончательному *установленію* христіанства; другими словами, онъ пользовался гражданской властью для поддержанія духовнаго авторитета, отчасти тѣмъ, что настаивалъ на исполненіи извѣстныхъ христіанскихъ обязанностей, а отчасти тѣмъ, что упрочилъ положеніе духовной администраціи. Въ законодательствѣ его и его сыновей мы находимъ правила, запрещавшія торговлю на рынкахъ и дворахъ въ воскресные дни ³; и почитаніе этого дня было обязательно не только для франковъ, но и для саксовъ ⁴; оба народа должны были отдавать десятую часть своего имущества на религіозныя потребности ⁵. Было положено начало борьбы съ бѣдствіями нищеты содержаніемъ бѣдныхъ на мѣстѣ ⁶; для религіозныхъ же учрежденій ⁷ такое попеченіе о бѣдныхъ было поставлено въ особенную обязанность, и является самой выдающейся чертой плановъ монастырской реформы ⁸. Старались ввести лучшее управленіе

¹ Въ Восточной имперіи очень мало заботились объ организціи активной торговли, обращая большое вниманіе скорѣе на то, чтобы насадить иностранную промышленность, чѣмъ развить туземную.

² Карлъ далъ средства новымъ монастырямъ въ Корби и Фульдѣ (Corbie, Fulda); хартія монастыря Фульды за его подписью до сихъ поръ хранится въ Марбургѣ.

³ *Capit.* 813 г.; Migne, I. 363, с. 15 (тоже I. 318, с. 9).

⁴ *Capit.* 782 г.; Migne, I. 146, с. 18.

⁵ *Capit.* 782 г.; Migne, I. 146, с. 17. Государство, вмѣняя въ обязанность подданнымъ платить десятинный налогъ, налагало на подданныхъ христіанскій долгъ, но оно не освобождало и королевскую собственность отъ этого долга. Карлъ подавалъ тому примѣръ, уплачивая десятую часть королевскихъ доходовъ. *Ib.* с. 16.

⁶ *Capit.* 806 г.; Migne, I. 303, с. 9.

⁷ См. Людовикъ и Лотарь; Migne, I. 389, с. 49.

⁸ Капитулярій Людовика и Лотара (817 г.; Migne, I. 383) въ этомъ отношеніи весьма интересенъ по своимъ подробностямъ, онъ совѣтуетъ заниматься въ постные дни только легкой работой

монастырей ¹, и вся масса такого рода законодательствъ ясно показываетъ, какъ сильно чувствовалъ Карлъ свой долгъ слѣдовать примѣру Джосіа, желая съ одной стороны, уничтожить злоупотребленія духовенства ², а съ другой—обратить ввѣренное его попеченіямъ королевство къ поклоненію истинному Богу ³. Теодорихъ не имѣлъ возможности слѣдовать по такому опредѣленному пути; и какъ мы видимъ, что при Карлѣ существовала болѣе тѣсная связь между церковью и государствомъ, точно такъ же мы чувствуемъ, что вліяніе христіанскаго ученія на гражданскій долгъ было сильнѣе выражено во франкской имперіи, чѣмъ въ остготскомъ королевствѣ. Отвѣтственность христіанскихъ королей передъ Богомъ за способы пользованія своею властью весьма ясно опредѣлена въ Капитуляріяхъ Людовика и Лотара ⁴; и вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ тамъ попытки установить болѣе высокій идеалъ чести въ торговыхъ сношеніяхъ ⁵, чѣмъ при Теодорихѣ, а также признаки положить границы торговлѣ рабами ⁶.

84. Если мы обратимся отъ духовныхъ дѣлъ къ экономическимъ то увидимъ, что Карлъ принялъ въ этомъ отношеніи новое и весьма важное направленіе; повидимому, онъ дѣлалъ нѣкоторыя попытки открыть торговля сношенія за предѣлами имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился улучшить условія внутренней

Торговля при Карлѣ Великомъ.

(с. 18), и указываетъ, какія книги выдавать изъ библіотеки въ продолженіе поста для чтенія братьямъ (с. 19).

¹ *Capit.* 802 г.; Migne, I. 248, с. 19.

² Необходимо было принять мѣры противъ злоупотребленія церковной собственностью (*Capit.* 806 г.; Migne, I. 303, с. 4), противъ расточительности при постройкахъ и пренебреженія религіозными обязанностями (811 г., *Ib.* I. 332, с. II), и предостеречь отъ зла, возникавшаго вслѣдствіе развитія монастырской торговли. (789—794 г.; *Ib.* I. 185, с. 6, и 195, сс. II, 14).

³ *Capit.* 782 г.; Migne, I. 152.

⁴ *Capit.* 817, Migne, I. 393.

⁵ Ясно были установлены основы договора и сдѣлана попытка опредѣлить лихвенные и ростовщическіе барыши (806 г.; Migne, I. 304, сс. I, 8); мы можемъ отмѣтить также осужденіе нѣкоторыхъ особенныхъ формъ договора (809 г.; *Ib.* I. 318, с. 12). Встрѣчаются также законодательныя мѣры относительно голода (805 г.; *Ib.* I. 284, с. 4), и въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленіе максимальныхъ цѣнъ (794 г.; *Ib.* I. 193, с. 4; также 808 г.; *Ib.* I. 313, с. 5).

⁶ Piegonneau, *Histoire du commerce de la France*, I. 75. См. ниже параг. 106.

торговли. И если даже эти его усилія непосредственно принесли очень незначительные результаты, тѣмъ не менѣе они интересны, какъ предварительныя указанія путей прогресса, по которымъ онъ потомъ слѣдовалъ.

Средиземное море въ сущности было тогда магометанскимъ озеромъ и хотя попытки Карла оттѣснить мусульманъ за Эбро и освободить сѣверъ Испаніи отъ ихъ контроля не увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, но онъ имѣлъ возможность получить нѣкоторыя важныя уступки для Марсея и Нарбонны¹, которые начинали становиться рынками торговли съ Левантомъ. Его дружественныя отношенія съ Гарунъ-Аль-Рашидомъ² не только способствовали Карлу установить эти торговыя связи, но и дали ему возможность обезпечить привиллегіи пилигримамъ, путешествовавшимъ въ Святую Землю.

Продолжительные походы Карла и его сына Пепина противъ аваровъ дѣлали эту важную дорогу менѣе опасной, но даже до окончательнаго истребленія этого племени мы встрѣчаемъ нѣкоторыя случайныя указанія на торговыя сношенія въ долинѣ Дуная³. Карлъ пытался построить каналъ, который бы соединилъ Дунай⁴ съ Майномъ; и хотя, повидимому, сначала имѣлись въ виду только военные транспорты, но этотъ каналъ могъ бы привести торговые пути Дуная и Рейна въ прямое сообщеніе съ Майнцомъ.

Этотъ городъ служилъ точкой отправленія великаго торговаго пути въ другомъ направленіи. Побѣда надъ саксами расширила площадь франкской имперіи и доставила благопріятныя условія для распространенія коммерческихъ предпріятій между болѣе дикими племенами Помераніи и балтійскихъ земель, а также открыла доступъ въ Богемію и Моравію. Съ большимъ рискомъ⁵ купеческіе караваны проходили эти опасныя области, но ввозъ туда мѣховъ и янтаря доставлялъ имъ большіе барыши. Эрфуртъ и Магдебургъ⁶ служили складами для торговли съ

¹ Pigeonneau, I. 73; Abel and Simson, *Jahrbücher des fränkischen Reichs. unter Karl dem Grossen*, I. 257.

² Eginhardus, *Vita Caroli*, c. 16.

³ Kurz, *Oesterreichs Handel in älteren Zeiten* (1882), стр. 4.

⁴ Eginhardus, *Annals*, 793. Heyd (*Commerce du Levant*, I. 80), указываетъ, что онъ имѣлъ скорѣе военное, чѣмъ торговое значеніе.

⁵ Pigeonneau, I. 61. Исторія Само, франкаго купца, показываетъ, что купцы посѣщали эти области въ седьмомъ столѣтіи.

⁶ *Capit.* 805 г.; Migne, I. 285.

саксами; а Джумна ¹, при устьяхъ Одера, получила особенное значеніе, какъ центръ склада сѣверныхъ продуктовъ.

Мы видимъ также, что было обращено вниманіе и на морскую торговлю. Важное значеніе въ этомъ отношеніи представляли ламаншскіе порты Руанъ и Болонья. Нантъ, при устьѣ Лоары, безъ сомнѣнія, процвѣталъ, благодаря дѣятельности архіепископа Феликса ², а Бордо велъ торговыя сношенія съ Иберійскимъ полуостровомъ, а также съ островомъ Ирландіей ³. Торговыя сношенія съ Англіей были прерваны въ 790 г. п. Р. X. ⁴, къ ущербу жителей Булона; договоръ съ Оффой Мерси въ 796 году, возстановившій эти отношенія, обезпечилъ безопасность путешествія англійскихъ купцовъ и пилигримовъ въ франкскую имперію.

Большое содѣйствіе торговлѣ оказывали принятыя мѣры съ цѣлью охранить берегъ отъ грабежей; Карлъ имѣлъ флотъ въ Средиземномъ морѣ, оберегавшій воды Септиманіи и Италіи противъ мавровъ; въ то же время онъ имѣлъ рѣчной флотъ въ сѣверныхъ рѣкахъ, для защиты отъ нападеній скандинавовъ ⁵. Булонъ, повидимому, былъ главнымъ портомъ въ Ламаншѣ, который былъ улучшенъ сооруженіемъ маяка ⁶.

Расширеніе внѣшней торговли, разумѣется, должно было воздѣйствовать и на внутреннюю. Города по долинѣ Рейна, Кельнъ, Кобленцъ, Майнцъ и Страсбургъ, пришли въ такое цвѣтущее состояніе, какимъ они не пользовались раньше въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Вѣроятно большой импульсъ сообщили торговлѣ давно основанныя ярмарки въ Труа ⁷ и Парижъ ⁸. Возрастающее число подобныхъ ярмарокъ ⁹ вызвало необходимость улучшенія удобствъ внутренняго сообщенія. Капитуляріи настаиваютъ на обязанности содержать дороги въ лучшемъ ис-

¹ Heyd, *Commerce du Levant*, I. 77.

² Fortunatus, liv. III. c. 10.

³ Pigeonneau, I. 60.

⁴ Pigeonneau, I. 74.

⁵ Eginhard, *Vita*, c. 17.

⁶ Carlier, *Commerce en France sous les rois de la première et de la deuxième race* (1752), у Leber, *Collection*, XVI, p. 113.

⁷ Sidonius Apollinaris, *Epist.* lib. VI. 4.

⁸ Ярмарка продолжалась четыре недѣли въ октябрѣ, она началась въ день св. Діонисія. Pigeonneau, I. 63. О другихъ ярмаркахъ см. Huvelin, *Droit des marchés et des foires*, p. 146.

⁹ Inama Sternegg, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, I. 433.

правленномъ видѣ, и Карлъ потратилъ много времени и денегъ на постройку моста въ Майнцѣ ¹.

Но какъ ни были велики физическія препятствія, съ которыми приходилось бороться купцу, онъ еще болѣе терпѣлъ отъ тѣхъ частыхъ и произвольныхъ взысканій, которымъ онъ подвергался. Разумѣется, Карлъ заботливо собиралъ установленный доходъ съ товаровъ и организовалъ таможенное вѣдомство въ различныхъ пунктахъ на границѣ своихъ увеличенныхъ владѣній ², но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался уничтожить новыя, чрезмѣрные вымогательства ³. Безъ сомнѣнія, было много мѣстныхъ вельможъ, которые взымали съ купцовъ ничѣмъ не оправдываемыя пошлыны, и Карлъ принужденъ былъ издать законъ противъ тѣхъ, которые заставляли путешественниковъ пользоваться неудобной дорогой, желая принудить ихъ платить дорожную пошлину за какой-нибудь частный мостъ ⁴. Такія притязанія поучительны не только потому что служатъ указаніемъ на самовольное вымогательство, отъ котораго терпѣли купцы, но и потому что выясняютъ значеніе тѣхъ привилегій, которыя были дарованы многимъ монастырямъ.

Было бы интересно имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о тѣхъ, кто были настолько предприимчивы, что могли, преодолевая эти затрудненія, посвящать себя торговлѣ. Вѣроятно, весьма большая часть активной торговли все еще находилась въ рукахъ чужеземцевъ. Въ болѣе раннее время сирійцы,—терминъ, которымъ называли всѣхъ купцовъ Египта и Малой Азіи,—были главными агентами торговли между Востокомъ и Западомъ; они имѣли значительную осѣдлость въ Парижѣ и пользовались тамъ большимъ вліяніемъ ⁵; но мы мало слышимъ о нихъ во времена Карла, хотя, разумѣется, они и могли быть торговыми посредниками въ сношеніяхъ съ Константинополемъ. Однако, кажется болѣе вѣроятнымъ, что ихъ замѣстили

¹ Eginhardus, *Vita*. с. 17.

² Pigeonneau, I. 75; Abel and Simson, II. 332, и *Capitulare* 805 г., с. 7; Migne, I. 285.

³ *Capitulare*, 805 г., с. 13. Обычай протягивать черезъ рѣку веревку и требовать отъ путешественниковъ за проѣздъ по рѣкѣ платы считался заслуживающимъ особеннаго порицанія См. также 806 г.; Migne, I. 304, с. 10.

⁴ 809 г.; Migne, I. 317, с. 8; также 817 г.; Migne, I. 408, с. 17.

⁵ Gregory of Tours, X, 26; Boichorst, *Zur Geschichte der Syrer in Abendlandin Mittheilungen für oesterrreich. Geschichte*, VI, 535.

евреи, которые начали занимать въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ царствованіе Юстиніана ¹ и которые пользовались большими привилегіями въ Франкской имперіи ². Они болѣе, чѣмъ магометане, были способны вести торговлю въ христіанскихъ странахъ и лучше христіанъ вели дѣла съ магометанами. Такимъ образомъ распространеніе ислама представляло для нихъ большія удобства. У нихъ была древняя колонія въ Кельнѣ ³, которая, можетъ-быть, явилась пережиткомъ; въ значительномъ количествѣ они поселились въ Ахенѣ, Магдебургѣ, Парижѣ, Орлеанѣ, Клермонѣ и Нарбоннѣ; они хорошо основались въ главныхъ торговыхъ центрахъ. Но хотя они, быть-можетъ, были самыми богатыми купцами, во времена Карла, однако не имъ исключительно принадлежало все поле торговой дѣятельности. Біографъ Карла указываетъ, что тамъ были какъ христіанскіе купцы, такъ и евреи, занимавшіеся торговлей даже въ Левантѣ ⁴; монастырская торговля, вѣроятно, въ значительной степеніи расширилась и важныя льготы были дарованы страсбургскому архіепископу ⁵ на пользу гражданъ этого города.

Карль старался развить другую экономическую сторону дѣла, и его законодательство могло бы принести большую пользу торговлѣ, если бы его можно было примѣнить на практикѣ. Онъ пытался преобразовать систему вѣса и мѣры ⁶, а также занимался вопросомъ денежнаго обращенія ⁷. Во всѣхъ расчетахъ происходила большая путаница, такъ какъ римскій и варварскій способы расчета существовали рядомъ и много различныхъ властей имѣли право чеканить монету, Далѣе монетная система усложнялась такими общими условіями, какъ недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ ⁸, и отчасти возвратомъ къ натуральному хозяйству. Но настоящіе поводы, заставлявшіе Карла взять въ свои руки это дѣло, не выяснены. Быть-можетъ, онъ желалъ установить извѣстную норму налога, при по-

¹ Томъ I, стр. 193.

² Pigeonneau, I. 70; также Depping, *Les Juifs au Moyen Age*; Huvelin, *Droit de marchés et des foires*, стр. 151.

³ Hegel, *Entstehung des deutschen Städtewesens*, 112.

⁴ Eginhard, *Vita* c. 27.

⁵ 775 г.; Migne, I, 938.

⁶ Inama Sternegg, I, 456.

⁷ Inama Sternegg, I, 458.

⁸ Pigeonneau, I, 83.

мощи которой можно было оцѣнить доходъ, когда его собирали натурой ¹, или, быть-можетъ, онъ хотѣлъ установить масштабъ правильныхъ цѣнъ и положить конецъ растовщическимъ барышамъ тѣхъ посредниковъ ² въ торговлѣ, которые поставляли предметы жизненной необходимости. Точное опредѣленіе вѣса, мѣры и цѣнъ было необходимымъ предварительнымъ шагомъ для этого, и для торговаго класса было бы также полезно установить опредѣленность терминовъ, которые ими употреблялись въ торговлѣ. Онъ имѣлъ мало успѣха въ установленіи желаемого имъ единообразія, но его попытка оказала существенное вліяніе на метрическую систему страны, лежавшей за предѣлами его имперіи. Фунтъ серебра, состоявшій изъ двадцати солиди (solidi), по двадцати *динаріевъ* каждый, былъ принятъ Карломъ ³ за единицу денежнаго обращенія; эта единица была введена норманнами въ Англіи, гдѣ она замѣнила существовавшій тамъ счетъ на марки, изъ которыхъ каждая состояла изъ восьми унцій, по двадцати пени унція. Англійская монетная система является символомъ того продолжительнаго вліянія, которое проявилъ Карлъ даже въ такихъ дѣлахъ, гдѣ его усилія, повидимому, оказывались совершенно безплодными.

85. Еще большій интересъ представляетъ знаменитый *capitulare de villis*, въ которомъ Карлъ занимается экономической дѣятельностью домохозяйства. Намъ посчастливилось собрать много свѣдѣній по поводу его заботъ распространить цивилизацію въ территоріи, гдѣ городская жизнь была такъ мало развита; нормальной экономической единицей какъ въ королевскихъ земляхъ, такъ въ монастырскихъ учрежденіяхъ и во владѣніяхъ частныхъ собственниковъ было домохозяйство. Оно могло быть очень большой соціальной группой, но взаимныя обязанности ея членовъ составляли предметъ обязательства, а не являлись результатомъ соглашенія между людьми, которые лично независимы и ведутъ самостоятельно свои дѣла. Домохозяйство уже раньше было военной единицей, отвѣтственной за охрану страны, и территоріальной единицей—для отправленія правосудія и заботы о бѣд-

Домохозяйство, какъ общественная единица въ экономическомъ отношеніи.

¹ *Ibid.* I. 469.

² Inama Sternegg, I, 480.

³ *Ibid.*, I, 456.

⁴ 807 г. *Capit. Aquense* in Migne, I. 307, cc. I. 2.

ныхъ. Въ добавленіе къ этому Карлъ стремился организовать экономическую жизнь домохозяйства, такимъ образомъ, чтобы развить и улучшить земледѣліе и промышленность.

Capitulare de villis былъ предложенъ не какъ простая фискальная мѣра съ цѣлью увеличить королевскій доходъ; онъ стремился усилить значеніе экономической организаціи¹ общества, какъ цѣлаго. Разумѣется, Карлъ заботился главнымъ образомъ объ администраціи королевской вотчины; *judices*² имѣли высшій надзоръ надъ административной службой *majores*³, и наблюдали, чтобы королевскія помѣстья обрабатывались надлежащимъ образомъ и чтобы утилизировались мѣстные продукты. Но примѣръ короля могъ найти подражателей и оказывать вліяніе на монастыри и свѣтскихъ владѣтелей *бенефицій*⁴, которымъ принадлежали участки древнихъ коронныхъ земель. Необходимость доставлять людей и военное снаряженіе, которое они обязаны были поставлять, могла заставить и другихъ магнатовъ ввести улучшенные способы управленія помѣстьями. Такъ какъ, повидимому, эти большія хозяйства постоянно увеличивались и привлекали владѣльцевъ мелкихъ помѣстій дѣлаться членами болѣе обширныхъ организацій⁵, то законы, установленные для королевскихъ виллъ, могли служить, насколько это касалось ихъ формы, экономическому порядку всей территоріи.

De villis перечисляетъ дѣла, которыми должны были заниматься *judices*, такъ чтобы управленіе помѣстьемъ велось надлежащимъ образомъ, и успѣшно, какъ въ земледѣльческомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи⁶. Чтобы дать имъ возможность исполнять эту обязанность, было желательно имѣть описанія состоянія этихъ помѣстій, имѣя ихъ легко было все контролировать и всегда знать въ какомъ состояніи нахо-

¹ Inama Sternegg, I. 349.

² *Capit de Villis*, 3, 8, 9, 24, 29.

³ *Ibid.* 10, 26.

⁴ Inama Sternegg, I. 351.

⁵ Inama Sternegg, I. 295; Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, II. Ed.

⁶ Относительно промышленной организаціи виллы справ. Gareis, *Bemerkungen zu K. Karl's Capitulare de Villis* въ *Germanistische Abhandlungen zum LXX Geburtstag K. von Maurers*, стр. 246; Bücher. art. *Gewerbe* въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*, III. 926; Guérard. Введеніе къ *Polyptyque de l'Abbé Irminon* I. 617; *Explication du Capit. de Villis* въ *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*, ser. III-me t. IV. (1852), стр. 324 — 7.

дится имѣніе. Производились *описи*, въ которыхъ помѣщался полный инвентарь виллы, вмѣстѣ съ перечисленіемъ необходимыхъ работъ и личныхъ обязательствъ cadaго челоуѣка, а также съ перечисленіемъ наличнаго скота, лошадей, коровъ, куръ, и описаніемъ построекъ, запасовъ и домашней утвари ¹. На обязанности *judices* отчасти лежало веденіе правильныхъ отчетовъ въ отдѣльныхъ книгахъ прихода и расхода, а также сообщеніе королю свѣдѣній о состояніи баланса ². Описи совершенно аналогичны *extenta* среднеуѣковыхъ помѣстій, а отчеты, образцы которыхъ, повидимому, не дошли, очень легко могли послужить типомъ для среднеуѣковаго счетоводства, извѣстнаго обыкновенно подъ именемъ росписей управителей.

Это установленіе и система, которую ввелъ Карлъ съ цѣлью урегулировать его, позволяетъ намъ найти связь съ отдаленнымъ прошлымъ и взглянуть на римскую виллу съ ея *erga-stula* и обработкой земли, виноградниками и скотоводствомъ. Этотъ *капитулярій* самъ по себѣ представляетъ также глубокий интересъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ почти объ единственномъ усилии организовать высоко-цивилизованную жизнь на основахъ натурального хозяйства. Военная повинность, отправленіе правосудія и помощь бѣднымъ были неразрывно связаны съ домохозяйствомъ, въ которомъ не было денежнаго обращенія. Деньги и торговля не были исключены; но благосостояніе и сила королевства прежде всего зависѣли отъ умѣнія пользоваться естественными источниками богатства, а не отъ собиранія сокровищъ. Накопленіе слитковъ служило для Меровинговъ средствомъ снаряженія армій и давало имъ возможность подкупать варваровъ, чтобы удерживать ихъ отъ грабежей.

Нужда, безъ сомнѣнія, была матерью изобрѣтеній, и намъ нѣтъ надобности предполагать, что Карлъ сознательно формулировалъ какіе либо принципы политической экономіи; однако, достойно замѣчанія, что мудрость его пріемовъ была оцѣнена только въ позднѣйшее время. Его система имѣла цѣль извлекать возможно большую пользу изъ природныхъ богатствъ; развивать земледѣліе, но не въ ущербъ промышленности, и особенно поощрять обработку мѣстныхъ продуктовъ. Въ сущности

¹ 812 г. Migne I. 341. Cp. Ulpian, въ *Digest.* L. tit. 15, c. 4.

² *Capit. de Villis*, c. 55.

это было предвареніемъ той экономической системы, которая успѣшно примѣнялась въ Англіи во времена Берлея (*Burleigh*), то есть системы развитія промысленности вообще, но въ сознательномъ подчиненіи ея потребностямъ земледѣлія; между тѣмъ спеціальныя данныя отдѣльныхъ участковъ для углѣпромысленности ¹ или для добыванія соли также не оставались въ пренебреженіи, какъ въ имперіи Карла, такъ и въ королевствѣ Елизаветы.

Еще болѣе интересно прослѣдить послѣдующую исторію того экономического органа, которымъ пользовался Карлъ, то-есть домохозяйства. Формулированная имъ система была принята норманами и введена въ страну, прекрасно подготовленную для этого, въ то время, когда Вильгельмъ покорилъ Англію. Большое домохозяйство, какъ центръ сельской жизни, имѣло чрезвычайное вліяніе на развитіе Англіи; оно сформировало характеръ честолубія англійской плутократіи во времена Вильяма де ла-Поля и направило ее изъ городовъ, гдѣ они нажили свои богатства, въ деревни, гдѣ они пользовались большой властью; оно сохранилось, чтобы возбуждать энергію крупныхъ землевладѣльцевъ; ² прошлаго столѣтія, когда денежное хозяйство вполне стало господствующимъ, и побудило ихъ направить свою энергію на улучшеніе англійскаго земледѣлія. Въ древнемъ мірѣ, и во многихъ странахъ новаго міра городъ представлялъ исключительную привлекательность, какъ центръ общественной жизни; но англійская цивилизація развивалась на основѣ, заключавшей въ себѣ принципы социальной системы Карла ³.

¹ Inoma Sterneyc, I. 426.

² Dahn, *op. cit.* стр. 343.

³ При распространеніи англійскаго вліянія за моремъ, иногда сохранялся этотъ типъ хозяйства, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли заселялись мелкими участками. Вслѣдствіе этого въ каждомъ случаѣ культура весьма измѣнялась. Въ тропическихъ странахъ Индіи и Цейлона, въ Вестъ-Индіи и въ южныхъ штатахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Георгіи и западной Виргиніи, имѣются плантаторы, съ работниками, которые фактически зависятъ отъ нихъ, даже тамъ, гдѣ рабство уничтожено, а существуютъ денежныя отношенія. Пастбищныя фермы Австраліи принадлежатъ богатымъ колонистамъ. Въ этихъ земляхъ мы видимъ распространеніе богатства и культуры за предѣлами городовъ. Въ Сѣверныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, въ Южной Африкѣ сельскіе участки заняты мелкими хозяйствами. Послѣдняя система представляетъ большія неудобства, такъ какъ она концентрируетъ всѣ социальныя преимущества въ городскихъ группахъ и предоставляетъ сель-

86. Политическая исторія трехъ столѣтій, слѣдующихъ за раздѣленіемъ имперіи Карловинговъ, повидимому, есть только лѣтопись общественнаго разъединенія и междоусобной войны, не совмѣстимыхъ съ матеріальнымъ прогрессомъ. Однако есть основаніе думать, что въ это время было болѣе благоприятныхъ условій для культивированія мирныхъ искусствъ, чѣмъ это можетъ показаться сразу; повидимому, тевтонское населеніе ¹ такъ увеличилось, что заняло своими земледѣльцами ² большія пространства сперва на югѣ, а потомъ на сѣверѣ Германіи. Но еще важнѣе то, что, одиннадцатое и двѣнадцатое столѣтія съ полной очевидностью доказываютъ существованіе сильной городской жизни во Франціи, Фландріи и Рейнскихъ земляхъ, между тѣмъ какъ новые города продолжаютъ возникать какъ въ этихъ странахъ, такъ и въ другихъ частяхъ Германіи, въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ ³. Такіе торговые и промышленные центры не могли бы занять выдающагося положенія, если бы не было дѣйствительнаго улучшенія въ экономическихъ условіяхъ Западной Европы.

**Городская
жизнь, ея значе-
ніе, элемен-
ты и условія.**

Въ средневѣковой исторіи самымъ сложнымъ вопросомъ является вопросъ о возрожденіи городской жизни. Недавно посвящено было множество изслѣдованій этому вопросу съ юридической и конституціонной точки зрѣнія; для насъ эта точка зрѣнія имѣетъ второстепенное значеніе. Полное разрѣшеніе экономическаго вопроса можно найти только при изслѣдованіи спеціальной исторіи отдѣльныхъ общинъ; но, быть-можетъ, есть возможность установить эту проблему въ общихъ чертахъ и такимъ образомъ указать направленіе, въ которомъ съ пользой можно вести подробныя ея изысканія.

Одно изъ главныхъ затрудненій представляющихся при этомъ

скому населенію самому бороться за самостоятельность, или принуждаетъ его исполнять однообразныя черныя работы подъ давленіемъ капиталистовъ.

¹ О причинахъ этой колонизаціи см. Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, III, 351.

² Lamprecht (*Deutsche Geschichte*, III, 299) обращаетъ вниманіе на то, что колебаніе въ эмиграціи началось по крайней мѣрѣ во времена Карла. Германцы перестали направляться къ западу и начали свою колонизацію по направленію къ востоку. Inama Sternegg, III, стр. 1.

³ Hegel, *Die Entstehung*, стр. 37—42.

заключается въ неясности или, лучше сказать, въ отсутствіи согласія между историками относительно опредѣленія характеристическихъ чертъ городской жизни; и намъ необходимо насколько возможно опредѣленно выяснить нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Если подъ городомъ мы разумѣмъ только необыкновенно населенную деревню ¹, или даже мѣсто, въ которомъ между жителями ² находились купцы, то мы едва ли можемъ надѣяться отличить его отъ какой либо другой соціальной группы. Были монастыри, имѣвшіе сотни жителей и подданныхъ ³, которые были глубоко заинтересованы въ торговыхъ дѣлахъ. Однако есть нѣкоторая возможность дать опредѣленіе города, если мы посмотримъ на него съ экономической точки зрѣнія. Въ домохозяйствѣ есть только одинъ собственникъ, имѣющій власть завѣдывать денежными дѣлами своего учрежденія; городъ же представляетъ соціальную группу, въ которой находится много собственниковъ ⁴, а потому и много домохозяйствъ. Если бы они могли во всемъ удовлетворять себя, то они могли бы существовать совмѣстно, не вступая ни въ какія отношенія одно съ другимъ; но группы домохозяйствъ въ городѣ дополняютъ одна другую въ промышленномъ отношеніи, и находятся во взаимной зависимости, вызываемой жизненными потребностями. Городъ состоитъ изъ совокупности домохозяйствъ; каждый хозяинъ независимо ведетъ внутреннее хозяйство своего учрежденія до тѣхъ поръ, пока оно не приноситъ ущерба общему благу, и поэтому каждое домохозяйство экономически самостоятельно. Въ религиозныхъ обителяхъ и въ другихъ обширныхъ учрежденіяхъ можетъ существовать большое раздѣленіе труда, и община можетъ вести постоянную торговлю съ внѣшнимъ міромъ; но какъ бы многочисленно ни было населеніе монастыря, оно будетъ только домохозяйствомъ въ экономическомъ смыслѣ, а не городомъ, до тѣхъ поръ пока тамъ нѣтъ отдѣльныхъ соб-

¹ Green, *Short History of the English people*, I. 369.

² Pirenne въ *Revue historique* (1859), VII, стр. 70.

³ См. выше стр. 37.

⁴ Слово „собственникъ“ употреблено здѣсь въ самомъ обширномъ его значеніи и относится къ каждому, кто имѣетъ исключительное право пользоваться землей или другимъ орудіемъ производства, каковъ бы ни былъ точный терминъ его владѣнія или его легальнаго личнаго положенія.

ственниковъ, съ исключительными правами и вытекающею отсюда независимостью группы.

Для продолжительнаго существованія и роста такой группы домохозяйствъ необходимы удобства обмѣна; и было бы невозможно сказать, торговля ли вызвала основаніе города, или существованіе города создало благопріятныя условія для торговли ¹; вопросъ о первенствѣ въ этомъ случаѣ такъ же неразрѣшимъ, какъ и проблема о первой курицѣ и первомъ яйцѣ; логически и фактически существованіе города и внутренней торговли нераздѣльны, прогрессъ одной обусловливаетъ развитіе другого. Въ самой сущности рынка есть нѣчто такое, что, фактически, если не по праву, заключаетъ въ себѣ экономическую идею города; такой рынокъ возможенъ всюду, гдѣ большія или малыя домохозяйства отдѣльныхъ собственниковъ были тѣсно связаны между собою и находились другъ отъ друга въ какой бы то ни было зависимости относительно ихъ экономическихъ нуждъ и потребностей. Но монастыри или обширныя виллы не имѣли такой потребности или не представляли благопріятныхъ условій для развитія постояннаго обмѣна и торговли. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что хотя и встрѣчались города, находившіеся подъ защитой и покровительствомъ монастырей и дворцовъ, но они состояли изъ учрежденій, принадлежавшихъ многимъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, и потому они находились внѣ вліянія организованной жизни какого-либо домохозяйства.

Образованіе подобныхъ группъ и ихъ увеличеніе какъ по размѣрамъ, такъ и по значенію, едва ли имѣло бы мѣсто, если бы онѣ не пополнялись жителями окружающихъ областей. Здѣсь и возникаетъ для насъ затрудненіе. Когда общество организовалось въ домохозяйства и люди были прикрѣплены къ почвѣ, правами ли собственности, или личными обязательствами, тогда была невозможна большая свобода передвиженія; поэтому не понятно, изъ какихъ источниковъ накоплялось населеніе въ городахъ. Быть-можетъ, въ дѣйствительности его приливъ былъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ ²; но во всякомъ случаѣ возможно обратить вниманіе на нѣкоторые соціальные элементы, принявшіе участіе въ раз-

¹ Arnold, *Verfassungsgeschichte*, II. 126.

² Inama Sternegg, II. 31 и III, 29.

витіи городовъ, какъ населенныхъ мѣстъ съ внутренней торговлей для жителей.

Кромѣ того мы должны помнить, что не возникаетъ никакихъ сомнѣній относительно происхожденія нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ городовъ христіанскаго міра; Кельнъ, Майнцъ, Страсбургъ, Парижъ, Бордо и многіе другіе города вѣроятно сохранились, какъ густо населенные центры, съ римскихъ временъ; повидимому, ихъ жители никогда не утрачивали своихъ привычекъ къ экономической независимости даже въ то время, когда ихъ городское самоуправленіе было уничтожено. Во многихъ мѣстахъ Франціи *cité* остался, какъ памятникъ давно прошедшихъ дней, чтобы стать зерномъ новаго развитія; и во всѣхъ такихъ городахъ было много разныхъ владѣльцевъ и существовали удобства для покупки жизненныхъ припасовъ, а также благопріятныя условія для найма рабочихъ и предложенія труда. Римскіе города сѣверной Франціи и Рейнской долины могли быть доведены до крайней нищеты, но, повидимому, они продолжали существовать, какъ города въ экономическомъ значеніи этого слова.

Для возникновенія города въ совершенно новомъ центрѣ представляются большія затрудненія; но тамъ, гдѣ многіе отдѣльные собственники жили въ близкомъ сосѣдствѣ отъ какого-либо пункта, благопріятнаго для торговли, тамъ по крайней мѣрѣ могло явиться ядро настоящаго города ². Были и другіе соціальныя элементы, готовые сгруппироваться вокругъ этого ядра, и лишь только они преуспѣвали, какъ обезпечивали за собой владѣніе и положеніе въ городахъ. Что касается городовъ, которые развивались вокругъ монастырей, то мы видимъ, что разроставшаяся торговля религіозныхъ общинъ въ восьмомъ и девятомъ столѣтіяхъ привлекла къ дѣлу значительное число постороннихъ агентовъ. Каково бы ни было истинное соціальное положеніе *negociatores*, они ясно и опредѣленно отличались отъ *coloni* и *serfs*, и если они не настолько зависѣли отъ монастыря, чтобы требовать отъ него жалованья,

¹ Flach, *Les origines de l'ancienne France*, II. 244.

² Земледѣльцы той мѣстности, гдѣ начинала возникать торговля, были тѣми предками городской аристократіи, о которыхъ мы слышимъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ. Это былъ главный періодъ борьбы земельной аристократіи и торговыхъ интересовъ за право управленія городами.

то они могли доставлять припасы, приобретаая ихъ покупкой и пользоваться удобствами рынка.

Другіе элементы также содѣйствовали увеличенію низшихъ слоевъ населенія въ нарождающихся городахъ. Мѣста, которыя пользовались правомъ убѣжища и неприкосновенности ¹, привлекали людей укрывавшихся отъ правосудія. Карлъ Великій настаивалъ на выдачѣ воровъ и бѣглыхъ рабовъ ², но другіе изгнанники, искавшіе убѣжища, повидимому, могли оставаться здѣсь и такъ какъ не было обязательно оставлять ихъ праздными, то, вѣроятно, они служили по найму. Были еще другіе элементы бродячаго населенія; пилигримы проходили изъ одной страны въ другую, иностранные купцы тоже постоянно передвигались. Они были признаны законодательствомъ Карловинговъ, такъ какъ *missi* должны были доносить Карлу о прибывающихъ (*advenae*) ³ въ ихъ участки; можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ оставались на постоянное жительство и способствовали росту города. Многіе ремесленники-хозяева, повидимому, были свободны; но даже ремесленники, не имѣвшіе собственнаго заведенія, иногда могли переселяться. Епископъ Гебгартъ имѣлъ возможность поселить такихъ ремесленниковъ въ окрестностяхъ основаннаго имъ монастыря въ Петерсгаузенѣ ⁴.

Необходимость въ защитѣ была самой главной причиной заставлявшей людей собираться вмѣстѣ и селиться по сосѣдству. Это особенно чувствовалось въ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ древнихъ скандинавовъ и гунновъ ⁵; низшіе классы находили выгоднымъ жить подъ охраной королевскаго дворца, резиденціи епископа или большого монастырскаго хозяйства, гдѣ защита могла быть правильно организована. По своему внѣшнему виду городъ десятаго столѣтія прежде всего былъ чѣмъ-то въ родѣ мѣстечка (*burg*) или укрѣпленія, и многіе континентальные города долго сохраняли характеръ военныхъ крѣпостей. Сосѣдство монастыря могло быть менѣе безопасно, чѣмъ крѣпость, но такъ какъ многія религіозныя общины пользовались торговыми льготами, то и это могло при-

¹ Imbart de la Tour, *op. cit.* стр. 80.

² *Capitular.*, 806 г.; Migne, I, 303, с. 5.

³ *Capitular.*, 806 г.; Migne, I, 303. С. 5, 306, с. 5.

⁴ Hegel, *Entstehung des Deutschen Städtewesens*, 117.

⁵ W. Arnold, *Verfassungsgeschichte*, II. 130.

влекать поселенцевъ, которые могли пользоваться такими торговыми привилегіями.

Однакоже города тринадцатаго столѣтія не были только скопленіемъ атомовъ, привлеченныхъ удобствами охраны и торговыми привилегіями; въ каждомъ городѣ были связующіе элементы, заключающіеся въ правахъ и обязанностяхъ, общихъ для всѣхъ жителей или для извѣстной ихъ части, которые и сообщали этимъ группамъ нѣкоторое единство.

Однимъ изъ такихъ элементовъ была общность землевладѣнія во многихъ римскихъ городахъ. Кромѣ пахотныхъ полей, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, существовали общія поля, которыя служили пастбищемъ для скота ¹. Исторія Рима представляетъ въ этомъ случаѣ примѣръ ²; при многихъ другихъ обстоятельствахъ, когда земледѣльческая единица развивалась въ промышленный или торговый городъ, существованіе общественныхъ полей, вѣроятно, имѣло важное связующее значеніе для жителей ³, и въ то же время служило основой продовольствія города ⁴.

Общее пользованіе правами рынка служило другимъ связующимъ элементомъ для городскихъ жителей. Практическія удобства обмѣна товаровъ, какъ мы видѣли, заключаютъ въ себѣ истинную идею города; но кажется, что фискальныя и юридическія привилегіи, связанныя съ устройствомъ рынка, только постепенно, ясно опредѣлялись; пожалованье этихъ привилегій хартіей, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ давало поводъ учредить рынокъ, а въ другихъ — преобразовать незаконно учрежденный рынокъ въ *mercatum legitimum* ⁵. О рынкахъ часто упоминаютъ *капитуляріи*, и Карлъ старался удержатъ въ своихъ рукахъ право давать эти привилегіи. Нѣтъ возможности выяснитъ изъ многихъ документовъ, былъ ли рынокъ годовой ярмаркой, которая служила мѣстомъ съѣзда иностранцевъ и центромъ иностранной торговли, или онъ былъ только ежене-

¹ Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, IV. 214.

² Dareste de la Chavanne, *Classes Agricoles*, 117. Rietschel, *Die Civitas*, 61, 87.

³ Maitland, *Township and Burg*, 50.

⁴ О земледѣльской организаціи въ Римѣ въ 1030 г. по Р. X. см. Rodocanachi, *Corporations ouvrières à Rome*, I. X. При основаніи городовъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи обращали особенное вниманіе на земледѣльческія условія. S. Thomas Aquinas, *De reg. princ.* II. 4.

⁵ Huvelin, *Droit de marchés*, 145, 175.

дѣльнымъ базаромъ, снабжавшимъ городскихъ жителей съѣстными припасами. Въ томъ или другомъ случаѣ сдѣлки велись подъ контролемъ королевской (или сеньориальной) власти, символъ которой представлялъ крестъ, стоявшій на рынкѣ, на крестѣ висѣли перчатки и шпага, какъ знаки присутствія короля и обязанности охранять порядокъ ¹. Тамъ, гдѣ былъ, такимъ образомъ, законно установленъ рынокъ, для сосѣднихъ владѣльцевъ было выгодно пріобрѣтать въ городѣ ² дома чтобы пользоваться городскими привилегіями, и ввести свои имѣнія въ кругъ возраставшихъ благопріятныхъ условій торговой жизни.

Общія обязанности, соединявшія вмѣстѣ городскихъ жителей, отчасти имѣли отношеніе къ ихъ опредѣленнымъ правамъ; существовали казенные земельные налоги и выкупы. съ цѣлью освободить торговлю горожанъ отъ обычныхъ пошлинъ. Были также и военные повинности; ремонтъ стѣнъ средневѣковыхъ городовъ вмѣстѣ съ обязанностью поддерживать ихъ, вѣроятно, ложился тяжелымъ бременемъ на имущество и время горожанъ. Въ конституціонной исторіи городовъ главный интересъ представляетъ исторія усилій городскихъ жителей освободиться отъ исполненія этихъ обязанностей и исторгнуть права на самоуправленіе у королевской, дворянской или духовной власти, подъ чьимъ патронатствомъ и покровительствомъ развивался городъ.

Таковы были главные элементы, которые способствовали учрежденію городовъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи и которые различно комбинировались въ исторіи cadaго изъ нихъ. Конечно, мы не можемъ объяснить возрожденія городской жизни общимъ указаніемъ на какой-либо отдѣльный элементъ ³; увеличеніе торговли, не имѣя ничего общаго съ расширеніемъ хозяйствъ, не могло само по себѣ способствовать ⁴ развитію

¹ R. Sohn, *Entstehung des deutschen Städtewesens*, 18. Разумѣется были успѣшныя попытки городовъ присвоить себѣ какъ это, такъ и другія права короля, Huvelin, *op. cit.*, 183.

² Въ *Domesday Book* эти дома причислялись къ помѣстьямъ и не составляли части города для фискальных цѣлей. *c. g.* Brightwell, *D. B.* I. 58. Maitland, *Domesday Book and Beyond*, 179.

³ Frach, II. 326; см. также Pirenne (*Revue historique*, 1895, vol. LVII, стр. 65), который особенными примѣрами доказываетъ, что происхожденіе городовъ нельзя приписывать монастырямъ, крѣпостямъ и только рынкамъ.

⁴ Pirenne (*Revue historique*, 1895, vol. LVII, стр. 68), „Города заро-

городовъ. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ вообще было признано и понято важное значеніе устройства городовъ и обезпеченности городской жизни; и потому короли и дворяне сознательно стремились насаждать такіе центры и развивать, такимъ образомъ, торговлю на своихъ территоріяхъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи въ Саксоніи было основано много городовъ ¹ въ связи съ развитіемъ рудоконной промышленности; были основаны свободные города въ англійскихъ владѣніяхъ и во Франціи, въ удобныхъ для торговли пунктахъ.

Разсмотрѣвъ условія, подъ вліяніемъ которыхъ основывались города и становились организованными общинами, мы можемъ теперь взглянуть на ихъ внутреннюю жизнь ранѣе тринадцатаго столѣтія. Кое-гдѣ встрѣчающіеся намеки у современныхъ историковъ бросаютъ только слабый свѣтъ на этотъ предметъ; однакоже есть причины думать, что люди пользовавшіеся правами собственности на землю въ городѣ, образовали мѣстную аристократію ², и что ихъ потомки долго продолжали занимать высокое положеніе; но они не могли сохранять это положеніе, какъ исключительной касты. Интересы торговли становились все болѣе и болѣе управляющимъ факторомъ въ прѣуспѣяніи городовъ; и учрежденія, организованныя съ коммерческими цѣлями и не исключавшія какъ помѣстныхъ, такъ и безпомѣстныхъ людей, постепенно пріобрѣтали значительную силу. Нѣкоторыя изъ этихъ гильдій и ассоціацій можно прослѣдить въ самыя раннія времена, и мы можемъ обнаружить зачаточныя формы торговаго управленія. Исторія этихъ корпорацій чрезвычайно темна, но она становится менѣе запутанной, если мы обратимъ наше вниманіе на различныя функціи которыхъ онѣ служили.

Активная ³ торговля Каролингскаго періода производилась караванами купцовъ, которые путешествовали вмѣстѣ для взаимной безопасности, такъ какъ одинокое путешествіе было практически невозможно. Караванъ могъ разрастись до необыкновенныхъ размѣровъ, такъ какъ купцовъ могли сопро-

дидись внезапно подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, вызванныхъ въ Европѣ возрожденіемъ торговли и промышленности“.

¹ Inama Sternegg, III. I. 2, 22 n.

² W. Arnold, *Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten*, 10.

³ Активную торговлю вели тѣ купцы, которые покупали товары на свой рискъ, стараясь найти на нихъ покупателей.

водить толпы пилигримовъ, которые были рады конвоемъ въ опасныхъ мѣстахъ, и для такой массы путешествовавшего народа¹ были необходимы какія-либо правила или управленіе. Организованный караванъ есть самый примитивный типъ ассоціаціи между предприимчивыми купцами, и онѣ легко могли положить начало учрежденію складовъ въ тѣхъ пунктахъ, которые обыкновенно посѣщались этими путешественниками и гдѣ они желали найти амбары для своихъ товаровъ и удобныя помѣщенія для людей и животныхъ. Торговля *факторіи* иностранныхъ купцовъ, подобно Steelyard въ Лондонѣ, которыя посѣщались подданными императора², кажется, произошли естественнымъ путемъ локализаціи организованныхъ корпорацій странствующихъ купцовъ³. Подобные склады, служившіе непрерывною связью между городомъ и отдаленными странами, кажется, возникли вмѣстѣ съ ростомъ средневѣковой торговли, но во всякомъ случаѣ возможно, что иныя формы торговой ассоціаціи сохранились со временъ Римской имперіи. Всегда, когда городъ получалъ жизненные припасы не изъ своихъ собственныхъ полей, и они покупались въ отдаленныхъ областяхъ, тогда организація активной фрахтовой торговли становилась существенно необходимой; купцы, которые вели торговлю по Сенѣ и Луарѣ въ одинадцатомъ столѣтіи, составляли хорошо извѣстныя корпораціи; и весьма возможно, что это были не вновь образовавшіяся ассоціаціи, а союзы, которые сохранялись непрерывно со временъ Имперіи⁴.

Существуетъ другое коммерческое учрежденіе, о которомъ часто упоминаютъ, но свѣдѣнія о характерѣ и цѣляхъ этого учрежденія такъ скудны, что невозможно съ увѣренностью говорить о немъ. Однако, эти свѣдѣнія, не противорѣчатъ предположенію, что *купеческая гильдія*, о которой мы теперь говоримъ, была организаціей, учрежденной во многихъ городахъ съ цѣлью способствовать жителямъ вести *пассивную* торговлю

¹ Doren, *Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden* у Schmoller'a *Staats u. socialwissenschaftliche Forschungen*, XV. ii. 162; Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, III. 27.

² Lappenberg, *Geschichte des deutschen Stahlhofs zu London*, ii. I.

³ Ганза, о которой мы читаемъ у S. Omer (Giry, *S. Omer*, 413), повидимому, была мѣстнымъ складомъ фламандскихъ купцовъ, союдинившихся въ ассоціацію для активной торговли съ Англіей.

⁴ Pigeonneau, I. 33, 114.

на самыхъ выгодныхъ условіяхъ¹. Купеческое сословіе, повидимому, состояло изъ всѣхъ жителей города, богатыхъ и бѣдныхъ, которые имѣли случай продавать и покупать². Безъ сомнѣнія, имъ всѣмъ было выгодно имѣть возможность производить покупки у странствующихъ купцовъ сообща, чтобы потомъ подѣлить между собою купленный товаръ. Повидимому, было нѣсколько стадій муниципальнаго развитія, когда купеческая гильдія была цѣннымъ учрежденіемъ; хотя многіе значительные города совершенно обходились безъ нея, а другіе скоро переросли ее и вывели изъ употребленія. Кажется, это учрежденіе не имѣло себѣ аналогичнаго въ муниципальной жизни римской имперіи.

Организація промышленности въ *ремесленные цехи* выступаетъ на свѣтъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, чему документальными доказательствами служатъ канатчики въ Руанѣ, ткачи въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно, они представляютъ вѣтвь той хозяйственной организаціи³, которая заняла общественное положеніе, въ то время когда каждое занятіе перестало быть домашнимъ и организовалось на независимомъ основаніи. Но аналогія между средневѣковыми ремесленными цехами и римскими *collegia* такъ близка, что трудно предположить, чтобы ремесленные цехи или промышленныя организаціи никогда не были переживаніемъ, сохранившимся между экономически независимыми жителями древнихъ городовъ, но были постоянно новыми учрежденіями, переходившими отъ королевскаго хозяйства къ тому населенію, которое собиралось возлѣ него. Повидимому, нельзя ясно доказать постояннаго существованія

¹ Rodocanachi (*Corporations*, p. XIV) смотритъ на коммерческіе суды какъ на главный элементъ образованія Мерканціи въ Римѣ. Повидимому, они возникли изъ комбинаціи болѣе равныхъ ассоціацій XII столѣтія и потеряли свое значеніе въ XIV столѣтіи, когда отдѣльныя ремесла выдѣлились изъ нихъ (*Ib.* стр. XII, XVIII).

² См. Gross, *Gild Merchant*, I, 107; M. Bateson, Leicester, стр. XXIX; Mayer, *Zoll, Kauffmannschaft u. Markt* въ *Germanische Abhandlungen*, стр. 450; *Gild Merchant of Shrewsbury* въ *Royal Hist. Soc. Trans.* N S. IX. 99; Giry, *S. Omer*, 281; тоже Pirenne, *Revue historique*, LVII. стр. 77.

³ О ремесленной организаціи во времена Карла см. Gareis, *op. cit.* стр. 247. Cp. The Assize of Bread under Henry II. Cunningham, *Growth of English Industry*, I. 568. Въ такихъ производствахъ, какъ монетное, гдѣ комбинировались общественныя и административныя функціи съ производствомъ, вѣроятно домохозяйство было источникомъ его происхожденія.

collegia даже въ самомъ Римѣ¹, имѣющіяся же указанія относительно ихъ устойчивости въ другихъ центрахъ весьма скудны², но все же они достаточны, чтобы можно было допустить гипотезу о переживаніи ихъ въ римскихъ городахъ, причемъ распространеніе ихъ оттуда представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе объ ихъ вполнѣ самостоятельномъ происхожденіи.

Объ учрежденіяхъ, которыя были образованы не съ торговыми и промышленными, а иными цѣлями, говорить здѣсь нѣтъ надобности, хотя они, безъ сомнѣнія, могли имѣть большое вліяніе на развитіе муниципальных учреждений. Были *цехи*, уничтожить которые пытался Карль³. они, повидимому, были сходны съ англійскими пограничными цехами⁴ которые, составляли ассоціацію. служившую для преслѣдованія нарушителей закона. Быть-можетъ они приучали гражданъ къ взаимопомощи, самоуправленію. такъ что они какъ бы подготавливали возникновеніе *communes*, въ то время когда гражданская жизнь получила импульсъ въ эпоху крестовыхъ походовъ⁵. Но съ экономической точки зрѣнія такія ассоціаціи не имѣли перво-степеннаго значенія, и городская жизнь, возрастанію которой онѣ способствовали, не была въ концѣ концовъ новымъ социальнымъ типомъ. но только переживаніемъ формы, уже игравшей значительную роль во всемірной исторіи⁶.

87. Возрожденіе городской жизни было послѣднимъ камнемъ⁷ положеннымъ въ основы средневѣкового христіанства; многіе цвѣтущіе города возродились или возникли во Фландріи, въ Германіи, Франціи и Италіи ранѣе тринадцатаго столѣтія, и если мы попытаемся бросить взглядъ на общество Западной Европы того времени, то не можемъ не замѣтить, что, несмотря на политическіе и расовые раздоры и ихъ обширное распространеніе, христіанство было чрезвычайно однородно и соеди-

Подчиненіе
Риму.

¹ Rodocanachi, *Corporations ouvrières à Rome*, стр. VIII, XI.

² Martin Saint Léon, *Corporations des Métiers*, 28; E. Mayer, *Deutsche u. französische Verfassungsgeschichte*, 330.

³ Inama Sternegg. I. 263.

⁴ Pirenne въ *Revue historique*, LIII. 63.

⁵ См. ниже §. 94.

⁶ См. Т. I стр. 88.

⁷ Въ развитіи же финикійской, греческой и римской цивилизаціи это было первымъ извѣстнымъ намъ ея проявленіемъ.

нено тѣсными узами, глубоко запечатлѣвшимися на всемъ его строѣ. Какъ въ настоящее время въ Индіи общія учрежденія браманизма сообщаютъ единство соціальной системъ всѣхъ индусовъ, несмотря на различіе ихъ языка и образа правленія, такъ общая религіозная жизнь христіанства вліяла на каждую общественную форму. Мы должны также помнить, что въ двѣнадцатомъ вѣкѣ явилось политическое тѣло или, по крайнѣй мѣрѣ, соціальный организмъ: народы Западной Европы уже не составляли военную имперію, въ которой они были соединены личной властью одного правителя, подобно Карлу Великому, но они образовали сильное политическое цѣлое, которое разрасталось всюду подъ одними и тѣми же вліянiями, и которое во всѣхъ своихъ частяхъ было связано съ своимъ центромъ Римомъ.

Монастыри, какъ христіанскія колоніи, были учреждены по уставу св. Бенедикта, и потому были главнымъ образомъ подданными святого престола¹; движеніе пилигримовъ направлялось по торговымъ путямъ къ Риму; изъ Рима же архіепископы получали палліумъ, знакъ ихъ служебнаго достоинства²; и, наконецъ, папская теорія отношеній папы къ императору восторжествовала. Каждый изъ элементовъ въ возрожденной цивилизаціи древняго міра находился въ тѣсной связи съ Вѣчнымъ городомъ, изъ котораго во времена императоровъ распространялась власть на весь извѣстный тогда міръ.

Три теченія проходили по всей соціальной системѣ христіанства. Прежде всего общая религіозная жизнь съ могущественнымъ ея орудіемъ духовной кары и отлученія, которое она вручила духовенству, такъ что оно имѣло возможность заставить принять ту систему управленія, которая была одобрена Римомъ. Затѣмъ существовала сильная судебная система каноническаго права, общій кодексъ, съ одинаковыми судами для всего западнаго христіанства, эти суды вѣдали не только исключительно духовныя дѣла, но и многія такія, которыя мы можемъ разсматривать, какъ экономическія; таковы вопросы о торговой этикѣ, а также объ общественномъ благосостояніи, насколько оно касалось законовъ о бракѣ и о завѣщаніи имущества. Наконецъ, въ Римѣ производилась уплата тяжелыхъ пошлинъ;

¹ Montalambert, *Monks of the West*, II. 345 — 347.

² Collier, *Ecclesiastical History of Great Britain*, I. 161.

онѣ отчасти были связаны съ администраціей каноническаго права, а отчасти состояли изъ различнаго рода папскихъ обложеній. Собираніе этого дохода вызвало учрежденіе громадной фискальной системы: ея агентами были итальянскіе банкиры и ихъ компаніоны, и эти папскіе купцы поселились во всемъ западномъ христіанствѣ.

Такимъ образомъ клерикальная организація охватила всю соціальную систему. Каждая сторона этой объединенной жизни христіанства — религіозная, законодательная или финансовая — была предметомъ критики во времена реформаціи. Мы можемъ сказать, что въ Германіи произошло настоящее возстаніе противъ злоупотребленій религіозными вѣрованіями въ примѣненіи ихъ къ жизни. Съ другой стороны въ Богеміи гнетъ папскаго обложенія вызывалъ возмущеніе народнаго чувства во многихъ поколѣніяхъ гораздо раньше, чѣмъ наступилъ взрывъ; то же справедливо и относительно Англіи, хотя здѣсь окончательный взрывъ народнаго негодованія произошелъ по поводу примѣненія каноническаго права при слушаніи дѣла короля. Но стремительность взрыва въ каждомъ случаѣ показываетъ насколько были сильны тѣ связи, которыя скрѣпляли эту соціальную систему.

Преимущества новаго порядка сравнительно съ древней имперіей Цезарей или съ хаосомъ, послѣдовавшимъ за ея паденіемъ, настолько для насъ очевидны, что мы склонны не достаточно оцѣнить трудность изслѣдованія причинъ роста того новаго общества, какое мы находимъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи¹. Если мы удовольствуемся нашимъ воображеніемъ и наделимъ темные вѣка людьми современнаго типа, способными лелѣять наши идеалы и подчиняться вліянію нашихъ стремленій, то мы можемъ намѣтить ходъ перемѣны въ общепонятныхъ терминахъ, указавъ главнымъ образомъ на утилитарныя стремленія и на мотивы политической цѣлесообразности, какъ на достаточныя причины наступившаго прогресса.

Но не такъ легко разрѣшить эту проблему; мы имѣемъ дѣло не только съ сохраненіемъ древняго общества въ его старой формѣ, но и съ его преобразованіемъ. Сохранить за-

¹ Послѣ двѣнадцатаго столѣтія болѣе непосредственное вліяніе на императорскія установленія оказывало возобновленное изученіе гражданскаго права, а также болѣе частыя сношенія съ Константинополемъ, благодаря крестовымъ походамъ.

конь и порядокъ, если разъ они установлены, сравнительно не трудно; совершенно иное—вселить уваженіе къ обновленной жизни и собственности. Мы можемъ понять процессъ переустройства общества только тогда, когда проникнемся опредѣленными идеалами, которые люди отдаленныхъ вѣковъ ставили конкретной цѣлью своихъ стремленій, ихъ личными мотивами, ихъ опытомъ и вѣрованіями. Мы должны рассмотреть не только представлявшіяся громадныя затрудненія, но и средства, которыя были необходимы для борьбы съ ними. Когда мы такимъ образомъ поймемъ сложность и условія проблемы, то увидимъ, что все это внушаетъ только одну мысль, которая даетъ простое и въ то же время удовлетворительное рѣшеніе всѣхъ трудностей вопроса. Христіанство внесло новые идеалы, а также и новые могущественные мотивы, которые такъ сильно вліяли на отдѣльныхъ личностей, что они начали прилагать всѣ усилія, съ цѣлью осуществить свои стремленія. Римская имперія коснѣла, какъ типъ распадающагося общества, которое не представляло никакихъ высокихъ цѣлей жизни и давало мало существенныхъ мотивовъ для индивидуальной дисциплины и энергіи ¹. Христіанство способствовало возрожденію новаго общества, потому что оно было не простымъ чувствомъ набожныхъ людей, но жизненной силой, проникавшей во всѣ остатки цивилизаціи и руководившей энергіей тѣхъ, которые при помощи этихъ различныхъ элементовъ создали огромное средне-вѣковое политическое цѣлое.

¹ Томъ I, стр. 183.

ГЛАВА II.

Натуральное и денежное хозяйство.

88. Въ предыдущихъ параграфахъ мы старались указать на главные факторы, пересоздавшіе цивилизованное общество Западной Европы; теперь мы должны описать характеръ экономическихъ учрежденій средневѣкового христіанства и изслѣдовать ихъ дѣятельность въ ихъ лучшее время. У насъ не можетъ возникнуть особеннаго сомнѣнія относительно того періода, въ продолженіи котораго христіанство достигло высшаго пункта своего матеріальнаго благосостоянія, если мы будемъ разсматривать его съ той критической точки зрѣнія, какою обыкновенно пользовались ¹. Тринадцатое столѣтіе было одною изъ великихъ эпохъ всемірной исторіи, оно было вѣкомъ замѣчательной художественной и поэтической продукціи, не имѣвшимъ соперниковъ въ тонкости философскаго и юридическаго познанаія ²; оно было вѣкомъ военныхъ походовъ и торговой предприимчивости. Это былъ также вѣкъ, оставившій обильныя доказательства своего матеріальнаго преуспѣянія въ уцѣлѣвшихъ великолѣпныхъ постройкахъ, одни изъ нихъ остались въ развалинахъ, другіе были восстановлены; но какъ бы они не пострадали, они даютъ намъ чувствовать какими громадными средствами располагали

**Вещественные
памятники
средневѣково-
го благосо-
стоянія; граж-
данскіе, духов-
ные, домашніе.**

¹ Томъ I, стр. 9 и 10.

² Объ изученіи римскаго права см. ниже § 111.

тѣ, кто имѣли возможность осуществлять свои планы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Христіанскіе храмы - соборы, приходскія и монастырскія церкви, — въ томъ видѣ какъ они сохранились до сихъ поръ, — представляютъ наиболѣе поразительные памятники архитектурной дѣятельности двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтія; но многіе изъ нихъ совершенно исчезли. Измѣненіе вкуса въ позднѣйшемъ вѣкѣ сильно способствовало уничтоженію многихъ величественныхъ зданій, воздвигнутыхъ норманами въ покоренныхъ ими земляхъ¹. Тогда происходила не только всеобщая перестройка наиболѣе древнихъ и болѣе скромныхъ церковныхъ зданій, но и было предпринято много совершенно новыхъ сооруженій. Реформа монастырской жизни, возникшей въ Ключни и Сито и положившей начало новымъ орденамъ, была признакомъ возродившагося энтузіазма къ болѣе суровой религіозной жизни, которая нашла наиболѣе соответствующее себѣ выраженіе въ картезіанскихъ храмахъ строгой красоты. Церковныя зданія представляются одной изъ выдающихся чертъ картины всего западнаго христіанства, и говорятъ намъ о готовности жертвовать богатствомъ или силой для поддержанія христіанскаго богослуженія и процвѣтанія божественныхъ учреждений.

Безъ сомнѣнія и въ древнемъ мірѣ было много священныхъ храмовъ, много искусства было посвящено на служеніе богамъ; и легко провести аналогію между обрядностью язычества и суевѣріями среднихъ вѣковъ; не трудно доказать, что обряды и легенды стараго времени пережили и облачались иногда въ христіанскія одежды, когда они не были настолько языческими², что ихъ было необходимо искоренять. Но указать на эти поверхностныя и случайныя сходства не такъ важно, какъ отмѣтить ихъ основныя различія. Въ древнемъ мірѣ религія, возникнувъ изъ семейныхъ обрядовъ и гражданскихъ обязанностей, была главнымъ образомъ мѣстной; философъ могъ находить сходства между богами различныхъ странъ и придавать религіознымъ культамъ спиритуалистическое значеніе, но религія индивидуума, или города, была проникнута матеріальными элементами, личными и мѣстными³; во всей древ-

¹ E. S. Prior, *History of Gothic Architecture*, 34.

² Eckenschtein on S Agatha in *Woman under Monasticism*, стр. 15.

³ Fustel de Coulanges, *La cité antique*, 1895, стр. 37, 167.

ней имперіи единственнымъ связующимъ звеномъ было поклонение Императору, то-есть произвольной человѣческой волѣ. Въ христіанствѣ же была одна религія общая всѣмъ; она могла локализоваться въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, которые были ареной духовнаго торжества,—какъ, на примѣръ, гробница въ Іерусалимѣ или, въ меньшей степени, пещера въ Subiaco, — она могла освѣщаться сохранявшимися реликвіями какого-либо борца за вѣру; но это была духовная вѣра и поэтому вѣра безъ различія лицъ, мѣста или времени, даже тогда когда она локализовалась въ отдѣльныхъ обществахъ и извращалась пережившими языческими остатками. Внутренніе раздоры христіанства породили соблазнъ противорѣчивыхъ обращеній къ одному Богу оказать помощь каждому изъ соперниковъ въ ихъ спорномъ дѣлѣ, но здѣсь мы уже не видимъ борьбы боговъ съ богами ¹. Всѣ различія расъ и интересовъ были проникнуты основнымъ единствомъ христіанской вѣры и чувства. Религіозными мотивами могли пользоваться для возбужденія человѣческихъ страстей; религіозные принципы могли служить оправданіемъ самыхъ ужасныхъ преступленій; но все же существовала общая почва, на которой люди могли сойтись, былъ общій центръ, къ которому они могли обращаться, была опредѣленная цѣль, къ которой всѣ стремились. Церкви христіанства суть внѣшніе и видимые символы общей религіозной жизни, которая была совершенно чужда древнему міру; эти памятники служатъ намъ напominаніемъ того, что религіозная и законная организація проникла весь общественный строй.

Церкви и церковныя зданія представляются самыми выдающимися явленіями средневѣковой культуры; но кромѣ того уцѣлѣли постройки, которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи другихъ сторонъ жизни. Крестовые походы были вызваны религіознымъ энтузіазмомъ, но отчасти также и торговыми мотивами, и послужили орудіемъ для созданія новой эры коммерческихъ предпріятій, которыя оказали большое вліяніе на города Италіи и Фландріи и въ нѣкоторой степени на города Германіи, Франціи и Англіи. Остались роскошныя городскія ратуши, чтобы напомнить о величіи нѣкоторыхъ изъ этихъ торговыхъ центровъ. Подобныя гражданскія соору-

¹ *Ibid*, стр. 175.

женія служили тѣмъ же цѣлямъ, что и базилики древняго міра; и хотя не было такихъ зданій, которыя могли бы поспорить съ величіемъ *fora*, окружавшихъ Капитолій въ Римѣ ¹, тѣмъ не менѣе они достаточно грандіозны, чтобы возбудить удивленіе людей утилитарнаго вѣка. Піацца Сень-Марко въ Венеціи, Лоджія во Флоренціи, городскія постройки въ Брюге и Гентѣ по крайней мѣрѣ служатъ выдающимися памятниками недавнихъ торговыхъ сношеній и городского богатства, которые раньше были неизвѣстны въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій.

Хотя мирныя искусства такимъ образомъ еще разъ пользовались цвѣтущимъ состояніемъ въ тринадцатомъ столѣтіи, все же оно было вѣкомъ частыхъ войнъ; воздвигались различнаго рода зданія съ тѣмъ чтобы приспособить ихъ къ защитѣ. Большіе замки господствующіе надъ городами Франціи и Германіи похожи на крѣпости, сооруженныя Эдуардомъ I по всему Валійскому княжеству и въ его окрестностяхъ. Искусство военнаго укрѣпленія сильно развилось, благодаря соприкосновенію съ Востокомъ и средства защиты далеко превосходили средства наступательной войны. Замки знатныхъ вельможъ были такими укрѣпленными мѣстами, откуда не было страшно бросить вызовъ императору или королю; стѣны городовъ давали возможность гражданамъ бороться за охраненіе своей свободы; между тѣмъ какъ башни приходскихъ церквей и зданія средневѣковыхъ помѣстій могли защищать отъ внѣшнихъ внезапныхъ нападений. Сохранившіяся военныя и домашнія постройки, не менѣе чѣмъ духовныя и гражданскія зданія, говорятъ намъ о характерныхъ чертахъ жизни средневѣковаго христіанства въ его цвѣтущее время.

Перечисленіе этихъ архитектурныхъ памятниковъ можетъ напомнить намъ различные типы учреждений, которыя мы должны постепенно изучать, если желаемъ понять ихъ экономическое вліяніе. Съ одной стороны эти зданія воспроизводятъ передъ нами далеко распространившую свое вліяніе *духовную* систему, которая сознательно развивалась въ одинаковомъ направленіи во всемъ христіанствѣ. Другія зданія даютъ намъ возможность вспомнить городскія учрежденія доставлявшія удобства для внутренняго сообщенія и торговли

¹ Hodking, *Italy*, IV, 104.

² As e. g. at Château Gaillard, Oman, *A. History of the Art of War*, стр. 533.

по всей Европѣ. Есть еще другіе, которые могутъ дать ясную картину той разнообразной *хозяйственной* администраціи, какая существовала въ замкахъ королей и бароновъ, во дворцахъ епископовъ и даже въ монастыряхъ или помѣстьяхъ. Главныя группы архитектурныхъ остатковъ соотвѣтствуютъ тремъ различнымъ типамъ соціальной организаціи, оставившимъ отпечатокъ на современной Европѣ.

89. Тринадцатое столѣтіе, какъ уже указано, было періодомъ великаго матеріальнаго преуспѣянія; но оно было также въкомъ быстрого перерожденія и почти можно сказать въкомъ экономической революціи. Возобновленіе коммерческихъ сношеній и развитіе торговыхъ центровъ обусловило широкое распространеніе денегъ, которыя стремились замѣнить денежной сдѣлкой плату услугами или натурой. Какъ духовное такъ и гражданское правительство живо чувствовали финансовое удобство полученія доходовъ деньгами, въ смыслѣ ихъ взиманія, передачи и способовъ счетоводства. Система натурального хозяйства, какъ воплощенное учрежденіе франковъ, исчезала; и настоятельныя требованія должностныхъ лицъ фиска побуждали землевладѣльцевъ вообще преобразовать свои хозяйства съ цѣлью получать доходы съ помѣстій деньгами. Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, отъ мѣновой торговли и платежей работами къ употребленію денегъ—вызвалъ много практическихъ проблемъ и много ученыхъ споровъ. Осталась масса документовъ и нѣкоторая литература, главнымъ образомъ англійскіе источники, которые даютъ намъ возможность изучить типическія фазы развитія общества, какъ они описаны современными авторами, и отмѣтить факторы, способствовавшіе этой важной переменѣ. Мы можемъ лучше понять дѣятельность общественныхъ учреждений того времени, если будемъ разсматривать ее въ связи съ этой экономической революціей.

**Переходъ отъ
натуральнаго
къ денежному
хозяйству. —
Конституцион-
ный прогрессъ.**

Въ первомъ томѣ настоящаго труда было необходимо обратить вниманіе на другія стороны такой же революціи и указать на замѣну денежнымъ хозяйствомъ натурального въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ представлялось въ древнемъ мірѣ. Трудность взиманія дохода деньгами съ крестьянскаго насе-

ленія изощряла изобрѣтательность Вавилонскихъ и Птоломейскихъ финансистовъ. Мы также видѣли какую опасною властью пользовались денежныя классы въ Римѣ и съ какою жадностью они ловили благоприятные случаи обогатиться на счетъ покоренныхъ народовъ. Денежное хозяйство ложилось также тяжкимъ бременемъ на бѣдныхъ земледѣльцевъ Аттики во времена Солона. Съ другой стороны мы можемъ вспомнить, что введеніе денежнаго хозяйства въ греческихъ городахъ было однимъ изъ условій, сдѣлавшихъ возможнымъ распространеніе политическаго вліянія и силы. Всѣ эти явленія мы можемъ встрѣтить еще разъ въ иныхъ формахъ и въ иныхъ размѣрахъ, но съ результатами до такой степени аналогичными, что они оказываются весьма поучительны.

Хотя положеніе дѣлъ въ среднія вѣка по сравненію съ древнимъ міромъ было много лучше, но тягость перемѣны безъ сомнѣнія была слишкомъ сурова; существовало непріязненное чувство противъ евреевъ и другихъ банкировъ, которые отчасти пользовались монополіей на денежномъ рынкѣ. Однако, преимущества денежной системы были на столько велики, въ виду фискальных цѣлей и какъ средство, открывавшее возможность торговаго и промышленнаго развитія, что революція была неизбежна; если бы она не наступила, то весь человѣческій прогрессъ остался бы въ примитивномъ „стаціонарномъ“ положеніи, съ обществомъ, организованнымъ въ хозяйственныя группы. Возраставшія экономическія преимущества, вслѣдствіе общаго введенія денегъ, станутъ ясны, если мы сравнимъ современную западную цивилизацію съ положеніемъ Европы временъ Карла Великаго; и мы должны помнить, что этотъ поступательный экономическій шагъ сдѣлалъ возможнымъ политическій и конституціонный прогрессъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ средневѣковомъ мірѣ. Только тогда, когда общественныя повинности перечислялись на деньги и собирались въ формѣ денегъ стало возможнымъ стремленіе подданныхъ контролировать власть денегъ. До тѣхъ поръ, пока доходы получались въ различныхъ формахъ, было весьма трудно объединять различные отдѣлы государства въ общемъ дѣлѣ и невозможно было разумно и существенно критиковать дѣйствія финансовой администраціи. Связь между новыми экономическими условіями и политическимъ прогрессомъ особенно замѣтно проявляется въ исторіи той европейской страны, которая первая

ввела у себя представительныя учрежденія. Конституціонный прогрессъ слѣдовалъ по пятамъ за административными переменами, происшедшими въ Англіи между временемъ Исповѣдника и временемъ Эдуарда I. Система собиранія доходовъ деньгами, вмѣсто расчетовъ натурой и личными услугами, сдѣлала болѣе дѣйствительнымъ управленіе каждымъ департаментомъ и была необходимой ступенью для приобрѣтенія драгоцѣннаго права англійскихъ гражданъ контролировать и распредѣлять налоги. Когда ввозная торговля состояла главнымъ образомъ изъ бочекъ вина и когда собирались обыкновенныя традиціонныя таможенныя пошлины, тогда не могло быть ни контроля налоговъ, ни попытокъ устранить ихъ случайность, которая составляла обычное явленіе. Введеніе денежнаго хозяйства было необходимой ступенью, безъ которой греческій гражданинъ не могъ бы располагать собой и имѣть свободное время для государственныхъ обязанностей; оно было также необходимой ступенью англійскаго политическаго развитія, оно освѣтило то, что касалось всѣхъ, и дало всѣмъ возможность обсуждать свои общественныя нужды.

Въ тринадцатомъ столѣтіи въ жизнь городовъ, въ духовную организацію христіанства и въ управленіе королевствъ начало проникать денежное хозяйство; но вѣроятно оставались еще многія жизненныя отношенія, къ которымъ оно рѣдко имѣло доступъ, даже въ передовыхъ общинахъ. Города западнаго христіанства были сравнительно незначительны: сельское населеніе относительно было многочисленнѣе, чѣмъ теперь, и между этимъ населеніемъ въ тринадцатомъ столѣтіи господствовало натуральное хозяйство ¹ и денежные платежи хотя и производились часто, но не были обычнымъ дѣломъ. Крѣпостные люди отдавали свою работу, за которую имъ обыкновенно платили раціонами, и давали имъ землю, которую они обрабатывали въ свою пользу. Въ другихъ случаяхъ продукты этой земли дѣлились пропорціонально между земледѣльцами и ея собственниками. Случайныя требованія денегъ угнетали землевладѣльцевъ, которые обыкновенно обходились безъ нихъ и организовали свои хозяйства на самоудовлетворяющихъ на-

¹ Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія значительная часть ренты во многихъ мѣстностяхъ Шотландіи вносилась натурою. H. Graham, *Social Life of Scotland*, I. 4.

чалахъ, и въ этихъ случаяхъ передъ нами ясно выступаютъ тѣ затрудненія, которыя являлись слѣдствіемъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному.

90. Торговые и финансовые вопросы играли въ тринадцатомъ столѣтіи такую важную роль, что обращали на себя большое вниманіе людей съ весьма замѣчательной интеллектуальной проницательностью. Сохранилась значительная разнородная экономическая литература того времени. Уже какъ описательная литература, она представляетъ большой интересъ для историка, но она имѣла еще болѣе важное значеніе, такъ какъ заключаетъ въ себѣ принципы и правила для практическаго веденія дѣлъ. Въ дѣловой жизни того времени было много золъ, которыя было желательно обуздать, и потому современные моралисты формулировали опредѣленные принципы относительно того, что справедливо или несправедливо въ денежныхъ сдѣлкахъ, съ цѣлью установить основы и границы благоразумнаго вмѣшательства въ торговые дѣла. Ихъ экономическій анализъ страдалъ большими недостатками и выработанная ими теорія цѣнности не выдерживаетъ критики; но ихъ этическая точка зрѣнія достойна изслѣдованія, и предложенныя ими практическія мѣры были повидимому вполне благотворны при тѣхъ условіяхъ, съ какими они должны были считаться. Ихъ дѣятельность была благоразумна, ихъ мораль имѣла здоровыя основанія, но экономическія теоріи, которымъ они старались найти разумное оправданіе для своихъ правилъ и ихъ пракческаго примѣненія, были совершенно ложны.

Въ новое время на форму экономической доктрины имѣетъ вліяніе то обстоятельство, что ея разработкой занимаются люди, привыкшіе имѣть дѣло съ физическими и математическими проблемами, которые и примѣнили эти обычные методы своихъ разсужденій къ явленіямъ предложенія и спроса. Точно также экономическая доктрина тринадцатаго столѣтія въ христіанскомъ мірѣ находилась, насколько это касалось ея формы, подъ всепоглощающимъ вліяніемъ ученій того времени; экономическія проблемы обсуждались людьми, привыкшими къ метафизическимъ методамъ. Согласно съ общепринятымъ направленіемъ мысли, они старались опредѣлить идеальный образецъ, который можно было бы осуществить въ частныхъ сдѣл-

Средневѣковая теорія цѣнности; ея основныя ошибки и ея практическія примѣненія,

кахъ и пытались найти опредѣленное понятіе „справедливой цѣны“; такимъ образомъ практическія изслѣдованія направились на изысканіе средствъ открыть справедливую цѣну каждой данной вещи. Съ новой точки зрѣнія всѣ эти исканія являются призрачными: цѣны всегда колеблются и по самой своей природѣ должны колебаться. Въ зависимости отъ „урожайнаго или неурожайнаго года“ количество полезныхъ предметовъ будетъ весьма различно, и поэтому будетъ большая разница въ относительной стоимости хлѣба, тканей, угля и всякаго рода необходимыхъ продуктовъ. Намъ извѣстно также, что товаръ, употребляемый въ качествѣ денегъ, долженъ время отъ времени измѣняться въ стоимости, и что поэтому должно быть постоянное колебаніе не только въ стоимостяхъ, но также и въ цѣнахъ. Попытка опредѣлить идеальную цѣнность предполагаетъ, что можетъ и должна быть устойчивость относительныхъ стоимостей и устойчивость мѣрила стоимости, — а это абсурдъ.

Средневѣковая доктрина и ея примѣненіе основывались на другихъ послышкахъ, которыя мы давно оставили. Стоимость не есть качество, присущее предмету, такъ что она должна имѣть одинаковую цѣнность для cadaго; она проистекаетъ изъ личныхъ предпочтеній и нуждъ различныхъ людей; одни желаютъ имѣть данный предметъ болѣе, а другіе менѣе, одни хотятъ пользоваться имъ однимъ способомъ, другіе—другимъ. Стоимость не объективна — не присуща предмету, — но субъективна, и измѣняется вмѣстѣ съ желаніями и намѣреніями владѣльцевъ или тѣхъ, которые имѣютъ быть владѣльцами; и потому что она такъ субъективна, она не можетъ быть опредѣленной идеальной стоимостью, которую имѣлъ бы каждый предметъ, и тѣмъ менѣе она можетъ имѣть истинную цѣнность, какъ мѣрило этой идеальной стоимости.

Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда тщательный анализъ понятія имѣлъ очень важныя практическія послѣдствія. Пока признавали, что каждый предметъ имѣетъ самъ по себѣ опредѣленную стоимость, казалось вѣроятнымъ, что никогда не можетъ быть прибыли при справедливомъ обмѣнѣ между двумя лицами. Если я даю эквивалентъ въ обмѣнъ за то, что получаю, то кажется, что отъ этого я ничего не выигрываю; если же я получилъ барышъ, при обмѣнѣ, то, должно-быть, потому, что я въ дѣйствительности не далъ эквивалента, но обогатился на счетъ того, съ кѣмъ вступилъ въ сдѣлку. Понятно,

что для каждой страны были полезны сношенія съ другими странами, такъ какъ Богъ надѣлилъ различными дарами каждую и обмѣнъ излишковъ былъ желателенъ; но званіе купца, который обогатился процессомъ обмѣна, всегда казалось болѣе или менѣе подозрительнымъ, такъ какъ съ средневѣковой точки зрѣнія невозможно было узнать, чѣмъ въ дѣйствительности оправдывается его прибыль. Это была одна изъ причинъ, почему средневѣковые писатели такъ строго осуждали дѣйствія человѣка, который покупаетъ вещи съ цѣлью продать ихъ въ другомъ мѣстѣ съ пользой для себя, и возвышаетъ цѣну при продажѣ тому, которому необходимо было купить ту же вещь для своего пользованія. Такое неправильное пониманіе вмѣстѣ съ постояннымъ предубѣжденіемъ противъ всякой коммерческой прибыли вносило смѣшеніе понятій въ изслѣдованіе вопроса о дѣловой этикѣ въ тринадцатомъ столѣтіи.

Но между тѣмъ какъ эта средневѣковая экономическая теорія кажется намъ нелѣпой и мы находимъ невозможнымъ сочувствовать поощряемымъ ею тенденціямъ, мы можемъ отнестись съ большимъ интересомъ ко взглядамъ этихъ писателей, когда отъ ихъ теоріи справедливости обратимся къ ихъ же теоріи несправедливости. На этотъ предметъ очень мало обращаютъ вниманія въ новое время: нашъ экономическій анализъ показываетъ, что тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто обмѣнъ, выигрываютъ обѣ стороны, и мы склонны согласиться съ заключеніемъ, что если эта сдѣлка выгодна для обѣихъ сторонъ, то она справедлива, — хотя, быть-можетъ, и не согласна съ какимъ-либо идеаломъ поэтической правды, — справедлива, насколько можно ожидать этого въ практической жизни. Однако, могутъ быть и весьма несправедливыя сдѣлки въ томъ случаѣ, когда одинъ извлекаетъ выгоду изъ временной нужды другого, или когда болѣе свѣдущій купецъ сумѣетъ обойти того туземца, отъ котораго онъ пріобрѣтаетъ цѣнные продукты, обмѣнивая ихъ на ничтожный товаръ. Мы чувствуемъ, что несправедливо, когда экономически сильный отнимаетъ все, что можетъ у экономически слабаго, или несправедливо торговать, не обращая никакого вниманія на „общепринятую оцѣнку“. Мы отказались отъ многихъ старыхъ попытокъ, какъ непрактичныхъ, авторитетомъ власти уничтожить несправедливую торговлю; однако современное нравственное чувство не особенно отличается отъ того же средневѣкового чувства сво-

имъ желаніемъ вмѣшаться, если бы это было возможно, въ дѣйствія торговцевъ, которые способны обогащаться, пользуясь нуждой или невѣжествомъ другихъ, и наживаться на ихъ счетъ.

Если бы мы попытались найти отличительный признакъ нечестныхъ торговыхъ сдѣлокъ, то мы едва ли могли бы сдѣлать что-нибудь лучшее, какъ, пользуясь средневѣковымъ выраженіемъ, сказать, что злоупотребленіе возникаетъ тогда, когда заключили торговую сдѣлку, не справляясь съ „общепринятой оцѣнкой“. „Общепринятая оцѣнка“, по средневѣковому обычаю, публично объявлялась на открытомъ рынкѣ, гдѣ собирались продавцы и покупатели и торговали мѣстными продуктами; но *скупщикъ*, который покупалъ товары частнымъ образомъ, прежде, чѣмъ они выставлялись какъ слѣдуетъ для продажи, являлся лицомъ подозрительнымъ, желавшимъ обогатиться, пользуясь особенной уступкой. Что касается мануфактурныхъ товаровъ, то „общепринятая оцѣнка“ опредѣлялась добросовѣстными людьми какого-либо цеха, которые понимали условія производства, знали стоимость матеріала и труда и которые могли такимъ образомъ вычислить правильную цѣну извѣстной группы товаровъ. Этотъ принципъ примѣнялся въ старыхъ правилахъ по регулированной цѣнѣ на хлѣбъ, что нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, кто утверждаетъ, что нормальная цѣна среднихъ вѣковъ была основана на стоимости производства ¹.

Запрещеніе торговли, не признававшей нормальныхъ цѣнъ, повидимому, достаточно предохраняло отъ несправедливыхъ торговыхъ сдѣлокъ; однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было идти дальше и установить опредѣленные границы для колебанія цѣнъ, или даже ввести таксы, заставляя исполнять ихъ. Въ городахъ были установлены максимальныя цѣны на съѣстные припасы, такъ какъ были основанія опасаться, что какой-либо патентованный поставщикъ съѣстныхъ припасовъ начнетъ слишкомъ пользоваться незнаніемъ и нуждами пріѣзжихъ купцовъ ², и вымогать у нихъ лишнее, и этимъ

¹ Ashley, *Economic History*, I. i. стр. 138.

² Объ установленіи нормальныхъ цѣнъ въ Римѣ, см. Rodocanachi. I. стр. XXX. Также о вознагражденіи, *ib.* стр. 20. Ср. Cassiodorus. *Variae*, XI. II. 12.

заставить ихъ прекратить свою торговлю въ этомъ мѣстѣ. Съ другой стороны установленіе подвижной таксы (*assize of bread and bear*) могло убѣдить общество въ томъ, что въ случаѣ возвышенія цѣны на хлѣбъ это возвышеніе дѣйствительно вызвано положеніемъ рынка, а не алчностью хлѣбопекоевъ.

Установленіе минимальной предѣльной цѣны, ниже которой товары не могли продаваться, вѣроятно было менѣе общимъ, но оно находилось въ связи съ вывозомъ шерсти ¹ изъ Англіи на континентъ. Сознаніе мѣстныхъ интересовъ было очень сильно, и каждая маленькая община настаивала прежде всего на правѣ пользоваться своими собственными продуктами, требуя, чтобы они не покупались по оптовымъ цѣнамъ для вывоза на отдаленные рынки. Вся система домоводства основывалась на томъ, что каждое помѣстье должно, насколько возможно, удовлетворять себя во всемъ и что управитель можетъ продавать только излишекъ отъ потребленія; при развитіи же національной экономической системы она приняла то же направленіе и ограничила вывозную торговлю излишкомъ, на который не было спроса у себя дома.

Въ этихъ случаяхъ цѣны ограничивались постановленіемъ власти, но было также много постоянныхъ или обычныхъ цѣнъ, которыя возникли изъ попытокъ выразить деньгами платежи натурой или услугами. Карлъ Великій придумалъ масштабъ для вычисленія подати натурой ², которую слѣдовало взимать съ покоренныхъ саксовъ. Точно такъ же *firma unius postis* ³, повидимому, имѣла опредѣленный денежный эквивалентъ въ Анжевинской фискальной системѣ. Во многихъ помѣстьяхъ крѣпостные платили *оброкъ* (*quit-rents*), или регулярныя суммы, въ которыя были оцѣнены ихъ услуги, такъ что вмѣсто исполненія опредѣленныхъ работъ, какъ случайнаго обязательства за пользованіе арендой, они пользовались землей за установленную денежную ренту. Въ такихъ случаяхъ обычные денежные платежи вошли въ употребленіе, когда натуральное хозяйство начинало исчезать.

91. Въ то время когда столь многіе умы были заняты теоріей цѣнности и ея примѣненіями къ практическимъ дѣламъ,

¹ Cunningham, *Growth of English Industry*. I. 625

² *Capitulare*, 797 г. по Р. X., с. II; Migne, I. 202.

³ Виноградовъ, *Villainage in England*, 303.

весьма естественно было обратить, также вниманіе на теорію денегъ. Лучшій образецъ средне вѣкового мнѣнія объ этомъ предметѣ можно найти въ книгѣ *Tractatus de mutatione monetarum* Nicholas Oresme'a; нѣтъ основанія предполагать, что этотъ авторъ значительно опередилъ научныя взгляды своего времени¹; хотя по своему систематическому изложенію и по своей общедоступной формѣ названный трактатъ представляетъ исключительный интересъ. Авторъ, который впослѣдствіи достигъ степени епископа въ Лизье, былъ не только ученый юристъ, но и проницательный наблюдатель дѣйствительной жизни; его памфлетъ, совершенно свободный отъ всякаго схоластическаго педантизма, былъ написанъ съ спеціальной цѣлью изобличить легкомысленное обезцѣненіе французской чеканной монеты, при Іоаннѣ Добромъ во Франціи. Главный интересъ этого трактата заключается въ рѣшительномъ взглядѣ автора на королевскую отвѣтственность и ограниченіе королевской прерогативы. Деньги королевства составляютъ его принадлежность, и король не имѣетъ права распоряжаться ими, какъ своею собственностью, или произвольно измѣнять ихъ, какъ ему вздумается; если бы онъ унизился до того, что сдѣлалъ это ради личной выгоды, то поступилъ бы хуже ростовщика, потому что такой поступокъ былъ бы не торговой сдѣлкой, а вымогательствомъ денегъ у тѣхъ, кто не вступалъ съ нимъ ни въ какія торговыя операціи.

**Королевская
прерогатива
и чеканка мо-
неты.**

Политическая философія Nicholas Oresme'a опредѣляетъ его точку зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ вопросы денежнаго обращенія. Онъ трактуетъ о важномъ значеніи пробы на монетахъ, и показываетъ, что пропорціональное отношеніе золота къ серебру въ монетѣ зависитъ отъ относительной цѣнности золота и серебра, какъ товара. Онъ разсматриваетъ пользу измѣненія названій ходячихъ монетъ съ цѣлью возвысить ихъ номинальную стоимость и вредъ, происходящій отъ уменьшенія вѣса или пониженія качества и чистоты металла монеты, выходящей изъ чеканки. Онъ признаетъ удобство выдѣлки монеты изъ металла низшаго качества, но настаиваетъ, чтобы чистота монетнаго образца сохранялась постоянно. Изложеніе

¹ Endemann, *Die nationaloeconomischen Grundsätze der canonischen Lehre*, стр. 75 п. Brants, *L'Economie politique au moyen âge*, 187.

его экономической доктрины такъ основательно и ясно, что должны были пройти вѣка, прежде чѣмъ устарѣлъ его трактатъ о денежныхъ вопросахъ.

Трактатъ французскаго епископа есть прекрасное изложеніе принциповъ правильной монетной системы, но онъ далъ мало указаній относительно тѣхъ практическихъ затрудненій, которыя чувствовались въ торговомъ мірѣ при обмѣнѣ денегъ одной страны на ходячую монету другой. Это было весьма сложное дѣло, такъ какъ деньги существенно отличались по своему объему и чистотѣ металла, и съ этой стороны дѣла пріѣзжіе купцы не могли вполне считаться. Но встрѣчались еще болѣе запутанныя явленія; одна и та же монета могла имѣть одну покупательную силу въ странѣ, гдѣ было много драгоцѣнныхъ металловъ, и иную въ другой, гдѣ слитковъ было очень мало и цѣны низки. Этотъ простой фактъ изъ коммерческой практики совершенно не соотвѣтствуетъ теоріи „истинной цѣнности“, присущей вещи самой по себѣ; продажа монетъ, и установленіе цѣнъ на монеты, что происходило на ярмаркахъ и въ другихъ сборныхъ мѣстахъ, повидимому считалось само по себѣ позорнымъ занятіемъ, при которомъ мѣняла получала безчестный барышъ. Все, что могло оправдывать измѣненіе цѣнъ при иностранныхъ платежахъ, было непонятно для обыкновеннаго честнаго человека того времени; и у купца было мало средствъ провѣрить банкирскій расчетъ. Въ интересахъ торговли было выгодно поручать размѣнъ денегъ отвѣтственнымъ чиновникамъ¹, которые находились подъ непосредственнымъ контролемъ высшихъ государственныхъ властей.

(i) Церковные и королевскіе финансы.

92. Таковы были сужденія о цѣнахъ и денежномъ обращеніи въ то время, когда система денежнаго платежа была быстро введена во всякаго рода дѣловыя сношенія. Тяжесть папскаго обложенія налогами, необходимость собирать ихъ и удобство передачи, все это оказывало широко распространившееся рѣшительное вліяніе въ пользу этой перемѣны. Папы создали обширную систему фиска во всемъ христіан-

Церковная и административная система. Папскіе доходы; ихъ сборъ и передача.

¹ Банкирское дѣло въ Римѣ регулировалось папскимъ престоломъ. Rodocanachi, *op. cit.* II. 6. Мѣновыя таблицы были организованы въ Дуврѣ Эдуардомъ I въ 1299 г.

ствѣ; часть ихъ доходовъ заключалась въ арендахъ, получаемыхъ съ недвижимыхъ имуществъ римской церкви въ Италіи и Сициліи ¹; но огромные ежегодные платежи аккуратно получались также съ земель многочисленныхъ монастырей, которые находились въ вѣдѣніи папскаго престола ². Собирались очень большія суммы, въ видѣ судебныхъ пошлинъ, въ связи съ судопроизводствомъ въ духовныхъ судахъ, или налоговъ, взимаемыхъ въ различныхъ видахъ. Администрація этого дохода была бы невозможна, если бы его собирали натурой; но когда налогъ перевели на деньги, стало удобно взимать его и пересылать въ Римъ черезъ уполномоченныхъ агентовъ, которые основались во всей Западной Европѣ.

Папство не одинаково успѣшно достигло полного признанія своихъ правъ на взиманіе доходовъ во всѣхъ странахъ; однако же нѣкоторые источники этихъ доходовъ были въ большей или меньшей степени одинаковы во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Англія по преимуществу несла бремя церковныхъ налоговъ въ ихъ самыхъ тяжелыхъ формахъ ³; собиравшіяся тамъ суммы были велики сравнительно съ общимъ богатствомъ этой отдаленной и мало развитой страны. Лепта св. Петра возникла въ девятомъ столѣтіи, и успѣхъ нормандскаго нашествія, которое было своего рода крестовымъ походомъ, усилилъ папское вліяніе на духовныя дѣла въ Англіи ⁴. Преобразование духовныхъ судовъ открыло путь для болѣе частаго обращенія къ Риму, между тѣмъ какъ отправленіе правосудія по каноническому праву папскими чиновниками практиковалось въ предѣлахъ королевства повидимому гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно предполагали ⁵. Эти должности были обширной статьей папскаго дохода: доходъ собиравшійся подѣ

¹ Fabre, *Etude sur le Liber Censum* въ *Écoles françaises d'Athènes et de Rome*, стр. 8.

² Fabre, *op. cit.* стр. 37, 116

³ Milman, *Latin Christianity* (3rd Edit.) VI. стр. 83, 290. Относительно Франціи см. Classon, *Histoire du droit et des Institutions de France*, V^e ch. V. стр. 263; также Casquet, *Précis des Institutions politiques en l'ancienne France*, II. 19, 24.

⁴ Монастырь въ Баттлѣ (Battle) находился подѣ непосредственнымъ папскимъ контролемъ и большая часть англійскихъ должностей перешла въ руки папскихъ кандидатовъ.

⁵ F. W Maitland, *Roman Canon Law in the Church of England*, 113 fol.

различными предложениями, съ дарованныхъ имуществъ разнымъ приходамъ, соборамъ и аббатствамъ, былъ также великъ. Въ добавленіе къ этимъ обычнымъ поборамъ взимались еще чрезвычайные налоги, таковъ былъ десятинный налогъ на всю церковную собственность, во время второго крестового похода. Народъ и духовенство неохотно подчинялись праву взиманія налоговъ; но притязаніе церкви на освобожденіе ея имуществъ отъ платежа налоговъ въ пользу короны ¹ породило сильное и быстрое сопротивленіе. Требованія папскаго двора становились все болѣе и болѣе произвольными вообще во всемъ христіанскомъ мірѣ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ; возрастаніе доходовъ церкви въ Богеміи ², которая вдругъ стала богатой страной, возбудило общую зависть и вызвало предварительные симптомы реформаціи.

Camera, такъ называлось папское казначейство въ Римѣ, была тщательно организована ³; и деньги, получаемыя изъ различныхъ христіанскихъ странъ, собирались итальянскими банкирами, которые обыкновенно были извѣстны подъ именемъ папскихъ купцовъ; такимъ образомъ потребности папскаго фиска были главной причиной развитія иностранныхъ банковъ ⁴. Доходъ изъ Англіи переводился векселями, которые обыкновенно оплачивались вывозомъ англійской шерсти на итальянскіе рынки; но изъ тѣхъ странъ, которыя были лишены цѣнныхъ продуктовъ для вывозной торговли, долженъ былъ происходить значительный отливъ золота ⁵. Главные агенты отпращиванія денегъ въ Римъ, извѣстные подъ именемъ *хранителей* (*depositaries*), были почти исключительно итальянцы; но самое взиманіе папскихъ налоговъ производилось *сборщиками* (*collectors*.) Многие

¹ Gottlob, *Aus der Camera Apostolica*, стр. 183.

² Kautsky, *Communism in Central Europe*, стр. 42.

³ Справ. Gottlob, *Aus der Camera*, стр. 70 fol.

⁴ Военныя требованія вызывали необходимость перевода большихъ денежныхъ суммъ. Servois, *Emprunts de S. Louis* въ *Bibliothèque de l'école de Chartes*, 4-me Serie, IV, 113. Кромѣ облегченія подобныхъ операцій, при помощи итальянскихъ банкировъ [Bond, *Loans supplied by Italian Merchants* въ *Archaeologia* XXVIII (1840), Темплиеры выработали строгую систему для перевода драгоценныхъ металловъ. Delisle, *Operations financiers des Templiers* въ *Acad. des Inscrip. t. XXXIII* (1889).

⁵ О сборѣ десятиннаго налога въ Гренландіи въ 1282 г., см. Heywood, *Documenta selecta e tabulario secreto Vaticano que Romanorum Pontificum erga Americae populos curam testantur*, № 8.

изъ этихъ налоговъ безъ сомнѣнія, взымались монетою; но, въ тринадцатомъ столѣтіи нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, десятинный налогъ,—взимался натурою, поэтому на обязанности сборщиковъ лежало реализовать денежную стоимость хлѣба или другихъ продуктовъ, попадавшихъ въ ихъ руки. Они иногда пользовались случаемъ и предлагали серебро людямъ, которые временно были поставлены въ невозможность уплатить папскіе налоги, и занимались очень выгодными, но весьма нечестными дѣлами. На сколько папскіе купцы выигрывали отъ иностранныхъ обмѣновъ, на столько же они теряли въ общественномъ мнѣніи того времени, и насколько они извлекали выгоды изъ нуждъ бѣдныхъ, на столько же возбуждали общественное негодованіе и унижали религію.

93. Папская система доходовъ, повидимому, была всецѣло организована на денежной основѣ. Если мы обратимся къ администраціи королевскихъ доходовъ, то яснѣе увидимъ процессъ перехода отъ натурального хозяйства къ денежному и особенно въ Англіи, которая болѣе другихъ богата финансовыми документами. Организациія англійскаго казначейства, въ томъ видѣ какъ оно существовало въ двѣнадцатомъ столѣтіи, была подробно описана епископомъ Рихардомъ въ *Dialogus de Scaccario*; а множество опубликованныхъ *Pipe Rolls* (документы архива государственнаго казначейства) даютъ обильный матеріалъ для ознакомленія со всей системой счетоводства ¹.

Взиманіе королевскихъ доходовъ натурой и деньгами.

Здѣсь можно замѣтить аналогію между источниками королевскихъ и папскихъ доходовъ; въ обоихъ случаяхъ извѣстная поземельная собственность доставляла эти доходы; получался доходъ отъ судопроизводства и доходъ отъ податей, хотя статьи дохода и его размѣры отъ каждой статьи не особенно точно соответствовали другъ другу. Регулярный доходъ короля опредѣлялся платежомъ аренды (*ferm*) графства; и шерифъ cadaго графства долженъ былъ собирать также накопившіяся суммы изъ случайныхъ или добавочныхъ источниковъ. Въ случаѣ если онъ расходовалъ деньги на нужды короля, онъ долженъ былъ доказать свое полномочіе произвести платежъ; и слѣдующіе по балансу доходы короны передавались деньгами.

¹ Hubert Hall, *Introdictio* въ *Publications of Pipe Roll Society*.

Монеты тщательно изслѣдовали и пробировали, прежде чѣмъ ихъ принимали и прежде чѣмъ шерифъ могъ сложить съ себя отвѣтственность по обязанности королевскаго сборщика за этотъ годъ. Англійскіе документы особенно интересны не только потому что вполнѣ вводятъ въ систему счетоводства, изслѣдованія и пробы денегъ, выдачи квитанцій, но еще и потому, что изъ нихъ мы узнаемъ, о сборѣ въ первой четверти двѣнадцатаго столѣтія части королевскихъ податей натурою ¹ и что столь подробно описанная въ нихъ денежная фискальная система была введена во всей ея полнотѣ сравнительно въ недавнее время.

Въ царствованіе Эдуарда I были установлены спеціальныя учрежденія для сбора таможеннаго дохода. Они представляютъ для насъ значительный интересъ, такъ какъ мы видимъ, что въ одной отрасли ввозной торговли все еще существовалъ платежъ натурой; корабли изъ Гасконіи должны были уплачивать одну тонну вина за переднюю и одну за кормовую мачту. Въ царствованіе короля Эдуарда III были другіе случаи сбора податей натурой, и оптовая вывозная торговля сильно страдала отъ королевскихъ притязаній. Парламентъ вотируетъ пособие королю, которое должны были собрать шерстью и черезъ королевскихъ агентовъ переслать во Фландрію, гдѣ полученная отъ ея продажи сумма должна была пойти на военные нужды ². Такимъ образомъ, оказывается, что фискальная система въ Англіи, въ четырнадцатомъ столѣтіи, была не вполнѣ установлена на денежной основѣ, такъ какъ временное возвращеніе къ примитивнымъ методамъ натурального хозяйства все еще оказывалось возможнымъ.

Такой переворотъ въ системѣ фиска могъ быть совершенъ только при помощи капиталистовъ, какъ посредниковъ. Вильгельмъ Завоеватель имѣлъ обдуманное намѣреніе организовать взиманіе своихъ доходовъ на денежной основѣ и убѣдилъ нѣсколькихъ евреевъ отправиться съ нимъ въ Англію, такъ какъ невозможно было осуществить этого плана безъ участія денежныхъ людей. Корона хотѣла имѣть въ своемъ распоряженіи деньги, а богатство ея подданныхъ обыкновенно заключалось въ землѣ и движимомъ имуществѣ. Корона могла обращаться

¹ *Dialogus de Scaccario*, I, C, 7.

² *Cunnigham, Alien Immigrants*, 78.

за денежными ссудами къ евреямъ, тогда какъ налоги собирались натурой и потомъ реализовались; въ другихъ случаяхъ капиталисты могли бы давать въ ссуды деньги плательщику налоговъ, такъ что послѣдній имѣлъ возможность уплачивать королевскія повинности ходячей монетой; повидимому англійскіе евреи оказали мало услугъ какъ промышленности, такъ и торговлѣ, но безъ сомнѣнія они облегчили наступленіе важныхъ фискальныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ періодъ, слѣдовавшій за нормандскимъ завоеваніемъ. Они достигли самага высокаго благосостоянія и значенія въ еврейскомъ мірѣ ¹, въ послѣдней четверти двѣнадцатаго и въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Послѣ этого болѣе общее распространеніе денежнаго хозяйства быть можетъ ограничило поле ихъ операций; съ другой стороны, 'монополія ихъ дѣятельности была подорвана итальянскими банкирами. Во всякомъ случаѣ поучительно замѣтить, что въ то время какъ Вильгельмъ Завоеватель нашелъ необходимымъ призвать евреевъ въ Англію, обстоятельства измѣнились такъ, что Эдуардъ I имѣлъ возможность отстранить ихъ услуги и изгнать изъ страны.

(ii) Городская жизнь.

94. Обращаясь отъ духовнаго и королевскаго хозяйства къ городскому хозяйству, мы переходимъ въ сферу, гдѣ обращеніе денегъ имѣло мѣсто вѣроятно съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ удобства для торговли были неразлучны съ идеей городской жизни ²; городское общество и возникшія въ немъ учрежденія необходимо должны были построиться на этой основѣ ³. Торговля была существеннымъ условіемъ, безъ котораго не могли бы возникнуть города западнаго христіанства, а развитіе торговыхъ сношеній въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ

**Городская
жизнь. Возник-
новеніе об-
щинъ.**

¹ Jacobs, *Jews in Angevin England*, Introd. стр. V.

² См. выше стр. 55.

³ Однакоже полного общественнаго вліянія денежнаго хозяйства нельзя наблюдать въ тѣхъ городскихъ общинахъ, гдѣ пережили элементы стараго порядка и полицейскія обязанности исполнялись гражданами лично и безвозмездно.

представляло благоприятныя условія для роста городского богатства и власти. Мы можем прослѣдить, распространѣніе потока торговаго преуспѣянія все далѣе и далѣе на сѣверъ, сначала по итальянскому полуострову и городамъ Септиманіи и Прованса, потомъ, это теченіе проявившись въ рейнскихъ земляхъ, во Фландріи и на сѣверѣ Франціи, проникло, наконецъ, черезъ Британскій каналъ въ Англію ¹. По мѣрѣ того какъ города улучшались, благодаря возрастанію торговли, они въ болѣе широкой степени обезпечивали жителямъ политическую свободу. Иногда, какъ, напримѣръ, въ Лангедокѣ, они боролись за нее, въ другихъ случаяхъ и особенно въ Англіи они покупали ее; но въ различные періоды и при различныхъ обстоятельствахъ христіанскіе города могли добиться муниципальныхъ вольностей. Такимъ образомъ возрастаніе торговаго благосостоянія было главнымъ условіемъ, которое и дѣлало возможнымъ великое движеніе, извѣстное подъ именемъ возникновенія *общинъ*.

Какъ мы уже видѣли раньше, многіе города развились, благодаря покровительству и опеке духовенства, но въ двѣнадцатомъ столѣтіи они настолько освободились отъ этой опеки, что у нихъ явилось стремленіе пользоваться правами самоуправления. Эти попытки могли быть внушены имъ извѣстной традиціей народныхъ правъ, воплощенной въ древнихъ обычаяхъ ². Ободряющіе примѣры они могли наблюдать, когда понимали практическую пользу независимости Венеціи и Амальфи въ ихъ сношеніяхъ съ константинопольскимъ императоромъ; свободные города священной Римской имперіи случайно достигли подобной же политической независимости ³. Жители городовъ Франціи систематически сопротивлялись произвольнымъ дѣйствіямъ сеньориальной власти; они обыкновенно образовывали *коммуны*, которыя были ассоціаціями, давшими присягу взаимно поддерживать другъ друга въ ихъ стремленіи къ независимости, и, повидимому, самые богатые купцы принимали выдающееся участіе въ организаціи этого движенія. Образованіе такихъ коммунъ могло быть представлено, какъ дѣло „ростовщиковъ“ ⁴, и оно повело къ переходу власти отъ земельного

¹ Giry въ *Histoire Général*, Lavissee et Ramboud, II, 420.

² *Ibid op. cit.* II, 423, 424.

³ *Ibid. op. cit.* II, 439.

⁴ См. парижскій соборъ въ 1213. Giry, *op. cit.* II, 428.

авторитета епископовъ и графовъ къ денежной аристократіи въ каждомъ городѣ. Этотъ переворотъ безъ сомнѣнія былъ аналогиченъ съ переворотомъ въ исторіи древнихъ городовъ ¹, и онъ также служить замѣчательнымъ предвѣстникомъ борьбы между земельными и денежными интересами за власть направлять національную политику въ Англіи въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Было два пункта, относительно которыхъ городскіе жители были особенно недовольны вмѣшательствомъ лорда: съ одной стороны, они желали отстранить его права на взиманіе пошлинъ, такъ какъ они могли быть очень тягостны ², а съ другой, они желали, чтобы ихъ судебныя дѣла не рѣшались судами, которые игнорировали торговые законы. Желаніе городскихъ жителей пользоваться привилегіями самоуправленія было вполне законно; но въ то же время крупные землевладѣльцы, подъ опекой и покровительствомъ которыхъ выросъ городъ, естественно должны были относиться непріязненно къ требованію городскихъ жителей уничтожить обязательства, установленныя съ незапамятныхъ временъ, и отказаться отъ давно установленной юрисдикціи. Духовенство и сеньоры въ общемъ относились завистливо къ возрастающей силѣ *общинъ*.

Но было бы ошибочно предполагать, что городскіе жители вездѣ одинаково вызывали къ себѣ враждебныя отношенія. По крайней мѣрѣ иногда политика французскихъ королей направляла развивавшіеся города противъ большихъ ленныхъ владѣльцевъ и оказывала расположеніе *коммунамъ*, находившимся внѣ ихъ собственныхъ владѣній. Были также сеньоры, которые понимали, что сосредоточіе торговли въ городахъ могло служить источникомъ ихъ богатства; они позволяли *villes-de-bourgeoisie* ³ пользоваться ограниченными привилегіями ⁴, которыя были гарантированы хартіей городскимъ жителямъ, однако они не имѣли ни общинной печати, ни колокола, которые служили внѣшними знаками корпоративной жизни настоя-

¹ Fustel de Coulanges, *La Cité Antique*, стр. 381.

² О пошлинахъ во франкскомъ королевствѣ см. E. Mayer, *Zoll, Kaufmannschaft und Markt*, въ *Abhandlungen zum LXX Geburtstag K. V. Maurers* p. 380 foll.

³ Giry, *op. cit.* II. 470.

⁴ Ничего аналогичнаго не было въ Англіи, но, повидимому, они соответствуютъ шотландскимъ городамъ баронства, въ отличіе отъ королевскихъ городовъ.

щей коммуны. После того, какъ крестовые походы открыли глаза западнымъ правителямъ на значеніе торговли, существовали еще другія побудительныя причины для основанія городскихъ коммунъ, на что мы уже указали выше ¹. Новые города и большіе пригороды строились по опредѣленному плану, какъ французскими королями, такъ и Эдуардомъ I въ его французскихъ владѣніяхъ. Между типичными примѣрами красиваго города, Монпазье ² и Каркасона служили образцами для постройки новаго ³ города или для возобновленія стараго, или наконецъ, при значительномъ расширеніи границъ какого-либо города ⁴.

Между городами средней Европы существовало большое различіе въ ихъ политическомъ положеніи и вліяніи; ихъ установленія были весьма различны, хотя большая часть континентальныхъ городовъ управлялась олигархіей, и общины имѣли лишь незначительный голосъ въ веденіи дѣлъ. Исторія каждаго города была не одинакова; но по своимъ экономическимъ условіямъ и экономическимъ учрежденіямъ они были очень сходны. Они вмѣстѣ создали систему одинаково организованныхъ, но различныхъ общинъ, которыя служили торговыми складами или доставляли удобства для внутренней городской торговли.

Каждый изъ этихъ городовъ былъ независимымъ центромъ городской жизни, отвѣтственнымъ за свои собственныя внутреннія дѣла; и каждый обязанъ былъ собирать значительныя суммы денегъ для расходовъ по его управленію и полиціи и платежи пошлинъ, которыя обезпечивали имъ ихъ привилегіи. Этотъ доходъ взимался при помощи налоговъ, которыми, повидимому, иногда облагались различныя торговыя или промышленныя компаніи, смотря по ихъ состоянію, а иногда взимали и съ жителей домовый налогъ. Горожане, платившіе подати, и люди, пользовавшіеся правомъ гражданства, всегда заботливо охраняли себя противъ всякаго вторженія постороннихъ въ ихъ при-

¹ См. выше, стр. 60.

² Turner and Parker, *Domestic Architecture in England*, II, 154.

³ Срав. эмиграцію изъ Old Sarum и основаніе Салисбюри; см. также ниже, Прибавленіе.

⁴ Такъ образовались Бери (Bury), Норвичъ и Петербургъ (Peterborough). Срав. мою статью *The Corrupt Following of Hippodamus of Miletus at Cambridge*, *Camb. Ant. Soc. Communications*. 1899, IX, 421.

вилегіи; какъ горожане, они имѣли признанное положеніе, гдѣ бы они ни путешествовали, и отсюда произошло ясно выраженное отличіе между ними и тѣми, которые были только купцами и не занимали положенія въ христіанскомъ торговомъ обществѣ.

Важное значеніе городской жизни, какъ фактора въ цивилизованномъ обществѣ, было разсмотрѣно въ связи съ исторіей древняго міра. Въ средніе вѣка города, подобно Венеціи и Генуи, соперничали съ торговыми центрами классическаго міра или превосходили ихъ; они достигли несмѣтнаго богатства, и ихъ промышленное развитіе сообщило имъ такую устойчивость, какой никогда не имѣли Аѣины. Ихъ торговыя колоніи, не служили постоянно, подобно колоніямъ грековъ, опорой своей метрополіи; однако для нашей цѣли нѣтъ надобности останавливаться на величіи ихъ военнаго и морскаго могущества, такъ какъ ему суждено было исчезнуть, когда національное правительство становилось болѣе дѣйствительнымъ. Городская организація для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей имѣла болѣе постоянный интересъ; ибо города оставались, какъ большіе экономическіе центры, хотя ихъ политическое значеніе, какъ независимыхъ общинъ, и власть, которой многіе пользовались для достиженія своихъ отдѣльныхъ экономическихъ цѣлей, исчезали. Сохранившіяся очень полныя свѣдѣнія относительно торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій средневѣковыхъ городовъ дѣлаютъ яснымъ, что ихъ гильдіи и компаніи имѣли болѣе высокую организацію и пользовались лучшимъ политическимъ положеніемъ, чѣмъ соотвѣтствующія имъ общества въ древнемъ мірѣ.

95. Купцы, занимавшіеся активной торговлей, повидимому были вождями въ дѣлѣ образованія *communes* и достигли господствующаго вліянія въ управленіи каждаго города¹. Они были капиталисты и естественно стояли во главѣ городской общины, хотя спеціальное торговое занятіе, занимавшее руководящее положеніе въ одномъ городѣ, могло не быть особенно выдающимся въ другомъ. Банкиры, которые были агентами по собиранію папскаго дохода, играли значительную роль во многихъ центрахъ; во Флорен-

Купцы и яр-
марки.

¹ Въ Англіи, гдѣ было немного осѣдлыхъ купцовъ, занятыхъ активной торговлей, денежная олигархія проявилась не раньше четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій.

ціи купцы, ввозившіе ткани¹, занимали руководящее положеніе; въ Лондонѣ бакалейщики, торговавшіе громоздкими товарами, которые взвѣшивались на городскихъ вѣсахъ, повидимому, монополизировали на время всѣхъ городскихъ почетныя должности, хотя торговцы шелкомъ и другими цѣнными товарами, которые взвѣшивались на мелкихъ вѣсахъ раньше имѣли тамъ свою организацію. Эти группы купцовъ, соединившись въ компаніи, для разумнаго регулированія своихъ отраслей торговли, на дѣлѣ управляли городомъ.

Намъ станетъ понятенъ весь механизмъ торговли того времени, если мы изучимъ уставы ярмарокъ, бывшихъ главными торговыми съѣздами христіанъ. Наиболѣе знаменитыми рынками въ началѣ среднихъ вѣковъ считались рынки въ Шампани и въ Бріэ; но, такіе же торговые центры находились въ каждой странѣ. Приливы торговли были слишкомъ слабы, чтобы устраивать постоянный рынокъ круглый годъ въ какомъ-либо одномъ центрѣ 'для цѣнныхъ товаровъ, привозимыхъ издалека; торговля была только временной, и каждая ярмарка въ свою очередь доставляла странствующему купцу благопріятный случай продать свои товары. Правила для постройки балагановъ и веденія дѣлъ были тщательно выработаны, и когда возникалъ споръ, коммерческіе суды быстро отправляли правосудіе, согласно съ торговымъ закономъ. Но возникали и такіе споры, которые не такъ легко было разрѣшить и которые вызывали продолжительную переписку между властями различныхъ городовъ. Кредиторъ старался получить платежъ, прося мера своего города, снести съ меромъ того мѣста, гдѣ жилъ его должникъ. Мы видимъ изъ этого, что купецъ искалъ своихъ правъ не какъ англичанинъ или французъ, но какъ гражданинъ извѣстнаго города, его положеніе въ его собственной общинѣ давало ему положеніе во всякомъ мѣстѣ, гдѣ собирались купцы, и онъ могъ быть увѣренъ, что всякій понесенный имъ ущербъ въ его торговыхъ сдѣлкахъ будетъ разсматриваться, соображаясь не съ мѣстными обы-

¹ *Arte di Calimala* занимались выдѣлкой и крашеніемъ привозимыхъ тканей; *Arte di Lana*, ткацкая мануфактура во Флоренціи, представляла отдѣльную торговлю, возникшую въ тринадцатомъ столѣтіи. Doren, *Entwicklung und Organisation der Florentiner Zünfte* (въ *Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen*, изд. Schmoller, XV, стр. 7).

чаями, которые ему неизвѣстны, а съ торговымъ уставомъ, который дѣйствовалъ въ одинаковой формѣ во всемъ христіанствѣ.

96. Въ дополненіе къ этимъ ассоціаціямъ капиталистовъ, занимавшихся активной торговлей въ средневѣковыхъ городахъ, существовало также много и промышленныхъ организацій. Производство различныхъ товаровъ, разумѣется, было вызвано торговлей, оно имѣло въ виду не одни мѣстные рынки или, по крайней мѣрѣ, рассчитывало на усиливавшійся спросъ вмѣстѣ съ разрастаніемъ города и увеличеніемъ населенія. Трудно повѣрить, чтобы могла возникнуть большая мѣстная организація какого-либо промысла, пока для работы въ одномъ и томъ же ремеслѣ не требовалось болѣе десяти или двѣнадцати человѣкъ, и потому удивительно, что въ двѣнадцатомъ столѣтіи возникло такое обширное распространеніе ремесленныхъ обществъ. Цехи ткачей существовали въ Марльборо, Веверлеѣ и Оксфордѣ, такъ же какъ и въ Лондонѣ при Генрихѣ I; подобныя же учрежденія ¹ были у канатчиковъ—Руана, кожевниковъ—Гента и суконщиковъ—Валансьенна. Хотя эти учрежденія были извѣстны раньше всѣхъ другихъ, но весьма вѣроятно, что подобныя же корпораціи существовали уже давно въ нѣкоторыхъ континентальныхъ городахъ; такъ мы имѣемъ свѣдѣнія о ремеслахъ Парижа тринадцатаго столѣтія и когда вспомнимъ, какъ широко была развита въ это время и въ этомъ городѣ мануфактура и какъ полно она была организована, то едва ли найдемъ основаніе предположить, что промышленныя ассоціаціи имѣютъ весьма недавнее происхожденіе². Etienne Boileau³ далъ полное описаніе *corps de métier*, въ томъ

**Промышленная
организація.
Ремесленные
цехи.**

¹ Martin-Saint-Léon, *Histoire des Corporations de Métiers*, стр. 57. Inama Sternegg II. 323—325.

² Раннее возникновеніе ремесленныхъ организацій въ средніе вѣка, въ противоположность ихъ позднему развитію въ греческихъ городахъ, весьма замѣчательно. Въ томъ, что цехами пользовались для группировки жителей съ цѣлью обложенія податями, можно видѣть ясный поводъ для образованія подобныхъ корпорацій. Но разъ организованныя, онѣ стали вполне необходимы для городской жизни и продолжали существовать во многихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока промышленная революція не измѣнила всѣ условія труда. Купеческая гильдія была переходной фазой развитія, ремесленный же цехъ остался.

Le livre de Métiers. Изд. Lespinasse'a и Bonnardot. Королевскія заботы объ организаціи промышленности во Франціи отно-

видѣ какъ они существовали въ его время, и въ его книгѣ мы находимъ очень яркую картину нравовъ и обычаевъ этой аристократіи труда ¹. Въ Парижѣ было не менѣе ста такихъ ремесленныхъ цеховъ и хотя они отличались между собою во многихъ частностяхъ, ихъ общій характеръ былъ одинъ и тотъ же.

Мальчикъ, желавшій поступить въ какой-нибудь изъ этихъ цеховъ, поступалъ въ ученіе къ мастеру, который долженъ былъ давать ему помѣщеніе и пищу и обязанъ былъ не только учить его своему ремеслу, но и имѣть общій надзоръ за своими учениками, чтобы воспитать ихъ хорошими гражданами. Пробывъ свое время ученикомъ, работникъ становился подмастерьемъ или поденнымъ рабочимъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, получая жалованье. Если поденный рабочій собиралъ или занималъ столько денегъ, что имѣлъ возможность начать свое собственное дѣло, онъ старался получить званіе мастера; съ этой цѣлью, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, онъ долженъ былъ представить *образецъ* своей работы, какъ доказательство знанія своего мастерства. Мы имѣемъ основаніе думать, что промышленность обыкновенно находилась въ рукахъ мелкихъ капиталистовъ; они были не только хозяевами, но и сами занимались тѣмъ ремесломъ, которому обучали своихъ учениковъ; впрочемъ иногда они нанимали добавочныхъ рабочихъ и такимъ образомъ могли быть въ одно и то же время мелкими предпринимателями и работниками. Хозяева, соединясь въ *corps de métier* или въ ремесленные цехи, составляли правила для успѣшнаго веденія ремесла,—не только съ цѣлью техническаго обученія рабочихъ, но и для опредѣленія качества матеріала и всѣхъ условій работы. Въ каждомъ городѣ *corps de métier* были уполномочены наблюдать за исполненіемъ установленныхъ правилъ цеховыми рабочими; но никто изъ постороннихъ, не подчинявшихся этимъ правиламъ, не имѣлъ права заниматься ремесломъ; употребляли всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать постороннимъ лицамъ пріобрѣтать какое-либо знаніе техническихъ приѣмовъ или другихъ

ся къ тринадцатому столѣтію, въ Англіи организація и контроль ремесленныхъ цеховъ находились въ вѣденіи муниципальных властей, которыя не допускали посторонняго вмѣшательства въ это дѣло.

¹ Организація труда простыхъ рабочихъ, повидимому, весьма мало принималась въ соображеніе въ то время.

ремесленныхъ тайнъ. Чтобы выработать и заставить исполнять эти правила, требовалось много трудовъ по управленію и необходимо было организовать администрацію общимъ капиталомъ, который составлялся отчасти изъ платы за ученіе и взносовъ членовъ цеха, отчасти изъ штрафовъ за нарушеніе устава. Эти фонды иногда употреблялись для благотворительныхъ цѣлей, въ видѣ безпроцентныхъ займовъ нуждающимся членамъ цеха; иногда же фонды увеличивались торговыми спекуляціями. Въ нѣкоторыхъ городахъ члены цеха имѣли право примать участіе въ выгодной покупкѣ одного изъ своихъ членовъ; болѣе тѣсному ихъ сближенію служили общія празднества и принадлежность къ одной религіи.

Таковъ былъ общій типъ ремесленнаго цеха ¹, съ нѣкоторыми незначительными отличіями въ различныхъ странахъ ². На континентѣ ремесленные классы были вообще отдѣлены рѣзкой границей отъ капиталистовъ, насколько мы можемъ прослѣдить это въ исторіи городской жизни; въ Лондонѣ дифференцированіе промышленнаго и денежнаго классовъ едва ли можно наблюдать раньше четырнадцатаго столѣтія. Въ Германіи подмастерья или *Geselle* должны были путешествовать и приобрѣтать болѣе полныя знанія своего мастерства; въ Англіи, повидимому, не было такого установленія: промышленныхъ сношеній между различными городами. Эти различія такъ рѣзки, что важно изучить систему цеха каждаго города, стараясь воздерживаться отъ поспѣшныхъ аналогій.

Взаимный надзоръ именитыхъ гражданъ ремесленниковъ, представляя выдающуюся черту цеховой системы, дѣйствовалъ какъ въ интересахъ публики, такъ и рабочихъ; она сохранялась въ силѣ до того времени, пока организація капиталистами промышленности не замѣнила прежней системы, достигнувъ полного контроля при помощи болѣе подвижной системы. Эта послѣдняя могла успѣшно примѣняться и къ мастерамъ, разбросаннымъ по деревнямъ, тогда какъ цеховой контроль почти необходимо требовалъ, чтобы мастеровые жили недалеко другъ

¹ Забота средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ о благосостояніи искусныхъ работниковъ отличаетъ цехи отъ аналогичныхъ имъ *collegia* давняго Рима. Levasseur, *Classe ouvrières*, I. 195.

² О положеніи женскихъ ремесленныхъ цеховъ въ Англіи и во Франціи, см. E. Dixon, *Economic Journal*, V, 225.

отъ друга. Высоко развитая промышленность средних вѣковъ была сосредоточена въ городахъ, гдѣ она регулировалась чиновниками цеха, которые дѣйствовали по уполномочію городскихъ властей ¹; по мѣрѣ того какъ эта промышленность преуспѣвала и устанавливала отдаленныя сношенія, явилась необходимость вмѣшательства капиталистовъ. Многіе ремесла зависѣли отъ торговыхъ удобствъ, которыми можно было пользоваться въ такихъ средоточіяхъ богатыхъ купцовъ, какъ Венеція и Генуя, Флоренція, Аугсбургъ или Брюге. Сюда ввозили матеріалы для мануфактуры шелка и окончательной выдѣлки тканей; богатство этихъ городовъ во многихъ отношеніяхъ зависѣло отъ выгодныхъ доставокъ на отдаленные рынки съѣстныхъ припасовъ; но ихъ прогрессъ нельзя было совмѣстить съ чисто городской системой управленія. Необходимость пріобрѣтать матеріалы и имѣть контроль за доставкой съѣстныхъ припасовъ принудили нѣкоторые города считаться съ значительными пространствами территоріи. Городъ былъ такой же важной экономической единицей въ концѣ среднихъ вѣковъ, какою во времена Карловинговъ были домохозяйства; но экономическія нужды не менѣе чѣмъ политическое честолюбіе сдѣлали перемѣну неизбѣжной и произвели перестройку экономической системы не въ узкихъ границахъ городской общины, но согласно съ средствами и требованіями разросшихся территорій ².

¹ Одинъ весьма важный цехъ каменщиковъ, по необходимости, не имѣлъ муниципальнаго характера. Постройки замковъ и церквей очень часто производились въ мѣстностяхъ, находившихся внѣ района какихъ бы ни было муниципальных властей; и мы можемъ смотрѣть на этотъ цехъ въ тринадцатомъ столѣтіи какъ на одно изъ большихъ королевскихъ или духовныхъ учреждений. Мы читаемъ о королевскихъ каменщикахъ и о школѣ каменщиковъ въ Saintonge. Изенбертъ, ихъ хозяинъ, былъ рекомендованъ королемъ Іоанномъ городу Лондону, какъ подходящее лицо для перестройки моста (3 John, *Rot. Lit. Pat. memb.* 2, № 7). Документы соборнаго архива бросаютъ большой свѣтъ на органицію строительныхъ товариществъ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, когда она все еще сохраняла нѣкоторыя черты своего исключительнаго характера; подобно другимъ цехамъ, они были организованы на денежной основѣ, но такъ какъ они возникли безъ участія муниципальной власти, то, повидимому, они дали своимъ членамъ права городского устройства сравнительно гораздо позднѣе.

² Смори ниже, § 110.

(iii) Устройство домохозяйства.

97. Спустя много времени послѣ того какъ денежное хозяйство вошло въ систему промышленной организаціи городского населенія, оно было почти неизвѣстно въ сельскихъ областяхъ, гдѣ натуральное хозяйство все еще играло главную роль. Въ англійскихъ источникахъ есть много литературныхъ свѣдѣній объ администраціи хорошо управляемаго помѣстья въ тринадцатомъ столѣтіи. Разсматривая съ экономической точки зрѣнія, мы видимъ, что лучшій типъ хозяйства того времени на дѣлѣ былъ тождественъ съ идеаломъ землевладѣльцевъ, жившихъ за тысячу лѣтъ раньше. Земельныя владѣнія состояли изъ обширныхъ помѣстій, которыя обрабатывались крѣпостными, платившими за землю или барщиной или натурой. Въ сущности такое установленіе было тоже, что римская villa, хотя могли быть всевозможныя отличія какъ въ социальномъ положеніи, такъ и въ обязательствахъ крѣпостныхъ; оно имѣло самое близкое сходство съ земледѣльческой организаціей временъ Карловинговъ¹. О дѣятельности этихъ помѣстій мы можемъ составить полное представленіе изъ многочисленныхъ описей² существовавшихъ имѣній, эти описи подробно объясняютъ мѣстныя условія каждаго отдѣльнаго имѣнія, но наиболѣе полное описаніе руководящихъ принциповъ можно найти въ трактатахъ объ управленіи имѣніемъ, имѣвшихъ обширное распространеніе въ Англіи въ теченіе тринадцатаго и слѣдующихъ столѣтій. Изъ нихъ самый извѣстный есть *Husbandry* (земледѣліе) Вальтера Хенли (Walter of Henley), въ которомъ говорится о практическихъ задачахъ земледѣлія; *Seneschaucie* даетъ описаніе различныхъ должностныхъ лицъ въ большомъ хозяйствѣ и ихъ обязанностей; весьма поучительны также *Правила (Rules)* Роберта Гроссетеста (Grosseteste), такъ какъ они показываютъ общую схему хозяйственной экономіи въ хорошо управляемомъ имѣніи. Когда мы вспомнимъ, что боль-

**Устройство
домохозяйства.
Управленіе.
Обмѣнъ.**

¹ Кромѣ капитулярія *de Villis* мы имѣемъ подробную *Polyptyque* аббата Ирминона (Irminon), изд. Guéard'a, въ которой находится подробный обзоръ помѣстій аббатовъ.

² Cunningham, *Growth of English Industry*, I. 576

шія хозяйства, какъ монастырскія такъ и дворянскія, были не только главными центрами, регулировавшими земледѣльческое производство, но и служили также школами обученія, или наукамъ, или тѣлеснымъ упражненіямъ, то видимъ какую важную роль играли эти хозяйства и какой интересъ представляетъ изученіе ихъ экономической стороны.

Во многихъ частяхъ континента и въ большихъ англійскихъ аббатствахъ существовали огромныя постоянныя учрежденія, которыхъ продовольствовала прилегающая къ нимъ территорія но Вильгельмъ Завоеватель, изъ политическихъ видовъ жаловалъ своихъ приближенныхъ разбросанными и отдѣльными участками земли, и потому имѣнія дворянъ не были смежны, такъ что имъ приходилось переѣзжать поочередно изъ одного своего имѣнія въ другое. Длинная кавалькада путешествующихъ помѣщиковъ представляла, вѣроятно, обычное зрѣлище въ средневѣковой Англіи и ихъ посѣщенія часто приводили въ ужасъ аббата или пріора, къ гостепріимству котораго они обращались во время своихъ переѣздовъ. Время, какое могъ провести благородный владѣтель въ каждомъ изъ своихъ помѣстій, старательно вычисляли; управляющій былъ отвѣтственъ за сборъ хлѣба въ Михайловъ день, а также за аккуратное веденіе отчетовъ по имуществу и барщинѣ виллановъ, или за платежи вмѣсто барщины, и за другія полученія. Каждое имѣніе должно было продовольствовать само себя и доставлять провизію для хозяйства владѣльца; но могъ оставаться излишекъ продуктовъ, которые надлежало продать; или же могла явиться необходимость пополнять запасы покупкой. При всѣхъ стараніяхъ невозможно было даже самому благоразумному землевладѣльцу совершенно обойтись безъ торговыхъ оборотовъ и денежнаго обращенія, и чѣмъ болѣе побуждали его къ этому требованія платежей королевскимъ и духовнымъ должностнымъ лицамъ или другіе поводы, тѣмъ скорѣе онъ преобразовывалъ внутреннее управленіе своего помѣстья на денежной основѣ.

Масса оставшихся помѣстныхъ дѣловыхъ бумагъ, безъ сомнѣнія, дадутъ возможность какому-нибудь будущему изслѣдователю экономической исторіи рассмотреть въ всѣхъ подробностяхъ развитіе этой перемѣны, въ томъ или другомъ помѣстьи. Въ настоящее же время мы можемъ только намѣтить главные типы экономическихъ отношеній того времени. Мы

слышимъ о свободныхъ арендаторахъ, которыхъ можно разсматривать скорѣе какъ придатокъ помѣщичьяго имѣнія, чѣмъ какъ его составную часть. Вносимые ими платежи помѣщику, повидимому, состояли, главнымъ образомъ, изъ ихъ податей королевскаго обложенія, сборъ которыхъ лежалъ на его отвѣтственности. Въ *manerium* или *villa*, какъ въ экономической единицѣ, крѣпостные обязывались обрабатывать землю въ имѣніи помѣщика и получали вознагражденіе въ формѣ земли, которую воздѣлывали на свой счетъ въ свободное время. *Хозяйственныя книги* (Extent) помѣстья тщательно заносили, въ каждомъ сезонѣ точное число рабочихъ дней, на которые имѣлъ право помѣщикъ, а равно и платежи натурой, которые онъ считалъ въ правѣ взыскивать; описи годовыхъ отчетовъ, — или *отчеты по управленію*, — показываютъ какія были исполнены работы и какіе были получены платежи. Повидимому, эта система господствовала въ тринадцатомъ столѣтіи; но вполне очевидно, что часто помѣщику оказывалось удобнѣе вмѣсто службы получать денежные платежи; подневольный трудъ не всегда былъ хорошаго качества и помѣщикъ могъ находить болѣе благоразумнымъ самому покупать сѣмена, чѣмъ полагаться на тѣ, которыя доставляли ему его крѣпостные люди. Каждый родъ службы крѣпостного переводился на деньги; и мы находимъ записи, даже въ самыхъ раннихъ документахъ, *opera vendita*, когда помѣщикъ практиковалъ свое право выбора получать денежные платежи, вмѣсто того чтобы требовать извѣстное число рабочихъ дней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое соглашеніе было предметомъ формальнаго и постояннаго договора, но въ такихъ случаяхъ платежи крѣпостного человѣка не имѣли прямого экономического отношенія къ установленной цѣнѣ аренды земли, которую онъ продолжалъ пользоваться, а были основаны на стоимости его службы, отъ которой онъ теперь былъ *свободенъ*. Вмѣстѣ съ быстрыми переменами, слѣдовавшими за *черной смертью* произошла быстрая же замѣна службы денежными платежами¹; но скоро долженъ былъ наступить болѣе поразительный перевероть. Съ одной стороны наемные рабочіе, отъ которыхъ зависѣли помѣщики, при обработкѣ земли на своихъ помѣсть-

¹ Trevelyan, *Age of Wycliffe*, 191. T. W. Page, *Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrente*, 37, 38.

яхъ, требовали, чтобы ихъ жалованье опредѣлялось соперничествомъ, а не старыми таксами, установленными обычаемъ; съ другой стороны помѣщики старались вознаграждать себя за потерю права требовать работы тѣмъ, что признали принципъ конкуренціи въ управленіи своихъ помѣстій, и отдавали въ аренду землю тому, кто давалъ больше денегъ за пользованіе ею ¹. Только въ семнадцатомъ столѣтіи былъ принятъ новый методъ управленія имѣніемъ на денежной основѣ, какъ заслуживающій довѣрія и безъ колебаній примѣненъ принципъ конкуренціи при отдачѣ земли для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Такая медленная перемѣна, сопровождавшаяся столь сильной соціальной дезорганизаціей и бѣдствіями въ сельскихъ обществахъ, была неизбежна, въ то время когда сельская жизнь подчинилась денежному вліянію ². Постоянныя личныя обязательства сперва только выражались денежными знаками и для обоюднаго удобства они чаще и чаще оплачивались деньгами. Такіе обычные платежи за аренду или за деревенскую работу не были основаны на какомъ-либо опредѣленномъ экономическо принципѣ, подобно тому какъ устанавливались цѣны за работу ремесленными цехами, но они были только выраженіемъ крѣпостныхъ обязательствъ, а не результатомъ торговой сдѣлки при свободномъ обмѣнѣ. Постоянство обычныхъ цѣнъ представляло много удобствъ, но случайныя и очевидныя различія въ качествѣ работы или въ цѣнности земли породили чувство недовольства этой системой, а разъ ея удобства вызвали сомнѣніе, не возможно было сохранить цѣны, установленныя обычаемъ. Конкуренція была привлекательна, ибо она казалась справедливой въ каждый данный моментъ, между тѣмъ какъ цѣны, установленныя обычаемъ, гарантировали только справедливость средней цѣны вообще. Бѣдствіе, которое должно было усиливаться вслѣдствіе уничтоженія постоянства цѣны не было очевидно, но не смотря на зло, которое было неразлучно съ конкуренціей, мы не можемъ сожалѣть о наступленіи этой стадіи прогресса: конкуренція дала свободу предприимчивымъ людямъ извлекать возможно большую пользу изъ земельныхъ источниковъ, чего они не могли сдѣлать, пока пола-

¹ Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ самую высокую арендную цѣну платили овцеводы.

² More, *Utopia* (ed. Lymby), стр. 32. *Discourse of Commonwealth* edited by E. Lamond, Introd. стр. XLV.

тались на организацію труда на началах домохозяйства и пока ихъ стѣсняли ограниченныя условія натурального хозяйства.

98 Этотъ краткій обзоръ экономической жизни христіанства въ тринадцатомъ столѣтіи указываетъ на его нѣкоторые важныя контрасты съ древнимъ міромъ, не только въ его стремленіяхъ но и въ его существенныхъ учрежденіяхъ. Соціальныя прогрессы въ общемъ слѣдовали направленію, указанному въ *капитуляріяхъ*. Повидимому мечта о хорошо организованной западной имперіи, которую всегда лелѣялъ Карлъ Великій, наконецъ была осуществлена, хотя и при другихъ условіяхъ и подъ управленіемъ духовнаго главы, а не франкскаго короля. Цивилизація королевства Карла воспламенила воображеніе сѣверныхъ народовъ и вызвала ихъ подражательныя усилія. Они наслѣдовали многое отъ древняго Рима, но наслѣдовали въ формѣ измѣненной Карломъ Великимъ, какъ въ отношеніи политической и гражданской организаціи, такъ и въ отношеніи торговой и промышленной жизни въ городѣ или въ деревнѣ.

Средневѣковыя и древнія учрежденія.

Слѣдовательно это средневѣковое общество было проникнуто такими нравственными идеями, какія были совершенно чужды древнему міру; учрежденія среднихъ вѣковъ постепенно формировались подъ вліяніемъ религіозныхъ принциповъ, которые древній міръ отрицалъ бы вполне. Прежде всего возникло острое чувство личной отвѣтственности при пользованіи какого бы ни было рода свѣтской властью; строго настаивали на отвѣтственности правителей передъ Богомъ за отправленіе ихъ власти надъ ихъ подданными, такъ же какъ и на отвѣтственности богатаго, который обязанъ дать отчетъ въ пользованіи своимъ богатствомъ: оно было ввѣрено ему Богомъ и онъ долженъ употреблять его для Бога. Но справедливо, что формы пользованія богатствомъ, предписанныя благочестіемъ и благотворительностью, не всегда были разумны. Задача примѣненія богатства къ лучшей цѣли, для блага человѣка, представляется не легкой даже въ наше время; между пониманіемъ долга римляниномъ, на примѣръ Катонъ, — у котораго оно выражалось только въ стремленіи сдѣлаться богаче, и пониманіемъ средневѣковаго собственника, — котораго учили, что онъ только хранитель богатства и отвѣтственъ за способъ употребленія своихъ денегъ, — существовалъ поразительный контрастъ. Это ученіе, такъ глубоко пустившее корни въ средневѣковомъ христіанствѣ,

было громаднымъ пріобрѣтеніемъ, что мы видимъ, когда сравниваемъ это ученіе съ характеромъ мнѣній древняго міра; безъ серьезной опасности нельзя отказаться отъ него до тѣхъ поръ пока общество основано на личномъ владѣніи. Истина, что собственность имѣетъ обязанности и отвѣтственность, должна осуществляться все съ большей и большей ясностью.

Различіе между средними вѣками и древнимъ міромъ еще ярче обнаруживается въ новомъ пониманіи труда. Въ древнемъ мірѣ трудъ считали черной работой; и всѣ возможности человѣческаго преуспѣянія были связаны съ обладаніемъ досуга. Эта идея служила основой греческой жизни и была принята древнимъ Римомъ; христіанство же настаивало, что трудъ самъ по себѣ, можетъ быть дисциплиной и можетъ такимъ образомъ облагораживать человѣческій характеръ. Но разъ благотворное вліяніе труда на характеръ было признано и трудовая жизнь добровольно принята тѣми, положеніе которыхъ избавляло отъ нея, то на нее уже нельзя было смотрѣть какъ на что то уни-зительное само по себѣ. Крѣпостное состояніе существовало до тѣхъ поръ, пока существовало натуральное хозяйство, и средне-вѣковая совѣсть только отчасти возмущалась зломъ неволь-ничества, но достоинство труда начинало входить въ общее сознаніе. Здѣсь мы опять видимъ непрерывное вліяніе сред-нихъ вѣковъ на общество; признаніе работы долгомъ, а празд-ной и эгоистической жизни—грѣхомъ было новымъ вѣрованіемъ, которое глубоко проникло въ самую структуру современнаго общества западной Европы и которое не имѣло ничего подоб-наго въ древнемъ мірѣ.

Средне-вѣковое общество главнымъ образомъ содѣйствовало экономическому прогрессу человѣчества внесеніемъ нравст-веннаго принципа въ промышленныя и торговыя понятія и учрежденія. И какъ Греція опередила финикіянъ тѣмъ, что-смотрѣла на матеріальный избытокъ какъ на нѣчто подчинен-ное человѣческому благосостоянію, какъ на средство для дости-женія цѣли, такъ христіанство перестроило экономическую-жизнь древняго міра на основѣ личной отвѣтственности за поль-зованіе собственностью, и признаніи труда средствомъ личнаго самовоспитанія. Такая мораль внесла весьма важную перемѣну; но когда мы обращаемся къ прошлому, то готовы сказать, что средніе вѣка представляютъ самые странные контрасты между высокими идеалами и грубымъ насиліемъ и что хотя у нихъ

было много религіозной торжественности и также много механическихъ усилій сохранить лучшую нравственность, но что все это было только поверхностно. Не трудно доказать, что подъ возвышенными притязаніями папства олицетворятъ Божью Волю скрывалось одно жреческое честолюбіе и что великія религіозныя учрежденія среднихъ вѣковъ были созданы отчасти тщеславіемъ, а отчасти низменными стремленіями умиловить дарами оскорбленное божество. Но было бы заблужденіемъ полагать, что потому, что религія того вѣка такъ рельефно бросается въ глаза, она была только внѣшней и неимѣла реальной жизненности; или, что, благодаря тому, что нравственное чувство того времени расточалось на казуистическія различія между честной и подневольной сдѣлкой, оно не имѣло реальной власти надъ человѣческими умами. Набожность и мораль того вѣка хотя и были слишкомъ внѣшни, но не ничтожны и не безжизненны; и именно потому что онѣ выразились во внѣшнихъ формахъ и учрежденіяхъ, онѣ имѣли шансы оказывать вліяніе на индивидуальный характеръ и глубоко дѣйствовать на нравственное чувство; во всякомъ случаѣ онѣ имѣли достаточно силы, чтобы остановить тѣ бѣдствія, которыя разрушили римскую имперію и продолжать великую и улучшенную традицію дѣятельной экономической жизни.

ГЛАВА III.

Отношенія христіанъ къ язычникамъ и мусульманамъ.

99. Описывая гражданскую жизнь христіанства и торговый прогрессъ невозможно обойти молчаніемъ внѣ христіанскій міръ; сношенія съ отдаленными странами были однимъ изъ тѣхъ факторовъ, которые содѣйствовали развитію торговли и городской жизни въ теченіе двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій, на что мы иногда указывали на предъидущихъ страницахъ; теперь мы должны собрать эти разбросанные намеки и попытаться сдѣлать очеркъ торговой дѣятельности людей, которые жили въ тѣхъ областяхъ, гдѣ не признавали папскаго авторитета ¹. Такимъ образомъ мы сможемъ яснѣе понять причины, влиявшія на разсмотрѣнныя уже нами движенія. Подобный обзоръ необходимъ также если мы хотимъ прослѣдить тѣ тенденціи, которыя привели къ вѣку открытій и подготовили торговую революцію шестнадцатаго вѣка.

Единство вѣры и однородность церковныхъ учреждений служили узами, связывавшими христіанство въ одно органическое

¹ Торговля сношенія съ Константинополемъ нельзя разсматривать отдѣльно; ихъ важное значеніе во многомъ зависѣло отъ того, что этотъ городъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли съ болѣе отдаленными областями. Въ періодъ передъ крестовыми походами были частыя сношенія между Римомъ и Константинополемъ (Heud, *op. cit.* I, 94), тогда какъ большая часть торговли велась съ Бари, Амальфи и другими городами южной Италіи, которые все еще сохраняли политическія сношенія съ восточной имперіей. Heinemann, *Geschichte der Normannen in Unter Italien*, стр. 22.

цѣлое; внѣ христiанскій міръ составляли страны, гдѣ этихъ условій не существовало. Тамъ жили языческіе народы, на которыхъ христiанство еще не оказывало никакого вліянія и они не стѣснялись грабить христiанскіе храмы и разрушать священныя зданія. Были также магометане, религія которыхъ подготавливала ихъ во всякое время возставать противъ Креста и въ лучшихъ случаяхъ они относились къ христiанамъ съ презрительной терпимостью. Отношенія народовъ западной Европы къ чужеземцамъ неизбѣжно обусловливались этими религіозными различіями, и чаще бывали враждебны, чѣмъ дружелюбны; дѣйствительно они были проникнуты тѣмъ духомъ, который мы называемъ духомъ крестовыхъ походовъ. Набожность и торговля тѣсно соединились въ христiанскихъ стремленіяхъ снова овладѣть святой землей ¹. Торговая предприимчивость и религіозное рвеніе съ самаго начала борьбы соединились въ неуволимыхъ отношеніяхъ, но въ постоянномъ выигрышѣ оставались только торговые интересы, такъ какъ купцы прочно основывались въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть христiанскихъ правителей была уничтожена. Инициативой самаго ранняго столкновенія съ языческимъ и мусульманскимъ міромъ служила религія, хотя организованная торговля скоро воспользовалась открытыми такимъ образомъ путями. Весьма удобно разсматривать поочередно сношенія народовъ латинскаго христiанства съ нехристiанскими народами сѣверныхъ морей въ Средиземномъ морѣ и въ Левантѣ и принять начало девятаго столѣтія исходной точкой отправленія въ каждомъ случаѣ.

100. Въ исторіи Карла Великаго нѣтъ болѣе трогательнаго эпизода, какъ разсказъ о его печали при видѣ староскандинавскихъ парусовъ на Средиземномъ морѣ ² и его предчувствіи тѣхъ бѣдствій, какія они причинятъ его владѣніямъ. Ихъ суровая и сильная энергія оказалась бичемъ для многихъ частей христiанства во многихъ поколѣніяхъ, но когда ее постепенно сдерживали и регулировали, то она явилась однимъ изъ могущественныхъ факторовъ въ послѣдовательномъ торжествѣ и распространеніи цивилизаціи, которую Карлъ такъ высоко цѣнилъ. Въ исторіи

**Викинги и Бал-
тійскій союзъ.**

¹ Heyd, *Commerce du Levant*, I. 131.

² *Monach. Sangallensis* II. 14 у Pertz, *Mon. Germ. Script.* II. 757.

странъ, находившихся подъ управленіемъ Карла, было нелегко выдѣлить разнообразныя расовыя элементы, или опредѣлить, насколько его система зависѣла отъ римскихъ переживаній и насколько отъ тевтонскихъ прививокъ, которыя въ большей или меньшей степени вошли въ нее, благодаря послѣдующимъ завоеваніямъ. Но во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ этихъ народовъ не отваживался самъ по себѣ на морскія предпріятія; такимъ образомъ скандинавскія экспедиціи пиратовъ были новымъ элементомъ, съ которымъ нарождающаяся цивилизація должна была вступить въ борьбу на жизнь и смерть. Эта борьба была пробнымъ камнемъ того, успѣетъ ли новая имперія побѣдить тамъ, гдѣ старая пала, будетъ ли она въ состояніи направить эту закоренѣлую варварскую жизнь на свою защиту и сдѣлать ее орудіемъ расширенія своихъ границъ.

Саги и открытые на сѣверѣ памятники обнаруживаютъ существованіе сильной торговой жизни въ Балтійскихъ странахъ въ продолженіе девятого, десятого и одиннадцатаго столѣтій. Они наводятъ насъ на сравненіе съ гомеровскими поэмами и напоминаютъ раннія времена финикійской торговли въ Средиземномъ морѣ. Картины жизни Викинговъ,—этихъ полукупцовъ, полупиратовъ,—напоминаютъ намъ старыхъ знакомыхъ въ *Одиссее* и у Геродота ¹. Морякъ дѣлалъ набѣги на берега Сены или Трента (Trent) и затѣмъ онъ же, какъ купецъ, продавалъ свою добычу и своихъ невольниковъ на одномъ изъ большихъ приморскихъ рынковъ. Описаніе Бирки ², которое даетъ Адамъ Бременскій, представляетъ примѣръ дѣятельной торговли, происходившей въ разныхъ пунктахъ всѣхъ Балтійскихъ земель, но имѣвшей главнымъ своимъ центромъ островъ Готландъ.

Однако, насколько мы можемъ судить, эта торговая дѣятельность отличалась отъ торговли финикіянъ и ихъ подражателей грековъ двумя важными особенностями. Она была менѣе совершенно организована; финикіяне основывали въ особенныхъ пунктахъ факторіи; эти отдаленные отпрыски главнаго города въ отдаленныхъ странахъ имѣли признанныя права и обязанности. Но торговля скандинавовъ повидимому возникла не между городами и колоніями; викингъ былъ скорѣе авантюристъ, который отправлялся съ цѣлью увеличить насколько

¹ Томъ I, стр. 64.

² Adam of Bremen. *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*, I, 62.

возможно свое состояніе, и когда ему представлялся благоприятный случай, онъ устраивался въ помѣстьи. Древній скандинавъ могъ имѣть больше склонности къ городской жизни, чѣмъ какой-либо Тевтонецъ ¹; но скандинавы охотно становились хлѣбопашцами и колонистами и не ограничивали своей энергіи только промышленностью и торговлей,

Изъ ихъ сагъ мы также выносимъ впечатлѣніе о необыкновенной индивидуальной предприимчивости, которою отличались ихъ путешественники ². Повидимому наиболѣе выгодную торговлю вели скандинавы по Эльбѣ, Одеру и ихъ притокамъ, пока не достигли мѣста, гдѣ они могли открыть себѣ путь къ Черному морю и Константинополю. Вѣроятно этотъ путь лежалъ вдоль первобытныхъ дорогъ янтаря, по которымъ возили огромное количество арабскихъ монетъ, найденныхъ въ Швеціи ³; но Викинги отваживались переходить далеко за эти границы и пробили себѣ путь вокругъ Нордкапа къ Архангельску; они заходили далѣе въ Исландію и колонизовали ее по своему образцу ⁴. Исторія путешествія Эрика Краснаго въ Гренландію представляетъ яркую картину ихъ отваги; и хотя открытіе Америки древне-скандинавами вызываетъ сомнѣніе, но въ дѣйствительности въ этой легендѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго ⁵. Полная картина ихъ безпощадной дѣятельности и жестокихъ нравовъ какую мы находимъ въ сагахъ, представляетъ глубокой интересъ, такъ какъ она рисуется проникшее въ христіанство новое теченіе, которое постоянно проявляло себя въ морскихъ предпріятіяхъ и индивидуальной энергіи, характеризующей современный міръ.

101. Таковы были люди, тревожившіе съ сѣвера западное христіанство въ девятомъ, десятomъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ; но лишь только они постепенно обращались въ христіанскую вѣру, какъ опасность, угрожав-

Ганзейскій
союзъ.

¹ Датская колонія была ядромъ городовъ Корка, Уатерфорда и Дублина и составляла важный элементъ въ развитіи Дерби, Лейчестера, Лондона и многихъ англійскихъ городовъ.

² Toulmin Smith, *Discovery of America by the Northmen*, 321.

³ Montelius, *Civilisation of Sweden*, 191; Heyd, *op. cit.* I. 58.

⁴ Противоположность между юридическими и социальными условіями Исландіи (Dasent, *Burnt Njal*, I, XI, XLV.) и Кареагена ясно обнаруживаетъ отличія скандинавской отъ финикійской колонизаціи.

⁵ Этотъ вопросъ тщательно изслѣдовалъ Dr. O'Gorman въ статьѣ *American Mediaeval Church*, помѣщенной въ *Catholic University Bulletin* (Washington D. C.), I. 416.

шая возникавшей цивилизації, мало-по-малу начала исчезать. Намъ нѣтъ надобности разсматривать, насколько этотъ процессъ обусловилъ полное измѣненіе личнаго религіознаго вѣрованія; и какъ бы безсознательно и не охотно скандинавы принимали новую вѣру, но она ввела ихъ въ ряды другихъ западныхъ народовъ. Они перестали грабить священныя мѣста, а вслѣдствіе этого щадили и самые важные центры земледѣлія, промышленности и торговли, и благопріятныя условія для непрерывнаго теченія мирныхъ занятій сильно увеличивались.

Эта перемѣна совершилась вслѣдствіе различныхъ вліяній; она произошла отчасти благодаря личному героизму такихъ миссіонеровъ, какъ св. Бонифацій, а отчасти воинствующему христіанству, въ лицѣ солдатъ Карла Великаго или тевтонскихъ рыцарей; кромѣ того, христіанская цивилизація, несмотря на свои пороки и недостатки, не могла не внушить къ себѣ уваженія со стороны народовъ сѣвера. Традиція императорскаго имени производила впечатлѣніе; искусства и культуры великихъ монастырей вызывали удивленіе варваровъ. Какіе-либо именитые скандинавы, поселявшіеся на разоренныхъ ими территоріяхъ, скоро подчинялись вліянію христіанской религіи и примѣнялись къ нравамъ и обычаямъ христіанъ. Преобразование норманскихъ герцоговъ совершилось поразительно быстро; и правленіе Кнута должно было сильно содѣйствовать броженію въ то время еще наполовину языческихъ странъ подъ вліяніемъ его христіанскихъ владѣній.

Успѣхъ христіанскаго ученія, ограничивая поле предпріимчивости викинговъ, повидимому, оказалъ репрессивное вліяніе на сильную жизнь сѣвера. Большая часть торговли перешла въ другія руки, и главнымъ образомъ къ германцамъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи германскіе горожане проявили замѣчательную объединяющую силу; рейнскіе города ¹ образовали политическій союзъ для охраненія купцовъ, занимавшихся торговлей по Рейну; города сѣверной Германіи дѣйствовали сообща для развитія торговой дѣятельности. Балтійская торговля съ незапамятныхъ временъ была дѣломъ личной инициативы, но новое движеніе, начавшееся въ Любекѣ ², положило основаніе правильнымъ факторіямъ, введя элементъ организаціи, и Уисби

¹ Frignet, *Histoire de l'Association Commerciale*, 131.

² Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, IV, 146.

(Wisby) сдѣлался центромъ торговли, которую раньше вели въ другихъ пунктахъ. Германское вліяніе стало господствующимъ, благодаря учрежденнымъ Германією колоніямъ въ Даніи и Пруссіи, и союзные города ¹ были въ состояніи въ 1284 году принудить норвежцевъ распространить на подданныхъ императора торговыя привилегіи, какими они сами жадно пользовались. Эти германскія торговыя колоніи дѣйствительно имѣли цивилизующее вліяніе; между прочимъ онѣ помогли уничтожить торговлю невольниками, которая велась постоянно и процвѣтала въ языческія времена. Города, разросшіеся изъ факторій, основанныхъ въ связи съ торговлей, служили центрами, гдѣ были учреждены новыя церкви, такъ что христіанство естественнымъ путемъ распространялось къ сѣверу и востоку ². Тевтонскій орденъ вмѣстѣ съ воинствующимъ христіанствомъ того времени распространялъ христіанство дальше, такъ что всѣ южные берега Балтійскаго моря, а равно и Скандинавія вошли въ составъ западнаго христіанства.

Подъ вліяніемъ этихъ германскихъ городовъ систематизировалась и развилась случайная торговля древне-скандинавовъ; Любекъ, какъ вождь, вѣдалъ политику и направлялъ энергію союзныхъ городовъ, которые потомъ стали извѣстны подъ именемъ Ганзейскаго союза. Этотъ союзъ способствовалъ уничтоженію бандъ пиратовъ, которыя отчасти поддерживали традиціи древнихъ викинговъ; города Ганзы сдѣлали Балтійское море внутреннимъ моремъ, откуда всѣ посторонніе были изгнаны, и они дѣйствительно обезпечили себѣ монополію вывоза янтаря, мѣховъ и сала изъ Россіи, а также рыбы, желѣза и мѣди изъ Швеціи ³ и взамѣнъ этого ввозили сукна и другіе мануфактурные товары. У нихъ были значительныя факторіи въ Бергенѣ, этомъ складочномъ городѣ сѣверной торговли; въ то же время они получили доступъ къ восточнымъ дорогамъ, благодаря тому, что основались въ Новгородѣ ⁴. Такимъ образомъ они имѣли въ своемъ распоряженіи торговые пути, лежавшіе за предѣлами имперіи Карла Великаго, а также и

¹ Любекъ, Рига, Висмаръ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ, Ростокъ и Уисби. Beer, *Allgemeine Geschichte des Welthandels*, I. 249.

² Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, III, 395.

³ Worms. *La ligue hanséatique*, 84, 90.

⁴ Buck. W., *Der Deutsche Handel in Novgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts*, 37.

важныя торговыя сношенія съ долиной Дуная, съ Италіей¹, Брюге и Лондономъ. Въ періодъ своего наибольшаго преуспѣянія они представляютъ картину полного разцвѣта внутренней городской торговли; они образовали большую торговую федерацію, члены которой были независимы внутри страны, но въ то же время они преслѣдовали общую политику въ другихъ странахъ². Позднѣйшее ихъ паденіе часто приписываютъ открытіямъ пятнадцатаго столѣтія и безсилію союза Ганзы примѣнить свою ограничительную систему къ новымъ поприщамъ коммерческой дѣятельности, которая тогда открылась передъ нимъ, но, повидимому, это паденіе началось гораздо раньше, вслѣдствіе общаго антагонизма противъ союза, какъ монополіи, новыхъ національностей, которымъ было ненавистно присутствіе чужеземныхъ купцовъ, обогащавшихся на счетъ ихъ отечественныхъ продуктовъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи англичане проникли въ Балтійское море³ и отняли у союза исключительную торговлю сукномъ. Это нападеніе съ запада произошло почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Россіи⁴ были приняты смѣлыя мѣры противъ купцовъ, принадлежавшихъ къ Ганзейскому Союзу; и дѣйствительно, онъ палъ прежде возникновенія національнаго духа въ Англіи и въ Россіи; однакоже не слѣдуетъ забывать, что, какъ ни была раздѣлена Германія съ шестнадцатаго столѣтія, Ганзейскіе города, благодаря ихъ союзу и системѣ организациі ихъ торговли на сѣверѣ, положили начало торговой политикѣ⁵ въ то время, когда торговля обыкновенно регулировалась одними частными интересами отдѣльныхъ городовъ.

102. Карлъ Великій долженъ былъ принять активное участіе въ отраженіи другой великой волны, угрожавшей западной цивилизаціи. Надвигавшійся приливъ арабскаго побѣдоноснаго шествія былъ уже задер-

¹ W. Stieda, *Hansisch-Venetianische Handels-beziehungen im 15 jahrhunde.*

² Между различными группами городовъ Ганзы существовали значительныя столкновенія, но тѣмъ не менѣе ихъ единеніе было замѣчательно. Весьма интересную аналогію этому союзу въ древнемъ мірѣ представляетъ конфедерація Родоса. Итальянскіе города были гораздо менѣе способны, отбросивъ взаимную зависть, соединиться для общихъ цѣлей.

³ Daenel. *Geschichte der Deutschen Hanse*, 44.

⁴ *Ibid.* 47.

⁵ *Ibid.* 191.

жанъ Карломъ Мартеломъ; но Карлъ Великій принималъ участіе въ первыхъ стадіяхъ борьбы, которая должна была продолжаться такъ много столѣтій. Во время его царствованія полумѣсяцъ былъ изгнанъ изъ Пиринеевъ и христіанское королевство было основано въ сѣверовосточной части Испаніи. Септиманія и Провансъ, освободясь такимъ образомъ отъ угрожавшаго имъ порабощенія, образовали удобную арену для возрожденія на Средиземномъ морѣ торговли, а также послужили базисомъ для дальнѣйшихъ завоеваній территоріи невѣрныхъ.

Однако существуетъ много поразительныхъ контрастовъ между борьбой на сѣверѣ противъ скандинавовъ и борьбой на югѣ противъ арабовъ. Англичане, а также жители Германіи, Нидерландовъ и Франціи были вынуждены въ цѣляхъ самозащиты пытаться покорить датскихъ грабителей, между тѣмъ какъ война на югѣ была дѣломъ христіанскаго поступательнаго движенія. На сѣверѣ воинствующее христіанство боролось съ экспедиціями, которыя формировались отдѣльными вождями; на югѣ оно должно было стать лицомъ къ лицу съ хорошо снаряженными арміями, которыя содержались на средства хорошо организованныхъ государствъ. Поэтому и результаты были весьма различны. На сѣверѣ населеніе Прибалтійскихъ странъ было обращено въ христіанство, здѣсь было дѣйствительное распространеніе христіанства, подобно тому, какъ это уже совершилось въ долину Дуная, благодаря обращенію венгровъ. Между тѣмъ на югѣ хотя къ христіанству и были присоединены новыя территоріи, но ихъ населеніе не было обращено въ новую вѣру; оно отступало при появленіи испанскихъ рыцарей, и многіе изъ тѣхъ, которые пытались остаться на полуостровѣ, были въ послѣдствіи изгнаны Филиппомъ IV. Мусульмане не желали, подобно скандинавамъ, принять христіанскую вѣру и войти въ составъ христіанскихъ націй. Жестокая борьба между тѣми и другими продолжалась на сушѣ и на морѣ, хотя первенство мусульманъ на Средиземномъ морѣ постепенно было исторгнуто у арабовъ, которые, наконецъ, были оттѣснены на Африканскій берегъ.

Успѣхъ христіанскаго оружія въ этой борьбѣ съ организованнымъ обществомъ представляется особенно замѣчательнымъ, если вспомнимъ, что цивилизація народовъ, находившихся подъ арабскимъ управленіемъ, съ какой бы критической точки зрѣнія ее ни разсматривать и, разумѣется, съ любой экономи-

ческой, была несравненно выше христiанской цивилизаціи. Дворъ калифовъ служилъ убѣжищемъ людей, прославившихъ себя своими знаніями математики и астрономіи и сдѣлавшихъ большіе успѣхи въ химіи и медицинѣ. Они были проникательными и восторженными философами и воспитали изящный вкусъ въ литературѣ. Они довели до высокой степени совершенства, какъ обработку металловъ, такъ и текстильную промышленность, они были свѣдущи въ орошеніи и способствовали возможному улучшенію земледѣлія и садоводства. Не было ни одной отрасли индустріи, въ которой они не могли бы научить многому своихъ антагонистовъ христiанъ. И хотя постоянная вражда разъединяла эти два политическихъ тѣла, однако между арабами и ихъ сѣверными сосѣдями происходили настолько частыя сношенія, что они оказывали весьма большое вліяніе на науку и искусство Лангедока и Прованса. Удивленіе, которое вызывало къ себѣ арабское общество, и проникновеніе его идеями представляли въ тринадцатомъ столѣтіи серьезную опасность для христiанской вѣры въ такихъ академическихъ центрахъ, какъ Парижскій университетъ, а императоръ Фридрихъ II на дѣлѣ былъ приверженцемъ ихъ принциповъ ¹.

Можно безъ преувеличенія сказать, что арабскіе завоеватели исполнили многое изъ того, къ чему, повидимому, стремился Александръ Великій. При нихъ совершилось любопытное сліяніе Востока съ Западомъ, продолжительное наслѣдіе обоихъ соединилось въ наукѣ и матеріальномъ преуспѣяніи Калифата. Религіозная совѣсть могла легко примириться съ ученіемъ пророка—этимъ чистымъ деизмомъ,—такъ какъ господство аріанскаго ученія какъ бы подготовило ее къ этому; всѣ формы мірской дѣятельности и науки въ концѣ концовъ нашли себѣ убѣжище въ этомъ общемъ деизмѣ. Арабская цивилизація представляла такимъ образомъ любопытную амальгаму элементовъ, которые имѣли мало общаго между собою; эллинизмъ, какъ онъ пережилъ на Востокѣ, обогатилъ ее, и остатки древней философіи и греческой науки, насколько онѣ сохранились въ Арменіи и въ Александріи, продолжали оказывать вліяніе на умы, тогда

¹ На Фридриха II оказала сильное вліяніе арабская администрація въ Сициліи. Nys, *Researches in the History of Economics*, 36 foll.; Huillard. Bréholles, *Historia Diplomatici Frederici II.* Preface, CCCXXII.

какъ роскошь восточныхъ дворовъ была перенесена въ дворцы запада, а промышленность и торговля, которыя служили ей, успѣшно развивались. Калифы благоразумно предоставляли полную свободу талантамъ побѣжденныхъ, если только послѣдніе обращались въ исламъ; и хотя арабы очень мало создавали сами по себѣ, но они собрали великую цивилизацію, которая была временно блестяща, хотя и безплодна по своимъ послѣдующимъ результатамъ.

Какъ бы то ни было, но арабская цивилизація оказалась замѣчательно безжизненной, когда окончился періодъ завоеваний, и хотя легко упрекать латинскую церковь въ обскурантизмъ, вслѣдствіе ея постоянного враждебнаго отношенія къ этому высоко образованному обществу, однако мы не можемъ не признать, что послѣдующія событія во многомъ оправдали такое ея отношеніе. Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что арабское общество было лишено тѣхъ физическихъ и духовныхъ качествъ, которые сдѣлали бы его способнымъ принять большое участіе въ дѣлѣ прогресса всего человѣчества; оно собирало и распространяло элементы благосостоянія, оставшіеся отъ стараго свѣта, но не развивало ихъ дальше и не находило ничего дѣйствительно новаго. Одно время казалось вѣроятнымъ, что мусульманскіе народы воспримутъ наслѣдіе древней цивилизаціи и подъ своимъ руководствомъ распространять ее по всему свѣту. Тяжесть борьбы съ ними вынесли на себѣ греки Константинополя; и крестоносцы совершенно безсознательно содѣйствовали тому, что этого не случилось, и что міровой прогрессъ продолжался подъ покровительствомъ креста, а не полумѣсяца. Когда мы разсматриваемъ упадокъ общества въ тѣхъ странахъ, гдѣ магометанство имѣло преобладающее вліяніе, то чувствуемъ, что послѣдствія этого упадка имѣли жизненное значеніе для всего человѣчества.

Существенные недостатки арабской цивилизаціи можно замѣтить даже въ самыя ея цвѣтушія времена. Въ физическомъ отношеніи мы можемъ сравнить западныхъ арабовъ съ сѣверными народами, которые въ то время были только жестокими варварами и имѣли мало общаго съ этими культурными обитателями юга; но сѣверяне были одарены особенной склонностью къ личнымъ предпріятіямъ, которая побуждала ихъ покидать обычную

жизненную колею не только ради службы солдата, повинующагося волѣ Богомъ поставленнаго повелителя, но и изъ страсти къ приключеніямъ; впрочемъ, объ этой ихъ расовой характерной чертѣ было уже довольно сказано.

Существуетъ также рѣзкій контрастъ между религіей Пророка, которая вдохновляла ранѣе и вдохновляетъ теперь, и христіанствомъ, которому магометане энергично сопротивлялись. Ихъ чистый деизмъ, и именно потому, что это чистый деизмъ, не могъ установить плодотворныхъ правилъ для мірской жизни и положить основы ученію, которое могло бы облагораживать эту жизнь. Правленіе калифовъ по своей сущности было теократіей; оно не желало, подчиняться никакимъ ограниченіямъ, и его цѣль—покорить весь міръ своей религіи и борьбой съ нимъ достигнуть райскаго блаженства,—не давала простора ученію объ отвѣтственности гражданскихъ правителей и объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ управляемымъ. Народное воображеніе, наполнявшее будущую жизнь грезами о чувственномъ наслажденіи, не могло обуздать безразсудныхъ излишествъ сластолюбія и было не въ состояніи основать какое-либо ясное и дѣйствительное ученіе объ обязанностяхъ богатыхъ; не существовало также никакой доктрины о достоинствѣ человѣческой личности, какъ таковой, которая говорила бы въ пользу постепеннаго уничтоженія рабства или улучшенія положенія женщины. Трудъ поощряли, но не какъ разумную дисциплину, а только потому, что онъ давалъ вознагражденіе и доставлялъ независимость. Съ какихъ бы точекъ зрѣнія мы ни рассматривали этой доктрины о мірской жизни, мы видимъ, что она ни въ чемъ не опередила ту же доктрину ветхаго завѣта. Христіанство есть не чистый деизмъ, но поклоненіе воплощенному Божеству, Которое основало царство на землѣ; по своей истинной сущности христіанство есть религія гуманизма, она оказалась способной внушить энтузіазмъ на служеніе человѣку, которое лежитъ внѣ сферы чистаго деизма. Христіанство имѣло силу, которой не было у ислама, создавшую самые высокіе мотивы и самые возвышенные принципы, которые оказывали вліяніе на мірскія дѣла и которые преобразовали государственную, гражданскую и промышленную жизнь. Исламъ со всѣмъ своимъ энтузіазмомъ и способностью усваивать чуждые элементы не могъ дать прочной основы соціальной жизни или быть вдохновителемъ человѣческаго прогресса.

103. Сношенія арабовъ съ христіанами въ западной части Средиземнаго моря, въ началѣ среднихъ вѣковъ, весьма похожи на сношенія финикіянъ съ греками въ самыя древнія времена. Здѣсь мы видимъ ту же расовую борьбу между семитами и арійцами; то же явное превосходство семитической расы вначалѣ и тотъ же постоянный захватъ власти арійцами, которые успѣвали шагъ за шагомъ исторгать ее у своихъ соперниковъ. Для насъ остается невыясненнымъ истинный ходъ этой борьбы въ каждомъ данномъ случаѣ, и хотя мы располагаемъ нѣсколькими средневѣковыми хрониками и даже нѣкоторыми важными гражданскими и духовными документами, относящимися къ позднѣйшей борьбѣ, но они бросаютъ только случайный свѣтъ на частности и едва помогаютъ понять общій ходъ борьбы. Кромѣ того тамъ сталкивалось столько самыхъ противоположныхъ интересовъ, что все это безнадежно запутываетъ рассказъ и всякая попытка разобраться въ немъ является невозможной. Арабская имперія, подобно западному христіанству, была раздроблена на множество отдѣльныхъ группъ, изъ нихъ не было ни одной, которая поддерживала бы на войнѣ интересы другой и преслѣдовала бы одинаковую политику въ своихъ мирныхъ сношеніяхъ съ христіанскими государствами. Не говоря о мелкихъ раздорахъ, мы вспомнимъ, что Карлъ Великій, находясь въ дружбѣ съ калифомъ багдадскимъ, послалъ вооруженный флотъ противъ арабовъ въ Испанію; что правители Марокко вели коммерческія сношенія съ городами Италіи и юга Франціи, именно въ то время, когда крестоносцы жестоко воевали съ Сиріей. На западѣ, въ Испаніи, существовала постоянная вражда между представителями Креста и полумѣсяца, и хотя здѣсь происходила большая война, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, но она не была особенно упорной. Въ концѣ восьмого столѣтія арабское вліяніе господствовало на Средиземномъ морѣ; еще во время царствованія Карла итальянскіе приморскіе города посылали противъ арабовъ свой флотъ, оспаривая у нихъ первенство, между тѣмъ какъ спустя два столѣтія норманны основались въ тѣхъ мѣстахъ Южной Италіи, которыя сдѣлались добычей магометанскихъ завоевателей, и покорили Сицилію. Потерявъ Сардинію и Маіорку, арабы постепенно перешли къ оборонительной политикѣ, поскольку это касалось ихъ африкан-

**Западная
часть Средиземнаго моря.**

скихъ владѣній; но въ теченіе этой долгой и жестокой борьбы морскія сношенія между христіанами и мусульманами не всегда были одинаково враждебны. Здѣсь будетъ достаточно указать и иллюстрировать различные случаи тѣхъ ихъ сношеній, благодаря которымъ арабская цивилизація оказала вліяніе на относительное варварство западнаго христіанства.

Продолжая свое поприще завоеваній въ Африкѣ и въ Испаніи, арабы охотно защищали христіанское населеніе и обезпечивали ему права и привилегіи вмѣстѣ съ сохраненіемъ ихъ религіи, подѣ условіемъ правильнаго платежа податей; поэтому христіанское населеніе хотя и уменьшалось, но все же было значительно въ Марокко и въ другихъ частяхъ арабскихъ владѣній. Когда христіане въ 1085 году получили обратно Кордову, то увидѣли, что ихъ церкви сохранялись неприкосновенно въ теченіе столѣтій арабскаго господства; точно такъ же обширное магометанское населеніе предпочло лучше остаться въ Сициліи подѣ покровительствомъ норманскихъ побѣдителей, чѣмъ искать новаго отечества среди своихъ единовѣрцевъ. Когда пробѣжала волна христіанскаго завоеванія, то она скорѣе очистила нѣкоторые элементы арабской цивилизаціи, чѣмъ снесла ихъ. Нравы и строй мыслей, твердо укрѣпившіеся въ Лангедокѣ и вызвавшіе крестовые походы противъ альбигойцевъ, отчасти обязаны своимъ происхожденіемъ глубокому восточному вліянію въ этой странѣ. Территорія, которая переходитъ отъ однихъ властителей къ другимъ, образуетъ кайму, въ которой смѣшиваются и до извѣстной степени сливаются двѣ цивилизаціи.

Существованіе христіанскаго населенія подѣ мусульманскимъ владычествомъ также вызвало сношенія христіанъ съ мусульманами по духовнымъ дѣламъ. Въ десятомъ или одиннадцатомъ столѣтіи было все еще сорокъ семь епископствъ въ сѣверной Африкѣ; и въ 1053 г. римскій первосвященникъ ходатайствовалъ о сохраненіи древней супрематіи кареагенскаго архіепископства между другими оставшимися епархіями¹. Хотя осѣдлое христіанское населеніе постоянно уменьшалось, но къ нему прибавлялись новые элементы; войны и нападенія пиратовъ были многочисленны, и многіе христіане томились въ неволѣ

¹ Mas Latrie, *Relations et Commerce de l'Afrique Septentrionale avec les nations chrétiennes*, стр. 29.

въ мусульманскихъ странахъ. Орденъ Редемпціонистовъ былъ основанъ съ цѣлью содѣйствовать ихъ освобожденію ¹. Папа Иннокентій III поручилъ его покровительству султана Альманзара, въ то время когда доминиканцы и францисканцы приняли такое же дѣятельное участіе въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, которое продолжали признавать долгомъ христіанской филантропіи въ семнадцатомъ и въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Эти сношенія по дѣлалъ религіи между христіанствомъ и магометанскими правителями Африки весьма интересны, по крайней мѣрѣ они указываютъ на извѣстный родъ взаимнаго общенія, а также и на то, что запрещеніе торговли, въ четырнадцатомъ столѣтіи, отъ котораго потерпѣла Генуя, нельзя считать постоянной и непрерывной политикой св. престола въ раннія времена.

Марокко имѣлъ доступъ къ продуктамъ запада по караваннымъ путямъ, въ то же время онъ могъ также доставлять золото и слоновую кость изъ глубины Африки; для Марокко же требовалось масло, вино и дерево, а также мѣха и металлы, все это можно было купить въ Италіи, Франціи и Испаніи. Такія взаимныя потребности сдѣлали торговлю неизбѣжной, даже несмотря на то, что религіозныя отличія и внутреннія муниципальныя распри часто прерывали торговлю и чрезвычайно увеличивали ея рискъ. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, когда на Востокъ дѣятельно продолжались крестовые походы, христіанскіе купцы съ полнымъ удобствомъ вели торговлю съ Марокко. Она охранялась многочисленными договорами, которые съ одной стороны опредѣляли привилегіи христіанскихъ купцовъ, а съ другой предписывали условія, которымъ они должны были подчиняться ². Интересно, что эти условія мало отличались отъ условій обычной торговли между христіанами даже между городами одного какого-либо королевства того времени.

По особенному договору, личность христіанскихъ купцовъ была обезпечена; было установлено, что они не должны отвѣчать за долги другихъ и что они пользуются покровительствомъ закона и его защитой на случай причиненныхъ имъ

¹ *Ibid* стр. 130.

² Mas Latrie, *Relations et Commerce de l'Afrique Septentrional avec les nations chrétiennes*, стр. 160.

убытковъ. Каждый торговый городъ имѣлъ своего консула, который пользовался правомъ непосредственного доступа къ султану; во власти консула находилась вся юрисдикція надъ купцами его отечественной колоніи и администрація надъ имуществомъ умершихъ соотечественниковъ; споры между купцами двухъ христіанскихъ городовъ разрѣшались ихъ консулами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны султана или его чиновниковъ. Каждый христіанскій городъ имѣлъ свою собственную факторію въ Африкѣ, гдѣ жили купцы и находились склады ихъ товаровъ, и откуда они могли вывозить эти товары; факторіи имѣли характеръ торговыхъ крѣпостей, такъ какъ они подвергались нападеніямъ со всѣхъ сторонъ и при всякомъ случаѣ. Кромѣ того между магометанами и христіанами существовало общее соглашеніе относительно желательнаго уничтоженія пиратства и покровительства тѣмъ, кто потерпѣлъ кораблекрушеніе. Было признано также за правило, что христіане не должны напрасно подвергать себя риску, стараясь торговать во всѣхъ береговыхъ пунктахъ, и что они должны уважать религіозное чувство арабовъ; христіане хотя и имѣли право вполне свободно совершать христіанское богослуженіе въ собственныхъ часовняхъ своихъ факторій, но публичное богослуженіе было запрещено въ магометанскихъ городахъ; христіане не имѣли права звонить въ колоколъ, (*sanctus*) такъ какъ онъ былъ бы слышенъ за предѣлами ихъ факторій.

Южные торговые города Европы менѣе охотно соединялись для общаго дѣла, чѣмъ сѣверные; каждый городъ держался своей независимой политики и имѣлъ свои отдѣльныя факторіи. Жители Пизы пользовались особенно благоприятнымъ положеніемъ въ Тунисѣ въ 1157 г. ¹. Генуэзцы имѣли обширную факторію въ Сеутѣ въ 1234 г. ² и принимали участіе въ защитѣ этого города во время атаки его флотомъ крестоносцевъ; у марсельцевъ была также факторія, и даже гораздо раньше ³; всѣ эти города имѣли свои учрежденія въ Бужи. Кромѣ того, факторіями, повидимому, пользовались въ извѣстной степени и купцы другихъ городовъ. Флорентинцы одно время торговали

¹ Mas Latrie, *Relations et Commerce de l'Afrique Septentrionale avec les nations chrétiennes*, стр. 71, также стр. 90, 107.

² *Ibid*, стр. 150.

³ *Ibid*, стр. 154.

вмѣстѣ съ пизанцами ¹, а факторіи марсельцевъ служили для купцовъ другихъ городовъ Прованса. У венеціанцевъ въ 1281 г. были консулы въ Тунисѣ ²; помимо того они вели значительную торговлю съ Марокко и имѣли особенную привилегію на торговлю свинцомъ ³.

Такова была сущность торговыхъ сношеній христіанскихъ купцовъ въ самомъ Марокко; а многія дошедшія до насъ свѣдѣнія даютъ возможность представить планъ организаціи ихъ путешествій. Купцы и другіе капиталисты составляли товарищества съ цѣлью снаряжать путешествія въ Африку, для этого составлялись компанейскіе договоры; по возвращеніи корабля и продажи груза, барыши дѣлились между товарищами пропорціонально суммѣ, какую каждый внесъ въ предпріятіе. Такая, вѣроятно, очень древняя коллективная система пережила, какъ дѣловая форма, и была принята въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ при организаціи отдаленныхъ путешествій.

104. Сношеніе съ Африкой, установленное въ такихъ тщательно ограниченныхъ предѣлахъ, оказывало благотворное вліяніе на отдѣльные города, но для Западной Европы вообще оно имѣло сравнительно небольшое значеніе. Пробужденіе духа предпримчивости въ сѣверныхъ частяхъ христіанства явилось слѣдствіемъ проповѣди крестonosцевъ. Это движеніе взволновало два самыя глубокія чувства того вѣка и нашло быстрый откликъ во всѣхъ классахъ государства, оно призывало къ исполненію священнаго долга и открывало новое поле дѣятельности для самыхъ отважныхъ военныхъ предпріятій ⁴. Его послѣдствія были очень глубоки и продолжительны; оно не только предоставило свободу торговымъ классамъ вести торговлю въ новыхъ пунктахъ и по новымъ путямъ, но и распространило новыя понятія о цивилизованной жизни и ея возможностяхъ между германцами, французами и англичанами и раз-

Крестовые походы и открытіе Востока.

¹ Они пользовались пизанскими кораблями, хотя имѣли свои собственные торговые привилегіи.

² Mas Latrie, стр. 170.

³ *Ibid*, стр. 162.

⁴ Завоеваніе Сициліи норманнами было отчасти предвѣстникомъ крестовыхъ походовъ, и дало основу для развитія ихъ дѣятельности въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

вило вкусъ къ произведеніямъ Востока въ такихъ мѣстахъ, куда до того времени они съ трудомъ проникали.

Воздѣйствіе этого движенія на все общество имѣло обширныя послѣдствія; почти невозможно перечислить въ подробностяхъ всѣ его вліянія, особенно на торговый классъ. Каждый разъ, когда организовали новый крестовый походъ, возникало много дѣлъ по снаряженію и перевозкѣ войскъ. Торговля колоніи, которыя скоро были учреждены въ Триполи, въ Лидіи и въ другихъ мѣстахъ по Средиземному морю, пріобрѣли гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ аналогичныя имъ факторіи въ городахъ Тунисъ и Марокко, ибо онѣ открывали доступъ къ болѣе важнымъ отраслямъ торговли съ Востокомъ¹ и доставляли много такихъ цѣнныхъ продуктовъ, какъ сахаръ, хлопокъ и шелкъ отъ ихъ непосредственныхъ сосѣдей². Установленныя въ то время торговыя сношенія продолжали сохраняться,—хотя и не безъ перерывовъ,—до тѣхъ поръ, пока открытія пятнадцатаго столѣтія не произвели переворота въ характеръ торговли съ Востокомъ. Благосостояніе торговыхъ классовъ стремилось также улучшить ихъ политическое положеніе; по мѣрѣ того какъ богатѣли города, они какъ общины, имѣли возможность пріобрѣтать все болѣе и болѣе широкія привилегіи и даже присвоивать себѣ характеръ территоріальныхъ властей; но въ то же время различія между богатыми и бѣдными въ городахъ стали болѣе замѣтны. Возникновеніе капиталистическихъ олигархій и борьба съ ихъ притязаніями имѣли дѣйствительную, хотя и отдаленную, связь съ тѣмъ импульсомъ, который былъ сообщенъ коммерческой дѣятельности крестовыми походами.

Христіанская торговля на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря никогда не прекращалась въ такой степени, какъ это было на Западѣ, въ то время когда арабы управляли Септиманіей, Испаніей, Африкой, такъ же какъ Сициліей, Сардиніей и другими сосѣдними островами; Константинополь все еще сохранялъ свое положеніе; подъ его престижемъ начала процвѣтать торговля въ Венеціи и въ Амальфи. Норманское вторженіе въ Средиземное море было роковымъ для этого послѣдняго города, но Венеція сдѣлала быстрые успѣхи; греки

¹ Heyd, *op. cit.* I. 163.

² *Ibid.* I. 178.

не имѣли ничего противъ того, чтобы дѣятельная морская торговля была въ рукахъ иностранцевъ, и венеціанцы не только обезпечили себѣ важное положеніе въ Константинополѣ, но и основали склады въ Кафѣ и въ другихъ пунктахъ Чернаго моря. Они питали мало симпатіи къ крестоносцамъ, ибо, подобно греческому императору, сначала отнеслись непріязненно къ толпѣ военныхъ авантюристовъ, которые врывались въ тѣ территоріи, гдѣ у венеціанцевъ имѣлись торговые интересы.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, венеціанцы держались вообще вдали во время первыхъ экспедицій ¹, и открывшіяся выгодныя предпріятія въ связи съ перевозкой крестоносцевъ въ обширныхъ размѣрахъ попали въ руки ихъ сильныхъ соперниковъ — генуэзцевъ. Если мы обратимъ вниманіе, какъ была ничтожна морская перевозка до того времени, то тотчасъ увидимъ, какой громадный толчокъ данъ былъ всевозможнымъ дѣламъ, благодаря возникшей надобности найти средства для перевозки и снабженія всѣмъ необходимымъ цѣлыхъ армій. Генуэзцы, которые приняли активное участіе въ борьбѣ съ арабами на Западѣ, ревностно бросились на новое поприще морского дѣла, открытаго крестоносцами. Они, быть-можетъ, были лучше приготовлены, чѣмъ ихъ сосѣди, чтобы воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами; но Марсель и Монпелье также обязались снабжать крестоносцевъ съѣстными припасами, экипировкой и доставлять имъ перевозочныя средства. Послѣдующія экспедиціи, происходившія одна за другой, способствовали во всякомъ случаѣ такому денежному обращенію между судовладѣльцами на Средиземномъ морѣ, какого никогда не было прежде.

Во время непродолжительнаго *режима* латинскаго королевства въ Іерусалимѣ, купцы Генуи и другихъ городовъ Италіи и Прованса успѣли извлечь всѣ выгоды изъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя имъ представились, и учредили значительныя факторіи на берегу Сиріи. Итальянскіе купцы на время получили доступъ къ караваннымъ путямъ, которые когда-то такъ много способствовали процвѣтанію Тира и Антіохіи въ римскую эпоху; съ возобновленіемъ магометанскаго вліянія, христіанскіе купцы не могли удержать за собой это положеніе. Однако, опытъ уже показалъ, что крестовые походы имѣли

¹ W. Lenel, *Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria*, стр. 35.

свое торговое значеніе, и что они могли окупиться; и въ четвертомъ крестовомъ походѣ религиозные интересы были всецѣло отодвинуты на задній планъ. Это была экспедиція, направленная венеціанцами для содѣйствія ихъ торговымъ планамъ; они успѣли ниспровергнуть греческую имперію въ Константинополѣ и заставить своихъ соперниковъ генуэзцевъ занять второстепенное положеніе въ этомъ складочномъ рынкѣ; въ теченіе шестидесяти лѣтъ венеціанцы, повидимому, пользовались полной монополіей во всѣхъ торговыхъ пунктахъ Чернаго моря и управляли сѣверными караванными путями въ Персію и на Востокъ. Но они не достаточно заботились о сохраненіи достигнутой ими монополіи ¹; генуэзцы охотно оказали помощь въ дѣлѣ возстановленія греческаго императорскаго дома въ 1261 году и въ свою очередь достигли первенства, хотя болѣе ограниченнаго, но такого же, какимъ пользовалась Венеція ². Они сосредоточили свое вниманіе на торговлѣ въ Черномъ морѣ, между тѣмъ какъ венеціанцы развили свою левантскую торговлю изъ Кипра ³, и упрочили свое положеніе въ Египтѣ. Торговля съ этой послѣдней страной уменьшилась, но никогда не прекращалась, ни вслѣдствіе случайностей войны, ни вслѣдствіе папскаго запрещенія ⁴. Венеціанцы старались монополизировать ее, но они не могли не допустить къ ней другихъ купцовъ съ Адриатическаго моря ⁵; каталонцы ⁶ и провансальцы вели тамъ весьма обширную торговлю. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія было много хорошо устроенныхъ путей сообщенія между Западной Европой и Востокомъ черезъ мусульманскій міръ. Ганзейскіе города направляли торговлю на Востокъ черезъ Россію, а генуэзцы изъ Константинополя; Венеція, Барселона и Марсель имѣли факторіи въ Египтѣ, а различные итальянскіе города сохранили процвѣтавшія торговые учрежденія въ Марокко. Конечно, эти сношенія были ограничены, такъ какъ они велись факторіями, но они были организованы правильно и не прекращались.

¹ Михаилъ Палеологъ успѣшно окончилъ экспедицію, прежде чѣмъ прибылъ генуэзскій флотъ. Heyd, *op. cit.* I. 428.

² Heyd, *op. cit.* I. 430, 441.

³ Heyd, *op. cit.* II. 7.

⁴ Послѣ паденія Акры въ 1291 г. Heyd, *op. cit.* II. 34.

⁵ Heyd, *op. cit.* I. 418.

⁶ Heyd, *op. cit.* I. 422.

Иногда между провансальцами и каталонцами ¹ устанавливались соглашенія по поводу общихъ коммерческихъ дѣлъ; но итальянскіе города почти не представляютъ никакихъ признаковъ такого союза, какой образовался между купцами на Балтійскомъ морѣ; возникновеніе или паденіе того или другого изъ южныхъ торговыхъ центровъ по большей части являлось слѣдствіемъ политическихъ причинъ и имѣло только небольшое экономическое значеніе. Раздоры между городами часто возникали изъ желанія каждаго города сохранить свою монополію и особенно обезпечить за собой исключительный доступъ къ портамъ наиболѣе важныхъ торговыхъ путей ². Генуя успѣла упрочить за собой первенство на западномъ берегу Италіи и заперла порты Мессины и Сиракузъ для пизанцевъ ³ и марсельцевъ ⁴, между тѣмъ какъ Венеція продолжала богатѣть на счетъ Анконы и Феррары и достигла наконецъ господства на Адриатическомъ морѣ ⁵. Но за исключеніемъ этихъ соперничествъ, политика, которую преслѣдовали упомянутые города, была экономически правильная, такъ какъ ихъ торговое преуспѣяніе и промышленная дѣятельность оказывали взаимное дѣйствіе другъ на друга ⁶. Каждый городъ до извѣстной степени имѣлъ свой промышленный характеръ, венеціанцы подражали императорской системѣ и старались развить мануфактуру предметовъ роскоши, которые до сихъ поръ ввозились съ большими издержками; они старались поощрять шелковое производство ⁷, а также производство стекла, мозаики и изящныхъ металлическихъ издѣлій. Генуя была, быть-можетъ, только торговымъ складомъ среди своихъ сильныхъ соперниковъ, но ея населеніе отличалось особеннымъ искусствомъ въ производствѣ оружія и военныхъ снарядовъ. Флорентинцы посвятили себя текстильной промышленности и приготовленію и крашенію тонкихъ шерстяныхъ тканей ⁸, они только постепенно

¹ Mas Latrie, *op. cit.* 213.

² Справ. Т. I. стр. 62, 85.

³ Heyd, *op. cit.* I. 183.

⁴ *Ibid.* I. 188.

⁵ Lenel, *op. cit.* 47—84.

⁶ Томъ I. стр. 65, 114.

⁷ Broglio d'Ajano, *Die Venetianische Seidenindustrie*, 27.

⁸ E. Dixon, *Florentine Wool Trade in the Middle Ages*, въ *Royal Historical Society's Transactions*, XII. 158. Doren, *Entwicklung und Organisation der Florentiner Zünfte* въ *Forschungen* Шмоллера, XV. iii 60.

проложили себѣ дорогу къ морю и превзошли Пизу въ ея прибыльной торговлѣ съ Марокко; но преуспѣяніе ихъ города покоилось на самой прочной основѣ; и вслѣдствіе перемѣнъ, вызванныхъ въкомъ открытій, они пострадали меньше, чѣмъ ихъ сосѣди.

Импульсъ, сообщенный итальянскимъ городамъ, распространился съ большей или меньшей быстротой и на другіе центры въ Европѣ ¹. Города долины Дуная по всей вѣроятности въ нѣкоторой степени извлекли выгоду изъ поставокъ сѣстныхъ припасовъ для армій, которыя проходили по этому пути, между тѣмъ какъ Аугсбургъ и Нюрнбергъ, находившіеся въ непосредственномъ общеніи съ Венеціей, преуспѣвали, благодаря возрастанію ихъ торговой дѣятельности. Сообщение съ сѣверомъ происходило не чрезъ одни горные проходы; съ первой четверти четырнадцатаго столѣтія организовались правильныя торговыя путешествія изъ Венеціи въ Нидерланды. Галеры Фландріи начали вести торговлю, которая въ предшествующія времена направлялась по французскимъ рѣкамъ, и послѣ второй половины четырнадцатаго вѣка, когда столѣтняя война нарушила мирныя занятія купцовъ, это торговое теченіе почти всецѣло отклонилось къ альпійскимъ и морскимъ путямъ. Четырнадцатое столѣтіе даетъ намъ возможность вполне оцѣнить тотъ импульсъ, который былъ данъ торговлѣ крестовыми походами. Мы видимъ организованныя торговыя сношенія между всѣми частями западнаго христіанства и странами, не принадлежавшими къ нему; мы видимъ также, что новое развитіе промышленности возникаетъ въ связи съ улучшеніемъ торговыхъ сношеній.

105. Рѣдко случается, чтобы личная жизнь одного человѣка могла охватить и освѣтить самыя важныя теченія современной исторіи его страны, и трудно найти такой характеръ, который бы такъ полно соединилъ въ себѣ стремленія своего вѣка, какъ принцъ Ген-

**Принцъ Ген-
рихъ Морепла-
ватель.**

могла охватить и освѣтить самыя важныя теченія современной исторіи его страны, и трудно найти такой характеръ, который бы такъ полно

¹ Усиленіе торговыхъ сношеній, безъ сомнѣнія, оказало вліяніе на промышленныя искусства на сѣверѣ и западѣ Европы. Это особенно ясно можно наблюдать на фортификаціонномъ искусствѣ (Oman, *Art of War*, 526). Замѣчательно, что многіе архитектурные термины въ Англіи греческаго происхожденія—*laothomi*, *cheirotheca*, *schola*—и что организація каменщиковъ имѣла мало общаго съ другими цехами въ Англіи, между тѣмъ какъ они вполне аналогичны съ тѣми же цехами въ Византіи девятого столѣтія. Jules Nicole, *Livre du Préfet*, стр. 82.

рихъ Мореплаватель. Его дѣятельность привела къ открытію новаго свѣта и прямого морского сообщенія съ Востокомъ; благодаря его личной энергіи и основанію имъ мореходной школы, были побѣждены первыя трудности и можно было предвидѣть полный успѣхъ. Перемѣна, которая произвела переворотъ въ европейской торговлѣ и подчинила весь свѣтъ вліянію западной цивилизаціи, была косвенно совершена португальскимъ принцемъ. Однако, хотя его дѣятельность и сдѣлала возможной современную жизнь, съ ея міровой торговлей и гигантской промышленностью, которая далеко превзошла величайшія усилія древняго міра. но онъ ни въ какомъ отношеніи не стоялъ выше своей эпохи; онъ былъ вполне челоѣкомъ своего времени. Различныя теченія, изслѣдованныя нами въ предыдущихъ параграфахъ, какъ будто встрѣчаются и сливаются въ немъ. Принцъ Генрихъ принадлежалъ къ роду, въ жилахъ котораго текла старая скандинавская кровь. Португальское королевство было основано норманскими авантюристами; его мать была изъ дома Плантагенетовъ и слѣдовательно была потомкомъ Вильгельма норманскаго. Такимъ образомъ первый толчокъ вѣку открытій данъ былъ отраслью расы, которая создала себѣ отечество во всѣхъ странахъ сѣверныхъ морей и носилась на своихъ корабляхъ по Средиземному морю. Онъ жилъ въ то время, когда его родная страна начала занимать новое мѣсто въ торговлѣ; флотъ фландрскихъ галеръ заходилъ въ ея порты, и мѣстная предприимчивость разгоралась все болѣе и болѣе, вслѣдствіе честолюбиваго желанія—воспользоваться по крайней мѣрѣ долей той торговли, которую венеціанцы находили столь выгодной. Замѣчательно также, что принцъ Генрихъ жилъ въ томъ углу христіанства, гдѣ наиболѣе пылало рвеніе крестоносцевъ; постоянное пребываніе магометанъ въ Гренадѣ оскорбляло христіанское чувство и какъ бы бросало вызовъ христіанскому рыцарству. Принцъ Генрихъ завоевалъ себѣ шпоры блистательнымъ нападеніемъ на крѣпость невѣрныхъ въ Тангерѣ; и въ немъ соединились научный и миссіонерскій интересъ къ открытіямъ вмѣстѣ съ военнымъ и религіознымъ желаніемъ завоеванія, что представляло характерную черту средневѣковаго міра, которымъ онъ жилъ больше, чѣмъ современной жизнью, созданію которой онъ способствовалъ. Исламъ окружалъ христіанство со всѣхъ сторонъ; на востокъ, какъ и на югъ полумѣсяцъ воздвигъ преграду для поступательнаго движенія Креста. Глав-

нымъ стремленіемъ принца Генриха было обойти съ фланга этихъ старинныхъ враговъ и, такимъ образомъ, открыть прямой доступъ къ остальному міру, а также къ язычеству, которое находилось внѣ обширнаго круга магометанскаго вліянія.

Въ виду этого онъ организовалъ школу морскихъ изслѣдованій, гдѣ бы можно было все географическое знаніе того времени и техническое искусство мореходства направить на одну опредѣленную цѣль. Изъ года въ годъ отправлялись его экспедиціи, подвигаясь все далѣе вдоль африканскаго берега; но немногіе изъ его эмиссаровъ руководились его широкими честолюбивыми планами; они находили лучшимъ извлекать непосредственную пользу изъ торговли на африканскомъ берегу, чѣмъ проникать въ глубь лежащаго за нимъ континента. Посредствомъ мѣны съ туземцами они получали золото съ Гвинейскаго берега и возобновили ту торговлю, которая съ незапамятныхъ временъ была проклятіемъ Африки, привозя негровъ для работъ въ Португалію.

Во время смерти принца Генриха португальцы открыли уже путь къ Мадерѣ (1418 г.) и обогнули мысъ Боядоръ (1434 г.); а спустя немного лѣтъ они проникли въ Сенегаль и на острова Зеленаго Мыса (1446 г.); сообщенный принцемъ импульсъ не утратилъ своей силы, и открытія сдѣлались постоянной цѣлью португальской политики, которую однако преслѣдовали не съ одинаковымъ рвеніемъ въ каждое царствованіе. Изслѣдователей отправляли сухимъ путемъ на востокъ, и были сдѣланы попытки утилизировать караванныя дороги черезъ сѣверную Африку; но главнаго успѣха достигли въ 1498 году, когда Васко де Гама послѣ девятимѣсячнаго плаванія прибылъ въ Калькуту. За шесть лѣтъ до этого Колумбъ, полагаясь на опытъ, пріобрѣтенный школой принца Генриха, и пользуясь денежными средствами Фердинанда и Изабеллы, открылъ путь къ Вестъ-Индскимъ островамъ и этимъ воспламенилъ честолюбіе массы изслѣдователей, такъ что въ продолженіе немногихъ лѣтъ берега громадныхъ континентовъ были нанесены на карту земного шара и открылось новое поприще для военныхъ и торговыхъ экспедицій; оно дѣйствительно было обширно, сравнительно съ той узкой ареной, которую старались занять крестоносцы.

Было бы несправедливо сравнивать героизмъ и настойчивость, подвизавшіеся на великой аренѣ открытій, съ заслугами

другихъ людей и въ другія времена. Португальцы и Колумбъ совершили великое дѣло, которое измѣнило всю поверхность земного шара, но можно сомнѣваться, проявили ли они при этомъ болѣе предприимчивости, проникая въ область неизвѣстнаго, или болѣе искусства въ мореходствѣ, чѣмъ финикіане въ своихъ путешествіяхъ, или викинги, о которыхъ мы читаемъ въ ихъ сагахъ. Время для открытій пятнадцатаго столѣтія наступило; подъ руками были удобства, которыми можно было воспользоваться въ виду раскрывавшейся новой перспективы. Древне-скандинавы не имѣли ни перевозочныхъ средствъ для армій, чтобы при ихъ помощи покорять тѣ земли, куда они проникали, ни способности учредить правительство, которое могло бы дать имъ возможность систематически изслѣдовать новыя территоріи; но съ тѣхъ поръ міръ далеко ушелъ впередъ. Дѣловая практика, которую развили купцы на Средиземномъ морѣ, могла оказать свое вліяніе и на восточное полушаріе: португальцы отправлялись вдаль не какъ полупираты и полукупцы, а какъ люди, которые имѣли въ виду основать правильное торговое поселеніе, откуда они могли организовать постоянную торговлю. Предшествующія столѣтія съ ихъ ограниченной торговлей и ничтожными морскими экспедиціями были продолжительной школой, подготовившей людей шестнадцатаго столѣтія дѣйствовать на поприщѣ завоеваній, торговли и колонизаціи, которыя стали одинаково возможны какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ.

106. Какъ бы высоко мы ни цѣнили ту пользу, какую вообще принесъ вѣкъ открытій, мы не должны пройти молчаніемъ сопровождавшее его зло. Нравственные результаты общенія между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ были не всегда благодѣтельны для Европы; соприкосновеніе христіанства съ язычествомъ привело къ ужасному переходу отъ улучшеннаго образца отношеній къ рабочимъ,—что составляло самую характерную черту средневѣковаго общества,—къ немедленному возстановленію рабства. Разъ возникла африканская торговля невольниками, она продолжала развиваться и увеличиваться въ такой степени, что ужасы возродившейся торговли почти равнялись и даже, быть-можетъ, превосходили бѣдствія, которыя претерпѣвали рабы древняго міра.

**Рабство въ
средніе вѣка
и въ новое
время.**

Введеніе вновь торговли невольниками было страннымъ за-

блужденіємъ, объяснить которое съ перваго взгляда невозможно; вліяніе христіанскаго чувства и економіческія перемѣны одинаково стремились возвысить положеніе рабочаго въ Европѣ; но, по разнымъ причинамъ, эти силы не могли предупредить ввозъ невольниковъ въ новый свѣтъ, или воспрепятствовать этому. Отношеніе церкви къ рабству всегда было вполне ясно; со временъ св. Павла она никогда не осуждала рабства, какъ установленія, или не пыталась бороться съ нимъ, какъ съ условіемъ жизни въ обыкновенномъ обществѣ; никто не разсуждалъ о присущемъ правѣ человѣку, какъ человѣку, быть свободнымъ. Итакъ, въ то время, когда рабство само по себѣ не было осуждено, часто употребляли усилія облегчить судьбу раба и защищать его отъ произвола и жестокаго обращенія съ нимъ его хозяина¹. Много слѣдовъ такого заступничества находится какъ въ законодательныхъ кодексахъ Запада², такъ и въ *Капитуляріяхъ*³; а нѣкоторыя льготы, являвшіяся слѣдствіемъ ограниченія правъ господина, создавали благопріятныя условія для постепеннаго улучшенія положенія раба. Помимо содѣйствія постепенному улучшенію условій жизни этого класса людей, церковь рассматривала свободу, какъ идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться. Освобожденіе рабовъ поощряли, какъ форму благотворительности, но не считали обязательнымъ долгомъ⁴; не считалось несправедливостью держать у себя рабовъ, освобожденіе же ихъ пользовалось одобреніемъ. Вотъ почему сохранилось много завѣщаній, подобныхъ завѣщанію короля Альфреда⁵, гдѣ дарованіе свободы невольникамъ является такимъ же актомъ великодушной благотворительности, какъ въ наше время пожертвованіе на школу. Есть и другіе примѣры, образцомъ которыхъ служить св. Элигіусъ, но его образъ дѣйствій при выкупѣ

¹ Yanoski, *De l'abolition de l'esclavage ancien au moyen âge* стр. 37 fol.

² Brownlow, *Lectures on Slavery and Serfdom in Europe*, стр. 30 fol. *Cod. Theod.* lib. IX, tit. 55. 1, 5; *Cod. Justinian.* lib. VIII. tit. 15. 1. Wallon, *Histoire de l'Esclavage*, III. 389.

³ Brownlow, *op. cit.* 69, *Capitula excerpta ex lege Longobardorum*, c. 14 in Baluze, *Capitularia* (1677), I. 351; Guérard, *Polyptyque de l'Abbé Irminon; prolegomènes*, 331.

⁴ Точно такое же различіе было установлено относительно пользованія деньгами; давать займы деньги безъ процентовъ было своего рода похвальнымъ дѣломъ милосердія и доброты, но это не было обязательнымъ долгомъ каждаго богатаго человѣка,

⁵ Thorpe, *Diplomatorium Anglicum Aevi Saxonica*, 492, также 135.

невольниковъ паразитально отличается отъ дѣятельности современныхъ ¹ аболіціонистовъ.

Кромѣ того бывали иногда случаи, когда христіанское чувство не довольствовалось улучшеніемъ положенія невольниковъ или случайнымъ освобожденіемъ отдѣльныхъ рабовъ; такая торговля, какъ вывозъ людей изъ христіанскихъ странъ въ языческія, гдѣ ихъ бросали на произволъ судьбы, возбуждала самое сильное негодованіе. Готовность только изъ-за денегъ продать христіанина въ страну, гдѣ онъ едва ли имѣлъ возможность сохранить обычаи христіанской жизни и гдѣ онъ умиралъ „бездомный и обездоленный“, — оскорбляла религіозное чувство. Поэтому, въ то время, какъ рабство само по себѣ не вызывало опредѣленнаго, непріязненнаго чувства, являлось состраданіе къ тѣмъ, кого продавали въ неволю за предѣлы христіанскаго міра ²; и въ основѣ этого состраданія лежала не только симпатія къ его матеріальной судьбѣ, но и опасеніе за то, что онъ лишился средствъ заслужить прощеніе, и утратилъ надежду на блаженство.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ порабощенія христіанское чувство было не гуманитарнымъ, а только религіознымъ чувствомъ, и въ этомъ заключается тайна его разграниченій. Когда сфера магометанскаго вліянія въ Африкѣ была ограничена усиліями принца Генриха, и христіанство вступило въ непосредственное соприкосновеніе съ язычествомъ, это ревностное религіозное чувство не возмущалось поступками людей, привозившихъ въ христіанскія земли рабовъ-язычниковъ; на такіе поступки можно было смотрѣть, какъ на благочестивое дѣло, такъ какъ они давали возможность ввести язычниковъ въ сферу христіанскаго ученія. Нѣтъ ясныхъ указаній на то, чтобы кто-нибудь запрещалъ, съ этой точки зрѣнія ³, торгъ невольниками, и кардиналъ Каменесь, и испанцы вообще съ отвращеніемъ относились къ этой торговлѣ, и въ лучшемъ случаѣ смотрѣли на нее, какъ на необходимое, но дѣйствитель-

¹ S. R. Maitland, *The Dark Ages*, 83. Относительно торговли невольниками Викинговъ, ср. Torfaeus, *Rerum Norvegi carum Historia* (1771), vol II, стр. 332.

² Генуэзцы употребляли большія усилія, чтобы не допустить христіанъ попасть въ число рабовъ, которые вывозились изъ Каффы въ Египетъ. Heyd. *Op. cit.* II. 557.

³ Колумбъ, повидимому, руководился этой точкой зрѣнія въ своемъ отношеніи къ туземцамъ Караибскихъ острововъ. Ingram, *History of Slavery*, стр. 142.

ное зло; тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что христіанское чувство, сильно протестуя противъ вывоза рабовъ изъ Европы, не возмущалось ввозомъ ихъ или въ Европу, или въ тѣ страны, гдѣ господствовали европейцы и гдѣ существовали христіанскія учрежденія.

Помимо этого общаго религіознаго вліянія на улучшеніе жизненныхъ условій сельскаго рабочаго, въ Западной Европѣ дѣйствовали экономическія причины. Онѣ же, безъ сомнѣнія, отчасти способствовали уменьшенію рабства; ибо упадокъ его въ древнемъ мірѣ въ нѣкоторой степени обусловливался тѣмъ, что не было особенной нужды пользоваться рабами¹. Было необходимо ввести новые сельскохозяйственные методы и положить на трудъ крѣпостныхъ, которые были прикрѣплены къ отдѣльнымъ имѣніямъ и получали за свой трудъ назначенную имъ въ аренду землю, которую они обрабатывали на свой собственный счетъ. Положеніе средневѣковаго виллана совершенно отличалось отъ положенія рабовъ классическихъ временъ, ибо несмотря на неправоподобность виллана, онъ занималъ опредѣленное легальное положеніе, и часто пользовался правами собственности, которыя давали ему возможность улучшить свое состояніе, когда представлялся къ тому благопріятный случай. Постепенная замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ принесла ему несомнѣнную пользу; она доставила значительную экономическую независимость и свободу передвиженія². Эта перемѣна происходила неравномѣрно во всѣхъ европейскихъ странахъ; поводы, которые вызывали ее, были весьма различны въ каждой изъ нихъ, хотя общій результатъ былъ одинаковъ для всѣхъ³. Большей частью этотъ переворотъ совершился въ то время, когда существовала еще слабая тенденція, пользоваться капиталомъ для обработки земли⁴; значительнаго спроса на наемный трудъ не было, и не представлялось никакой надобности ввозить его въ Европу. Огромная масса крестьянства, обрабо-

¹ Томъ I, стр. 171.

² T. W. Page, *End of Villainage in England*, въ the *Publications of the American Economic Association*, 3. s. I. стр. 382.

³ Ingram, *History of Slavery and Serfdom*, 91. fol.; см. также Brownlow, *op. cit.* стр. 210, о вліяніи крестноосцевъ.

⁴ Обширныя тосканскія помѣстья, повидимому, представляли исключеніе. Pohlmann, *Die Wirthschaftspolitik der Florentiner Renaissance*, стр. 5. Въ *Preisschriften gekrönt von der fürstlich-jablonowskischen Gesellschaft*, 1878.

тывала свои небольшія аренды и жила на такихъ земляхъ, которыя были особенно выгодны для обработки¹. Положеніе дѣлъ въ Новомъ Свѣтѣ было настолько различно, что ввозъ туда рабовъ изъ Африки представлялъ выгодное занятіе. Въ Америкѣ было много большихъ капиталистовъ, которые крайне нуждались въ массѣ рабочихъ для разработки рудниковъ и воздѣлыванія ихъ плантацій; въ то же время легко было получать рабовъ изъ Африки, гдѣ былъ ихъ неограниченный запасъ. Эти исключительныя обстоятельства, вновь оживившія торговлю невольниками, бросаютъ болѣе яркій свѣтъ на причины ея упадка и дѣйствительнаго уничтоженія въ европейскихъ странахъ², и помогаютъ намъ вѣрнѣе оцѣнить вліяніе религіозныхъ идеаловъ на общее теченіе дѣлъ. Тамъ, гдѣ христіанское чувство было безсильно заявить протестъ, тамъ ужасы рабства снова возобновились. Введеніе денежнаго хозяйства вызвало помѣщеніе большого капитала въ торговлю невольниками; открытіе коммерческихъ сношеній доставило болѣе благоприятныя условія для этой торговли; эти элементы матеріальнаго прогресса вполне способствовали сохраненію рабства и угнетенію работника. Насколько именно, христіанство давало себя чувствовать, какъ дѣйствительную силу, которая оказывала постоянное давленіе на людей въ теченіе многихъ столѣтій, настолько условія труда значительно улучшились сравнительно съ его условіями въ древнемъ мірѣ.

¹ Гнетъ денежныхъ и промышленныхъ интересовъ стремился стѣснить положеніе крестьянъ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, но не поработить ихъ. Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, V. 87. fol.

² Рабство было уничтожено въ Европѣ не такъ давно, какъ обыкновенно предполагаютъ. Cibrario собралъ много доказательствъ продажи рабовъ въ Италіи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. *Del la Schiavitù e del Servaggio*, I. стр. 227—235.

КНИГА V.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

ГЛАВА I

Секуляризація.

107. На сходства римской имперіи второго или третьяго столѣтія съ латинской имперіей тринадцатаго столѣтія было уже указано раньше. Обѣ онѣ достигли высокой степени цивилизаціи и обѣ занимали обширную часть одной и той же территоріи, обѣ имѣли одинъ и тотъ же правительственный центръ, одинаковую независимую городскую жизнь. Эти однородныя черты такъ очевидны, что невольно заставляютъ насъ не замѣчать и игнорировать глубокія и существенныя отличія, которыя были присущи самой структурѣ этихъ государствъ; но рѣзкій между ними контрастъ заставляетъ обратить на себя наше вниманіе, лишь только мы сравниваемъ эти двѣ великія системы общества во время ихъ упадка. Римская имперія сохраняла свое наружное величіе во время паденія, ея провинція одна за другой погружались въ совершенное варварство. Въ христіанствѣ же произошло скорѣе распаденіе, чѣмъ упадокъ. Центральная власть, потерявъ свой престижъ и присущія ей вліянія, исчезала; но отдаленныя провинціи отнюдь не были истощены; напротивъ, исполненныя сильной жизненности, онѣ настолько не полагались на силу центральной власти защищать ихъ, что враждебно относились ко всякой ея попыткѣ проявить какое бы нибыло вмѣшательство и контроль.

Существенное различіе между уничтоженіемъ древней и средневѣковой системы заключается въ томъ, что имперія из-

немогала и разрушалась, вслѣдствіе долгаго періода экономической слабости и упадка; эта слабость была достаточно очевидна, несмотря даже на нѣкоторыя несогласія въ опредѣленіи діагноза той болѣзни, съ которой началось это разрушеніе. Христіанство не страдало такой болѣзью. Эра крестовыхъ походовъ была временемъ необыкновеннаго экономического преуспѣянія; несмотря на опустошенія, которыя причиняли постоянныя войны въ Италіи и столѣтняя война между Англіей и Франціей, и несмотря также на бѣдствія Черной Смерти и на торговые переустройства, вызванныя паденіемъ Константинополя, экономическій прогрессъ продолжалъ свое движеніе во многихъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ развивавшейся торговли, поощрялась промышленность; города Фландріи и Германіи полны памятниками четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтія, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о силѣ ихъ промышленной жизни и богатствѣ купеческихъ королей того времени. Въ лежащія части имперіи первыя проявили признаки оцѣпнѣнія, предвѣщавшіе смертельную болѣзнь; въ отдаленныхъ же частяхъ христіанства не было аналогичныхъ симптомовъ.

Странное очарованіе было связано съ самымъ именемъ римскаго императора; простое переживаніе императорскаго величія внушало страхъ варварамъ-завоевателямъ; ихъ преклоненіе передъ авторитетомъ императора не исчезло даже и тогда, когда они на дѣлѣ испытали его неспособность сопротивляться имъ. Съ другой стороны, въ христіанствѣ соперничество между папой и императоромъ было слишкомъ интенсивно, а ихъ борьба слишкомъ продолжительна, чтобы тотъ или другой могли предписывать міру безпрекословное повиновеніе. Слѣдовавшее за этимъ торжество папства надъ императоромъ потеряло свой престижъ, благодаря великому расколу и вавилонскому плѣненію, когда духовный глава христіанства сдѣлался простой куклой Франціи. Когда не одинъ, а три папы требовали повиновенія людей и открылась новая эра соборовъ, тогда пробудилось сознаніе, что папство перестало быть дѣйствительнымъ орудіемъ управленія христіанскимъ міромъ и папство не могло успѣшно организовать существеннаго сопротивленія общему врагу; алчная интрига, которая была причиной паденія Темпліеровъ, обезславила ея подстрекателей и открыла новую возможность нападенія магометанъ. Императоры были вынуждены уступить папамъ, но папство было неспособно удерж-

жать въ своихъ рукахъ власть, къ захвату которой оно стремилось, и не могло сохранить свое достоинство, какъ духовнаго главы, управляющаго всѣми силами огромнаго и сложнаго цивилизованнаго общества. Экономическое истощеніе, бывшее роковымъ для римской имперіи, не играло никакой роли въ распаденіи христіанства; это распаденіе всецѣло явилось слѣдствіемъ неспособности центральной власти сохранить дѣйствительный авторитетъ.

108. Эта утрата престижа духовнымъ главой христіанства представляла серьезную опасность для учрежденій средневѣковаго міра, потому что заставила обратить вниманіе на принципы, служившіе основаніемъ всей соціальной системы, и сдѣлала ихъ предметомъ враждебной критики. Требованіе, чтобы христіанское вліяніе господствовало надъ всѣми отношеніями жизни, было положено въ основу организаціи средневѣковаго общества; этотъ принципъ повидимому подразумѣвалъ, что не было сферы человѣческихъ интересовъ, которая не входила бы въ кругъ вліянія духовнаго авторитета и къ которой дѣятельность духовенства не имѣла бы прямого отношенія. Изъ практическихъ соображеній нашли удобнымъ ввѣрить веденіе гражданскихъ дѣлъ духовенству, какъ образованнымъ людямъ; кромѣ того на нихъ смотрѣли какъ на людей, особенно заслуживающихъ довѣрія, такъ какъ епископы и священники болѣе, чѣмъ кто-либо, должны были отправлять свои обязанности¹ въ страхъ Божию. Безчисленное множество мірскихъ дѣлъ прямо или косвенно проходили чрезъ руки духовныхъ должностныхъ лицъ; духовные суды имѣли контроль надъ всѣми дѣлами по духовнымъ завѣщаніямъ и бракамъ; многія административныя дѣла, какъ-то финансовыя, юридическія и дипломатическія вѣдались духовными лицами, которыя занимали высокія гражданскія должности въ различныхъ государствахъ Европы.

Эта попытка контролировать жизнь человѣка во всѣхъ ея формахъ представляетъ самую сущность христіанской религіи. *Homo sum, nihil humani a me alienum puto*, есть божественное слово міру. Однако справедливо, что тѣ, которые стремились осу-

¹ *Dialogus de Scaccario*, Pref.

шествовать этот принцип, часто дискредитировали его своим неудачным примѣненіемъ. Страніе контролировать и управлять всѣми различными интересами человѣчества можетъ отвлечь вниманіе отъ верховной цѣли, которую нужно имѣть въ виду. Бенедиктинцы посвятили себя изученію литературы, чтобы освятить знаніе, и достиженію богатства, чтобы посвящать его на служеніе Богу; тѣмъ не менѣе они настолько отдалились отъ цѣли и задачъ *устава*, по которому они жили, что явилась необходимость въ двѣнадцатомъ столѣтіи основать преобразованные ихъ ордена въ Клюни и Сито. Точно такимъ же образомъ поглощеніе духовныхъ должностныхъ лицъ гражданской и политической дѣятельностью отвлекало ихъ отъ священныхъ обязанностей и служило поводомъ возводить на нихъ обвиненіе въ томъ, что ихъ притязаніе на духовный авторитетъ и уваженіе служили только предлогомъ, которымъ они пользовались, чтобы прикрыть поглощающую ихъ страсть къ мірскимъ почестямъ и земнымъ благамъ. Слѣдствіемъ этого явилась реакція религіознаго чувства, которая привела многихъ ревнителей христіанства къ крайней противоположности и полному осужденію всей свѣтской жизни. Возникновеніе нищенствующихъ орденовъ было протестомъ противъ перехода іерархіи въ свѣтское состояніе; посвящая себя на духовную жизнь и дѣла милосердія, они преднамѣренно уклонялись отъ мірскихъ занятій и, ссылаясь на примѣръ нашего Господа и двѣнадцати апостоловъ, они оправдывали свое пренебреженіе къ работѣ и жизни на счетъ подаянія вѣрующихъ. Средневѣковые мыслители справедливо настаивали на верховной силѣ духа; но они заблуждались, придавая ему исключительное значеніе; дѣйствительно, не мыслима такая строгая и рѣзкая граница, какую они провели. Мы не можемъ отдѣлять только мірское отъ чисто-духовнаго и противопоставлять ихъ одно другому; задача которую ставилъ себѣ христіанинъ во всѣ вѣка, заключается въ пользованіи всѣмъ земнымъ, такимъ образомъ, чтобы направить его къ высшимъ цѣлямъ. Онъ обязанъ стараться вести обыкновенныя дѣла повседневной жизни въ строгой подчиненности и ограничить въ себѣ поглощающій интересъ къ нимъ, но каждая попытка игнорировать ихъ вполнѣ, какъ незаслуживающія вниманія, должна окончиться несчастьемъ. Все мірское имѣетъ мѣсто въ божественномъ порядкѣ и заявить о себѣ, если имъ пренебрегаютъ. Даже тѣ, кто, какъ

монахи, были вполнѣ искренни въ своихъ обѣтахъ нищеты и отличались особенною набожностью и самопожертвованіемъ и тѣ принимали непосредственное участіе въ мірскомъ благосостояніи ихъ общины и были ревностными защитниками ихъ привилегій или богатства. Однако, установленный ими взглядъ на христіанскій долгъ, со всеѣми его крайностями и суровостью, нашелъ широкое распространеніе; во время императора Людовика Баварскаго, Вилльямъ Оккэмъ (William Occam) искусно воспользовался этимъ энтузіазмомъ къ чисто духовному и сдѣлалъ его орудіемъ нападковъ на духовныхъ лицъ за ихъ готовность заниматься мірскими дѣлами и контролировать или отправлять гражданскія обязанности.

Это ученіе было формулировано съ такимъ искусствомъ и такимъ пониманіемъ, что оно распространилось и навсегда осталось въ академическихъ сферахъ; подобная же критика существующей системы особенно сильно распространялась въ четырнадцатомъ столѣтіи тѣми, кто смотрѣлъ на житейскія дѣла взглядомъ обыкновеннаго здравомыслящаго человѣка. Существовалъ рѣзкій контрастъ между признаннымъ обязательнымъ трудомъ, — какъ личной дисциплиной, — и жизнью монаховъ, которые проводили время въ праздности, какъ нищіе. Хозяйство религіозныхъ обитателей обнаруживало, что духовныя лица въ дѣлахъ по управленію ихъ имуществомъ не руководились чувствомъ отвѣтственности; взысканія монастырей съ ихъ крѣпостныхъ или съ горожанъ, ихъ сосѣдей, служили постоянными причинами жалобъ и оправдывали возникавшіе по временамъ бунты. Еще позорнѣе нарушался другой основной христіанскій принципъ, честность въ денежныхъ дѣлахъ — его нарушали папскіе купцы, комерческая хитрость которыхъ соперничала съ такою же хитростью ненавистныхъ всеѣмъ евреевъ. Съ точки зрѣнія тѣхъ идеаловъ, которые ввела и распространила церковь, существовавшая церковная система была вполнѣ достойна осужденія. Однако надо замѣтить, что это народное осужденіе было дѣйствительнѣе и разумнѣе критики Окэма и монаховъ, и хотя оно не было лишено старыхъ понятій и заблужденій, но, въ виду существовавшихъ злоупотребленій, оно бросало вызовъ папскому праву требовать къ себѣ безусловнаго повиновенія, какъ къ единственной власти, толковавшей христіанскій долгъ и заставлявшей исполнять его. Старые идеалы пережили распаденіе христіанства и удержались въ христіанскихъ

земляхъ, какъ установленные образцы, по которымъ судили о томъ что справедливо, что нѣтъ; до сихъ поръ Абсолютная Воля признается основой всякой человѣческой власти и гарантіей противъ захватовъ деспотичной волей человѣка личной свободы; еще досихъ поръ часто настаиваютъ на отвѣтственности богатыхъ, и вообще признають, что трудъ есть долгъ. Все это сохранилось и въ новое время, хотя латинскую церковь уже не признають болѣе единственнымъ толкователемъ каждой христіанской добродѣтели; во многихъ странахъ отмѣнены основы ея судопроизводства, такъ какъ онѣ уже болѣе не примѣнимы, и ея методы заставлятъ исполнять ихъ во многомъ утратили свою силу. Средневѣковой міръ, который былъ всѣмъ обязанъ дѣятельности христіанской церкви, постепенно возмужалъ и пересталъ довѣряться тѣмъ ея формамъ, въ которыхъ обыкновенно проявлялось ея управленіе.

109. Эти мнѣнія, столь враждебныя существовавшему строю. рано или поздно должны были оказать свое разрушительное вліяніе на духовный авторитетъ христіанства, но оно было особенно ускорено ужасной чумной эпидеміей, которая опустошила Европу въ срединѣ четырнадцатаго столѣтія. Черная Смерть, стремительно переходя изъ страны въ страну и скосивъ почти половину населенія въ одной странѣ за другой ¹, произвела многія коренныя перемѣны какъ въ городской, такъ и въ сельской жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ предметъ мѣстной или специальной исторіи, но результатъ этихъ перемѣнъ имѣетъ общее значеніе для всей Западной Европы. Церковь, какъ организованное общество, получила сильный ударъ, поколебавшій ея самыя уважаемыя учрежденія. Большіе монастыри уже никогда послѣ не могли возстановить своего положенія и вліянія, какъ центровъ культурной и набожной жизни ²; пополненіе духовенствомъ приходскихъ церквей сдѣлалось не достаточнымъ. Злоупотребленія, которыя стали болѣе открытыми и частыми, разбирались въ нѣкоторыхъ странахъ Трентскимъ соборомъ и въ то же время служили поводомъ религіозныхъ возмущеній въ другихъ мѣстахъ. Церковь терпѣла не только отъ недостаточнаго количества духовнаго персонала, но и подвергалась другимъ опасностямъ послѣ Черной Смерти.

**Черная Смерть
и социальное
разъединеніе.
Возрожденіе.**

¹ Cunningham. *Growth of English Industry and Commerce*, I, 331.

² Gasquet, *The Great Pestilence*, стр. 205, 214.

Такъ какъ большая часть населенія вымерла и условія жизни и труда измѣнились къ худшему, то сумма богатствъ, посвящаемыхъ на религіозныя дѣла, оказалась чрезмѣрной и совершенно не пропорціональной потребностямъ каждаго государства. У нуждающихся монарховъ пробудилась зависть и проснулась ихъ скупость; они старались пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отклонить отъ пожертвованій набожныхъ благотворителей. Многія изъ современныхъ свидѣтельствъ объ испорченности церкви исходятъ изъ нечистыхъ источниковъ и не заслуживаютъ довѣрія, и попытка выдѣлить изъ нихъ истину въ ея подробностяхъ оказалась бы неблагодарной; но мы можемъ видѣть только одно, что помимо всѣхъ этихъ религіозныхъ и нравственныхъ причинъ, которыя способствовали паденію духовной системы, латинская церковь должна была потерять свое господствующее вліяніе, разъ только общество могло обходиться безъ той поддержки, которою нѣкогда она для него служила. Договоръ съ Богомъ пересталъ быть полезной гарантіей веденія мирныхъ занятій, такъ какъ королевская власть имѣла больше средствъ заставить исполнять законъ и содѣйствовать тому, чтобы прекращеніе войнъ и грабежей не было явленіемъ исключительнымъ и случайнымъ, но общимъ и продолжительнымъ. Были знатоки цивилисты, которые могли завѣдывать администраціей королевства, такъ что правители могли обходиться безъ услугъ духовенства, во многихъ такихъ должностяхъ, которыя прежде съ успѣхомъ занимали духовныя лица. Ранѣе монахи улучшали искусство земледѣлія и способствовали развитію торговли; но въ пятнадцатомъ столѣтіи аббатства уже не служили образцомъ хорошаго хозяйства, а торговля находилась въ рукахъ купеческой городской олигархіи. Церковь перестала быть руководительницей въ дѣлѣ практической жизни, и въ то же время ея неспособность возможно лучше утилизировать свои помѣстья, при измѣнившихся условіяхъ, погубила ея господствующее вліяніе на мірскую жизнь во всѣхъ ея видахъ.

Общая дезорганизация европейскаго общества и ослабѣвшее уваженіе къ духовному главѣ христіанства воздѣйствовали на финансы римскаго двора и поставили папъ въ необходимость изобрѣтать новые способы для полученія дохода ¹. Характеръ

¹ Gottlob, *Aus der Camera*, 188.

времени былъ таковъ, что каждая систематическая попытка увеличить папскіе налоги могла представлять опасность во всякомъ случаѣ; ропотъ же критики перешелъ въ активное недовольство. Возрожденіе¹ уже давало себя чувствовать. Сознательное подражаніе древнимъ образцамъ при римскомъ дворѣ дало поводъ къ соблазну; а планы соорудить великолѣпное религіозное зданіе, которое было бы центромъ поклоненія всего міра, привели къ кризису въ дѣлахъ; пытались покрыть расходы на постройку храма св. Петра продажей индульгенцій въ Германіи; это возбудило негодованіе Лютера, и его протестъ послужилъ какъ бы клиномъ, который входилъ все дальше и дальше въ глубь христіанства до тѣхъ поръ, пока оно не распалось на куски.

110. Вредныя послѣдствія Черной Смерти и происшедшее отсюда распаденіе общества были болѣе очевидны и продолжительны, чѣмъ они могли быть, если бы духовныя учрежденія сохранили свою прежнюю силу; но они были не въ силахъ долѣе бороться съ возникшими новыми затрудненіями. Съ этого времени нѣкоторыя важныя дѣла, исполнявшіяся до сихъ поръ, какъ священныя обязанности, оставались въ пренебреженіи; духовнымъ лицамъ недоставало ни воли, ни силы взяться за дѣло; и когда въ шестнадцатомъ столѣтіи люди пытались помочь этому злу, то такой трудъ приняли на себя гражданскія, а не духовныя власти.

Начала перестройки. Территориальная экономическая система.

Внутренняя торговля едва влачила свое существованіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежде она процвѣтала, ибо всѣ удобства сообщенія жестоко пострадали. Особенно это имѣло мѣсто во Франціи, гдѣ къ опустошеніямъ столѣтней войны, присоединились бѣдствія, вызванныя небрежностью². Даже въ Англіи

¹ Гуманисты относились враждебно къ средневѣковымъ идеаламъ и немало подкапывались подъ средневѣковыя учрежденія. Они высоко цѣнили искусство и литературу и смотрѣли на нихъ какъ на предметы, которые сами по себѣ были достойны того, чтобы посвятить имъ жизнь. Гуманисты отказывались смотрѣть на земную жизнь только какъ на дисциплину и подготовленіе къ другой жизни; и такимъ образомъ они содѣйствовали процессу секуляризаціи, но оказали мало непосредственнаго вліянія на экономическій прогрессъ, потому что они вновь вернулись только къ древнимъ идеаламъ, которые уже были дискредитированы логикой событій.

² Levasseur, *op. cit.* 421—9.

многіе мосты были разрушены ¹; и никто не былъ проникнуть настолько духомъ общественности, чтобы какъ слѣдуетъ позаботиться объ этомъ.

Во всѣ средніе вѣка исправленіе дорогъ, повидимому, было ничѣмъ инымъ, какъ только дѣломъ христіанской филантропіи. Помощь путешественникамъ являлась формой активного милосердія, и исторія постройки Барнстепльскаго (Barnstaple) моста ² показываетъ, какъ было необходимо это сооруженіе для общественной безопасности. Мы видимъ, что подобныя исправленія были чисто дѣломъ благочестиваго пожертвованія; большія духовныя и монастырскія корпораціи, какъ говорятъ, посвящали значительную часть своихъ средствъ для этой цѣли ³; во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ паденія значенія монастырей они принимали менѣе активное участіе въ этомъ дѣлѣ. Статутъ 1555 г., устанавливавшій назначеніе инспекторовъ ⁴, воплощаетъ современный взглядъ на сущность этой обязанности; это было общественнымъ улучшеніемъ, на которое обращалъ большое вниманіе Генрихъ IV французскій ⁵.

Наступилъ, также процессъ перехода изъ духовнаго въ гражданское вѣдѣніе заботъ объ облегченіи участи бѣдныхъ. Бѣдствія четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, повидимому, сильнѣе выдвинули вопросъ о пауперизмѣ; въ то время монастыри недостаточно удовлетворяли необходимость содержать бѣдныхъ, что могло зависѣть отчасти отъ уменьшенія ихъ богатствъ, а отчасти отъ возраставшей беззаботности о нуждахъ бѣдныхъ; слѣдуетъ также вспомнить, что вообще средневѣковые методы благотворительности были крайне неудовлетворительны. Раздача пищи, если она временная, можетъ оказать весьма незначительную существенную помощь бѣднымъ; если же она правильно организована, то поощряетъ лѣнность и создаетъ праздный нищенствующій классъ. Было сдѣлано много опытовъ въ смыслѣ учрежденія богадѣленъ и другихъ благотворительныхъ заведеній для содержанія мѣстныхъ бѣдныхъ; во многихъ городахъ старались ввести и усилить раздачу милостыни съ раз-

¹ Jusserand, *English Wayfaring Life*, 64.

² Leland, *Itinerary* (1744), II. 75, f. 66.

³ Thorold Rogers, *Agriculture and Prices*, I. 139. Jusserand, *op. cit.* 45. A. Law, *English Towns and Roads in XIII Century* въ *Economic Review*, VII. 300.

⁴ 2 and 3 Philip and Mary, c. 8.

⁵ Fagniez, *L'économie sociale de la France sous Henri IV*, 180.

боромъ и организовать благотворительную помощь; и это дѣло начали вести, какъ дѣло гражданской или муниципальной необходимости. Возникали нѣкоторыя сомнѣнія относительно того насколько такой взглядъ согласуется съ христіанскими правилами о долгѣ къ ближнимъ; и этотъ вопросъ подробно обсуждался докторами Сорбонны². Своимъ авторитетомъ они санкціонировали методы исполненія этого долга³, которые имѣли мало общаго съ традиціоннымъ христіанскимъ обычаемъ раздавать милостыню безъ разбора.

Но сколько бы неизбѣжныхъ бѣдствій не выпало на долю этого переходнаго періода, необыкновеннымъ благодѣяніемъ для него явилось то, что гражданская власть развилась настолько, что могла взять въ свои руки различныя формы общественной дѣятельности, для которой духовная система была уже болѣе неспособна. Въ пятнадцатомъ столѣтіи образовались два различныхъ типа свѣтской власти: власть монархіи и власть города; обѣ были способны организовать отдѣлы правительственныхъ функцій, которыя до сихъ поръ вѣдала церковь и обѣ давали чувствовать свое значеніе возрастающей территоріальной силы.

Короли и города Западной Европы иногда находили общій интересъ противодѣйствовать большимъ феодальнымъ владѣльцамъ и обуздывать ихъ притязанія; въ пятнадцатомъ столѣтіи тѣ и другіе достигли въ этомъ отношеніи значительнаго успѣха, и дворянскія фамиліи стали относительно менѣе независимы отъ короля и менѣе важны, чѣмъ богатые торговые центры. Феодальное общество исчезло во всей Западной Европѣ; но въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Италіи и Фландріи, города сдѣлались настолько сильны, что могли сохранять экономическую и политическую независимость. Въ другихъ странахъ, и особенно во Франціи и въ Англіи, власть монарха оказывала вліяніе на всю территорію и контролировала какъ дѣла городовъ, такъ и сельскихъ областей. При такомъ направленіи явилась возможность во всѣхъ установленіяхъ, касающихся промышлен-

¹ A. S. Green, *English Town Life*, I. 41, n. 2. E. Leonard, *Poor Relief*, 7.

² Ashley, *Introduction to English Economic History*, I. ii. 348.

³ О пробныхъ опытахъ во времена Тюдоровъ и развитіи англійской системы см. E. M. Leonard, *The Early History of English Poor Relief*, 21.

ности и торговли, имѣть въ виду одну высшую цѣль и стремиться утилизировать всѣ ресурсы, чтобы усилить королевство, какъ одно цѣлое. Это вызвало необходимость ограничить частныя стремленія и даже уничтожить мѣстныя привилегіи, но это же помогло развить общность интересовъ между всѣми гражданами и сообщить единство всей соціальной системѣ. Лишь только мудрая экономическая система находила себѣ примѣненіе въ какой-либо націи, какъ открывалось обширное поле для благотѣльного взаимнаго воздѣйствія другъ на друга сельской, городской и торговой жизни.

Въ Италіи и Фландріи, а въ нѣкоторомъ отношеніи и въ Германіи, многіе города пріобрѣли добавочную территорію; и каждый изъ нихъ стремился организовать опредѣленную экономическую систему, которая могла бы отвѣчать его собственнымъ потребностямъ; такой же общей чертой отличалась монархическая и гражданская политика ¹. Въ пятнадцатомъ столѣтіи муниципальныя учрежденія обращали менѣе исключительное вниманіе на преуспѣяніе могущественныхъ купцовъ, и было замѣтно стремленіе считаться какъ съ земельными, такъ и съ городскими интересами въ развитіи территоріальныхъ богатствъ. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить исторію отдѣльныхъ городовъ и изслѣдовать, какимъ образомъ физическія условія содѣйствовали возникновенію ихъ торговли, а также разсмотрѣть способы воздѣйствія торговли какого-либо изъ нихъ на внутреннюю жизнь города и мѣстное развитіе особенныхъ отраслей промышленности. Мало есть предметовъ болѣе поучительныхъ для экономиста, чѣмъ изученіе той настоящей меркантильной системы, которой слѣдовали различные города-государства въ средніе вѣка ², а также изслѣдованіе вопроса—содѣйствовала ли эта система ихъ успѣху, или она привела ихъ къ упадку. Но можно сомнѣваться въ томъ, способствовали ли непосредственно своимъ опытомъ какой-либо континентальный городъ формулированію системъ національнаго богатства, которыя изобрѣтались въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ и которыя систематически примѣнялись въ

¹ Справ. Schmoller, *Mercantile System*.

² Naudé, *Die Getreidehandelspolitik der Europäischen Staaten*, стр. 17. Въ Бранденбургѣ и въ другихъ частяхъ Германіи было особенно замѣтно желаніе распространить городское управленіе на значительныя территоріи. Schmoller, *op. cit.* 33.

шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ. Теченіемъ индустріальнаго прогресса управляли большіе города Италіи и Германіи, но послѣ вѣка открытій оно должно было направиться по новому пути, и даже такіе города, какъ Флоренція¹, которая была вполне готова приспособить къ нему свои учрежденія, остались въ сторонѣ отъ этого теченія. Средневѣковая городская жизнь представляетъ менѣе интереса по ея отношенію къ будущему, чѣмъ къ прошлому; въ исторіи большихъ средневѣковыхъ городовъ мы можемъ наблюдать, какъ иногда подробно повторяется исторія²: ихъ слава и паденіе во многомъ служатъ иллюстраціей къ уже сдѣланному нами описанію городовъ-государствъ древней Греціи; жизнь средневѣкового города дѣйствительно представляла такъ мало новаго, что она не могла содѣйствовать³ міровому экономическому прогрессу. Соперничества различныхъ городовъ и бесплодность экспериментовъ конфедеративнаго устройства были такими же причинами ихъ слабости въ Германіи и Италіи, какъ и въ земляхъ Греціи. Въ пятнадцатомъ столѣтіи двѣ первыя страны давно опередили остальную Западную Европу въ промышленномъ и торговомъ отношеніи и обѣ относительно, а можетъ быть и абсолютно, клонились къ упадку въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Онѣ сохранили старую политическую форму города-государства, и такой городъ не былъ приспособленъ для того, чтобы руководить и управлять новыми опытами въ торговлѣ; всѣ ихъ экономическія учрежденія придумывались съ цѣлью доставить каждому купцу лучшія удобства для торговли, которыя обусловливались извѣстнымъ и ограниченнымъ рынкомъ, но не съ цѣлью получить доступъ къ новымъ областямъ, чтобы успѣшной конкуренціей вытѣснить оттуда своихъ соперниковъ. Промышленный прогрессъ былъ ограниченъ преслѣдованіемъ традиціон-

¹ О Флоренціи см. Pöhlmann, *Die Wirthschaftspolitik der Florentiner Renaissance*, стр. 140.

² Такъ какъ исторія никогда вполне не повторяется, то въ ней не существуетъ такого закона непрерывности, какъ въ физической природѣ, и потому въ исторіи никогда нельзя установить строгихъ обобщеній. Однакоже тамъ гдѣ замѣчается сильное сходство между установленіями двухъ различныхъ періодовъ или странъ, сравненіе незначительныхъ отличій бросаетъ большой свѣтъ на особенный характеръ cadaго.

³ Высокое развитіе системы гильдій въ средневѣковыхъ городахъ въ сравненіи съ развитіемъ ихъ въ древней Греціи въ ея лучшее время представляетъ важное различіе.

ной политики исключительныхъ сословій и не имѣлъ того свободнаго простора, какимъ онъ пользовался въ территоріяхъ, гдѣ ходъ его развитія обуславливался болѣе широкимъ честолюбіемъ и систематической политикой королей и ихъ совѣтниковъ. Когда мы оглянемся на прошлое, то можемъ видѣть, что искусство въ достиженіи національнаго единства являлось вопросомъ первой важности въ пятнадцатомъ столѣтіи ¹ постольку, поскольку это непосредственно касалось экономической будущности каждой страны. По странной ироніи судьбы тѣ самыя государства, которыя достигли наиболѣе замѣчательныхъ торговыхъ успѣховъ, обусловленныхъ старой системой, были менѣе всего готовы приспособиться къ новымъ условіямъ; самое величіе и независимость городовъ Германіи и Италіи послужили преградой для ихъ дальнѣйшаго прогресса.

111. Соединеніе различныхъ христіанскихъ областей въ обширныя страны, изъ которыхъ каждая представляла особенное экономическое цѣлое, было дѣломъ высочайшей важности, и въ этомъ отношеніи весьма интересно прослѣдить различныя вліянія, которыя привели къ сплоченію народовъ и возникновенію національностей ². При этомъ весьма важнымъ факторомъ часто служатъ военныя потребности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ Испаніи, развитіе національнаго единства, повидимому, являлось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ давленія общаго врага; завоеваніе Гранады увеличило престижъ Фердинанда и Изабеллы и укрѣпило узы, связывавшія Кастилію съ Арагоніей. Семь провинцій Голландіи были вынуждены вступить въ союзъ вслѣдствіе того же давленія, и общія опасности заставили разнообразное населеніе Швейцаріи слиться въ одну республиканскую націю. Во Франціи корона явилась центромъ, вокругъ котораго могло

**озникнове-
ніе націо-
нально-
стей. Влія-
ніе римска-
го пра-
ва.**

¹ Ehrenberg, *Hamburg und England*, стр. 12, 35.

² Островное положеніе и физическія условія Англіи, вмѣстѣ съ административнымъ умѣніемъ ея королей, способствовали ей достигнуть національнаго единства въ самое раннее время. Хотя ея промышленность далеко отстала отъ промышленности другихъ европейскихъ странъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, но за то она развила національныя политическія учрежденія, которыя впослѣдствіи дали ей возможность воспользоваться случайно наступившими благоприятными условіями. Cunningham and Mac Arthur, *Outlines of English Industrial History*, стр. 23.

объединиться патріотическое чувство ненависти къ господству Англіи. Но помимо этого сознательнаго антагонизма, были другіе факторы, служившіе для усиленія независимой власти монарховъ, которые начали примѣнять ее въ широкой степени въ своихъ различныхъ территоріяхъ и изъ отдѣльныхъ частей христіанскихъ земель создавать хорошо управляемое политическое цѣлое. Но ни одно такое созидающее вліяніе не имѣло столь важнаго значенія, какъ вновь возникшее изученіе Римскаго права, ибо оно помогло опредѣлить характеръ новой гражданской власти, поглощавшей въ себѣ тѣ правительственныя обязанности, которыя уже не могли успѣшно исполняться духовными учрежденіями. Римская юриспруденція была характернымъ продуктомъ римскаго ума; ея вліяніе на экономическую жизнь новаго міра есть нашъ долгъ самому Риму, такъ какъ его цивилизація отличалась отъ другихъ цивилизацій прошлаго.

Возобновленіе изученія Римскаго права въ тринадцатомъ столѣтіи имѣло необыкновенное вліяніе на политическое, а, слѣдовательно, и на экономическое развитіе новой Европы Гражданское право явилось сильнымъ разрушительнымъ факторомъ, поскольку оно касалось организации средневѣковаго христіанства, ибо его введеніе облегчило процессъ секуляризаціи, вызвавъ къ жизни сословіе гражданскихъ чиновниковъ и свѣтскихъ законовѣдовъ, которые могли замѣнить духовныхъ законовѣдовъ¹. Учителя церковнаго права на практикѣ признавали преимущество *corpus juris civilis*, изъ котораго очень много заимствовала ихъ доктрина²; отправленіе же правосудія могли вести лучше гражданскіе, чѣмъ духовные суды въ тѣхъ случаяхъ, когда къ первымъ обращались по спорнымъ вопросамъ. Въ большей части Европы они вполнѣ торжествовали надъ плохо кодифицированными обычаями; и гражданское право оказало необыкновенное вліяніе на складъ мыслей и нравовъ въ теченіе переходнаго періода, когда средневѣковье уступало мѣсто новому времени.

Новое введеніе гражданскаго права не только расчистило

¹ Увеличеніе благосостоянія городовъ создаетъ такія соціальныя условія, при которыхъ дѣлается возможнымъ и полезнымъ занятіе этой наукой. Savigny, *Geschichte der Römischen rechts im Mittelalter* (1834), III, 84.

² Adams, *Civilisation in Middle Ages*, 36.

почву, но ясно оказало благотворное дѣйствіе на экономическій прогрессъ. Церковь установила уваженіе къ собственности въ варварскія времена и, такимъ образомъ, положила основаніе, на которомъ покоятся всѣ цивилизованныя общества; а римское право съ его тонко выработанными понятіями облегчило разсмотрѣніе и опредѣленіе правъ собственности, дало средства устанавливать договоры и заставлять исполнять ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда между принципами обѣихъ системъ возникалъ конфликтъ, сказывалось ясное преимущество стараго кодекса, такъ какъ его пониманіе ¹ согласовалось съ характеромъ денежнаго хозяйства, которое начинало распространяться и давало возможность составить ясное представленіе о новыхъ задачахъ, выступавшихъ на очередь вмѣстѣ съ введеніемъ капитализма въ промышленность и торговлю. Торговый уставъ среднихъ вѣковъ почти всецѣло возникъ изъ римскихъ источниковъ и, такъ какъ сфера духовной юрисдикціи стала болѣе ограниченной, то взгляды на торговую нравственность, воплощенный въ гражданскомъ кодексѣ, находятъ большее примѣненіе. Каноническое право осуждало лихоимство въ такой формѣ, которая не встрѣтила поддержки въ законодательствѣ Юстиніана; вліяніе христіанской системы безъ сомнѣнія было весьма благотворно въ періодъ перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству ², но ограниченія, наложенныя духовнымъ законовѣдѣніемъ на веденіе дѣлъ между богатыми купцами, повидимому, не имѣли реального оправданія и нужна была только небольшая ловкость, чтобы не обращать на нихъ вниманія ³. Для обыденной совѣсти простого человѣка было ясно, что заемъ денегъ за умѣренные проценты часто есть честная и удобная сдѣлка для всѣхъ членовъ торговаго общества и что только чрезмѣрные барыши должны быть осуждены, какъ лихвенные проценты. Такъ смотрѣло на этотъ вопросъ и гражданское право, и фактъ, что купцы и финансисты могли обращаться къ его авторитету въ защитѣ своихъ дѣйствій, вѣроятно, много способствовало къ уничтоженію стараго предразсудка, противъ купцовъ, какъ сословія, и далъ имъ

¹ Lamprecht, *Zum Verständniss der wirthschaftlichen und socialen Wandlungen in Deutschland vom 14. zum 16. Jahrhundert*, in *Z. f. Social und Wirthschaftsgeschichte*, I. 247.

² См. ниже, стр. 156.

³ Ashley on the Contractus Trinus, *Introduction to Economic History*, I. ii. 440.

возможность поддерживать свое положеніе и достоинство, какъ людей, которые занимаются почтеннымъ ремесломъ.

Относительно послѣдующаго прогресса всѣ эти непосредственныя воздѣйствія на экономическую жизнь были менѣе важны, чѣмъ вліяніе римскаго права на развитіе монархій. Такое правило, какъ *Quod principi placuit legis habet vigorem*, стремилось сдѣлать возникающую гражданскую власть „центромъ и источникомъ всей основной жизни государства“¹, чѣмъ и былъ императоръ въ древнемъ мірѣ. Оно подразумѣвало идеаль абсолютизма; и администраторы, проникнутые его вліяніемъ, сознательно или безсознательно проводили свои идеи, ограничивая древнія привилегіи и преобразовывая новыя учрежденія. Въ Западной Европѣ не было страны, на законодательной системѣ которой не отразилось бы вліяніе гражданского права; но его вліяніе на политическую жизнь націи яснѣе всего обнаружилось во Франціи, гдѣ оно помогало создать типичный примѣръ величія королевской власти и государства. Воздѣйствіе римскаго законовѣдѣнія можно отмѣтить, какъ въ характерной слабости, такъ и въ необыкновенномъ величіи *старого порядка (ancien régime)*.

112. Когда столѣтняя война окончилась и Франція отдохнула на время отъ тревожившихъ ее смуть, явилась крайняя необходимость въ сильномъ и мудромъ правленіи для того, чтобы возстановить общественный порядокъ и поощрить земледѣльческую, промышленную и торговую дѣятельность, которая, казалось, почти совсѣмъ угасла. Франціи посчастливилось находиться подъ управленіемъ королей, которые энергично взялись за предстоявшую работу. Карль VII и Людовикъ XI смогли возвратити Франціи относительное ея благосостояніе въ общемъ. Они сдѣлали изъ нея націю съ экономической жизнью, вдохновителями и руководителями которой были монархъ и его совѣтники; масса отдѣльныхъ городовъ и провинцій была соединена вмѣстѣ въ одну страну, въ виду различныхъ коммерческихъ цѣлей. Съ другой стороны успѣхъ этихъ монарховъ въ дѣлѣ возсозданія матеріальнаго благосостоянія націи воздѣйствовалъ на положеніе короны; установленіе постоянного налога (*taille*)²,

**Французская
монархія и ин-
тересы бур-
жуазіи.**

¹ Adams, *Civitisation*, 326.

² De Nervo, *Les Finances françaises*, I. 93.

давало правильный доходъ, который доставлялъ возможность королямъ содержать хорошо дисциплинированную постоянную армію, и освободило Францію отъ частыхъ грабежей наемныхъ солдатъ, не получавшихъ жалованья. Это очень усилило королевскую власть, а также приносило королямъ прямую личную выгоду, благодаря тому, что они способствовали матеріальному благосостоянію торговыхъ классовъ въ государствѣ и такимъ образомъ основывали обширный фондъ, изъ котораго можно было извлекать доходъ.

Въ дѣлѣ преобразованія финансовъ Карль VII счастливо могъ воспользоваться услугами Жака Кёра, человѣка, обладавшаго замѣчательнымъ талантомъ извлекать возможно большую пользу изъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя еще оставались въ его несчастной странѣ. Область, окружавшая Бургъ (Bourges), откуда онъ былъ родомъ, менѣе пострадала отъ войнъ, чѣмъ остальная Франція, и онъ могъ оживить шерстяныя мануфактуры, которыя едва владели свое существованіе. Въ то же время ему удалось возобновить прежнія торговыя сношенія на Средиземномъ морѣ; Монпелье ¹ сталъ главнымъ центромъ его операций, и этотъ городъ достигъ важнаго значенія, пока Марсель не замѣнилъ его. Жакъ Кёръ посѣтилъ главные рынки Востока; онъ получилъ папское разрѣшеніе торговать съ магометанами и могъ поселить своихъ коммиссіонеровъ въ городахъ Сиріи и Египта ². Его дѣятельность была изумительна, хотя и отличалась непродолжительнымъ успѣхомъ, такъ какъ привилегіи, которыми онъ пользовался, были пожалованы ему лично, и учрежденная имъ торговля, повидимому, пришла въ упадокъ послѣ его смерти. Она образуетъ, однако, интересное связующее звено между раннимъ расцвѣтомъ Септиманіи и позднѣйшимъ торговымъ честолюбіемъ французской монархіи.

Если разсматривать Жака Кера не какъ торговца, но какъ финансиста, то онъ является типичнымъ представителемъ того класса мѣстныхъ купцовъ, которые помогали европейскимъ монархамъ въ организаціи фиска; его успѣхи доставили Карлу VII возможность возвратить Нормандію ³, Гасконь и Гвинею. Переходъ къ денежной системѣ въ государственныхъ дѣлахъ

¹ Germain, *Histoire du commerce de Montpellier*, II. 25.

² Pygeonneau, *op. cit.* I, стр. 373.

³ Clément, *Jacques Coeur et Charles*, VII, 131.

совершился вполнѣ, и купцы имѣли въ своихъ кассахъ серебро, на которое они могли торговать; ихъ можно было убѣдить также давать деньги въ займы; это были знатоки своего дѣла, способные изыскивать средства для увеличенія капитала; они могли наблюдать за процессомъ его накопленія и на извѣстные сроки ссужали деньгами своихъ коронованныхъ повелителей. Практическій союзъ коронованныхъ особъ Европы съ ихъ богатыми подданными былъ выгоденъ для обоихъ; короли получали нужныя для нихъ средства, не прибѣгая къ необходимости накоплять казну и оставлять деньги безъ оборота; между тѣмъ какъ капиталисты получали торговыя привилегіи или концессіи на рудники. Жакъ Керъ былъ самымъ выдающимся купеческимъ королемъ своего времени; быстрота его возвышенія и необыкновенное его богатство, повидимому, породили зависть у менѣе честныхъ служителей короны, и его повелитель отплатилъ ему низкой неблагодарностью за его услуги ¹. Керъ былъ самымъ знаменитымъ финансистомъ того времени; и послѣ его смерти политическая сила банковыхъ операций постоянно давала себя чувствовать. Городъ Ліонъ, повидимому, былъ одно время главнымъ театромъ банковыхъ операций ², и сильные капиталисты городовъ Аугсбурга и Ганзы могли оказывать важное вліяніе на политическую дѣятельность, благодаря тому, что они были въ состояніи поддерживать короля въ критическій моментъ ³.

Возрожденіе благосостоянія Франціи началось въ царствованіе Карла VII, когда было много сдѣлано для улучшенія внутренняго сообщенія; онъ освободилъ страну отъ разбоевъ и уничтожилъ чрезмѣрные рѣчныя пошлины. Начатую такимъ образомъ дѣятельность продолжалъ его сынъ Людовикъ XI, который часто избиралъ себѣ совѣтниковъ изъ людей коммерческаго класса и заслужилъ нерасположеніе дворянства своимъ вниманіемъ къ буржуазнымъ интересамъ ⁴. Но однако онъ не

¹ Интересно сравнить дѣятельность Кера съ дѣятельностью великаго англійскаго купеческаго короля Уильяма Канинга бристоляскаго. Pryce, *The Canynge Family*.

² Endeman, *Studien in der Romanisch-Kanonistischen Wirtschafts und Rechtslehre*, I, 158, и Ehrenberg. *Das Zeitalter der Fugger*, II, 72.

³ Cp. The Fuggers and Charles V, Ehrenburg, *op. cit.* I, 142, 152. The Hansards and Edward IV. Pauli in *Hansische Geschichtsblätter* (1875), 75 fol.

⁴ Pigeonneau, *Op. cit.* I. 398.

вполнѣ пользовался популярностью и среди купцовъ; такія мѣстныя привилегіи, какъ привилегіи парижскихъ и руанскихъ купеческихъ компаній, быть-можетъ, иногда приносились въ жертву интересамъ монархіи вообще. Въ промышленныхъ корпораціяхъ король требовалъ себѣ права назначать ихъ членовъ на особенныхъ условіяхъ¹; и такимъ образомъ эти общества получивъ новое значеніе съ оживленіемъ торговли, снова были приведены въ непосредственное подчиненіе королевской власти. Организация таможенного департамента была необходима, какъ фискальная мѣра; но она вызывала большое неудовольствіе купцовъ. Несмотря на эти затрудненія, Людовикъ XI успѣшно развилъ промышленную дѣятельность и сплотилъ королевство, такъ что оно пользовалось быстро возраставшимъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ въ мирное царствованіе Анны французской и Карла VIII. Такимъ образомъ основы французской монархіи—какъ централизованнаго экономическаго цѣлаго—были положены въ пятнадцатомъ столѣтіи, хотя она должна была пережить горькое униженіе и бѣдственную внутреннюю борьбу, прежде чѣмъ Генрихъ IV вступилъ на престолъ, а Сюлли и Кольберъ получили возможность продолжать систематическое развитіе страны.

113. Распаденіе христіанства началось раньше Реформаціи и борьбы, которую открылъ Лютеръ, бросивъ вызовъ папѣ. Практическимъ доказательствомъ разрушенія старой системы служить появленіе новыхъ системъ, заступившихъ ея мѣсто. Уже въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ мы видимъ слѣды возникновенія національностей, и эта перемѣна имѣетъ особенное значеніе; теперь мы находимъ нѣчто экономически новое, что характеризуетъ новую эру и отличаетъ ее отъ древняго міра. Соціальныя формы домохозяйства и города встрѣчались во всѣхъ вѣкахъ, со временъ греческой колонизаціи. Хотя существовали такія великія государства, какъ военныя имперіи Александра и Августа, но каждую изъ нихъ связывала только сила оружія, цивилизація же этихъ имперій сосредоточивалась въ различныхъ городахъ, которые сохранились внутри своихъ границъ и пережили паденіе своихъ имперій.

¹ Levasseur, I. 436. О соотвѣтствующемъ движеніи по поводу націонализаціи муниципальных гильдій въ Англіи, срав. *Growth of Industry*, I. 436.

Ера промышленнаго процвѣтанія, открывшаяся вмѣстѣ съ крестовыми походами, все еще имѣла старыя формы, и христіанство распространялось вмѣстѣ съ возникновеніемъ новыхъ цвѣтущихъ городовъ; но новыя времена были свидѣтелемъ относительнаго упадка городскихъ учрежденій. Матеріальное благосостояніе съ этого времени должно было изыскивать средства и организоваться, сообразуясь съ болѣе обширными территориями; надо было принимать во вниманіе развитіе источниковъ богатства и промышленности каждой страны; такимъ образомъ мы приходимъ къ новой единицѣ экономической организаціи.

Въ экономическихъ цѣляхъ страну опредѣляютъ какъ территорию, въ которой долженъ существовать свободный притокъ труда и капитала; это опредѣленіе по крайней мѣрѣ будетъ служить для насъ исходнымъ пунктомъ сравненія между городомъ среднихъ вѣковъ, съ его усиліями сохранить за собой исключительныя привилегіи каждой мѣстности, и болѣе широкой жизнью новыхъ временъ, когда организовались промышленность и торговля, не ради выгодъ отдѣльной мѣстности, а съ цѣлью развить источники богатства всей страны и содѣйствовать ея національному прогрессу. Это опредѣленіе поможетъ намъ отмѣтить тѣ матеріальныя условія, которыя были необходимы для введенія національной экономической системы; безъ значительной суммы капитала было невозможно развить индустріальныхъ способностей въ большихъ странахъ; и до тѣхъ поръ, пока сохранялось натуральное хозяйство въ сельскихъ областяхъ, не могло быть свободнаго притока труда.

Выше ¹ уже было указано на сходство и контрасты между средневѣковымъ и древнимъ міромъ; въ каждомъ были одинаковые типы индустріальной и торговой организаціи, но каждый изъ нихъ отличался какъ по своему духу, такъ и по нравственному характеру. Контрастъ же между древнимъ или средневѣковымъ міромъ и новымъ, нѣсколько иной, такъ какъ послѣдній характеризуется преобладаніемъ новой основы экономического устройства и вслѣдствіе этого болѣе широкой коммерческой системой, обращенной на національныя, а не на одни только городскіе интересы. Разумѣется, нація была не совершенно новымъ созданіемъ конца среднихъ вѣковъ, но весьма важнымъ измѣ-

¹ См. выше стр. 6.

неніемъ старой политической формы: термины „государство“, „образъ правленія“ можно было примѣнить къ городамъ такъ же, какъ и къ націямъ; но потребности и условія болѣе обширныхъ общинъ совсѣмъ иныя, и процессъ заимствованія и примѣненія къ болѣе обширнымъ территоріямъ всего лучшаго, чего достигла городская жизнь, совершался не легко. Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія были періодомъ возраставшей свѣтской дѣятельности, но въ теченіе этого времени для національныхъ цѣлей пользовались древними учрежденіями и административнымъ механизмомъ. Націонализація гражданского управленія есть новая экономическая точка отправленія пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій.

Римская имперія на время сохранила большія городскія общины, какъ свой составной элементъ; во времена упадка этой имперіи ихъ жестоко эксплуатировали въ интересахъ императорскаго правительства; состояніе богатыхъ гражданъ служило предметомъ предумышленныхъ атакъ. Современные правительства не проявили такой ревности относительно зажиточныхъ гражданъ, такъ какъ правители начали понимать, что ихъ собственное могущество можетъ усиливаться вмѣстѣ съ богатствомъ народа. Корона сознавала, что она зависѣла отъ помощи богатыхъ купцовъ; нерѣдко короли считались съ мнѣніемъ финансистовъ относительно національнаго благосостоянія и осуществляли ихъ планы лучшей экономической системы для страны въ ея цѣломъ. Деньги были необходимы для поддержанія престижа государя, и онъ постепенно научился понимать, что не можетъ получать ихъ правильно и постоянно, если только онѣ не будутъ всегда притекать въ кассу народа ¹. Такимъ образомъ торговля была признана предметомъ, имѣющимъ не только мѣстное, но и національное значеніе, и заботы объ источникахъ общественнаго богатства тоже приняли національный характеръ. Заботы о продовольствіи являлись въ древнія времена простымъ дѣломъ гражданскихъ ² или городскихъ интересовъ, между тѣмъ какъ въ новомъ свѣтѣ на развитіе земледѣлія смотрѣли съ болѣе широкой точки зрѣнія національныхъ интересовъ. Въ системѣ французской и англій-

¹ *Discourse of Commonwealth*, edited by E. Lamond, стр. 33.

² Чувствовалось затрудненіе въ снабженіи провизіей Аѳинъ и Рима, но продовольственный вопросъ не имѣлъ мѣста въ Греціи и Италіи вообще.

ской промышленности произошел одинаковый переворотъ; то, что было спеціальною привилегіей городовъ и мѣстныхъ учреждений въ отдѣльныхъ округахъ, организовалось какъ общая система; гильдейскія постановленія были воплощены въ парламентскихъ актахъ и повсемѣстно примѣнялись одинаково; источники богатства и нужды всего государства заботливо изслѣдовали съ точки зрѣнія развитія новыхъ индустрій. Мы видѣли, что въ древнемъ мірѣ учрежденіе городовъ и затѣмъ разграбленіе ихъ обусловливались военными и императорскими интересами; развитіе же новаго свѣта, съ одной стороны, не было сильно ограничено городскими общинами, а съ другой — происходило не на счетъ городовъ; болѣе широкая идея національнаго богатства руководила этимъ развитіемъ.

Въ послѣдующихъ главахъ мы обратимъ особенное вниманіе на происхожденіе и дѣятельность національной экономической системы и на національныя экономическія соперничества. Этотъ новый экономическій типъ по крайней мѣрѣ отчасти явился результатомъ религіозныхъ и политическихъ перемѣнъ, которыя привели къ распаденію христіанства и возникновенію національныхъ правительствъ. Разсматривая разрушеніе старой системы и образованіе новыхъ государствъ, мы видимъ, что не легко анализировать всѣ элементы, способствовавшіе созданію новой соціальной формы. Основу національности обыкновенно составляетъ единство расы, но ея структуру могутъ связать общій языкъ и опытъ общей исторіи, хотя бы въ ней и соединились люди различной крови подъ вліяніемъ одного правительства, которое подчинило ихъ одинаковой системѣ фиска и одинаковымъ административнымъ законамъ. Другимъ объединяющимъ элементомъ, имѣвшимъ первостепенное значеніе въ шестнадцатомъ столѣтіи, служило единство религіи; государи, какъ властители, старались усилить это единство религіознаго вѣрованія и исповѣдыванія въ управляемыхъ ими королевствахъ. Что касается экономической стороны національной жизни, то самое важное значеніе представляли естественныя границы, которыя отдѣляли общее отечество, съ послѣдовательнымъ взаимодѣйствіемъ различныхъ матеріальныхъ интересовъ, которые могли содѣйствовать развитію источниковъ богатства страны и могуществу всего государства. Каждый изъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ принималъ участіе въ возникновеніи національной жизни и національныхъ

учрежденій; и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія географическія открытія представили обширное поле для національнаго соперничества и политическаго честолюбія. Возникшія національности стали лицомъ къ лицу, какъ сознательные антагонисты; Востокъ-Индія и Америка пробудили у монарховъ Европы мечты о завоеваніи новыхъ міровъ. Соціальная система христіанства распадалась, но европейская цивилизація не погибала, а только преобразовывалась. Новые идеалы занимали мѣсто старыхъ и обнаруживали свою привлекательность въ то время, когда явились новыя удобства и благопріятныя условія для ихъ осуществленія; возродившаяся такимъ образомъ сильная жизнь была въ состояніи вытѣснить одни мѣстные интересы и положить начало могущественнымъ и далеко распространившимся торговымъ учрежденіямъ.

ГЛАВА II.

Вмѣшательство капитала.

114. Распаденіе комплекса цивилизаціи, подобно распаденію средневѣковаго христіанства, и переходъ къ новому времени повлекли за собой столь много великихъ перемѣнъ, что мы тогда только можемъ оцѣнить ихъ характеръ и значеніе, когда послѣдовательно рассмотримъ этотъ переворотъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ религіозномъ отношеніи мы видѣли усиліе секуляризаціи, въ политическомъ мы отмѣтили начала возникновенія національностей; въ связи съ этими обоими движеніями, было также указано на дѣйствіе экономическихъ факторовъ. Однако, необходимо рассмотретьъ болѣе подробно и спеціально экономическую форму этого переходнаго періода и отмѣтить постепенное и усиливающееся вмѣшательство капитала. Разсматривая христіанство въ первые вѣка, мы не находили нужнымъ обращать вниманіе на капиталъ, ибо,—если понимать этотъ терминъ въ современномъ его значеніи,—капиталъ въ то время едва ли существовалъ. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ мы можемъ отмѣтить его появленіе изъ мрака и начало захвата имъ одной выгодной позиціи за другою, до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался великой политической силой въ государствахъ. Кромѣ того, онъ служилъ орудіемъ развитія торговли, промышленности и земледѣлія на территорияхъ европейскихъ націй, и также оказывалъ вліяніе на колонизацію во вновь открытыхъ странахъ. Когда мы будемъ разсматривать позднѣйшее развитіе современной промышлен-

**Капиталъ и его
необходимыя
условія.**

ности, то увидимъ, какую громадную власть дѣйствительно пріобрѣлъ онъ.

Мы не можемъ пытаться опредѣлить точныхъ датъ или даже намѣтить опредѣленные границы такихъ перемѣнъ, какъ прогрессъ секуляризаціи и возникновеніе національностей; мы можемъ только отчасти объяснить, почему возникли соотвѣтствующія политическія движенія въ различные времена и въ различныхъ странахъ. Но еще безнадежнѣе была бы попытка трактовать вмѣшательство капитала, какъ событіе, происшедшее въ извѣстную эпоху, или какъ большой шагъ, сдѣланный въ предѣлахъ даннаго періода. Это есть теченіе, которое распространялось съ большей или меньшей быстротой цѣлыя столѣтія то въ одной, то въ другой отрасли торговли въ прогрессирующихъ странахъ. Мы не можемъ опредѣлить времени подобнаго преобразованія даже въ одной странѣ; ибо хотя мы находимъ слѣды капитализма всегда когда натуральное хозяйство перестаетъ быть господствующимъ въ какомъ-либо округѣ англійской жизни¹, но его воздѣйствію на преобразование ткацкой промышленности въ этой странѣ усиленно противодѣйствовали еще въ началѣ прошлаго столѣтія². Революція,—ибо это была дѣйствительная революція,—которая такъ постепенно совершалась на нашемъ островѣ, въ другихъ странахъ происходила инымъ путемъ; ходъ капиталистическаго прогресса не шелъ правильнымъ, размѣреннымъ шагомъ. Однако, мы можемъ, надѣясь составить, до извѣстной степени, ясное представленіе о сущности основныхъ перемѣнъ, происшедшихъ вслѣдствіе вмѣшательства капитала, если ограничимся указаніемъ только на самыя выдающіяся проявленія этой силы, поскольку она вліяла на національную политику и помогала развитію національной экономической жизни.

Мы уже отмѣтили, что въ концѣ среднихъ вѣковъ натуральное хозяйство отчасти продолжало существовать; однакоже

¹ Собираніе государственнаго дохода было организовано на денежной основѣ въ Норманскомъ и Ангевинскомъ королевствахъ, гдѣ представлялся просторъ капиталистамъ для ихъ операцій по откупу этого дохода и по займамъ тѣмъ, кто былъ не въ состояніи заплатить налога по первому требованію.

² Волненіе іоркширскихъ ткачей по поводу уничтоженія обязательнаго обученія было слѣдствіемъ сознательнаго враждебнаго отношенія къ капиталистической организаціи ткацкой промышленности. *Growth of English Industry*, II. 455.

въ эпоху крестовыхъ походовъ началось быстрое распространёніе денежнаго хозяйства, вслѣдствіе чего возникли тѣ общія условія, при которыхъ явилась возможность образованія капитала и пользованія кредитомъ. При натуральномъ хозяйствѣ они не могутъ существовать; возможно, разумѣется, накопленіе богатства и всякихъ запасовъ для веденія промышленности; но капиталъ, въ истинномъ значеніи этого слова, предполагаетъ существованіе денежнаго фонда ¹, который можно было бы утилизировать въ любомъ направленіи и сравнительно удобно переводить изъ одного мѣста въ другое. Говоря современнымъ дѣловымъ языкомъ, „капиталъ“ въ существѣ „текучъ“ ², и безъ существованія денегъ богатство не могло бы носить на себѣ этого характера. Точно также торговый кредитъ возникаетъ только тогда, когда люди имѣютъ богатство, которое легко реализовать въ деньги, такъ что существуетъ увѣренность, что они имѣютъ средства платить по своимъ обязательствамъ въ опредѣленный срокъ ³. „Капиталъ“ и „кредитъ“ имѣютъ свои аналогіи въ натуральномъ хозяйствѣ въ товарахъ и въ репутациі богача; но эти термины, какъ мы понимаемъ ихъ въ настоящее время, въ сущности есть „историческія категоріи“, такъ какъ они становятся примѣнны настолько, насколько денежное хозяйство укрѣпилось въ современномъ строѣ.

Что касается городской жизни, то мы не можемъ указать ни на одинъ періодъ, гдѣ бы не господствовало денежное хозяйство, и мы находимъ признаки капитализма и его вліянія въ городахъ съ самыхъ раннихъ временъ. Купцы, которые вели активную торговлю, повидимому, запасались готовыми деньгами для веденія своихъ дѣлъ. Хотя большая часть промышленнаго населенія состояла изъ независимыхъ работниковъ, организованныхъ въ ремесленные цехи, но главныя компаніи многихъ городовъ въ четырнадцатомъ столѣтіи были организованы капиталистами; въ Страсбургѣ ⁴, а также во Флоренціи ⁵

¹ *Modern Civilisation*, 125.

² Капиталъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть „вложенъ“ въ землю, или „укрѣпленъ“ иначе; но характеристика въ текстѣ относится скорѣе къ его сущности, чѣмъ къ его примѣненію.

³ *Modern Civilisation*, 44.

⁴ Smoller, *Die Strassburger Tucher u. Weberzünfte*, стр. 500.

⁵ *Arte di Calimala* занималась ввозомъ, обработкой и крашеніемъ иностраннаго сукна—дѣло, очевидно, требовавшее капитала. *Arte della Lana* возникла позднѣе; процвѣтаніе суконной мануфактуры

мануфактура тканей была организована на капиталистических началах большими мастерами промышленности в четырнадцатом столѣтіи. Однако, даже в самых передовых городах существовали значительныя препятствія для свободнаго распространенія капиталистическихъ предпріятій; каждый купецъ былъ ограниченъ спеціальностью въ торговлѣ, и его не допускали къ захвату промысла его товарища-горожанина; было мало благопріятныхъ условій для перехода капитала изъ одного употребленія въ другое. Большая часть промышленныхъ искусствъ организовались согласно требованіямъ городского рынка небольшими самостоятельными хозяевами, изъ нихъ каждый скорѣе старался извлекать наибольшую пользу изъ существующей торговли, чѣмъ расширять ее; управленіе ихъ ремесленныхъ цеховъ не благопріятствовало образованію и примѣненію капитала. Подобныя же препятствія существовали и въ земледѣльческихъ областяхъ, хотя они постепенно вездѣ исчезали, такъ что постоянно возрастали благопріятныя условія для помѣщенія капитала въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ.

115. Разумѣется, капиталъ не представлялъ вполне новаго элемента, такъ какъ онъ былъ достаточно извѣстенъ въ древнемъ мірѣ; но многія его примѣненія были введены вновь во времена христіанства. Страны, лежащія у Средиземнаго моря, перешли отъ натурального къ денежному хозяйству и господству капитала въ древнія времена. Мы видѣли, какое давленіе отчасти оказывали капиталисты на римскую республику и какое они вызывали неудовольствіе во время имперіи. Не слѣдовало бы никогда закрывать глаза на опасности, присущія денежному хозяйству и капиталистической организаціи общества; но необходимо замѣтить, что въ то время, когда эта система начала снова возникать въ Западной Европѣ, явилась тенденція положить границы ея вліянію и довести до минимума неразлучное съ ней зло.

Благопріятныя условія возможно меньшаго злоупотребленія капиталомъ.

начинается съ основанія религіознаго ордена—Umiliati,—который заимствовалъ это искусство у Фландрій и продолжалъ примѣнять его съ большимъ успѣхомъ. Въ 1338 г. во Флоренціи было 200 мастерскихъ, съ 30,000 рабочихъ; такимъ образомъ, эта промышленность, очевидно, была организована на капиталистическихъ началахъ. E. Dixon, *Florentine Wool Trade* въ *Transactions of Royal Hist. Soc.* XII. 169.

Какъ ни могущественъ капиталъ и какъ ни велики доставляемыя имъ выгоды, но условія жизни въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ были настолько для него неблагоприятны, что они отсрочили его введеніе и задержали его операціи. Вся социальная система стояла преградой на его пути, ибо организація многихъ отраслей труда въ городахъ была настолько устойчива, что не допускала измѣненія, и въ то же время переживаніе крѣпостного состоянія въ земледѣльческихъ областяхъ все еще служило большимъ препятствіемъ для капиталистическихъ предпріятій. Прикрѣпленіе къ одному мѣсту вполне соответствовало характеру натурального хозяйства; средневѣковый землевладѣлецъ довольствовался тѣмъ, что насколько возможно лучше примѣнялъ трудъ, который считалъ для себя полезнымъ и имѣлъ возможность его контролировать. Капиталистъ поступаетъ совершенно иначе; онъ обладаетъ богатствомъ, которое можетъ направить на всякое представляющееся, ему выгоднымъ предпріятіе, и онъ имѣетъ средства принудить или привлечь трудъ, направляя его туда, гдѣ его предпріятіе можетъ, какъ ему кажется, принести выгоду.

До тѣхъ поръ, пока господствовало рабство, перенесеніе труда можно было производить самымъ жестокимъ образомъ, можно было покупать и вывозить рабовъ; но это стало невозможнымъ въ то время, когда капиталъ началъ принимать участіе въ промышленномъ развитіи средневѣковой Европы; рабство перестало существовать¹; трудъ стремился слѣдовать за капиталомъ, потому что онъ привлекалъ его, а не приневоливалъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи работникъ получилъ такую свободу, что имѣлъ возможность наниматься за болѣе высокое вознагражденіе и требовать его полученія. Ремесленные цехи составили признанный закономъ уставъ объ ученыхъ мастерахъ² и установили типъ благосостоянія рабочаго; этотъ уставъ давалъ возможность опредѣлить требованія рабочаго; цехи служили также примѣромъ для временныхъ или постоянныхъ организацій, при помощи которыхъ рабочіе низшихъ инстанцій пытались осуществить свои идеи³. Что капиталъ, предоставленный

¹ О нѣкоторыхъ исключеніяхъ см. выше § 106.

² Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, IV. 189.

³ О гильдіяхъ поденщиковъ на континентѣ см. Schanz, *Zur Geschichte der deutschen Verbände*, 26; въ Англіи, Webb, *History of Trades Unionism*, 2—II.

полной свободѣ, можетъ также угнетать, какъ онъ угнеталъ въ старое время, доказывается возобновленіемъ рабской промышленности въ Новомъ Свѣтѣ, а въ позднѣйшее время унижительнымъ положеніемъ труда, доведеннаго до крайности во время промышленной революціи. Но въ общемъ справедливо, что рабочій достигъ такого положенія въ христіанствѣ, что организація земледѣлія и промышленности на капиталистической основѣ могла развиваться на здоровыхъ началахъ и не оказывать дурного вліянія на матеріальное и общественное благосостояніе рабочаго класса. Капиталъ былъ дезинтегрирующей силой и уничтожилъ прикрѣпленіе крѣпостного къ землѣ и заключеніе ремесленника въ тѣсныхъ границахъ, налагаемыхъ на него гильдіей, но его дѣйствіе было ограничено до тѣхъ поръ, пока рабочіе были въ состояніи противостоятъ новымъ условіямъ. Капиталъ не уничтожилъ личности рабочаго, какъ человѣка и не поставилъ его въ униженное и безпомощное положеніе рабочаго Старога Свѣта.

Въ то время, какъ организація труда въ городѣ и въ деревнѣ ограничивала поле приложенія капитала къ промышленности, общепринятое мнѣніе о лихоимствѣ практически наложило ограниченія, которыя благопріятствовали развитію правильной системы займа. Во всѣ вѣка всемірной исторіи капиталистамъ всегда представлялся соблазнъ извлекать выгоды изъ случайной нужды своихъ небогатыхъ сосѣдей, которымъ они занимали деньги на весьма тяжелыхъ условіяхъ; въ каждомъ періодѣ перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству угрожала особенная опасность возникновенія этого зла¹, въ связи съ сборомъ налоговъ деньгами. Христіанское чувство относилось враждебно къ вымогательству ростовщиковъ, ибо это было одно изъ самыхъ вопіющихъ золъ позднѣйшей имперіи; но оно признавало законными—кромѣ торговыхъ товариществъ²—два способа временной передачи капитала заемщику. Не запрещалось покупать поземельную *ренту* и, такимъ образомъ, обезпечить себѣ постоянный доходъ помѣщеніемъ денегъ въ опредѣленное помѣстье. Обратное полученіе помѣщеннаго такимъ образомъ капитала возможно было только перепродажей

¹ Томъ I. 47, 123, 179.

² Позволялось вступать въ товарищество на рискъ и прибыль, но такіе случаи рѣдко представлялись. Ashley, *Introduction to English Economic History and Theory*, I. i. 155.

поземельной ренты; человекъ, вступившій въ подобный договоръ, отдавалъ свой капиталъ и получалъ право пользоваться регулярнымъ доходомъ. Не запрещалось также отдавать въ заемъ капиталъ на опредѣленное время подъ залогъ, напримеръ, королевскихъ драгоценностей, или подъ будущія поступления налоговъ; это обезпечивало возвратъ занятаго капитала въ означенный срокъ, при чемъ подразумѣвалось, что будетъ возвращена только занятая сумма. Въ практической жизни, безъ сомнѣнія, было много обходовъ запрещенія лихоимства; но остается тотъ фактъ, что къ займамъ прибѣгали такія богатые общины, какъ города, или короли, для общественныхъ нуждъ, но не земледѣльцы. Крестьяне продолжали платить свои налоги натурой или услугами, между тѣмъ какъ короли занимали деньги у капиталистовъ, которые выдавали ссуду монетой, находившейся въ обращеніи, что позволяло имъ раньше реализовать свое богатство. Не столько бѣдные плательщики налоговъ, сколько власть, собиравшая эти налоги, обращалась къ заимодавцамъ за деньгами. Продажа ренты или залогъ собственности предоставляли во временное распоряженіе города¹ или короля большія суммы денегъ; и система, которая развилась для общественной пользы, по мѣрѣ возрастанія капитала, начала постепенно практиковаться и въ частныхъ дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ главный характеръ экономическихъ контрастовъ между послѣдней эпохой имперіи и окончаніемъ среднихъ вѣковъ почти можно суммировать такъ: византійскіе государственные дѣятели придумывали средства, чтобы грабить богатыхъ, между тѣмъ какъ монархи новаго времени были вынуждены брать у нихъ займы.

Тотъ фактъ, что капиталистическое вмѣшательство въ финансы проявилось въ этой менѣ тягостной формѣ, имѣлъ важное значеніе, не только по отношенію крестьянству², но и по тому чрезвычайно благопріятному вліянію, какое оно оказало на другія денежныя условія. Золото, которое платили промышленные или торговые классы римскимъ императорамъ, шло на сооруженіе зданій или на войны въ отдаленныхъ странахъ; это золото

¹ Schönberg, *Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV Jahrhundert*, 90.

² Случайность податного обложенія во Франціи, главнымъ образомъ, обременявшая крестьянъ, не имѣетъ къ этому никакого отношенія.

обыкновенно уходило изъ обращенія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ его собирали. Съ другой стороны деньги, занятые королями у средневѣковыхъ банкировъ, должны были уплачиваться имъ обратно; они не поглощались всѣ и не только не истрачивались, но черезъ нѣкоторое время эти деньги появлялись снова въ обращеніи и могли быть употреблены, какъ капиталъ, въ промышленное или торговое предпріятіе. Поэтому королевскіе расходы конца среднихъ вѣковъ не такъ истощали страну, какъ они истощали ее въ концѣ имперіи. Въ четвертомъ столѣтіи государство угнетало предпримчивыхъ и богатыхъ людей, въ четырнадцатомъ же становилось ясно, что интересы монархіи и капиталистовъ, въ концѣ концовъ, были одни и тѣ же; правительство въ общемъ должно было руководиться принципами, которые встрѣчали одобреніе финансистовъ, и короли научались понимать, что честность въ платежахъ по займамъ была лучшей ихъ политикой.

Результатомъ этого практическаго союза королей съ капиталистами, а также и того давленія, которое послѣдніе оказывали на правительство, явились многія полезныя перемѣны. Особенно благотворно отразилось ихъ вліяніе на денежномъ обращеніи. Европейскіе короли, подобно римскимъ императорамъ, поддались искушенію извлекать временную выгоду изъ обезцѣниванія монеты, и не всегда было возможно доказать имъ нечестность и нецѣлесообразность этого ложнаго шага. Но дѣйствительное неудобство этой мѣры обнаруживалось тогда, когда приходилось дѣлать платежи по большимъ займамъ, особенно по займамъ, заключеннымъ у иностранныхъ капиталистовъ, обусловившихъ качество монеты, которую имъ должны были платить. Трудность заключенія новыхъ займовъ оказала такое же воспитательное дѣйствіе; она убѣдила монарховъ пятнадцатаго столѣтія въ благоразумной необходимости платить свои долги, чтобы такимъ образомъ поддержать свой кредитъ.

Зло перехода отъ натурального къ денежному хозяйству было доведено до минимума, благодаря тому умѣренному и постепенному способу, которымъ сила капитала, съ его вліяніемъ на общественную организацію, приводилась въ дѣйствіе; и надо помнить, что введеніе новой системы съ необходимыми ограниченіями было полезно для общества и для всѣхъ его сословій. Въ Аѳинахъ существованіе денежнаго хозяйства сдѣ-

лало возможнымъ настоящую политическую жизнь, предоставляя каждому свободно распоряжаться своимъ *временемъ*. Въ Новомъ Свѣтѣ преобладаніе денегъ и капитала поощрило и облегчило свободу передвиженія *съ мѣста на мѣсто*; вслѣдствіе этого оно оказывало дезинтегрирующее вліяніе на многія учрежденія, но оно расширило форму личной свободы, которую такъ высоко цѣнить въ настоящее время. Феодалъная система обусловливала существованіе мѣстныхъ ограниченій и отвѣтственности, и феодалъныя арміи были основаны на мѣстныхъ обязательствахъ до тѣхъ поръ, пока капиталисты не получили возможности облегчить гнетъ военной повинности, снаряжая лучшихъ арміи солдатъ, привычныхъ къ постояннымъ войнамъ и набранныхъ изъ отдаленныхъ областей. Промышленность находилась подъ управленіемъ мѣстныхъ организацій, съ ихъ исключительными привилегіями и съ спеціальной властью надзора но когда, наконецъ, капиталисты смогли ввести новые способы и приемы для болѣе дѣйствительнаго надзора, тогда мѣстныя гильдіи стали анахронизмомъ. Вообще введеніе снова денежнаго хозяйства сдѣлало возможной личную свободу; и перемѣна конца среднихъ вѣковъ не ограничилась привилегированными гражданами большихъ городовъ, но коснулась крестьянства и жителей сельскихъ областей.

116. Вмѣшательство капитала окончательно завершило⁵ полное переустройство соціальной системы Западной Европы. Условія, при которыхъ это произошло, были описаны въ предыдущихъ параграфахъ, гдѣ мы указали въ общихъ чертахъ на характеръ новаго порядка. Однако, необходимо болѣе подробно разсмотрѣть нѣкоторыя точки зрѣнія на этотъ предметъ и изслѣдовать новый административный и финансовый механизмъ, созданный вновь возникшими силами, постепенно проникавшими въ политическую жизнь.

Новая финансовая система и ея вліяніе на военную и политическую организацію.

Военная система начала среднихъ вѣковъ была организована на основахъ, которыя уже описаны¹, въ связи съ имперіей Карла. Каждый политическій магнатъ содержалъ свое собственное войско и обязанъ былъ поставлять его на войну въполнѣ обмундированнымъ и снабженнымъ провіантомъ. Интендантская часть не была правильно организована или не суще-

¹ См. выше, стр. 49.

ствовала вовсе; не легко было удержать армию въ сраженіи или продолжать осадныя работы въ критическій моментъ похода. Слабость политическихъ узъ, связывавшихъ ленныхъ владѣтелей съ короной, препятствовала собирать солдатъ вмѣстѣ, и они имѣли возможность разбѣгаться, лишь только истекалъ извѣстный срокъ, на который ихъ набирали. При такихъ условіяхъ военныя операціи были не только мало дѣйствительны, но и чрезвычайно дорого стоили. Необходимость отрывать промышленное и сельское населеніе отъ ихъ занятій должна была серьезно отражаться на обыкновенномъ ходѣ производства; съ другой же стороны весьма вѣроятно, что недисциплинированныя войска снабжали себя всѣмъ необходимымъ, грабя ту страну, въ которой они стояли или черезъ которую проходили ¹. Вмѣшательство капиталистовъ въ военныя дѣла, выражавшееся въ томъ, что они давали средства сначала для содержанія наемныхъ войскъ, а позднѣе для сформированія дисциплинированныхъ армій, дало возможность улучшить военную организацію и уменьшить косвенное зло войны, такъ что она стала приносить гораздо меньшіе убытки. Когда какой-либо король становился обладателемъ денежныхъ богатствъ, на которые могъ содержать наемное войско, то въ его рукахъ являлась дѣйствительное военное орудіе его могущества, на которое онъ могъ полагаться до тѣхъ поръ, пока у него были денежные средства. Фламандскіе ² и позднѣе швейцарскіе наемники ³ составляли болѣе совершенное войско, чѣмъ феодальныя рекруты, такъ какъ первые привыкли къ постояннымъ сраженіямъ; они были не только лучшими солдатами, но и лучшимъ дисциплинированнымъ войскомъ, такъ что съ ними можно было вести военную стратегію по обдуманному плану. Таковы были военныя преимущества; экономическія выгоды страны были также велики; наемникамъ можно было платить жалованье деньгами въ опредѣленно назначенные сроки; наборъ феодальной армии нарушалъ строй обычной промышленной жизни и на неопредѣленное время обременялъ страну.

¹ Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, I. 455, n. 8; Lévasseur, *Histoire de classes ouvrières*, I. 421.

² Cunningham, *Alien Immigrants*, 25; Oman, *A History of the Art of War (Middle Ages)* (1898), 374.

³ Французы часто прибѣгали къ помощи швейцарцевъ и Лионъ былъ основанъ какъ удобный денежный центръ для необходимыхъ расчетовъ съ ними. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, II. 72.

Выгоды возникавшія вслѣдствіе вмѣшательства капитала, явно обнаруживались не только во время веденія войны, но и во всѣхъ необходимыхъ къ ней приготовленіяхъ; капиталисты сдѣлали болѣе „удобнымъ“ и „менѣе дорого стоящимъ“ сборъ тѣхъ доходовъ, которые собирались деньгами¹. Продажа духовныхъ или гражданскихъ должностей составляла обременительную статью доходовъ; платежъ большихъ суммъ, которыя случайно взыскивались, какъ феодальный налогъ, должно-быть, былъ весьма тягостенъ. Вотированіе парламентомъ налоговъ внесло въ систему обложенія сравнительную „опредѣленность“, такъ какъ давало возможность землевладѣльцамъ и купцамъ знать заранее, сколько имъ придется платить. Дѣятельность большихъ банкировъ доставляла практическія удобства не только для плательщиковъ налоговъ, но и для короны. Финансисты готовы были давать деньги подъ обезпеченіе налоговъ, которые были дѣйствительно вотированы, и, такимъ образомъ, они доставляли возможность коронѣ пользоваться большими суммами на короткій срокъ и гораздо раньше, чѣмъ она могла собрать эти деньги.

Разъ только были поняты преимущества новой системы военной администраціи, ни одинъ король не могъ не обращать на нее вниманіе; всѣ монархи были вынуждены считаться съ деньгами, какъ съ главной силой войны²; и имъ приходилось занимать ихъ на военные надобности во время похода. Съ незапамятныхъ временъ было признано важное значеніе накопленія слитковъ³; и владѣніе королевской казной во время споровъ за наслѣдство всегда составляло девять десятыхъ правъ на корону⁴. Эти сокровища подобно другимъ формамъ богатства, были, однако, подвержены превратностямъ, и богат-

¹ Срав. Адама Смита правила обложенія налогами, *Wealth of Nations*, V. Chap. II. pt. 2.

² Маккиавели утверждалъ противное, говоря, что война можетъ быть выгодной и должна бы служить лучшимъ средствомъ для приобрѣтенія сокровищъ. Были многіе случаи успѣшныхъ войнъ, основанныхъ на этомъ принципѣ; но не менѣе справедливо и то, что накопленіе сокровищъ является необходимымъ подготовленіемъ къ успѣшной войнѣ. Ehrenberg, *op. cit.* I. 6—9.

³ Готы и другіе тевтонскіе народы накопили огромныя сокровища, но, повидимому, они скорѣе пользовались ими, чтобы удовлетворить варварскому чувству тщеславія, чѣмъ сдѣлать ихъ основой военнаго могущества.

⁴ Дѣло Генриха I англійскаго иллюстрируетъ этотъ обычай.

ства, скопленные годами, могли быстро растрачиваться или быть утеряны; въ подобныхъ случаяхъ нужда заставляла королей обращаться къ евреямъ, ломбардцамъ или къ кому другому, кто могъ доставить средства пополнить королевскую казну въ такое время, когда деньги были крайне нужны. Великіе монархи поступали не особенно добросовѣстно съ этими кредиторами ¹; но въ пятнадцатомъ столѣтіи они были вынуждены относиться болѣе аккуратно къ своимъ обязательствамъ. Развился международный денежный рынокъ. Большія городскія общины среднихъ вѣковъ часто занимали деньги ² для такихъ улучшеній города, какъ ремонтъ городскихъ стѣнъ ³, а также и для военныхъ операцій. Такъ какъ при займѣ эти общины давали надежное обезпеченіе, то условія, на которыхъ онъ заключался, были сравнительно умѣренны. Монархи того времени вынуждены были представлять также вѣрный залогъ при заключеніи займа ⁴ и платить по займамъ, если желали пользоваться кредитомъ и возможностью заключать новые займы. Европейскія монархіи по своей политической власти стояли выше гражданскихъ общинъ, но послѣднія побуждали монарховъ руководиться коммерческими методами въ дѣлѣ веденія своихъ финансовъ.

Лишь только доходы европейскихъ правителей перестали зависѣть главнымъ образомъ отъ земельныхъ помѣстій, какъ послѣдовали любопытныя конституціонныя перемѣны. Въ Испаніи правительственная монополія права торговли и разработки рудниковъ стремилась увеличить богатство короны, не обогащая подданныхъ, и служила самой прочной основой абсолютизма ⁵. Учрежденіе постоянныхъ налоговъ (*taille*) во Франціи дало коронѣ независимый доходъ и также сдѣлало возможнымъ абсолютизмъ въ этой странѣ. Лишь только доходы короны состояли изъ налоговъ на земледѣльческіе и промышленные классы, какъ возникла необходимость такого же благоденствія народа какъ и короля; отсюда явилась тенденція французской монархіи отечески покровительствовать про-

¹ Peruzzi, *Storia del Commercio e dei Banchieri di Firenze*, 461.

² Ehrenberg, *op. cit.* I. 19.

³ Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, IV. 212.

⁴ Города иногда вмѣстѣ съ королемъ принимали на себя отвѣтственность за королевскіе долги. Ehrenberg, *op. cit.* I. 25.

⁵ Срав. Knies, *Machiavelli als volkswirtschaftlicher Schriftsteller* въ *Zeitschriftf. d. gesammte Staatswissenschaft* (1852), 272.

мышленности, съ цѣлью сдѣлать богатой свою страну. Въ Англіи нужды короны продолжали доставлять народу благоприятный случай для проявленія его воли, и всѣ попытки управлять, пренебрегая ею, были обречены на неудачу. Не только народъ, какъ плательщикъ податей, успѣвалъ силой подкрѣплять свои требованія, но есть основаніе думать, что посредники по заключенію займовъ по временамъ также оказывали въ этомъ отношеніи значительное вліяніе. Фуггеры, снабжавшіе средствами Карла V, въ общемъ сочувствовали его цѣлямъ; вслѣдствіе своихъ личныхъ затрудненій въ дѣлахъ они отказали ему въ критическій моментъ въ дальнѣйшихъ займахъ, что разрушило его надежды; но, повидимому, они нисколько не пытались вліять на его политику. Съ другой стороны, въ Англіи великіе лондонскіе финансисты и другіе королевскіе кредиторы, какъ кажется, стремились управлять экономической политикой государства и вполнѣ успѣшно заставляли корону считаться съ своими взглядами. Большія суммы денегъ занимали у городовъ, какъ корпорацій, и ихъ представители могли заявлять парламенту о своихъ желаніяхъ: со времени царствованія Ричарда II можно прослѣдить вліяніе денежныхъ интересовъ въ парламентѣ, это вліяніе постепенно усиливалось, пока, наконецъ, оно не одержало верхъ надъ интересами земледѣльческаго дворянства.

117. Дѣятельность денежныхъ магнатовъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій носила двоякій характеръ: они были не только заимодавцами короны, но и купцами. Ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи имѣла большое значеніе, ибо она узаконивала денежную ссуду съ точки зрѣнія духовныхъ законовѣдовъ. Христіанскіе моралисты считали справедливымъ, что каждый долженъ быть вознагражденъ за дѣйствительный рискъ, возникавшій при ссудѣ денегъ; братъ, сколько нужно, для погашенія займа, — значитъ не вымогать деньги у другого, а обезпечивать себя противъ извѣстной ихъ потери. Люди, подобные Жаку Кёръ, Вильяму Канингу, или Фуггерамъ и Уэльзерамъ ¹, не давали своимъ деньгамъ

**Денежные
рынки.**

¹ Эти аугсбургскіе капиталисты спекулировали на различнаго рода предпріятія: на серебряные рудники въ Тиролю, мѣдные въ Венгріи, ртутные въ Испаніи, колонизацію въ Венецуэлѣ, управленіе помѣстьями въ Испаніи и коммерческія предпріятія. Habler, *Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien*.

лежать праздно; и вполне вѣрно, что, давая въ заемъ ихъ королю, они лишали себя случая извлечь изъ нихъ коммерческую выгоду. Поэтому было признано, что землевладѣлецъ можетъ законно требовать вознагражденія за *lucrum cessans* или *damnum emergens*; нельзя было принять дѣйствительныя мѣры, съ цѣлью воспрепятствовать такимъ капиталистамъ вступать въ договоры, которые на практикѣ являлись ссудой денегъ за проценты. Въ прежнее время юристы каноническаго права могли отличить несправедливую торговую сдѣлку отъ справедливой по одной формѣ договора и ограничить переходъ капитала изъ одного оборота въ другой, въ тѣхъ случаяхъ, когда составлялось временное товарищество, которое рискъ и потери распредѣляло одинаково на всѣхъ его членовъ. Когда было принято за общее правило, что человѣкъ могъ извлекать извѣстный доходъ изъ помѣщенія своихъ денегъ, и, такимъ образомъ, имѣть право вознаграждать себя за то, что самъ не пользовался капиталомъ, тогда старыя запрещенія потеряли силу; и займы сдѣлались обычнымъ явленіемъ торговой жизни.

Однако, общественное мнѣніе смотрѣло неодобрительно на тѣхъ купцовъ, которые занимались иностранными банковскими дѣлами и финансовыми операціями, какъ не имѣющими ничего общаго съ внѣшней и внутренней торговлей товарами. Трудно сказать, насколько были справедливы эти частыя обвиненія, возводимыя на итальянцевъ, иностранныхъ банкировъ въ четырнадцатомъ столѣтіи, или на магнатовъ Антверпена и Амстердама въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ. Возможно, что эти капиталисты были такъ сильны, что могли вести биржевыя операціи въ своихъ собственныхъ интересахъ, но это, по крайней мѣрѣ, имѣло видъ конкуренціи, которая, по видимому, несовмѣстна съ существованіемъ монопольныхъ цѣнъ; даже въ четырнадцатомъ столѣтіи по временамъ происходили сѣзды купцовъ, когда курсы для иностранныхъ платежей устанавливались торговлей на рынкѣ. Организованные денежные рынки существовали на большихъ ярмаркахъ Шампаньи¹, Жене-
 вы² и Ліона³; и векселя отъ многихъ отдаленныхъ городовъ

¹ F. Bourquelot, *Etudes sur le foires de Champagne* въ *Mémoires présentés à l'Académie des Inscriptions*, 2-me Série, v. (1865), vol. II. стр. 102.

² Borel, *Les foires de Genève*, стр. 131—142.

³ Huvelin, *Droit des Marchés et des Foires*, стр. 564.

писались на этихъ ярмаркахъ на опредѣленный срокъ на банкировъ. Ходячая монета каждой страны цѣнилась по указной денежной единицѣ (*scudi de marche*)¹ и деньги покупались или продавались по этой цѣнѣ. Въ дѣлѣ опредѣленія чистоты металла различныхъ монетъ, занятія мѣняль, безъ сомнѣнія, признавались необходимыми и полезными для интересовъ денежнаго обращенія². Однако, бывали періоды, когда цѣнность денегъ подвергалась вліянію спроса и предложенія векселей на извѣстную страну и покупательной силы денегъ въ этой странѣ. Съ точки зрѣнія средневѣковыхъ моралистовъ, относились весьма подозрительно, чтобы не сказать болѣе, ко всѣмъ такимъ сдѣлкамъ; эти моралисты утверждали, что серебро есть серебро и что каждый, кто извлекалъ выгоду изъ обмѣна серебра на серебро же, во всякомъ случаѣ поступалъ несправедливо. Тѣмъ не менѣе эти временные денежные рынки существовали; и хотя много нечестныхъ барышей попало въ руки недобросовѣстныхъ людей, но постепенное развитіе правильныхъ рынковъ и постоянная конкуренція ограничивали случаи вымоганія чрезмѣрныхъ барышей и приносили дѣйствительную услугу. Результатомъ такого измѣненія взглядовъ общественнаго мнѣнія на этотъ предметъ было то, что разрушились самыя могущественныя преграды, задерживавшія текучесть капитала, и въ пятнадцатомъ столѣтіи, наконецъ, стало возможнымъ найти средства для развитія и веденія всякаго выгоднаго предпріятія.

118. Въ теченіе послѣдней четверти пятнадцатаго столѣтія для предпримчивыхъ людей начали представляться многія благопріятныя условія какъ у себя дома, такъ и въ чужихъ краяхъ; исключительныя привилегіи иностранцевъ были ограничены, и дѣятельная торговля во Франціи и Голландіи³ въ Скандинавіи и Англіи⁴ вызывала отечественную энергію. Выгоды отъ успѣшныхъ рискованныхъ предпріятій

Вліяніе капитала на преобразование торговой и промышленной дѣятельности.

¹ Endemann, *op. cit.* I. 214.

² Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, I. 362.

³ Van Bruyssel, *Histoire du Commerce en Belgique*, II. 63.

⁴ Важное значеніе англійскихъ богачей сказывается въ большомъ количествѣ капиталистическихъ компаній, которыя были основаны около конца четырнадцатаго столѣтія, такъ же, какъ и въ обложеніи купцовъ налогами и въ обширныхъ займахъ, которыми они ссужали городъ. Cunningham, *op. cit.* I. 381.

были велики¹, и каждая новая перспектива прибыли вызывала спросъ на капиталъ, который можно было сейчасъ получить; до сихъ поръ благоразумные люди довольствовались накопленіемъ богатствъ², но лишь только ихъ убѣдили помѣщать эти богатства въ экономическія предпріятія, съ цѣлью полученія прибыли, какъ они стали смотрѣть на нихъ какъ на капиталъ.

Разумѣется, въ лучшихъ условіяхъ находились тѣ, кому поспасчастливилось жить на какомъ-либо пути міровой торговли. Венеціанцы пользовались первенствомъ въ Адриатическомъ морѣ, и занимали главное положеніе въ торговлѣ съ Востокомъ, пользуясь дорогой чрезъ Красное море; германскіе купцы, которые проникали чрезъ проходы и распространяли пряные и другіе товары Востока въ заальпійской странѣ, находили очень выгодными эти сношенія. Генуэзцы имѣли возможность съ небольшими перерывами вести торговлю съ Константинополемъ и Чернымъ моремъ, а флорентинцы вели большія торговые дѣла съ сѣвернымъ берегомъ Африки. Но вся эта торговля стала менѣе значительной, когда сдѣлались возможны путешествія по океанамъ, послѣ открытія мыса Доброй Надежды и Америки; Лиссабонъ замѣстилъ Венецію, и нидерландскіе купцы, которые находили въ рыбной торговлѣ выгодную промышленность⁴ и хорошую школу для моряковъ, начали торговлю между испанскимъ полуостровомъ и Антверпеномъ. Этотъ городъ, необыкновенно процвѣталъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, какъ сѣверный складъ восточныхъ продуктовъ, а также какъ центръ обширной торговли рыбой и зерновыми хлѣбами.

Процентъ торговой прибыли безъ сомнѣнія былъ очень высокъ, но и торговые расходы были также очень велики; многія ярмарки, гдѣ торговцы всѣхъ націй пользовались необыкновенными удобствами свободныхъ торговыхъ сношеній, пришли въ упадокъ раньше конца четырнадцатаго столѣтія⁵, и дѣла все болѣе и болѣе тяготѣли къ городамъ, которые служили по-

¹ Прибыли испанскихъ купцовъ въ американской торговлѣ, говорятъ, достигали 300 или 400 процентовъ. Beer, *Geschichte des Welt-handels*, II. 147.

² E. Dudley, *Tree of the Commonwealth*, 52.

³ Lenel, *Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs*, стр. 82.

⁴ Van Bruyssel, II. 119.

⁵ Cunningham, *Alien Immigrants*, 91. Huvelin, *op. cit.* 278.

стоянными, а не временными центрами торговли. Но для регулярной торговли въ какомъ-либо городѣ необходимо было платить извѣстные налоги и имѣть определенное званіе; расходы для полученія этихъ торговыхъ правъ не были обременительными только для такихъ купеческихъ компаній, какъ ганзейскій союзъ, который имѣлъ свои собственныя учрежденія въ Лондонѣ ¹, Брюгге ², Бергенѣ ³, Новгородѣ ⁴, Венеціи ⁵ и въ другихъ мѣстахъ. Эти компаніи устанавливали правила для распределенія прибылей и расходовъ по содержанію ихъ факторій. Дисциплина была очень строгая и ихъ уставы подчиняли торговлю такимъ охранительнымъ правиламъ, что никто не могъ монополизировать или захватить въ свои руки торговлю другого народа ⁶.

Такъ какъ эта система основана на сохраненіи исключительныхъ привилегій, то она не соотвѣтствовала той свободѣ предпріятія, которая двигаетъ торговлю и которая составляетъ жизнь современной торговли. Антверпенъ привлекалъ капиталистовъ не только своимъ положеніемъ и сношеніями, но и тѣмъ, что онъ доставлялъ почти такую же свободу людямъ всѣхъ націй, какою они могли пользоваться на всякой ярмаркѣ. На практикѣ въ этомъ городѣ не существовало исключительныхъ привилегій, и поэтому каждый купецъ могъ свободно торговать тамъ; но, кромѣ того, въ Антверпенѣ не мѣшали заниматься и комиссіонной торговлей ⁷. Свободные люди и привилегированные купцы каждаго средневѣковаго города особенно заботились сохранить свои исключительныя выгоды и не допускать никакого маклера защищать интересы несвободнаго торговца; каждый торговецъ торговалъ самъ или чрезъ своихъ собственныхъ факторовъ. Но въ Антверпенѣ не было основаній для подобныхъ ограниченій, и торговая агентура, ко-

¹ Lappenberg, *Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London*, стр. 6.

² Stein, *Die Genossenschaft der deutschen Kaufleute zu Brügge*, стр. 14.

³ Worms, *La ligue hanséatique*, 163.

⁴ Daenell, *Geschichte der deutschen Hanse*, 45.

⁵ Stieda, *Hansisch-Venetianische Handelsbeziehungen im 15 Jahrhundert*; см. также Simonsfeld, *Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutschvenetianischen Handelsbeziehungen*, II. 69, 71. Это учрежденіе главнымъ образомъ посѣщалось южно-германскими купцами.

⁶ Превосходную иллюстрацію этого управленія даетъ Stintъ въ *The English Merchant Adventurers*. Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, I. 416.

⁷ Ehrenberg, *op. cit.* II. 6.

торая всюду распространилась въ Новомъ Свѣтѣ, была введена въ первый разъ въ этомъ городѣ на Шельдѣ. Большіе южно-американскіе банкиры основали свои главныя учрежденія въ Антверпенѣ; ихъ привлекала сюда открывавшаяся возможность наживы и они содѣйствовали преуспѣянію этого города. Купцы пользовались гораздо бѣльшими льготами при заключеніи займа за невольшіе проценты и на какой угодно срокъ на антверпенскомъ денежномъ рынкѣ, чѣмъ практиковалось это прежде, даже на ярмаркахъ въ Шампаньи и Ліонѣ. Брюге¹, съ его давно установившеюся извѣстностью, не могъ разстаться съ своими старыми торговыми традиціями, и его быстро замѣнили Антверпенъ, гдѣ торговля приняла то направленіе, которое наибѣлье соотвѣтствовало предпріимчивости капиталистовъ.

По мѣрѣ того, какъ возрастали торговыя сношенія въ продолженіе четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, они все бѣлье и бѣлье стремились произвести революцію въ промышленной жизни. Группы мелкихъ хозяевъ, изъ которыхъ каждая работала за свой счетъ, хотя и составляли ассоціаціи, объединенныя обоюднымъ надзоромъ, не имѣли ни возможности, ни желанія примѣниться къ новымъ условіямъ²; и въ бѣлье значительныхъ ремеслахъ ихъ постепенно вытѣсняли капиталисты, у которыхъ работали массы поденныхъ рабочихъ. Одно ремесло за другимъ подчинялись вліянію благопріятныхъ условій расширенія торговли, и мастера, подѣ управленіемъ купцовъ, начали производить товары, не только сообразуясь съ требованіями ихъ сосѣдей и городского рынка, но и имѣя въ виду возможность продажи этихъ товаровъ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Существовали нѣкоторыя производства—какъ, на примѣръ, производство шелка въ Италіи въ пятнадцатомъ столѣтіи,—которые были поставлены въ зависимость отъ коммерческихъ сношеній при полученіи употребляемыхъ ими матеріаловъ; но лишь только та или другая промышленность, по какой бы ни было причинѣ, начинала входить въ кругъ отдаленныхъ торговыхъ интересовъ,

¹ Van Bruyssel, II. 232.

² Голландія, повидимому, представляетъ интересное исключеніе, такъ какъ мелкіе независимые хозяева оставались вѣрны себѣ во всѣхъ отрасляхъ старой промышленности въ продолженіе семнадцатаго столѣтія, хотя вновь насажденные ремесла были организованы на капиталистическихъ началахъ. Pringsheim, *Beiträge zur Wirthschaftlichen Entwicklung der vereinigten Niederlande*, въ Schmoller's *Forschungen*, X. iii, стр. 30.

какъ возникала тенденція введенія капиталистической организаціи. Капиталисты-купцы были необходимы, какъ посредники при покупкѣ матеріаловъ и продажѣ товаровъ, и они легко и незамѣтно занимали положеніе капиталистовъ-хозяевъ, которые управляли своими рабочими и устанавливали условія и сроки ихъ труда.

Взгляды капиталиста - хозяина и мелкихъ независимыхъ мастеровъ на правила, необходимыя для хорошаго веденія ремесла, были иногда неодинаковы. Капиталистъ желалъ свободно пользоваться такимъ количествомъ рабочихъ, какое ему было нужно, и съ такимъ распредѣленіемъ труда, какое для него было удобно, между тѣмъ какъ мелкіе хозяева протестовали противъ такого учрежденія, организующагося съ цѣлью захватить въ свои руки большую часть ремесла. Точно такъ же могли возникать несогласія по поводу обученія и числа учениковъ; капиталистическая система устраняла все традиціонное изъ ремесленныхъ цеховъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ богатые члены цеха, повидимому, были настолько сильны, что забирали въ свои руки управленіе его дѣлами и видоизмѣняли это учрежденіе до тѣхъ поръ пока, оно не превращалось въ олигархическую ассоціацію капиталистовъ - хозяевъ; многіе изъ *corps de métiers* во Франціи, повидимому, преобразовались такимъ образомъ ¹; и корпораціи, которыя вначалѣ были ассоціаціями мелкихъ хозяевъ, на практикѣ по своему характеру напоминали такія капиталистическія компаніи, какъ *Arte di Calimala* во Флоренціи ². Въ другихъ случаяхъ мелкіе хозяева успѣли сохранить традиціонное устройство, и капиталисты-предприниматели предпочитали эмигрировать за предѣлы распространенія власти цеха. Стѣснительныя правила цеховъ для поденщиковъ заставляли ихъ уходить изъ такихъ старыхъ ремесленныхъ центровъ, какъ Уорчестеръ ³ и Іоркъ, въ тѣ округа, гдѣ капиталисты могли предлагать имъ лучшія условія; отдѣльные города обѣднѣли, но національная промышленность вполнѣ сохранилась, и эти перемѣны при-

¹ Н. Hanser, *Ouvriers du temps passé*, стр. 119 fol. Срав. также относительно Германіи Lamprecht, *Deutsche Geschichte*. Перемѣну подобнаго же характера можно прослѣдить на портныхъ въ Бри-столѣ. Fox, *Merchant Tailors of Bristol*, 32, 86.

² См. выше, стр. 90.

³ Cunningham, *Growth of Industry*, I. 512, 518.

несли одинаковую пользу какъ капиталистамъ, такъ и служащимъ.

Такимъ путемъ, повидимому, капиталъ способствовалъ эмиграціи рабочихъ, чѣмъ облегчилъ пересажденіе индустріальныхъ искусствъ и открылъ другія неразработанныя ихъ области. Въ прежнія времена трудъ практически былъ ограниченъ городомъ или помѣстьемъ, и было слишкомъ трудно перенести его туда, гдѣ онъ могъ найти болѣе выгодное примѣненіе. Но капиталъ разрѣшилъ это затрудненіе; онъ далъ средства ввести корпораціи работниковъ, и доставлять имъ работы, а также насаждать новую промышленность, или открывать рудники и развивать нетронутые источники богатства. Капиталъ доставлялъ матеріальныя средства для питанія національнаго богатства въ каждой странѣ, оказывая этимъ вліяніе на прогрессивную экономическую политику.

ГЛАВА III.

Соперничающія торговыя имперіи.

119. Народы Западной Европы, наконецъ, обезпечили себѣ непосредственный доступъ на Востокъ, благодаря настойчивой предпріимчивости португальцевъ; но это только небольшая часть той услуги, какую намъ оказали португальцы. Ихъ непобѣдимая энергія и геройскія жертвы преодолѣли необыкновенныя трудности и дали возможность европейскимъ кушцамъ утвердиться въ обѣихъ Индіяхъ и открыть правильныя коммерческія сношенія съ такими землями, которыя до тѣхъ поръ были недоступны.

**Португальцы
обезпечива-
ютъ себѣ до-
ступъ на Вос-
токъ.**

Цѣль, ради которой португальская корона поощряла научныя путешествія, была достаточно ясна; было желательно принять участіе въ восточной торговлѣ, обогатившей венеціанцевъ, благодаря ихъ торговымъ союзникамъ, которые монополизировали путь въ Красное море и Персидскій заливъ. Активная торговля на этихъ моряхъ всецѣло находилась въ рукахъ арабовъ; они имѣли колоніи во многихъ городахъ, и въ нѣкоторыхъ портахъ¹, гдѣ находилось значительное магометанское населеніе. Арабскіе купцы, которыхъ встрѣчали Васко де Гама и другіе португальскіе капитаны въ индійскихъ водахъ, не желали допускать какое-либо вмѣшательство въ ихъ выгодную монополію. Эта меркантильная и мореходная раса была только чужеземцемъ на берегахъ Индійскаго полуострова, но

¹ Rowlandson, *Tohfut-ul-Mujahideen* (Oriental Translation Fund), 70.

такъ какъ она издавна основалась тамъ, то и имѣла возможность возбудить туземцевъ Калькуты противъ французскихъ выходцевъ. Португальцы не пытались основать факторію въ Индіи во время перваго своего посѣщенія страны (1498 г.) и когда былъ сдѣланъ подобный опытъ въ ихъ второе путешествіе (1500 г.), то онъ оказался роковымъ и неудачнымъ, ибо едва только удалились ихъ корабли, какъ ихъ представитель и его товарищи были умерщвлены. Это было оскорбленіе, котораго португальцы не могли оставить безъ вниманія, и оно привело ихъ къ первому разрыву съ туземнымъ королемъ.

Такимъ образомъ португальцы убѣдились въ невозможности принять участіе въ торговлѣ арабовъ или завести факторіи бокъ о бокъ съ магометанскими купцами въ одномъ и томъ же портѣ; но они могли рассчитывать на дружественный пріемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ не преграждали путь эти торговые соперники. Несторіанскіе христіане ¹ составляли значительное политическое цѣлое и оказывали благотворное вліяніе на людей ихъ вѣры; индусскіе же короли готовы были воспользоваться всякой властью, которая могла остановить движеніе магометанскихъ расъ, которыя усиливались завоеваніями на сѣверѣ и веденіемъ исключительной торговли на югѣ. Пользуясь этими обстоятельствами и раздорами магометанскаго міра ², которые мѣшали единодушному нападенію на португальцевъ, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли прочно основаться ³, португальцы имѣли возможность учредить торговые факторіи на Кохинхинскомъ (1501 г.), Канарскомъ (1502 г.) и Малабарскомъ берегахъ. Скоро они достигли такого могущества на морѣ, что монополизировали торговлю этихъ городовъ, и суда, появлявшіяся здѣсь безъ португальскихъ пропусковъ ⁴, уничтожались. Такимъ образомъ, Португалія начала укрѣплять свое дѣйствительное владычество въ Индійскомъ океанѣ.

Однако, чтобы управлять торговлей пряностями съ Европой и передать ее отъ арабовъ и венеціанцевъ въ руки португальцевъ, было необходимо господствовать надъ проходами,

¹ Beazely, *Portuguese Colonial Empire* въ *Royal Hist. Trans.* (1894), VIII. 115, 116.

² H. Morse Stephens, *Albuquerque*, 77.

³ Солиманъ организовалъ подобное нападеніе скоро послѣ своего восшествія на престолъ въ 1520 г.

⁴ Rowlandson, *Tohfut-ul-Mujahideen*, 90.

черезъ которые направлялась эта торговля въ Адентъ и Персидскій заливъ. Таковъ былъ любимый планъ короля Эммануила; и потому основаніе и охраненіе колоній на Востокъ не разъ приносили въ жертву безполезнымъ усиліямъ закрыть дорогу по Красному морю изъ Суэца на востокъ¹. Португальцы сначала основались въ Сокотрѣ (1507 г.) и случайно овладѣли на время Аденомъ (1517 — 1538 г.); но Альбукеркъ, при всемъ своемъ геніи никогда не имѣлъ возможности исполнѣ осуществитъ плановъ своего повелителя. Однако, онъ успѣлъ настолько стѣснить торговлю арабовъ на Красномъ морѣ, что это послужило причиной значительнаго уменьшенія таможенныхъ пошлинъ, которыя шли въ руки египетскаго султана.

Португальцы были болѣе счастливы въ своихъ попыткахъ управлять навигаціей въ Персидскомъ заливѣ, который открывалъ доступъ въ долину Евфрата и къ караванному пути въ Левантъ. Они получили позволеніе устроить крѣпость въ Ормуцѣ и затѣмъ овладѣли самимъ городомъ; вслѣдствіе этого они имѣли возможность претендовать на морское господство надъ всей торговлей въ этой области; береговыя путешествія были обычнымъ способомъ сообщенія, которое прекращалось только во время муссона, и потому тѣ, кто владѣли портомъ Ормуцъ, были хозяевами этого пути².

Самое простое и въ то же время самое дѣйствительное средство монополизировать торговлю заключалось въ достиженіи непосредственнаго вліянія на торговлю пряностями въ ея источникахъ. Вся торговля пряностями какъ острововъ, такъ и дальняго Востока была сосредоточена въ Малаккѣ; и послѣ того, какъ португальцы основали факторіи въ этомъ пунктѣ, они скоро нашли поводъ овладѣть этимъ городомъ. Затѣмъ они имѣли возможность регулировать запасы перца и мускатнаго орѣха въ своихъ собственныхъ интересахъ; между тѣмъ, это торговое депо послужило для нихъ базисомъ, откуда они могли распространять свои торговыя сношенія съ Китаемъ (1517 г.) и Японіей (1542 г.)³. Такимъ образомъ они положили основаніе непосредственному и регулярному торговому сношенію Европы съ главными странами Азіи, и почти около сто-

¹ Н. Morse Stephens, *op. cit.* 94.

² Справ. Т. I, стр. 61 о сферѣ греческаго и финикійскаго вліянія.

³ Saalfeld, *Geschichte des portug. Kolonialwesens*, 104.

лѣтія успѣшно сохраняли за собой монополію торговли, которую отняли у арабовъ.

Альмейда и многіе португальцы стремились достигнуть дѣйствительнаго могущества на морѣ при помощи сильнаго флота; они полагали, что онъ послужитъ достаточной защитой для ихъ торговыхъ факторій, которыя были основаны въ различныхъ побережныхъ пунктахъ. Но Альбукеркъ, величайшій изъ португальскихъ правителей, былъ убѣжденъ, что такая политика неисполнима; онъ стремился пріобрѣсти столько земли, чтобы имѣть возможность содержать на ея счетъ посты, которые могли бы служить базисами для операцій его кораблей. Ему казалось невозможнымъ безъ соотвѣтствующей территоріи сохранить такое вліяніе флота, чтобы онъ былъ въ состояніи защищать факторіи отъ нападений съ суши и противостоять морскимъ экспедиціямъ, которыхъ можно было ожидать со стороны Египта. Съ этой цѣлью онъ оказалъ давленіе на свое правительство и основалъ не простыя торговыя факторіи, но гарнизонныя крѣпости; онъ добился такихъ уступокъ во взиманіи налоговъ, которыя сдѣлали возможнымъ содержать на собственный счетъ администрацію новой имперіи. Окончательное покореніе Гоа и организація португальской гражданской службы, подчинившей себѣ правительство территоріи были плодами неутомимыхъ стремленій Альбукерка развить торговую имперію своего монарха на основахъ, которыя, по его мнѣнію, были дѣйствительно прочны и представляли продолжительную будущность.

Португальцы обратились къ новымъ предпріятіямъ; но торговыя сношенія, основанныя ими на новомъ трактѣ, были очень сходны съ торговыми сношеніями венеціанцевъ и арабовъ, выгодная монополія которыхъ отошла теперь въ область прошлаго¹. Португальцы имѣли обыкновеніе разъ въ годъ отправлять флотъ въ Индію; веденіе дѣла находилось въ рукахъ чиновниковъ, хотя купцы, которые отправлялись на этихъ корабляхъ были свободными торговцами; они должны были уплачивать правительству таможенныя пошлины, при чемъ извѣстные товары считались государственной монополіей²; хотя организація флота имѣла политическій и военный харак-

¹ Heyd, *op. cit.* II, 517.

² Habler. *Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien*, 24.

теръ, но настоящая торговля являлась дѣломъ частной предпріимчивости¹.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма точнымъ воспроизведеніемъ системы, регулировавшей плаваніе флотилии венеціанскихъ галеръ, торговавшихъ на Средиземномъ морѣ².

У Альбукерка былъ также обдуманнѣйшій планъ замѣстить христіанами арабское торговое населеніе, которое вело активную торговлю въ Индійскомъ океанѣ. Онъ взялъ ихъ столицу Гоа и воспользовался землями, которыя принадлежали мечетямъ, для передачи ихъ христіанскимъ церквамъ и монастырямъ; онъ намѣренно поощрялъ браки португальскихъ солдатъ съ туземными женщинами и стремился усилить европейское населеніе; онъ старался, подобно Александру, завершить сліяніе Востока съ Западомъ. Это было смѣлое направленіе политики, слѣдовать которой едва ли могли позднѣйшіе правители Индіи; такая политика разумѣется, представляла свои опасности; испорченность административнаго класса и упадокъ нравственнаго чувства португальцевъ были неразлучны съ усвоеніемъ восточныхъ нравовъ. Попытки инквизиціи предупредить ослабленіе христіанскаго чувства, вслѣдствіе сближенія съ магометанскими народами, были пагубны въ другихъ отношеніяхъ. Дѣйствія инквизиціоннаго суда оказались гибельными для древней церкви въ Индіи, которую заподозрѣли въ ереси, и въ то же время они были безсильны уничтожить господствовавшія тамъ несправедливости, благодаря алчности и отсутствію отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Торговая сила португальцевъ даже во времена ея величайшаго процвѣтанія обманула возлагавшіяся на нее надежды; она не дала тѣхъ потоковъ богатства, на которые рассчиты-

¹ Купцы, отправлявшіеся на корабляхъ, не были обязательно португальцы, германцы также имѣли разрѣшеніе снаряжать корабли для путешествія. F. Kunstmann, *Die Fahrt der ersten Deutschen nach dem portugiesischen Indien*, стр. 5. Многія интересныя подробности можно также найти въ *Tagebuch des Lucas Rem*, изд. Грейфомъ въ *Sechszwanzigster Jahres-Bericht des historischen Kreis-Vereins im Regierungsbezirke von Schwaben. und Neuberg* (Augsburg, 1861) и у J. P. Cassel, *Privilegia und Handlungsfreiheiten welche die Könige von Portugal ehemals den deutschen Kaufleuten zu Lissabon ertheilt haben*.

² Объ организаціи венеціанскаго флота, см. Lenel, *op. cit.* 68. О такой же организаціи фландрскихъ галеръ ср. R. Brown, *State Papers, Venetian*, I. pref. стр. LXII. О португальскомъ флотѣ см. Saalfeld, *op. cit.* 138.

вали; причины этого очевидны: португальцы употребили столько усилий для поддержанія политическихъ условій, при которыхъ стала возможна эта торговля, что ихъ энергія истощилась, а торговля прибыли не вознаградила затратъ. Поразительно, какъ могла нація съ 3.000,000 населеніемъ и 40,000-ной арміей господствовать надъ всѣмъ Индійскимъ океаномъ и обезпечить себѣ положеніе въ Африкѣ, а также въ Бразиліи. Но когда мы читаемъ объ ужасныхъ потеряхъ человѣческихъ жизней въ каждой экспедиціи, то не удивляемся, что существенныя силы страны истощились въ этой гигантской борьбѣ.

Надо замѣтить также, что индивидуальная предприимчивость гражданъ была отвлечена отъ плодотворной промышленной дѣятельности и даже отъ мореходства; индійская торговля, сосредоточившись въ Лиссабонѣ, не могла благоприятно воздѣйствовать на отечественную промышленность или на внутреннюю торговлю, и дѣло распространенія индійскихъ продуктовъ въ Европѣ приняли на себя иноземные купцы¹. Всѣ тѣ, кто хотѣлъ обогатиться, добивались административныхъ постовъ, и многія должностныя лица соблазнялись быстрой наживой и прибѣгали къ нечестнымъ средствамъ. Дѣйствительно, администрація стала крайне испорченной и потому весьма дорого стоила; но даже въ самое цвѣтущее свое время государственныя расходы, необходимый для развитія торговли, поглощали всѣ тѣ выгоды, которыхъ съ такой увѣренностью ожидали португальскіе правители.

Справедливо также, что экономическая политика португальцевъ была построена на неправильныхъ торговыхъ началахъ; она въ широкой степени зависѣла отъ изгнаніями арабовъ и сохраненія за собой монополіи; они имѣли мало продуктовъ или мануфактурныхъ товаровъ для вывоза въ обмѣнъ на индійскія пряности и неохотно вывозили свое серебро. При

¹ „Теперь обратимся къ добрымъ и простодушнымъ португальцамъ, которые снабжаютъ пряностями почти весь міръ и когда привозятъ ихъ домой, то недѣлаются такими богачами, какъ богачи Антверпена, подданные короля Филиппа, которые спѣшатъ оптомъ закупить португальскій товаръ, часто выдавая за него впередъ деньги“. *Epistle to the most noble and illustrious Lordes Edzart and John Earles of Estfrizland Lordes of Emden* (1564), f. 7. Sloane MS. 818, British Museum. Мореходство находилось главнымъ образомъ въ рукахъ голландцевъ и зеландцевъ, особенно послѣ паденія Антверпена, хотя Давцингъ и балтійскіе ганзейскіе города были ихъ алчными соперниками, Häbler, *op. cit.* 174.

помощи военной власти они можетъ-быть, успѣвали вымогать подати, но ихъ внутреннія политическія перемѣны разрушили всю свою торговую систему. Послѣ 1580 г. судьба Португаліи была связана съ судьбой Испаніи, и испанскіе враги напали на торговыя факторіи португальцевъ; послѣдніе не имѣли средствъ для дѣйствительнаго сопротивленія, такъ какъ ихъ торговля была основана не на реальной пользѣ, а на политическомъ превосходствѣ. Когда голландцы стали настолько могущественны, что могли не обращать вниманія на соединенныя силы Иберійскаго полуострова, они легко смогли направить торговлю съ Индіей по новымъ путямъ и, такимъ образомъ, захватить тѣ владѣнія, которыя португальцы съ такимъ трудомъ пріобрѣли.

Хотя плоды предпріимчивости португальцевъ были такъ скоро у нихъ исторгнуты, но мы не можемъ не принести дани удивленія тѣмъ людямъ, которые имѣли настолько героизма и энтузіазма, что достигли своей цѣли, несмотря на всѣ препятствія, съ которыми пришлось бороться Альбукерку. Они нѣкоторымъ образомъ наслѣдовали духъ Крестовыхъ походовъ, по крайней мѣрѣ въ торговомъ отношеніи; они уничтожили монополію арабовъ въ Индійскомъ океанѣ и дали возможность этому громадному полуострову войти въ соприкосновеніе съ христіанствомъ. Они имѣли меньше успѣха въ Африкѣ, и арабскій купецъ остался однимъ изъ проклятій въ этой покрытой мракомъ странѣ; но Индія и Дальній Востокъ были освобождены отъ ихъ исключительнаго господства. Хотя ихъ главнымъ мотивомъ была только торговля, а это одинъ изъ такихъ мотивовъ, которые внушаютъ мало энтузіазма, но надежды принца Генриха, наконецъ, осуществились; флангъ подвигавшагося впередъ полумѣсяца былъ обойденъ и мусульманской власти угрожала опасность въ самомъ ея корнѣ. Португалія своимъ усиліемъ была истощена на время¹, но міръ много выигралъ отъ того, что она взяла на себя руководящую роль.

¹ Возрожденіе португальскаго могущества подъ управленіемъ Браганцскаго дома въ семнадцатомъ столѣтіи совершилось иначе. Колонизація Бразиліи была намѣренно прекращена въ періодъ португальскаго величайшаго процвѣтанія, и на усилія маркиза Помбалы развить отечественную промышленность въ восемнадцатомъ столѣтіи надо смотрѣть, какъ на подраженіе Генриху IV и Кольберу или какъ на попытку уничтожить англійское вліяніе подражаніемъ англійской системѣ.

120. Существует контрастъ въ каждой подробности между исторіей возникновенія испанской колоніальной имперіи и исторіей ея сосѣдей на Иберійскомъ полуостровѣ. Португальцы получили доступъ къ высоко-цивилизованной странѣ и стремились подчинить выгодную торговлю своей власти; испанцы обезпечили свое положеніе среди варваровъ и полудивилизованныхъ народовъ, которые достигли только незначительнаго прогресса въ практическихъ искусствахъ и не имѣли торговли. Испанцы не встрѣтили сопротивленія своимъ стремленіямъ колонизовать южную и центральную Америку; они свободно могли дѣлать съ завоеванной страной все что хотѣли, и имѣли возможность осуществить свои намѣренія относительно наиболѣе благоразумнаго пользованія своей властью и примѣнить лучшіе способы для утилизаціи источниковъ богатства ихъ новыхъ владѣній. Ослабленіе и упадокъ ихъ вліянія въ этихъ странахъ доказали, что экономическая система, которую преслѣдовали испанскій король и его совѣтники, была вполнѣ ошибочна.

Минеральное богатство Новаго Свѣта, казалось, открывало перспективу собиранія такихъ громадныхъ сокровищъ, которыя дали бы возможность испанскому монарху быть рѣшителемъ судебъ Европы. Королевство окрѣпшее, благодаря браку Фердинанда съ Изабеллой и покоренію Гранады, имѣло свои собственные обильные источники богатства; въ нѣкоторыхъ его частяхъ почва была замѣчательно обработана, въ тоже время были также громадныя пастбищныя пространства, а туземная шерсть доставляла богатый матеріалъ для обширной мануфактуры сукна. Однако, продолжительныя войны съ сарацинами, повидимому, имѣли злополучное вліяніе какъ на страну, такъ и на ея населеніе; земля дѣлалась менѣ пригодной для хлѣбопашества¹, а военный пылъ народа² отвлекъ его отъ черныхъ работъ и сравнительно низкихъ занятій земледѣліемъ и промышленностью. Завоеваніе Новаго Свѣта съ его минеральными сокровищами вполнѣ отвѣчало національному темпераменту испанцевъ. Они имѣли сильное призваніе къ военнымъ доблестямъ; и быстрый ихъ успѣхъ породилъ надежду собрать такія массы сокровищъ, которыя могли бы сдѣ-

¹ Naudé, *Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten I*, 181.

² *Ibid.* 182.

лать ихъ непобѣдимыми. Были изданы строгія запрещенія для вывоза золота и серебра изъ Испаніи, съ цѣлью лишить возможности другія націи, которыя могли бы явиться ихъ политическими соперниками, получить часть минеральныхъ богатствъ, ежегодно доставляемыхъ въ Севилью; Севилья была складочнымъ портомъ, гдѣ основался Индійскій Торговый Домъ и гдѣ была сосредоточена вся торговля¹; въ августъ и сентябрь въ Севильѣ нагружали галлены и спускали ихъ въ Кадиксъ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра; одна армада сопровождала флотъ, другая крейсировала до Азорскихъ острововъ, наблюдая за пиратами. На обратномъ пути флоты привозили плитки серебра изъ Мексики и Перу и, соединяясь въ Гаваннѣ, приходили вмѣстѣ въ Испанію около іюня мѣсяца². Масса слитковъ была привезена въ Испанію, особенно въ продолженіе одиннадцати лѣтъ съ 1545 года, въ теченіе которыхъ рудники въ Потози ежегодно добывали, по самому скромному расчету, 2,215,000 *pesos*³. Правительство имѣло большой доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ и старалось не только защищать флотъ съ серебромъ на морѣ, но и препятствовать вывозу слитковъ, которые были благополучно доставлены въ Севилью.

Но такая политика потерпѣла роковую неудачу; корона никогда не наслаждалась миромъ, то-есть такимъ временемъ, когда сбереженіе было возможно; войны Карла V стоили слишкомъ дорого и не позволяли дѣлать запасовъ; Индійскій Торговый Домъ понесъ сильные убытки послѣ гибели Армады, и Филиппъ II умеръ кругомъ въ долгахъ⁴. Испанцы пожертвовали всѣмъ остальнымъ изъ-за стремленій создать политическое могущество только однимъ накопленіемъ слитковъ; ихъ неудача въ достиженіи главной цѣли ихъ политики оставила ихъ въ нищетѣ, которая доказала, что тѣ средства, какими они пользовались для осуществленія этой политики, были въ высшей степени ошибочны.

¹ J. de Veitia Linage, *Spanish Rule of Trade*, translated by Stevens, стр. 84. Позднѣе товары, назначенные для потребленія въ Испаніи, могли выгружаться во всякомъ портѣ, гдѣ приставалъ корабль.

² J. de Veitia Linage, *Spanish Rule of Trade*, 193.

³ Soetbeer, *Edelmetall-Production* (1879), 72. Начало разработки рудниковъ въ Потози почти совпало съ открытіемъ усовершенствованнаго способа обработки руды ртутью.

⁴ Beer, *Allgemeine Geschichte des Welthandels*, II. 147. Ehrenberg, *op. cit.* II. 259.

Испанская колониальная политика была ошибочна, потому что она мало обращала вниманія на обработку земли или насажденіе какой-либо промышленности. Колонисты вывозили такіе естественные продукты ¹, какіе можно было получить безъ особеннаго труда, и направили всю свою энергію на разработку копей; разработка же копей не составляла монополіи правительства, но велась на началахъ частной предпріимчивости. Какъ ни были велики въ общемъ обороты, но во всякомъ случаѣ ², повидимому, они не представляли выгодной спекуляціи, и такъ или иначе, но отвлекали и капиталъ и трудъ отъ попытокъ развить другіе источники богатства въ колоніяхъ. Разработка рудниковъ въ обширныхъ размѣрахъ производилась такимъ способомъ, что приносила убытки мѣстному населенію ³ и заставляла предпринимателей доставать сильныхъ рабочихъ, организуя привозъ негровъ. Регулярную поставку отъ 4,000 до 5,000 негровъ въ годъ брали на себя то португальцы, то генуэзцы; испанцы, несмотря на всѣ ихъ недостатки, питали врожденное отвращеніе къ личному участию въ этой торговлѣ ⁴, и въ восемнадцатомъ столѣтіи ея овладѣли англійскіе купцы, которые перебили ее у французовъ. Мало прилагали полезнаго труда къ другимъ занятіямъ, кромѣ разработки рудниковъ, и вслѣдствіе этого колонисты зависѣли отъ метрополіи въ дѣлѣ снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ; они получали отсюда не только ткани и мануфактурные товары, но также и зерновые хлѣба ⁵. Разумѣется, они могли легко покупать эти товары на то серебро, которое добывали въ рудникахъ, но испанскія колоніи были бы гораздо сильнѣе, если бы онѣ пытались развить общіе источники ихъ богатства.

Колониальный рынокъ испанскихъ пищевыхъ продуктовъ былъ великъ, и это могло бы служить огромнымъ стимуломъ для развитія хлѣбопашества на полуостровѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, были

¹ См. списокъ въ J. de Veitia Linage, *op. cit.* Preface.

² Рѣшеніе Фуггеровъ въ 1531 году отказаться отъ плана колонизаціи въ Южной Америкѣ послѣ того, какъ они успѣли получить всѣ необходимыя для этого концессіи, обнаруживаетъ ихъ взглядъ на невыгоду помѣщенія капитала въ колониальныя дѣла. Häbler, *Die Geschichte der Fuggerschen Handlung*, 67.

³ Лероа Болье утверждаетъ, что притѣсненіе индѣйцевъ въ связи съ разработкой рудниковъ было очень преувеличено. *De la Colonisation chez les peuples modernes*, стр. 14.

⁴ J de Veitia Linage, *op. cit.* 159.

⁵ Martin Hume, *Spain*, 1479—1788, 84.

области, которыя имѣли возможность удовлетворять возростающему требованію ¹. Многіе участки въ Испаніи еще сохранили свое натуральное хозяйство, между тѣмъ какъ другіе не успѣли оправиться отъ опустошенія и уничтоженія населенія, причиненнаго войной. Колоніальныя требованія были такъ значительны, что вызвали быстрое повышеніе цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ; дѣлались большія закупки хлѣба на корнѣ ² купцами, которые старались вывозить его, и правительство рѣшило законодательнымъ путемъ предупредить возвышеніе цѣнъ. Весьма часто кортесы должны были возвышать максимальную таксу установленныхъ цѣнъ ³, но эти неудачныя усилія понизить ихъ сдѣлали менѣе выгоднымъ занятіе земледѣліемъ. Ему мѣшали еще и другія затрудненія; *mesta*, огромная организація овцеводовъ фермеровъ съ ея старинными привилегіями, не только препятствовала увеличенію хлѣбопашества на счетъ пастбищъ ⁴, но овцеводы пользовались своими правами перегонять стада и, такимъ образомъ, портили пахатныя поля фермеровъ, черезъ которыя проходили овцы во время ихъ большихъ передвиженій ⁵. Вообще законодательство кортесовъ такъ мало покровительствовало земледѣлію, что испанское хлѣбопашество извлекало незначительныя выгоды изъ огромнаго колоніальнаго спроса.

Тягостныя условія обработки земли и постоянный недостатокъ хлѣба и его дороговизна были одною изъ главныхъ причинъ того, что испанцы не могли воспользоваться выгодами обширнаго колоніальнаго рынка для сбыта прядильныхъ и другихъ мануфактурныхъ товаровъ. Правда, временно ихъ производство быстро расширилось; германскіе капиталисты поселились въ странѣ ⁶ и мануфактурное производство развилось въ значительной мѣрѣ; Куэнза и Севилья были центрами сукон-

¹ Карль V сдѣлалъ значительныя усовершенствованія въ Арагоніи, которыя приспособили большія пространства территоріи для земледѣлія, Martin Hume, *op. cit.* 85.

² Bernays, *Zur inneren Entwicklung Castiliens* in Quidde, *Deutsche Z. f. Geschichtswissenschaft* (1889). I. 404.

³ Naudé, *Getreidehandelspolitik*, 184.

⁴ Въ 1552 году церковныя и общественныя земли, на которыхъ было прекращено хлѣбопашество, обращены въ пастбища. Martin Hume, *op. cit.* стр. 85.

⁵ Naudé, *op. cit.* 201.

⁶ Они понадѣялись на либеральныя уступки Карла V. Lamprecht, *Deutsche Geschichte*, V. 479.

ной мануфактуры, а Валльядолидъ средоточіемъ шелковой промышленности, Кордова—кожаннаго производства и Толедо—производства оружія ¹. Иностраннѣй трудъ слѣдовалъ по пятамъ за иностраннѣмъ капиталомъ, но это новое развитіе промышленности было встрѣчено не особенно благосклонно; увеличеніе привлеченнаго ею населенія, казалось, было причиной скудости и дороговизны пищи; въ то же время цехи мелкихъ мастеровъ были противъ столь быстро возникшей капиталистической организаціи промышленности. Традиціонная политика страны покровительствовала законодательнымъ путемъ потребителямъ, и потому вновь развивавшіеся промыслы должны были бороться съ неблагоприятными условіями. Испанскіе рынки наводняли товарами, которые производились въ странахъ, гдѣ цѣны на нихъ были ниже ²; въ то же время запрещеніе экспорта ³, вмѣстѣ съ законами противъ роскоши ⁴, серьезно ограничивали спросъ на отечественную мануфактуру. Есть указаніе, что непродолжительное процвѣтаніе испанской промышленности стало приходить въ упадокъ уже въ царствованіе Карла V. Испанская система сохраненія привилегій и покровительства потребителямъ была одинаково невыгодна какъ для капиталистовъ-фабрикантовъ, такъ и для земледѣлія. *Hidalgos* обвиняли богатыхъ иностранцевъ во всѣхъ затрудненіяхъ, возникшихъ въ связи съ возвышеніемъ цѣнъ; національная гордость и предразсудки вступили въ союзъ съ національной нищетою; изгнаніе мавровъ было только однимъ изъ примѣровъ постояннаго нападенія на чужеземные элементы ⁵, пока невозможныя условія, въ которыя были поставлены какъ капиталисты, такъ и рабочіе, не заставили ихъ удалиться. Испанцы, несмотря на такой стимулъ, какъ колониальный спросъ, не смогли развить большое мануфактурное производство и не хотѣли допустить германцевъ и итальянцевъ занять ихъ мѣсто.

При такихъ обстоятельствахъ не трудно объяснить полную неудачу испанской металлической системы; если бы даже ко-

¹ Beer, II. 144. Häbler, *Die wirthschaftliche Blüte Spaniens*. Этотъ вопросъ возбудилъ много споровъ, но, повидимому, существовала тенденція преувеличивать продолжительность преуспѣянія Испаніи.

² Martin Hume, *op. cit.* стр. 84.

³ *Ib.* стр. 87.

⁴ Beer, *op. cit.* II. 145.

⁵ Martin Hume, *Year after the Armada*, стр. 220.

⁶ Martin Hume, *Spain, 1479—1788*, стр. 213.

ролевская династія пользовалась постояннымъ миромъ, то и тогда, при существовавшихъ экономическихъ условіяхъ, невозможно было бы удержать серебра на полуостровѣ и предупредить его выходъ въ торговое обращеніе.

Запрещеніе экспорта слитковъ никогда не примѣнялось безусловно, такъ какъ нѣкоторые германскіе и итальянскіе капиталисты пользовались дозволеніемъ ¹, которое разрѣшало имъ ихъ ограниченный вывозъ; но торговый балансъ Испаніи былъ въ такомъ критическомъ положеніи, что соблазнъ тайнаго вывоза слитковъ изъ страны, вѣроятно, былъ очень великъ. Масса драгоценныхъ металловъ новаго свѣта не доходила до испанскаго монетнаго двора, но попадала въ руки людей, которые хотѣли воспользоваться ими какъ капиталомъ и которые успѣвали перевезти ихъ въ Антверпенъ, Геную и другіе центры, гдѣ они могли найти выгодное помѣщеніе. Испанцы, своимъ строгимъ законодательствомъ въ интересахъ внутреннихъ потребителей, воспрепятствовали колоніальному спросу поощрять развитие земледѣльческихъ и промышленныхъ силъ своего полуострова. Постоянно возрастали затрудненія для содержанія ихъ флота и снаряженія ихъ армій; и такъ какъ ихъ торговля падала, то было очевидно, что они не воспользовались благоприятными обстоятельствами, при помощи которыхъ могли достигнуть большаго матеріальнаго преуспѣянія. Политика металлизма оказалась не практичной, ей совершенно не удалось поддержать военное могущество Испаніи и созданная ею колоніальная имперія сдѣлалась добычей народовъ съ болѣе пронырливымъ коммерческимъ умомъ.

121. Въ первой четверти семнадцатаго столѣтія казалось, что Голландія скоро достигнетъ безспорнаго положенія первенствующей державы не только въ европейскіхъ моряхъ, но также въ западной и восточной Индіяхъ. Она имѣла огромныя богатства; ея порты были главнымъ европейскимъ складочнымъ мѣстомъ рыбы и хлѣба; и торговля этими необходимыми припасами доставляла занятіе громадному коммерческому флоту, который далеко превосходилъ флоты всѣхъ средиземныхъ портовъ въ ихъ самое цвѣтущее время. Соединенныя Провинціи имѣли средства не только для того, чтобы обезпечить свою

Голландцы и флотъ.

¹ Bonn, *Spaniens Niedergang*, 182. Ehrenberg, *op. cit.* II. 223.

собственную независимость, но также и чтобы уничтожить государство Испаніи въ Остѣ-Индіи и въ Америкѣ.

Основы ихъ коммерческаго преуспѣянія были заложены глубоко, такъ какъ нидерландцы въ теченіе столѣтій заботливо старались, насколько возможно, воспользоваться своими источниками богатства и благопріятными условіями для торговли. Съ самыхъ раннихъ извѣстныхъ намъ историческихъ временъ Фландріи, она была знаменита своей промышленностью и особенно шерстяной мануфактурой, которая сосредоточилась около Брюге и Гента. Въ четырнадцатомъ столѣтіи города Брабанта, особенно Лувенъ, также отличались этой промышленностью; и хотя Дордрехтъ и Амстердамъ главнымъ образомъ занимались мореходствомъ и вывозомъ шерсти изъ Англіи, но и они постепенно развили мануфактурное производство и достигли значительнаго успѣха въ выдѣлкѣ сукна. Однако, только въ пятнадцатомъ столѣтіи нидерландцы сдѣлали болѣе быстрые успѣхи; и, благодаря различнымъ морскимъ и промышленнымъ преимуществамъ, Нидерландія во время Бургундской династіи, пользовалась чрезвычайнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Сѣверныя ея провинціи большею частью своего богатства были обязаны ловлѣ сельдей. Искусство соленія рыбы было весьма усовершенствовано въ Бирвлитѣ ¹ въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія; и голландцы съ большою энергіей посвятили себя рыбной торговлѣ, такъ что ихъ флоты собирали самую богатую жатву съ моря не только возлѣ своихъ береговъ, но и по берегамъ Англіи, Даніи и Балтійскаго моря. Такимъ образомъ они овладѣли продуктомъ общаго потребленія во всѣхъ христіанскихъ государствахъ и могли вести выгодную торговлю съ Германіей по Рейну и по морю съ Франціей, Испаніей и Португаліей. Хотя большая часть ихъ страны была мало пригодна для хлѣбопашества, но она была замѣчательно удобна для пастбища, и голландцы могли добывать не только шерсть, но и большое количество молочныхъ продуктовъ для вывоза. Такимъ образомъ, ихъ торговля была прочно основана на высокомъ качествѣ ихъ мануфактуръ и изобиліи продуктовъ земли и моря. Жители Амстердама имѣли возможность воспользоваться выгодами положенія ихъ города, сдѣлавъ его

¹ J. de Witt, *Political Maxims of the State of Holland* (1743 г.) стр. 22.

центромъ морской торговли между балтійскими землями и остальной Европой. Нидерландцы были вынуждены вывозить хлѣбъ изъ Пруссіи, Польши и Россіи для собственнаго потребленія и поэтому успѣли организовать большую фрахтовую торговлю, снабжавшую хлѣбомъ нуждающіяся страны Средиземнаго моря. Эта перевозка хлѣба изъ областей, которыя были тогда житницей Европы въ южныя страны, воздѣлывавшія другіе продукты, стала гораздо важнѣе нежели вся остальная торговля голландцевъ, взятая вмѣстѣ; голландцы успѣшно конкурировали съ городами Ганзы въ шестнадцатомъ столѣтіи и только послѣ паденія Антверпена они иногда имѣли поводъ опасаться перерыва этой торговли ¹. Въ теченіе всего семнадцатаго столѣтія и въ большей части восемнадцатаго столѣтія торговля хлѣбомъ продолжала быть главной основой всей голландской комерческой системы: до тѣхъ поръ пока эта торговля съ сосѣдними странами оставалась въ ихъ рукахъ, они могли сравнительно равнодушно ² относиться къ отдаленной міровой торговлѣ, а также и къ сохраненію колоній и факторій въ Америкѣ и въ Остъ-Индіи.

Голландская монополія Пряныхъ острововъ (Spice Islands), вызвавшая зависть другихъ націй въ семнадцатомъ столѣтіи, не составляла основы благосостоянія Соединенныхъ Провинцій, но являлась простымъ придаткомъ, который возникъ случайно подъ давленіемъ ихъ великой борьбы съ Испаніей. Строгости испанскаго управленія въ шестнадцатомъ столѣтіи и ихъ жестокости во время войны за независимость были серьезной преградой для торговли, а отчасти и для промышленности Фландріи и Брабанта. Искавшіе убѣжища жители этихъ областей эмигрировали на Сѣверъ, и Амстердамъ необыкновенно выигралъ вслѣдствіе паденія Антверпена. Этотъ городъ былъ

¹ Большая тревога чувствовалась въ 1611 г., когда Христіанъ IV Датскій увеличилъ налогъ на суда, проходившія черезъ Зундъ. Голландской торговлѣ угрожала опасность также въ 1622 г., когда испанцы старались возобновить свои сношенія съ ганзейскими городами въ Балтійскомъ морѣ; но голландцы потерпѣли непродолжительный ущербъ. Самыя серьезныя затрудненія причинилъ имъ Густавъ Адольфъ, когда установилъ шведское могущество на Балтійскомъ морѣ въ 1630 г. и отвлекъ хлѣбъ изъ Польши для комиссаріата своихъ армій. Naudé, *op. cit.* 348, 354, 360.

² Интересно сравнить у Адама Смита главу о различномъ употребленіи капитала съ практической дѣятельностью голландцевъ *Wealth of Nations* II. V.

главнымъ складочнымъ мѣстомъ для распредѣленія пряностей и другихъ цѣнныхъ продуктовъ, которые привозились въ Испанію и Португалію; и, несмотря на всѣ усилія направить эту торговлю на другіе пути, она продолжала обогащать купцовъ Соединенныхъ Провинцій. Они сумѣли воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, котораго испанцы были не въ состояніи оцѣнить; и полотняная мануфактура Голландіи получила значительный импульсъ, вслѣдствіе открывшагося для нея рынка въ испанскихъ колоніяхъ. Какъ арміи Наполеона снабжались англійскими мануфактурными товарами, такъ и Испанія была вынуждена покупать товары у націи ¹ купцовъ, которую она старалась угнетать. Однако, эта запрещенная, хотя и въ высшей степени выгодная, торговля была чрезвычайно ненадежна; и Филиппъ, конфисковавъ въ лиссабонскомъ портѣ ² пятьдесятъ голландскихъ кораблей, заставилъ амстердамскихъ купцовъ избрать болѣе предпримчивый путь, чтобы совсѣмъ не утратить этой отрасли торговли. Они рѣшили попытаться сами проникнуть къ источникамъ торговли пряностями и организовать экспедицію на востокъ, вмѣсто того, чтобы ограничивать свою энергію европейской торговлей.

Нѣкоторое время они продолжали преслѣдовать эту цѣль; они хотѣли открыть независимый путь по арктическимъ морямъ ³, хотя первое туда путешествіе (1594 г.) показало, какъ велики были представлявшіяся затрудненія; но въ 1595 г. они избрали южный путь и отправили флотъ черезъ мысъ Доброй Надежды, такъ что вступили въ непосредственное соперничество съ португальцами на водахъ, гдѣ послѣдніе установили свое верховенство. Четыре голландскихъ корабля, составляшіе ихъ первый остъ-индскій флотъ (1595 г.), прошли мадагаскарскимъ путемъ къ Явѣ; и хотя одинъ корабль пришлось имъ покинуть, при чемъ погибло много жизней, но предпріятіе было настолько успѣшно, что въ 1598 г. былъ отправленъ болѣе обширный флотъ и были основаны постоянныя факторіи въ Бантамѣ въ 1602 г. Составилось много товариществъ, кото-

¹ Rogers, *Holland*, 162.

² Saalfeld, *Geschichte des holländ. Kolonialwesens*, I. 10.

³ Rogers, *op. cit.* 173. Такая же попытка была уже сдѣлана англичанами, она открыла доступъ для торговли шелкомъ съ Персіей, но не для непосредственной торговли пряностями.

⁴ Bonnassieux, *Grandes Compagnies de Commerce*, 44.

рыя направили на востокъ свои флоты, но въ результатъ оказалось переполненіе рынка и нѣкоторыя изъ этихъ ассоціацій разорились паденіемъ цѣнъ ¹; однако въ 1602 г. различныя товарищества соединились въ одну компанію, получившую привилегію на торговлю, какъ бы монополизировавъ ее. Въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія эта компанія имѣла очень большой успѣхъ; факторіи, основанныя португальцами, были неспособны защищаться противъ голландцевъ ², и послѣдніе имѣли возможность поставить серьезныя препятствія на пути развитія остъ-индской торговли Англіи, которая обѣщала сдѣлаться ея страшною соперницей. Голландцы унаслѣдовали монополію на Пряныхъ островахъ, а также торговые сношенія португальцевъ съ Китаемъ и Японіей, между тѣмъ какъ полотняная мануфактура ³ давала возможность ея купцамъ экспортировать грузы, которые находили быстрый сбытъ на Востокъ ⁴.

Голландцы менѣе, чѣмъ португальцы или англичане, были склонны заниматься дѣлами восточной имперіи, однако они не могли отступить отъ нихъ совсѣмъ. Португальцы были вынуждены принять на себя эту политическую отвѣтственность, вслѣдствіе необходимости имѣть твердый базисъ для сопротивленія арабамъ. Голландцы вообще охотно устранялись отъ континентальныхъ владѣній и старались обезпечивать свои торговые привилегіи договорами съ туземными правителями, но они должны были поддерживать строгій территоріальный надзоръ надъ тѣми островами, гдѣ разводили пряности. Они платили около 3,330 фунтовъ ⁵ пенсіи туземнымъ правителямъ за уничтоженіе гвоздики и мускатнаго орѣха на другихъ островахъ и сосредоточили ихъ культуру въ Амбоинѣ, гдѣ имѣли возможность сами ее контролировать. Что касается ихъ остъ-индской торговли, то они не особенно ревностно заботились объ ея развитіи, и предпочитали ограничить ее такимъ образомъ, чтобы она давала имъ высокую прибыль ⁶.

¹ Beer, II. 180.

² Amboyna fell in 1605. Saalfeld, *op. cit.* I. 38.

³ Негапатамъ (Negapatam) былъ для нея складочнымъ мѣстомъ послѣ 1606 г. Beer, II. 181.

⁴ Ни португальцы, ни англичане не производили такихъ товаровъ, которые находили бы хорошій сбытъ, когда ихъ предлагали въ обмѣнъ на товары, доставляемые изъ Индіи.

⁵ Raynal, *Voyages*, I. 186.

⁶ Saalfeld, *op. cit.* I. 274. О политикѣ, преслѣдовавшей ограни-

Въ то время когда мы склонны осуждать эту ограничительную политику, намъ не слѣдуетъ закрывать глаза на тотъ фактъ который, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ доказываетъ мудрость этой политики. Голландія никогда не доводила себя до такого истощенія, какъ Португалія, увлеченная восточной торговлей и властью. Напротивъ, громадныя выгоды, доставшіяся на долю Голландіи отъ этой исключительной торговли, были капитализированы и съ пользой употреблены на другія коммерческія и промышленныя предпріятія какъ у себя дома, такъ и въ сосѣднимъ странахъ. Балтійская торговля хлѣбомъ и мѣхами постоянно улучшалась; ганзейскіе города были вполне вытѣснены голландцами, и голландцы вели большую и дѣятельную торговлю съ Швеціей и Россіей. Они проникли также въ Средиземное море и захватили большую часть той торговли, которую нѣкогда вели итальянцы. Венеціанское мореходство клонилось къ упадку, и голландцы приняли большое участіе въ торговлѣ съ Смирной и Левантомъ. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ они опередили англійскихъ купцовъ и, какъ кажется, главнымъ образомъ, потому что Голландія пользовалась изобиліемъ денегъ, которыя всегда можно было получить на новыя предпріятія, представлявшія въ перспективѣ умѣренную прибыль для помѣщеннаго туда капитала.

Въ то время когда торговыя сношенія голландцевъ такимъ образомъ распространялись во всѣ стороны, они не оставляли въ пренебреженіи и свои прежніе ресурсы. Производилась дѣятельная рыбная ловля и обратили вниманіе на тюлений и китовый промыслы, которыми сначала занимались бискайскіе китоловы ¹. Мануфактурная промышленность, эмигрировавшая изъ Фландріи, Германіи и позднѣе изъ Франціи съ успѣхомъ развивалась въ Голландіи, гдѣ она была основана на капиталистическихъ началахъ ², такъ что страна приобрѣла большую извѣстность своими превосходными мануфактурными

ченіе производства кофе, сахара и пр., см. *Ib.* 236. Также объ ограничительной политикѣ на мысѣ Доброй Надежды, Leroy Beaulieu, *Colonisation.* 89.

¹ Beer, II. 203.

² Pringsheim, *Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklung der vereinigten Niederlande im 17 und 18 Jahrhundert* въ Schmöler's *Forschungen* X. iii (1890), стр. 33. Давно основанные промыслы Голландіи продолжали свое производство какъ домашнія ремесла въ строгомъ подчиненіи гильдейскимъ правиламъ.

произведеніями. Кромѣ того, было обращено особенное вниманіе на земледѣліе; введено травосѣяніе, доставлявшее зимній кормъ, и хотя голландцы занимались садоводствомъ, какъ ревностные любители, но и оно въ не меньшей степени служило стимуломъ для выгодной торговли. Воздѣйствіе голландской торговли на голландскую промышленность привело къ замѣчательному развитію различнаго рода отечественныхъ источниковъ богатства.

Странная судьба тяготѣла надъ испанскими дѣлами, и особенно странно поступало правительство, играя въ руку провинціямъ, которыя были противъ него. Низкія ввозныя пошлины на товары, привозимые въ Испанію, были въ высшей степени выгодны для голландцевъ; точно такъ же была выгодна для нихъ эмиграція протестантовъ, изгнанныхъ изъ испанскихъ владѣній; эта политика еще и другимъ способомъ содѣйствовала окончательному благополучію Голландіи. Въ ноябрѣ 1596 г.¹ Филиппъ отказался отъ своихъ долговъ и вновь овладѣлъ заложенными имъ землями; этимъ онъ подорвалъ свой собственный кредитъ и въ то же время разорилъ итальянскихъ и германскихъ банкировъ, у которыхъ дѣлалъ займы, и освободилъ голландцевъ отъ ихъ соперниковъ въ такихъ выгодныхъ дѣлахъ. Денежный міръ Флоренціи получилъ ударъ, отъ котораго ему не легко было оправиться, въ то время когда Эдуардъ III и Робертъ сицилійскій не оправдали довѣрія Перуцци, и банкротство Филиппа разрушило финансовое владычество Фуггеровъ въ Антверпенѣ и Аугсбургѣ. Тогда Амстердамъ сталъ новымъ денежнымъ центромъ Европы, и въ немъ сосредоточились всѣ дѣла иностранныхъ банкировъ.

Этотъ рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ въ теченіе первой половины семнадцатаго столѣтія далъ возможность голландцамъ достигнуть высшаго преуспѣянія въ каждомъ отдѣлѣ экономической жизни. Они были въ зенитѣ своего преуспѣянія около 1649 г.; съ этого времени, хотя балтійская торговля, бывшая главнымъ источникомъ ихъ богатства, продолжала процвѣтать, они начали утрачивать свое положеніе руководящей расы; и соперники, которые подражали ихъ системѣ, стали успѣшными ихъ конкурентами. Французы при Кольберѣ развили свою промышленность и потому цѣнный сосѣдній ры-

¹ Rogers, *op. cit.* 187.

нокъ закрылся для голландскихъ мануфактуръ; скандинавы, подобно англичанамъ, завидовали захвату ихъ водъ голландскими рыбаками, и фактическая монополія голландцевъ была, наконецъ, уничтожена съ открытіемъ Зунда. Англійскій навигаціонный актъ 1651 г. былъ отчасти подсказанъ политическими соображеніями и желаніемъ отдѣлить вестъ-индскія колоніи отъ сообщенія съ приверженцами короля, но онъ также нанесъ сильный ударъ голландской торговлѣ и ослабилъ ихъ власть въ Сѣверной Америкѣ. Затѣмъ голландцы не могли сохранить своихъ интересовъ даже на Иберійскомъ полуостровѣ; ибо въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, когда возродилось португальское могущество подъ управленіемъ Браганцскаго дома (1640 г.), то оно принесло значительныя выгоды для Англіи и очень слабыя для Голландіи. Борьба голландской вестъ-индской компаніи за обладаніе Бразиліей была¹ бесполезна, насколько это касалось Голландіи, между тѣмъ какъ союзъ Карла II съ португальскимъ королевскимъ домомъ возстановилъ старинную дружбу и оказалъ существенныя выгоды въ смыслѣ усиленія морского владычества Англіи. Возрожденіе Португаліи и ея колоній было выгодно для англійскихъ капиталистовъ² и въ извѣстной степени содѣйствовало интересамъ англійской промышленности. Метуэнскій трактатъ указывалъ на успѣхъ англійскихъ купцовъ въ дѣлахъ ихъ соперничества съ голландцами за комиссіонную торговлю Португаліи и ея колоній.

Безсиліе голландцевъ обезпечить и удержать за собой преобладающее положеніе и всесвѣтное вліяніе являлось не слѣдствіемъ какой-либо экономической ихъ слабости, а скорѣе слѣдствіемъ ихъ политическаго темперамента и характера. Голландцы не достигли настоящей національной жизни, и можно почти безъ преувеличенія сказать, что „нидерландцы до 1795 года признавали не родину, а родной городъ“³. Сила ихъ гражданскаго патріотизма, сравнительно съ національнымъ, мѣшала имъ наилучше воспользоваться благопріятными обстоятельствами въ семнадцатомъ столѣтіи; они не успѣли въ этомъ не столько по недостатку средствъ, сколько вслѣдствіе отсутствія у нихъ

¹ Bonnassieux, *op. cit.* 74.

² Beer, II. 119, 133. Во время землетрясенія въ Лиссабонѣ потеря капитала англійскихъ купцовъ, говорятъ, были очень велика. *Ibid.* 121 примѣчаніе.

³ J. Blok, *Eene hollandsche stad in de middeleeuwen*, 1833. Preface.

воли; они не стремились развить колониальную имперію. Никакая другая страна не считалась такъ строго съ экономическими мотивами въ опредѣленіи направленія своей политики, какъ Голандія. Даже на ея борьбу за независимость имѣло огромное вліяніе желаніе освободиться отъ централизованнаго правительства и налоговъ, которыми австрійскій домъ обложилъ ея торговлю¹. Янъ де-Витъ, вождь купеческихъ королей, ясно защищалъ „миръ во что бы то ни стало“², какъ цѣль, на которую должна быть направлена ихъ дипломатія, такъ какъ всякая война одинаково принесетъ вредъ ихъ коммерческому флоту и его интересамъ. Голландцы не имѣли положительнаго идеала, которому было бы подчинено ихъ матеріальное богатство; у голландцевъ, какъ у финикіянъ древняго міра, торговля была не столько средствомъ для достиженія цѣли, сколько цѣлью самой по себѣ.

Если бы Голландія стремилась удержать свое положеніе мировой власти, то она имѣла для этого полную возможность и могла существенно усилить свое первенство между представителями западной цивилизаціи. Но она не была на высотѣ своего положенія; и въ то время, когда другія націи развивались и распространялись, она все болѣе и болѣе сосредоточивала свою энергію на той торговлѣ, которая находилась у нея подъ рукой. Богатство и процвѣтаніе Голландіи продолжалось почти до послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія, когда усовершенствованіе земледѣлія въ Англіи³ вмѣстѣ съ открытіемъ Одессы⁴, какъ новаго порта и новыхъ источниковъ вывоза изъ Америки, сдѣлали переворотъ въ торговлѣ съ хлѣбомъ. Много раньше статистики указывали на нѣкоторые признаки упадка ея богатства или ея морского значенія; она утратила всѣ притязанія управлять судьбами какой либо обширной территоріи. Дѣйствительно, ея правительственная система не давала возможности приняться съ успѣхомъ за такое дѣло; семь Соединенныхъ Провинцій были связаны вмѣстѣ требованіями общей защиты, но онѣ не сумѣли организовать дѣятельную административную систему. Хотя голландцы готовы были на огромныя

¹ Pringsheim, *op. cit.* О борьбѣ, возникшей по поводу *Congiegeld*, которая была возобновлена Карломъ V въ 1540 г., къ сильному ущербу торговли.

² Naudé, *op. cit.* 436.

³ Naudé, *op. cit.* 379.

⁴ *Ib.* 440.

жертвы въ нѣкоторые моменты жестокой необходимости, но они не были способны на постоянное и правильное подготовленіе для могущихъ возникнуть нуждъ ¹, и не имѣли средствъ вознаградить себя за потери и возвратить утраченное. Частный интересъ различныхъ городовъ и областей былъ достаточно силенъ, чтобы парализовать дѣятельность Адмиралтейства (Admiralty) и сдѣлать центральное правительство неэффективнымъ и продажнымъ ²; стѣснительная система управленія, принятая для Остъ-Индскихъ и другихъ компаній ³, была не въ состояніи удержать дѣйствительную власть надъ отдаленными колоніями. Португальцы продолжали поддерживать нѣкоторыя миссіонерскія стремленія Крестовыхъ походовъ, при организаціи своей колониальной имперіи, испанцы сгорали ненасытной жаждой власти, голландцы же намѣренно ограничивали свою энергію весьма узкой сферой; и такъ какъ они не стремились къ прогрессу, то и были не способны удержать того, чѣмъ обладали. Невозможно одержать побѣды надъ энергичными соперниками, оставаясь всегда въ оборонительномъ положеніи, и голландцы были вынуждены уступить по частямъ тѣ выгоды, которыя они когда-то обезпечили за собой ⁴.

¹ А. Т. Mahan, *The Influence of Sea Power upon History*, 68.

² Pringsheim, *op. cit.* 2, 3. Слѣдствіе, произведенное въ 1685 году, показало, что должностные лица Адмиралтейства позволяли безпрепятственно провозить контрабандой цѣлые грузы, не смѣя раздражать городскія власти, которыя были заинтересованы въ этомъ. Самыя важныя должности продавались за деньги неспособнымъ людямъ; во времена кризисовъ часто нельзя было найти должностныхъ лицъ; бухгалтерія велась небрежно; всѣ отчеты были въ безпорядкѣ. Не было ничего похожего на объединенный таможенный уставъ. Вообще, центральное правительство не имѣло своихъ чиновниковъ, для исполненія его указовъ, приведеніе въ дѣйствіе которыхъ поручали провинціальнымъ и городскимъ должностнымъ лицамъ, а они считали своимъ долгомъ ставить интересы своей провинціи или своего города, выше общихъ интересовъ всей страны. О веденіи компанейскихъ дѣлъ, за границей сравн. Stavorinus, *Voyage to the East-Indies*, I. 278, также III. 475.

³ Примѣчанія Wilcocke'a къ его переводу Stavorinus'a, *op. cit.* I. 89. Leroy Beaulieu, *De la Colonisation chez le peuples modernes*, 79.

⁴ Весьма интересна параллель между Англіей и Голландіей, особенно въ связи съ исторіей попытокъ введенія Свободной Торговли. Однако надо замѣтить, что Англійское чувство государственности и рвеніе къ расширенію владѣній, отсутствовало у голландцевъ. Кромѣ того, англійская торговля не была основана на выгодахъ обезпеченныхъ договоромъ и не имѣетъ того исключительнаго характера, который сдѣлалъ торговлю голландцевъ предметомъ зависти другихъ народовъ.

122. Политики послѣдней четверти семнадцатаго столѣтія, пытаясь проникнуть въ будущее цивилизованнаго міра, видѣли въ возраставшемъ развитіи Франціи опасность для другихъ націй. Военныя силы Людовика XIV внушали страхъ современникамъ, а воздвигнутый имъ дворецъ въ Версали даетъ послѣдующимъ поколѣніямъ нѣкоторую идею о величіи этого монарха. Могущественная внутри, французская монархія, повидимому, могла въ каждый моментъ установить свое вліяніе на самыя отдаленныя части земного шара, ибо она обезпечила себѣ положеніе въ Индіи и начала основывать рядъ поселеній на Антильскихъ островахъ и по берегамъ рѣкъ Сѣверной Америки—Миссиссипи и св. Лаврентія. До половины восемнадцатаго столѣтія казалось вѣроятнымъ, что Франція въ концѣ концовъ унаслѣдуетъ тѣ территоріи, которыя стали доступны европейцамъ въ вѣкъ открытій. Но эти ожиданія были ошибочны: Франція никогда не приобрѣла большой колоніальной власти, и если мы оглянемся назадъ, то будемъ въ состояніи прослѣдить нѣкоторыя причины, объясняющія, почему она, не смотря на всѣ свои богатые средства и пылкое національное самолюбіе, не могла извлечь всего, что было можно, изъ тѣхъ благоприятныхъ случайностей, которыя представлялись ей въ семнадцатомъ столѣтіи.

**Французы и
внутреннее
развитіе.**

Легко, но мало понятно, сказать, что, французы не одарены геніемъ колонизаторовъ; рассматривая дѣятельность такихъ піонеровъ, какъ Картье или Шамплень, или читая о предпримчивости бретонскихъ рыбаковъ и нормандскихъ купцовъ¹, мы чувствуемъ, что тамъ были обильные элементы для основанія и учрежденія сильныхъ поселеній въ отдаленныхъ странахъ. Религіозные ордены на Западѣ и военные вожди, подобно Дуплексу, на Востокѣ, указывали на такое ихъ умѣнье обращаться, съ туземнымъ населеніемъ, какое обнаруживали немногіе англичане; и процвѣтаніе французскихъ колоній подъ тропиками—на Антильскихъ островахъ и о. Маврикія—доказываетъ, что у извѣстной части этой націи была врожденная способность успѣшно приводить въ исполненіе подобныя предпріятія.

Недостатокъ заключался не столько въ геніи народа, сколько въ обычаяхъ его политической и экономической жизни, сложившейся въ продолженіи многихъ лѣтъ. Возрожденіе фран-

¹ Gaffarel, *Les Colonies Françaises*, p. 80.

цузской промышленности и торговли при Карлѣ VII и Людовикѣ XI совершилось, благодаря дѣятельности короля и правительства; при этихъ монархахъ французы, вмѣсто личной инициативы, научились полагаться на указанія и поощренія короля, и, повидимому, Францискъ I въ немалой степени былъ отвѣтственъ за ложное направленіе, которое онъ сообщилъ французскому національному честолюбію. Его глаза были устремлены на Италію, онъ жаждалъ получить итальянскія владѣнія и его идеи были окрашены воспоминаніями объ итальянскомъ величіи. Новый міръ открывался; моряки Руана и Діеппа¹ соперничали съ португальцами на африканскомъ берегу и съ испанцами въ Америкѣ; но Францискъ I не заботился объ этомъ. Онъ поощрялъ и оживлялъ умиравшую Левантскую торговлю южныхъ портовъ² и въ продолженіе его царствованія городъ Ліонъ сдѣлался центромъ обширной торговли предметами роскоши³. Громадные дворцы, превосходящіе дворцы Флоренціи и Венеціи, были построены въ Парижѣ и во всей странѣ, или королемъ или дворянствомъ, которое подражало ему. Франція начинала быть руководительницей моды и вкуса, и это первенство осталось за ней навсегда. Хотя интересы ввозной и отечественной промышленности, были отчасти враждебны другъ другу, но во времена Франциска I часто повторялись усилія насадить мануфактуру парчи, стекла, шелка и обоевъ, такъ что король и дворъ могли снабжать себя отечественными, а не привозными продуктами. Франція по своей природѣ была самодовольствующею страной, независимой отъ другихъ странъ, въ смыслѣ жизненныхъ потребностей; задачей политики ея короля было сдѣлать ее такою же независимой и въ смыслѣ художественныхъ продуктовъ⁴; вообще, послѣдующіе правители продолжали поощрять эти отрасли индустріи, которая вначалѣ развилась, благодаря импульсу, сообщенному ей Францискомъ I.

Въ кровавой борьбѣ, вызванной войнами Лиги, Франція еще разъ была также опустошена, какъ во время тридцатилѣтней войны; и поэтому ея государственные люди вынуждены были сосредоточить всю свою энергію на исправленіи опустошеній, причиненныхъ этой кровавой борьбой; они не могли се-

¹ Pigeonneau, II. 45.

² *Ib.* II. 121.

³ *Ib.* II. 28.

⁴ *Ib.* II. 58.

рѣзко взятыя за дѣло колонизаціи или соперничать за торговое могущество въ то время, когда въ отечествѣ господствовала такая страшная общественная рознь. Генрихъ IV былъ король, искренно поставившій себѣ задачу оживить внутреннее благосостояніе страны, и экономическая жизнь Франціи снова была восстановлена королевской инициативой. Въ лицѣ Сюлли корона имѣла финансоваго совѣтника съ блестящими способностями, который ввелъ реформы въ систему государственнаго фиска и сильно облегчилъ тяжесть плательщикамъ налоговъ; въ то же время онъ настолько увеличилъ доходъ, что Генрихъ могъ заняться новыми промышленными экспериментами и предпринять важныя общественныя работы. Во всемъ этомъ корона могла положиться на помощь Оливье де Серра (Olivier de Serres) и Ляффема, которые были авторитетами въ дѣлѣ научнаго земледѣлія и развитія торговли и промышленности. Генрихъ IV, во время немногихъ лѣтъ своего безспорнаго господства, не всегда соглашался съ взглядами каждаго изъ этихъ соревновавшихся ученыхъ, но онъ положилъ основаніе тому систематическому развитію внутреннихъ ресурсовъ, благодаря которому французская монархія должна была достигнуть величайшей славы.

Самымъ важнымъ его дѣломъ было развитіе внутренней торговли¹, благодаря улучшенію рѣчныхъ путей и устройству каналовъ; онъ истратилъ огромныя суммы на исправленіе дорогъ и постройку мостовъ, что облегчило перевозку хлѣба; онъ также сдѣлалъ много для уничтоженія провинціальныхъ ограниченій, которыя до тѣхъ поръ стѣсняли торговлю хлѣбомъ. Это уже само по себѣ дало рѣшительный импульсъ земледѣлію; было сдѣлано все возможное для поощренія дворянства селиться въ ихъ помѣстьяхъ, и *Théâtre d'Agriculture* Оливье де Серра служилъ для нихъ самымъ полнымъ указаніемъ лучшихъ методовъ для веденія хозяйства въ ихъ помѣстьяхъ. Однако представлялось много препятствій на пути къ этимъ улучшеніямъ; нельзя было надѣяться, чтобы крестьяне добровольно согласились примѣнять улучшенные методы, и потому казалось благоразумнымъ сохранить до нѣкоторой степени натуральное хозяйство *по системѣ половничества*² (*metayer system*)—такъ чтобы вліяніе собственника, какъ заинтересованнаго лица,

¹ Fagniez, *L'économie sociale de la France sous Henri IV*, 182.

² J. S. Mill, *Political Economy*, кн. II. с. VIII.

могло непосредственно воздѣйствовать на способы обработки земли¹. Система домохозяйства, служившая практическимъ препятствіемъ капиталистическому хозяйству, сохранилась во Франціи; но сеньориальныя власти не могли имѣть воспитательнаго значенія для крестьянъ или служить примѣромъ, вводя новые методы обработки земли и другія земледѣльческія улучшенія.

Условія промышленной жизни въ шестнадцатомъ столѣтіи вызывали много жалобъ и дѣйствовали могущественныя силы, требовавшія установленія цеховъ въ Ліонѣ² и другихъ городахъ по образцу парижскихъ *corps de métiers*. Генрихъ IV, руководясь принципами Ляфемá, организовалъ промышленную систему во всей странѣ, на весьма опредѣленныхъ началахъ. Допущенныя исключенія явились слѣдствіемъ непосредственнаго дѣйствія королевской власти, при чемъ были созданы различные цехи мастеровъ, не бывшихъ въ ученіи; корона также пользовалась своею властью, раздавая спеціальныя патенты изобрѣтателямъ, назначая ремесленниковъ ко двору, и собирая огромное число рабочихъ въ Луврѣ, гдѣ они были свободны отъ вмѣшательства *corps de métiers*³. Эти вмѣшательства вмѣстѣ съ строгостью системы были не популярны и едва ли полезны; но существовала общая тенденція усилить власть богатой олигархіи въ каждомъ ремеслѣ⁴, и такимъ образомъ, сохраняя средневѣковыя формы, облегчить введеніе въ промышленность капиталистической организаціи. Какъ бы мало удовлетворительна ни казалась эта система, при взглядѣ назадъ, но при помощи покровительственныхъ законовъ, она сильно содѣйствовала развитію отечественныхъ ремеселъ; въ то же время значительными усиліями Генриха IV была основана шелковая мануфактура⁵ въ новыхъ областяхъ, и введена мануфактура бумажныхъ матерій⁶.

¹ Представлялась альтернатива дозволить крестьянству арендовать за деньги землю, но введеніе этой системы привело бы къ разбогаченію двухъ классовъ, заинтересованныхъ въ землѣ, и увеличило бы число, какъ не живущихъ въ имѣніи помѣщиковъ, такъ и не развитыхъ хлѣбопашцевъ.

² Hauser, *Ouvriers du temps passé*, 129.

³ Hauser, *op. cit.* 127.

⁴ Богатая олигархія была главнымъ орудіемъ для достиженія усиленной регламентаціи производства. Hauser, *op. cit.* 127.

⁵ Fagniez, *op. cit.* 105 fol.

⁶ *Ib.* 142.

До какой степени матеріальное благосостояніе Франціи находилось въ дѣйствительной зависимости отъ королевской власти стало очевиднымъ, когда Генрихъ IV¹ погибъ отъ кинжала Равальяка. Въ правленіе Маріи Медичи возобновились многія прежнія неурядицы; но когда Ришелье взялъ на себя бразды правленія, онъ вновь укрѣпилъ свѣжею силой промышленную политику Генриха IV². Онъ настолько вѣрилъ въ ресурсы страны, что сознательно стремился къ развитію государственнаго и торговаго мореходства³, такъ что Франція могла надѣяться конкурировать съ Голландіей и Англіей въ дѣлѣ торговаго первенства и колониальной власти. Но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ онъ не достигъ успѣха, на который рассчитывалъ; были организованы большія торговые компаніи, въ подражаніе голландцамъ⁴; но финансисты, которые вносили свои капиталы, не обладали тѣмъ практическимъ умѣньемъ⁵, которое было необходимо для успѣшнаго веденія этихъ торговыхъ предпріятій на Балтійскомъ морѣ, или въ другихъ пунктахъ, гдѣ уже основались голландскіе купцы⁶; французская корона раздавала привилегіи и полномочія; но отеческія заботы, регулировавшія существующую промышленность не могли вызвать къ жизни несуществующую торговлю⁶. Относительная неудача усилій французовъ въ дѣлѣ колонизаціи отчасти зависѣла отъ плохой администраціи, а отчасти отъ другихъ причинъ. Эти піонеры, въ противоположность голландцамъ, были проникнуты сильнымъ чувствомъ національной миссіи и судьбы. Корона пожаловала имъ большія привилегіи, а нормандцы⁷ были предпримчивые моряки, но французы вообще не старались пересадить свою цивилизацію въ отдаленныя страны. Большой долей успѣха англійскія ко-

¹ Levasseur, *op. cit.* II. 151.

² D'Avenel, *Richilieu et la Monarchie absolue*, III. 167.

³ Bonnassieux, *Les grandes compagnies de commerce*, 166.

⁴ Опытные купцы были слишкомъ тѣсно связаны съ торговлей извѣстныхъ городовъ Руана, С. Мало или Рошели, чтобы приложить свою энергію къ такимъ предпріятіямъ, которыя касались всей вообще націи. Pigeonneau, II. 346.

⁵ Sargent, *The Economie Polity of Colbert*, 82.

⁶ „Un gouvernement peut utiliser et diriger un courant national; il ne peut ni le créer, ni l'arreter“. D'Avenel, *op. cit.* III. 217. Ср. также P. Masson. *Histoire du comerce français dans le Levant au XVII-me siècle*, p. 523.

⁷ Pigeonneau, *op. cit.* II. 442.

лоніи были обязаны тѣмъ эмигрантамъ, которые по той или другой причинѣ были недовольны условіями жизни въ своемъ отечествѣ. Пуритане, римскіе католики и квакеры одинаково были заинтересованы въ основаніи колоніи; эти колоніи служили потомъ убѣжищами для англичанъ, которымъ родина была непріятна. Но французъ недовольный своимъ социальнымъ строемъ не нашелъ бы для себя убѣжища въ Новой Франціи ¹, другіе же, которые были бы желанными поселенцами находили мало привлекательнаго въ эмиграціи. Піонеры начали основываться въ Монреалѣ, прежде чѣмъ Ришелье получилъ власть; и хотя онъ серьезно занялся этимъ дѣломъ и придумывалъ планъ за планомъ, но онъ не могъ привлечь правильнаго притока эмигрантовъ. Компаніи Новой Франціи ² и Антильскихъ острововъ ³ были призваны къ жизни и такимъ образомъ, наконецъ, были сдѣланы первыя серьезныя усилія для основанія французской колоніальной имперіи; разъ была сдѣлана эта попытка, колоніальное дѣло начали вести въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ поощряли торговыя сношенія, которыя были установлены нормандскими моряками съ Сенегаломъ ⁴ и формально овладѣли Мадагаскаромъ ⁵. Нѣкоторые изъ этихъ плановъ не осуществились вслѣдствіе недостатка капитала, а другіе потерпѣли неудачу отъ неудовлетворительнаго состоянія французскаго флота и вслѣдствіе недостаточнаго сообщенія колоній съ метрополіей ⁶. Издержки по учрежденію колоній были также очень велики, и придворные фавориты ⁷, рѣшившіеся добровольно на время покинуть отечество не всегда были людьми способными управлять судьбами возникавшей колоніи.

Ришелье съ его неограниченною вѣрой въ ресурсы Франціи ⁸ одобрялъ чистолюбивые планы, для осуществленія которыхъ у него не было достаточныхъ средствъ. Къ счастью для его отечества ему наслѣдовалъ человѣкъ съ болѣе ограничен-

¹ Колинъ старался основать колоніи гугенотовъ какъ въ Бразиліи, такъ и во Флоридѣ, но ни одна изъ этихъ попытокъ не увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Pigeonneau, *op. cit.* II, 329.

² Bonassieux, *op. cit.* 350.

³ Gaffarel. *Les Colonies françaises*, 206.

⁴ *Ib.* 20. Bonassieux, *op. cit.* 223.

⁵ Gaffarel, *op. cit.* 142.

⁶ D'Avenel, *op. cit.* III. 225.

⁷ *Séances et travaux de l'Acad. des Science Morales*, CXXII. (1884), стр. 482.

⁸ Pigeonneau, *op. cit.* II, 379.

нымъ честолюбіемъ, но изучившій всѣ тонкости этого дѣла, Когда Кольберъ принялъ на себя бремя государственныхъ финансовъ, онъ оказался замѣчательнымъ администраторомъ, и его реформы въ дѣлѣ собиранія налоговъ были весьма удачны. Но онъ слишкомъ вѣрилъ въ то, что административный механизмъ можетъ оказать благотѣльное вліяніе на промышленность и торговлю; въ нѣкоторыхъ случаяхъ его усилія ввести образцовыя мануфактуры оказывались не дѣйствительны; въ другихъ, его рѣшительныя попытки улучшить уже существующія мануфактуры также вызвали много затрудненій. Чрезмѣрное регулированіе и усиленная организація дурно вліяли на каждую отрасль промышленной жизни¹ и серьезно стѣсняли развитіе коммерческой предприимчивости, такъ какъ его мѣропріятія въ области сельскаго хозяйства не могли оживить земельной культуры² послѣ ущербовъ, понесенныхъ ею отъ фискальныхъ тягостей, наложенныхъ Ришелье. Усилія Кольбера вести промышленность по надлежащему пути оказались неудачны; экономическій деспотъ долженъ быть всевѣдущъ, а Кольберъ не былъ настолько проницателенъ, чтобы съ успѣхомъ играть роль Провидѣнія.

Едва ли какая-либо экономическая система могла бы успѣшно развиваться при обстоятельствахъ того времени; политическое честолюбіе не позволяло постоянно и систематически забо-

¹ „Къ несчастью для прогресса французской промышленности, государственная помощь и покровительство, особенно при деспотическомъ правленіи, неизбѣжно влекутъ за собой государственное вмѣшательство. Судя по характеру Кольбера, мы должны ожидать, что это вмѣшательство дойдетъ до крайнихъ предѣловъ при его режимѣ; что положеніе дѣлъ было именно таково вполнѣ доказываютъ его письма. Вотъ его точка зрѣнія на этотъ предметъ: „Относительно этого я хотѣлъ бы поставить васъ въ извѣстность, что единственное средство усовершенствовать нашу мануфактуру и установить хорошую систему нашей торговли это сдѣлать ихъ однородными, для чего нужно настанавать на фактическомъ приимѣненіи общихъ уставовъ. 1669 года, тѣмъ болѣе, что послушаніе легко и что въ концѣ концовъ рабочіе сами увидятъ въ этомъ свою дѣйствительную пользу“. Sargent, *Economie Polity of Colbert*, 50.

² Общая система Кольбера обусловила подчиненіе земледѣльческихъ интересовъ промышленнымъ, такъ какъ она стремилась пріобрѣсти большіе запасы хлѣба по низкимъ цѣнамъ для мануфактурнаго населенія. Было постоянное измѣненіе правилъ относительно торговли хлѣбомъ, согласуясь съ различными обстоятельствами въ разныхъ провинціяхъ и въ разное время года. Naudé. *Getreidehandelspolitik*, 39—58.

тяться объ экономическомъ развитіи. Политика Людовика XIV' всегда могла истощить великолѣпные ресурсы Франціи, а для искусственно построенной Кольберомъ экономической системы она были прямо разорительна. Напряженіе, вызванное внѣшней войной, обезсиливало ее съ одной стороны; между тѣмъ, какъ внутренняя политика по отношенію къ гугенотамъ нанесла серьезный ударъ нѣкоторымъ главнымъ центрамъ французской мануфактуры и уничтожила тѣ промыслы, на которые было обращено такъ много вниманія. Европа продолжала дрожать передъ планами Людовика XIV', но паденіе системы Кольбера сдѣлало великаго монарха безсильнымъ привести ихъ въ дѣйствіе. Правительственная инициатива и административная организація во всѣхъ отношеніяхъ оказались пагубными для Франціи; благодаря упорной честолюбивой цѣли управлять судьбами Европы, ея монархи пренебрегали благопріятными случаями прочно основаться въ Новомъ Свѣтѣ и мало поддерживали предпримчивыхъ людей, которые лелѣяли болѣе широкіе идеалы для своей родной страны. Самое ея богатство соблазняло ея государственныхъ людей довольствоваться сосредоточенной въ себѣ экономической системой; покровительственными мѣрами, направленными противъ чужестранцевъ, они старались поощрять широкое распространеніе всѣхъ родовъ отечественной мануфактуры; но они не видѣли необходимости обращать вниманіе на постоянное благосостояніе земледѣльцевъ, хотя это имѣло существенное значеніе для продовольственныхъ запасовъ, а также для снабженія пищей колонизаторскаго населенія. Система Кольбера едва ли имѣла шансы на успѣхъ, и ея совершенный упадокъ тѣмъ не менѣе служить новымъ доказательствомъ того, какъ бываютъ велики экономическія затрудненія, съ которыми приходится считаться даже дальновидному абсолютному правителю.

123. Спустя двѣсти лѣтъ послѣ установленія прямыхъ со-
Англійская общеній съ Остѣ-Индіей и открытія Новаго Свѣта
меркантиль- все еще ясно не опредѣлилась та форма, въ ко-
ная система. торой западная цивилизація будетъ содѣйство-
 вать ихъ успѣху. Въ восемнадцатомъ столѣтіи этотъ вопросъ
 былъ рѣшенъ по крайней мѣрѣ для нашего времени.

Англія вытѣснила Францію изъ ея сильной позиціи, какъ на Востокъ такъ и на Западъ, и стала главной наслѣдницей конкурентовъ, изъ которыхъ каждый поочереды доказалъ свое

неумѣнье удержать за собой вліяніе на эти отдаленныя страны. На Востокъ португальцы уступили голландцамъ, голландцы оказались неспособными подняться до высоты своего положенія; а французы упустили благопріятный случай занять ихъ мѣсто. Англіи посчастливилось воспользоваться открывавшимся передъ ней удобнымъ случаемъ, хотя и не легко выяснить причину ея успѣха. Однако двѣ характерныя черты отличали Англію отъ ея соперницъ въ первой четверти семнадцатаго столѣтія; въ то время, когда она открывала значительный просторъ для личной энергіи, въ ней какъ въ націи существовала вмѣстѣ съ тѣмъ солидарность національнаго чувства и народный энтузіазмъ требовалъ созданія морской силы; „ея подданные въ продолженіи большей части царствованія Елизаветы занимались тѣмъ, что доказывали своей королевѣ пользу мореходства“¹, и плохая администрація морской службы въ царствованіе Іакова I и Карла I, помимо существеннаго къ ней интереса, не только привела Стюартовъ къ несогласіямъ съ ихъ парламентами, но косвенно имѣла рѣшающее вліяніе на исходъ гражданской войны². Государственная казна своими обширными и разумными тратами³ на мореходство дѣйствительно удовлетворяла широко развитому народному честолюбію; ничего подобнаго не было ни въ Голландіи, ни во Франціи. И дѣйствительно можно сказать, что корона и государство скорѣе повиновались національной склонности къ этому политическому честолюбію, чѣмъ управляли имъ; повидимому, власти не было необходимости стремиться вызывать англичанъ на колоніальныя или торговыя предпріятія. Торговый интересъ и любовь къ личнымъ приключеніямъ широко господствовали въ Англіи. Отъ правительства по временамъ требовали контроля и покровительства новымъ предпріятіямъ, но не инициативы. Этотъ сильный духъ предпріимчивости терпѣлъ отъ недостатка средствъ для приведенія въ исполненіе его плановъ; Англія въ семнадцатомъ столѣтіи не имѣла ни такого обширнаго торговаго флота⁴, ни такого обилія капиталовъ, какъ Голландія. Но даже въ смыслѣ денежныхъ ресур-

¹ Oppenheim, *A. History of the Administration of the Royal Navy* 1509—1600, стр. 115.

² *Ib.* 240—243.

³ *Ib.* 303.

⁴ Oppenheim, *op. cit.* 307.

совъ, англійскіе подданные были поставлены въ лучшія условія, чѣмъ англійская корона. Большія инженерныя сооруженія во Франціи производились на королевскій счетъ; но въ Англіи такія общественныя работы, какъ дренажное осушеніе Кембриджскихъ болотъ или Хотфильдъ Чеза, были ввѣрены попеченію мѣстныхъ или частныхъ предпринимателей¹. Повидимому, тайна окончательнаго успѣха Англіи заключалась въ сильной личной предпримчивости англичанъ и въ ихъ глубоко-комъ патріотическомъ чувствѣ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что Англія не страдала отъ той особенной политической слабости, которая имѣла дурное вліяніе на Голландію; партикуляризмъ различныхъ городовъ и провинцій лишилъ дѣйствительнаго авторитета администрацію², и препятствовалъ развитію такихъ патріотическихъ чувствъ, какими были проникнуты всѣ классы англичанъ. Первые поселенцы въ Виргиніи ревностно старались распространить сферу англійскаго вліянія и англизировать часть Новаго Свѣта³, а англійскіе моряки гордились попыткой собственными силами оказывать сопротивленіе такимъ ихъ наслѣдственнымъ врагамъ, какъ испанцы и французы. Предпримчивость голландцевъ въ основѣ была чисто торговая; у голландскихъ купцовъ не было честолюбивыхъ стремленій управлять другими странами, они заботились только о своихъ торговыхъ интересахъ. Но хотя комерческая выгода и составляла главный мотивъ ан-

¹ Въ концѣ среднихъ вѣковъ личная предпримчивость пользовалась значительной свободой, такъ какъ тормозившіе ее ремесленные цехи были сильно ограничены. Городскія власти ревностно сдерживали власть этихъ цеховъ, и парламентъ въ пятнадцатомъ столѣтіи слѣдовалъ той же политикѣ. Въ царствованіе Елизаветы цехи на практикѣ исчезли, такъ какъ промышленное законодательство стало національнымъ, и хотя эта новая система намъ кажется слишкомъ суровой, однако она была сравнительно мягкой. Палата общинъ относилась враждебно ко всякой попыткѣ Стюартовъ учредить дѣйствительный контроль надъ нѣкоторыми отраслями промышленности введеніемъ привилегій. Свобода какъ индивидуальной, такъ и общественной предпримчивости согласовалась съ привычками и учрежденіями народа; ту и другую нельзя было принудить придерживаться одной формы, и при такихъ условіяхъ не было основаній вводить стѣснительную администрацію въ англійскихъ колоніяхъ.

² Англійское морское управленіе часто отличалось своей продажностью, но голландская система была такъ сложна, что неизбѣжно становилась недействительной. Oppenheim *op. cit.* I. 305.

³ John Smith, *Advertisements*, с. 14, въ *Works*, стр. 957. Hakluyt's *Voyages*, III. 302.

гліійской колоніальной дѣятельности, однако онъ былъ не на столько исключительнымъ, чтобы сузить надежды и идеалы вождей этого движенія.

Точно также было большое различіе въ характерѣ направленія экономической политики Франціи сравнительно съ Англіей. Сильно централизованная система регулированія, господствовавшая во Франціи, давала возможность королямъ и ихъ совѣтникамъ оказывать необыкновенное вліяніе; вкусы и честолюбіе французскихъ монарховъ давали особенное, но не удачное, направленіе промышленному развитію; англійское же правительство было болѣе готово слѣдовать указаніямъ и совѣту англійскихъ купцовъ. Потребности двора направили французскую энергію на мануфактуру предметовъ дорогой роскоши; и хотя англійскій дворъ могъ удивляться французскому вкусу и пользоваться французскими товарами въ періодъ Реставраціи, но это не могло направить индустріальную энергію по тому же руслу и отклонить ее отъ другихъ ремеслъ. Въ Англіи національное честолюбіе, которое каждый монархъ принималъ за свое собственное, совпадало съ интересами торговаго класса; въ то же время короли стали осторожнѣе относиться къ капиталистамъ, къ которымъ имъ приходилось по временамъ обращаться за помощью; такимъ образомъ, тѣсный союзъ между монархіей и купцами постепенно становился еще тѣснѣе. При такихъ обстоятельствахъ выработалась схема экономической политики, которая въ главныхъ своихъ чертахъ господствовала въ англійскомъ законодательствѣ и въ ея администраціи въ продолженіе болѣе двухъ столѣтій. Было ясно, что Англія, въ интересахъ своей защиты и нападенія, должна достигнуть успѣха въ дѣлѣ соперничества съ другими націями только при помощи мореходнаго искусства; въ то же время главный доходъ короны вполнѣ зависѣлъ отъ налоговъ, и потому правительство было вынуждено, въ своихъ собственныхъ интересахъ, заботиться не только о развитіи мореходства, но также и объ улучшеніи земледѣлія. Политика, придуманная для Англіи, примѣнялась въ болѣе широкихъ размѣрахъ, по мѣрѣ того, какъ новыя земли прибавлялись къ ея владѣніямъ, и являлась возможность управлять ими, какъ частью своей территоріи.

Направленіе этой экономической политики, сохранившейся въ продолженіи всего семнадцатаго и большей части восемнадцатаго столѣтія, ясно обнаружилось въ періодъ царствованія

Елизаветы, то-есть, гораздо раньше чѣмъ Англія имѣла какія-либо притязанія на колоніальную имперію. Берлей употреблялъ всѣ усилія развить морское могущество Англіи; моряки и морская промышленность, необходимая для заготовокъ принадлежностей морского арсенала, постоянно занимали его мысли. Сильная навигаціонная политика могла бы создать на время флотъ, но его цѣлью было усилить ресурсы, изъ которыхъ можно было постоянно получать въ будущемъ все необходимое для морского дѣла. При всѣхъ привительственныхъ перемѣнахъ, отъ Тюдоровъ до Ганноверскаго дома, не было періода, когда бы теряли изъ виду необходимость сохраненія морскихъ силъ страны, но требованія системы полученія дохода не позволяли жертвовать интересами сельскаго хозяйства ради торговли. Послѣ Генриха VIII корона находилась въ большой зависимости отъ согласія парламента на обыкновенные расходы правительства, и налоги главнымъ образомъ лежали на землевладѣльцахъ; въ непосредственныхъ интересахъ администраціи было важно, чтобы плательщики получали большіе доходы, изъ которыхъ они могли бы уплачивать налогъ; но этого можно было вполнѣ достигнуть только при условіяхъ выгоднаго земледѣлія ¹. Фискальныя соображенія придавали болѣе убѣдительности аргументамъ тѣхъ, кого тревожило всякое движеніе, направленное ко вреду сельскаго населенія. Употребляли усилія съ цѣлью поощрять воздѣлываніе земли и заставляли мелкихъ дворянъ жить въ своихъ помѣстьяхъ; были одобрены планы для устройства насыпей около моря и рѣкъ, протекавшихъ по низменнымъ мѣстностямъ, съ цѣлью увеличить производительную площадь страны.

Объ англійскихъ колоніяхъ въ сѣверной Америкѣ обыкновенно говорили какъ, о „плантаціяхъ“, повидимому, желая этимъ сказать, что на нихъ смотрѣли, какъ на продолженіе Англіи ²; къ нимъ относились не какъ къ отдѣльнымъ цѣлымъ, а какъ къ частямъ одного цѣлага, къ которымъ бы можно было

¹ Статутъ Елизаветы объ ученикахъ видимо даетъ преимущество интересамъ земледѣлія и занятіямъ, которыя съ нимъ связаны, передъ городской промышленностью. Это весьма ясно отличаетъ англійскую систему отъ системы Кольбера. Развитие овцеводства на счетъ обработки земли всегда считали политически опасной системой, и хлѣбный актъ 1689 г. (the Corn Bounties Act) поощрялъ интересы земледѣлія. Naudé, *op. cit.* III, 121.

² Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, II, 144.

примѣнить общіе принципы экономической системы. Территорія открытая Кабо и побережье, присвоенное Англіей, не представляли особенныхъ удобствъ ни для торговли, ни для разработки рудниковъ, но страна была замѣчательно удобна для веденія сельскаго хозяйства, а моря для рыбной ловли; такимъ образомъ можно было осуществить планъ развитія сельскаго и морскаго богатства въ этомъ новомъ районѣ. Въ сущности, въ царствованіе Елизаветы и Іакова осуществленіе этого плана шло чрезвычайно медленно; многія колоніи, основанныя въ семнадцатомъ столѣтіи отличались своимъ юридическимъ и политическимъ характеромъ. Но въ экономическомъ отношеніи онѣ были построены на одинаковыхъ принципахъ. Колоніи были въ сущности новой Англіей, которою слѣдовало управлять такимъ образомъ, чтобы увеличить всѣ ея ресурсы и чтобы Англосаксонская раса могла устоять въ борьбѣ съ другими мировыми державами.

Ограниченія правъ колонистовъ въ восемнадцатомъ столѣтіи приносили весьма существенный вредъ, и многіе затрудняются оцѣнить истинный характеръ основныхъ принциповъ, которыми руководилась разрастающаяся имперія въ семнадцатомъ столѣтіи. Англійскія колоніи эксплуатировались не въ интересахъ своей метрополіи; это были территоріи, куда являлись англичане съ цѣлью основаться здѣсь и извлечь все возможное изъ той области, гдѣ они поселялись. Наложенныя на нихъ ограниченія находились въ связи съ однимъ основнымъ правиломъ, которое въ сущности и можно признать благоразумнымъ; колоніямъ препятствовали вступать во враждебное соперничество съ метрополіей ¹. Пока онѣ несли незначительные расходы или не принимали участія въ издержкахъ по защитѣ королевства, часть котораго онѣ составляли, казалось благоразумнымъ ставить препятствіе ихъ развитію въ томъ направленіи, которое стремилось уменьшить средства ихъ метрополіи. Въ связи съ этимъ принципомъ ограниченія содѣйствовали и ихъ саморазвитію, и чувствовалось, что ихъ преуспѣяніе увеличивало силы королевства ². Требовались тяжелыя усилія

¹ См. цитированныя мнѣнія G. L. Beer'омъ, *The Commercial Policy of England towards the American Colonies* въ *Columbia College Studies*, III, 366, также Cunningham, op. cit. II, 153.

² E. Lord, *Industrial Experiments in Colonial America* въ *John Hopkins University Studies* (1898), стр. 86.

для образованія колоній; много экспедицій жестоко пострадали, прежде чѣмъ преодолѣли предварительныя затрудненія и поселенцы стали въ независимое положеніе относительно привозныхъ припасовъ. Но мотивомъ англійской колонизаціи было не завоеваніе территоріи съ тѣмъ, чтобы получить доступъ къ ея минеральнымъ богатствамъ, какъ это дѣлали испанцы, а расширение площади, которую могли бы заселить англичане.

Англичане, подобно другимъ европейскимъ націямъ, въ Остѣ-Индіи стремились скорѣе къ торговлѣ, чѣмъ къ колонизаціи; существуютъ однако поразительные контрасты между ихъ политикой и политикой ихъ предшественниковъ. Англійская Остѣ-Индская компанія представляла нѣкоторымъ образомъ монополію; она пользовалась особенными территоріальными и юридическими привилегіями и ревниво относилась ко всякому постороннему соперничеству, но она не слѣдовала политикѣ голландцевъ и намѣренно ограничивала свою торговлю. Ея лондонскіе директоры настойчиво стремились заставить своихъ заграничныхъ агентовъ вложить свои капиталы въ индѣйскіе продукты для продажи ихъ въ Европѣ и многіе изъ ихъ служащихъ были сильно заинтересованы въ развитіи внутренней торговли въ Индіи¹. Голландцы надѣялись выиграть при помощи искусственныхъ стѣсненій, между тѣмъ какъ англійская компанія, напротивъ, поняла, что лучшее средство для полученія выгоды заключается скорѣе въ расширенія торговли, чѣмъ въ ея ограниченіи. Кромѣ того, англійскіе купцы съ теченіемъ времени далеко отступили отъ системы голландцевъ, такъ какъ приняли ту политику, которую Альбукеркъ намѣтилъ для своихъ соотечественниковъ. Они постепенно и осторожно распространяли въ большей и большей мѣрѣ территоріальную власть, считая ее лучшимъ средствомъ для обезпеченія за собой торговаго положенія, и не прибѣгая къ чрезвычайнымъ расходамъ для защиты своей торговли².

Въ предъидущемъ параграфѣ было указано, что распространенная торговля голландцевъ благопріятно воздѣйствовала на промышленность Соединенныхъ Провинцій; и англичане положили много труда, чтобы пожать такіе же плоды: благодаря

¹ Cunningham, *op. cit.* II, 247.

² Въ началѣ Англія повидимому гораздо болѣе, чѣмъ ея предшественники, заботилась о сохраненіи мира. Penny, *Fort S. Goerge, Madras*, стр. 34.

этому новому стимулу, съ большимъ успѣхомъ примѣнялась традиціонная система подъема благосостоянія страны. Необходимость поддерживать морскія сообщенія съ отдаленными странами давала выгодное занятіе англійскому торговому флоту, а колоніи доставляли новый рынокъ для англійскихъ мануфактуръ. Кромѣ того, были замѣтны стремленія изучать систему Кольбера и подражать его политикѣ; усилія парламента, вынужденнаго покровительствовать и развивать отечественную промышленность и вводить ея новыя отрасли, которыя могли бы удовлетворять собственнымъ нуждамъ націи, вмѣсто того чтобы покупать необходимые для себя товары заграницей, эти усилія отличаются въ принципѣ отъ той системы, которая была принята во Франціи, хотя часто они облекались въ иную форму. Англія извлекала большія выгоды въ концѣ семнадцатаго столѣтія, чему косвенно содѣйствовала Франція къ своему ущербу. Изгнаніе гугенотовъ привлекло къ берегамъ Англіи нѣсколькихъ работниковъ, которыхъ Кольберъ охотно бы удержалъ у себя; промышленныя искусства, которыми они занимались, перешли вмѣстѣ съ ними изъ Франціи въ Англію. Не придавая значенія національному самолюбію и оказавъ привѣтливый пріемъ чужеземцамъ-изгнанникамъ, англичане показали, что они хотятъ слѣдовать той политикѣ, которая столь обогатила голландцевъ.

Торговая система, принятая Англіей, насколько это имѣло отношеніе къ Остъ-Индской компаніи, едва ли могла прочно установиться, если бы англичане намѣренно не отстранились отъ системы денежнаго баланса, которой слѣдовала Испанія; вмѣсто этого, они примѣнили новый взглядъ на средства, при помощи которыхъ можно было лучше получить массу драгоценныхъ металловъ — этой силы войны. Англія не содержала рудниковъ золота и серебра и въ ея колоніяхъ не было драгоценныхъ металловъ; поэтому она могла только при помощи торговли пріобрѣтать денежные средства, и ея шерстяная торговля дала ей возможность получать большіе запасы серебра въ началѣ среднихъ вѣковъ. Государственные люди поняли, что торговлю можно регулировать такъ, что она будетъ привлекать постоянный приливъ серебра; они старались поощрять вывозъ англійскихъ продуктовъ въ тѣ страны, которыя имѣли мало товаровъ для обмѣна, будучи вполне увѣрены, что плата за эти вывезенные продукты будетъ произведена слитками

серебра; меркантилисты утверждали, что при благоприятномъ „торговомъ балансъ“ деньги должны притекать въ страну. Глубокое довѣріе къ этому принципу давало возможность англичанамъ оставить систему строгаго ограниченія вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, которая принесла столько зла Испаніи; англичане были не „бульонисты“*, а меркантилисты. Англичане въ нѣкоторой степени опередили ту цѣль, къ которой стремились, и не придавали прежняго значенія накопленію драгоцѣнныхъ металловъ; но необходимо замѣтить, что средства примѣнявшіяся ими для достиженія этой цѣли вполне согласовались съ постояннымъ расширеніемъ торговли, и что они замѣчательно успѣшно достигли того къ чему стремились¹.

Работая постоянно и медленно надъ развитіемъ морскихъ силъ, естественныхъ богатствъ и цѣлесообразной промышленности, Англія достигла высокаго матеріальнаго преуспѣянія и приобрѣла средства для морского и военнаго могущества. Обладаніе разнородными и великими богатствами дало ей возможность привлечь значительныя количества денегъ во время веденія торговли. Въ семнадцатомъ столѣтіи Англія представляла выгодное поприще для помѣщенія иностраннаго капитала; но вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея торговли все быстрѣе и быстрѣе увеличивалось образованіе капитала; интересы капиталистовъ начали брать перевѣсъ надъ интересами землевладѣльцевъ, и Англія изобиловала не только богатствомъ, но и драгоцѣнными металлами. Основаніе *Англійскаго банка* сообщило большой импульсъ возникновенію сильной системы кредита², такъ что, когда финансовое значеніе Амстердама начинало падать, Лондонъ скоро занялъ его мѣсто, какъ міро-

* Сторонники системы денежнаго баланса (отъ англ. слова *bullion*, слитокъ драгоцѣннаго металла).

¹ Cunningham, *op. cit.* II, 211.

² Это *оказалось* однимъ изъ величайшихъ преимуществъ Англіи въ борьбѣ съ Франціей. Система Ло повидимому внесла смѣшеніе въ обращеніе денегъ и капиталовъ (Levasseur, *Système de Law*, стр. 26); но увеличеніе и вынужденное обращеніе бумажныхъ денежныхъ знаковъ окончательно помѣшали осуществиться его ожиданіямъ и оживить экономическую жизнь Франціи. Связь банка Ло съ французскимъ правительствомъ была болѣе тѣсной, чѣмъ какая существовала между Англійскимъ банкомъ и его правительствомъ; неудача системы Ло непосредственно увеличила затрудненія французской короны.

вого денежнаго центра. Въ то время, когда Англія обезпечила за собой право управлять судьбой Индіи и Америки, у нея въ рукахъ оказались также и матеріальныя средства, чтобы оказывать на нихъ свое вліяніе.

Успѣхъ Англіи представляется менѣе поразительнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ тѣсно онъ былъ связанъ съ политическими условіями и экономической системой, которая опредѣлила цѣли цравительства и привычки народа. Англичане настигли и опередили своихъ соперниковъ не потому, что они были одарены спеціальнымъ для этого геніемъ, и тѣмъ болѣе не потому, что они были только баловнями фортуны, а потому что они оставались вѣрными сами себѣ и ревностно учились у своихъ сосѣдей. Они готовы были руководиться опытомъ другихъ, подражать ихъ успѣхамъ и пользоваться ихъ уроками при неудачѣ. Англія опеизпечила себѣ такое владчество на востокѣ, какого желалъ Альбукеркъ для Португаліи; и въ то же время ея внѣшняя торговля воздѣйствовала на ея внутреннее развитіе такимъ образомъ, что она поощряла земледѣліе, какъ выгодное занятіе для дворянъ-землевладѣльцевъ, и содѣйствовала мѣстной мануфактурѣ королевства. Эта практическая мудрость вмѣстѣ съ прочной экономической системой способствовали странѣ занять передовое мѣсто въ ряду европейскихъ націй. Франція была представительницей средневѣкового христіанства въ его борьбѣ съ мусульманствомъ на Востокѣ; но въ восемнадцатомъ столѣтіи Англія захватила первенство между развивавшимися національностями, и при посредствѣ народа, говорящаго на англійскомъ языкѣ, западная цивилизація распространилась въ новое время по всему свѣту.

КНИГА VI.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

ГЛАВА I.

I. Промышленная революція.

124. Въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія въ Великобританіи усиленно проявился геній изобрѣтательности. Быстро были введены многія улучшенія, и полезныя искусства, въ томъ видѣ, въ какомъ они практиковались съ незапамятныхъ временъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ совершенно измѣнились. Эта перемѣна была не только случайная, но, по крайней мѣрѣ отчасти, она явилась слѣдствіемъ того, что условія экономической жизни сдѣлались болѣе благопріятны для такой перемѣны, чѣмъ прежде. Вѣкъ географическихъ открытій подготовилъ путь для вѣка изобрѣтеній; Англія успѣла превзойти всѣхъ своихъ соперниковъ, изъ которыхъ каждый въ теченіе полутора столѣтія боролся съ ней за первенство въ свѣтѣ; ея преобладаніе доставило англійскимъ изобрѣтателямъ восемнадцатаго столѣтія необыкновенно благопріятныя условія, чтобы извлечь выгоду изъ своихъ талантовъ.

Голландія, бывшая главной экономической силой въ семнадцатомъ столѣтіи, уже перестала играть роль всесвѣтнаго перевозчика, и въ теченіе первой половины восемнадцатаго столѣтія ея мануфактурная промышленность утратила свое значеніе. Крайняя централизація власти во Франціи вредно воз-

дѣйствовала на всѣ отрасли промышленности и земледѣлія этой страны; она уничтожила инициативу народа и привела государство къ упадку. Англіійскій торговый флотъ усиливался, по мѣрѣ того, какъ голландскій приходилъ въ упадокъ, и открылъ отдаленные рынки для національныхъ производствъ, главнымъ образомъ для желѣзныхъ и текстильныхъ издѣлій. Остъ-Индія была готова принять неограниченные запасы бумажныхъ тканей; а европейскій континентъ и американскія колоніи находились въ большой зависимости отъ великобританскихъ шерстяныхъ товаровъ; мануфактурное производство можно было вести все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, безъ риска быть поглощеннымъ перепроизводствомъ, благодаря широко распространившемуся спросу. До тѣхъ поръ, пока торговля организовалась, какъ внутреннее городское дѣло, или пока она регулировалась старинными исключительными привилегіями на ограниченныхъ рынкахъ ¹, до тѣхъ поръ не могло существовать такихъ поводовъ для изобрѣтенія и введенія механическаго производства, какіе представлялъ міровой рынокъ.

Но еще болѣе, чѣмъ это: угольные копи Новаго Свѣта и успѣшная торговля съ Востокомъ доставили Англіи матеріальныя средства для образованія большихъ капиталовъ, которые теперь нашли себѣ приложеніе въ обращеніи. Между инженерами и механиками семнадцатаго столѣтія встрѣчались люди съ удивительной изобрѣтательностью, но они были стѣснены недостаткомъ капитала; ихъ планы не могли быть приведены въ исполненіе ². Въ восемнадцатомъ столѣтіи Лондонъ сталъ міровымъ денежнымъ центромъ, и явилась возможность рисковать продолжительными и дорогими экспериментами, которые часто были необходимы, чтобы сдѣлать выгоднымъ въ денежномъ отношеніи какое-либо механическое усовершенствованіе. Мы не унизимъ генія ³ Уатта и Аркрайта, если скажемъ, что они сумѣли воспользоваться всѣми благопріятными для нихъ условіями такимъ образомъ,

¹ Послѣ революціи 1688 года англійскія торговыя компаніи встрѣчали все больше затрудненій для сохраненія своихъ ограничительныхъ правъ. *Cunningham. Growth of Industry*, II. 282.

² Срав. проекты для улучшенія внутренняго сообщенія въ Англіи при помощи водныхъ путей. Даже въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія герцогъ Бриджуотеръ испыталъ величайшее затрудненіе, когда ему понадобились фонды для своего перваго предпріятія. *Smiles's Lives of Engineers*, I. 222.

³ См. ниже, Прибавленіе.

какъ раньше этого не дѣлалъ никто и никогда. Но если бы они жили при тѣхъ условіяхъ спроса на товаръ и снабженія капиталомъ, которыя существовали въ предыдущія столѣтія, то эти великіе изобрѣтатели пользовались бы только тѣмъ слабымъ уваженіемъ, которымъ грядущія поколѣнія отличали людей, опередившихъ свое время.

Выше было указано, что великія географическія открытія пятнадцатаго столѣтія явились результатомъ долгихъ и сознательныхъ усилій, направленныхъ къ ясно понятой цѣли. Нужно было организовать огромныя экспедиціи для плаванія по неизвѣстнымъ морямъ и установить дружественныя сношенія съ отдаленными монархами. Исслѣдователи должны были искать и прибѣгать къ покровительству королей и къ королевской инициативѣ; но механическія изобрѣтенія слѣдовали по иному пути. Совпаденіе двухъ явленій, а именно: распространеніе по всему свѣту спроса и огромный запасъ капитала, давали возможность скромнымъ и неизвѣстнымъ людямъ пробивать шагъ за шагомъ себѣ дорогу; политическій престижъ и выработанная организація нигдѣ такъ не были необходимы, какъ въ дѣлѣ колонизаціи; механическое искусство и личная изобрѣтательность получили наконецъ, право гражданства. Новая промышленная эра, вызванная къ жизни вѣкомъ открытій, представила свободное поле для личной предприимчивости и щедро вознаграждала ее. Обыкновенно говорятъ, что природныя богатства Англіи, заключавшіяся въ огромныхъ залежахъ угля, бокъ о бокъ съ желѣзными рудниками ¹, дали ей возможность далеко опередить

¹ Это преимущество Англіи, проистекавшее изъ ея естественныхъ источниковъ богатства, имѣло очень большое значеніе въ ея борьбѣ съ Франціей.

Уголь добывался во времена римлянъ, и въ семнадцатомъ столѣтіи существовала значительная торговля углемъ съ Лондономъ и другими иноземными странами. Но дорогая перевозка дѣлала невозможной разработку Ланкаширскихъ, Йоркширскихъ и Дербиширскихъ угольныхъ копей въ большихъ размѣрахъ, пока не были проведены каналы. Когда трудность плавленія желѣза при помощи угля была разрѣшена на практикѣ, такъ что плавленіе углемъ могло сдѣлаться предметомъ выгодной торговли, сильно увеличился спросъ на топливо и могли разрабатываться съ пользой новыя угольныя залежи. Но только изобрѣтеніе Уаттомъ паровой машины дало возможность Англіи извлечь такую сильную выгоду изъ ея минеральныхъ богатствъ, какой до тѣхъ поръ она никогда не имѣла. Торговля углемъ и желѣзомъ развилась совмѣстно и развилась съ необыкновенной быстротой; оба эти продукта требовались для постройки машинъ; уголь необходимъ былъ также для поддержанія

своихъ соперницъ не только въ торговлѣ, но и въ промышленно-сти; однако близость и богатство угольныхъ и желѣзныхъ рудниковъ сами по себѣ не имѣли значенія для ея полного успѣха; что же касается такихъ изобрѣтеній, какъ изобрѣтеніе Аркрайта, то для нихъ они не имѣли никакого значенія. Благопріятныя условія, которыми пользовались англійскіе фабриканты въ восемнадцатомъ столѣтіи и довѣріе къ индивидуальной предпримчивости, бывшее традиціоннымъ въ Великобританіи, служили немаловажными факторами, которые сдѣлали этотъ островъ міровой мастерской.

Промышленная революція пока нигдѣ не проявила своего полного вліянія; мы не можемъ разсматривать ее, какъ эру, законченную въ какомъ бы ни было смыслѣ даже въ одной какой-либо странѣ, между тѣмъ существуетъ много странъ, гдѣ начинается сказываться ея вліяніе. Однако, не можетъ быть сомнѣнія, что вводимые ею промышленные методы, рано или поздно, будутъ примѣнены болѣе или менѣе вполне въ каждой части земного шара. Нѣтъ ни одной территоріи, правители которой могли бы держаться въ сторонѣ отъ движенія матеріальнаго прогресса; они еще могутъ сдѣлать это въ мірное время, но не во время войны; механическія примѣненія къ современному военному дѣлу, — считая и желѣзныя дороги, какъ средства для сбора войскъ, — являются необходимостью для того, кто желаетъ успѣшно сохранять свою политическую независимость; а единственная надежда правильно вести войну основана на развитіи отечественной индустріи. Невозможно рассчитывать даже на правильное снабженіе военными запасами, если ихъ доставляютъ иноземныя націи. Современное механическое искусство и современные методы организаціи промышленности овладѣли народами всего свѣта; и невѣроятно, чтобы это вынужденное подражаніе было задержано какимъ-либо періодомъ, который мы могли бы предвидѣть.

Вѣкъ изобрѣтеній имѣлъ весьма глубокое вліяніе на густо населенныя страны, которыя были приведены въ соприкосно-

силы, при помощи которой можно было работать непрерывно. Такимъ образомъ произошло то, что торговое первенство, котораго достигла Англія въ 1670 году, воздѣйствовало на ея производство и сообщило новое значеніе ея минеральному богатству. Вѣкъ изобрѣтеній вмѣстѣ съ введеніемъ паровой силы доставилъ ей не только торговое, но также и промышленное первенство.

веніе съ западной цивилизаціей въ эпоху великихъ открытій; Азія и Африка имѣли мало сношеній съ Европой, пока не началось это новое движеніе. Можно было цѣлыя столѣтія вести торговлю Англіи съ Индіей, не внося ничего новаго въ соціальную жизнь „неподвижнаго востока“. Но другое дѣло введеніе современныхъ промышленныхъ приложеній и ихъ организація; постройка желѣзныхъ дорогъ и дѣятельность другихъ механическихъ производствъ измѣнились, благодаря вмѣшательству капиталистическаго управленія и контроля; и современные системы дѣловой администраціи стремятся измѣнить нравы обыденной жизни восточныхъ народовъ. Пока еще невозможно подвести итога истинной сущности перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ каждой части свѣта и бывшихъ результатомъ вѣка изобрѣтеній; достаточно будетъ намѣтить общее направленіе этихъ новыхъ экономическихъ силъ, насколько мы можемъ прослѣдить ихъ. Чтобы исполнить это основательно, необходимо сосредоточить наше вниманіе на новой исторіи Англіи, такъ какъ въ ней раньше всѣхъ начались перемѣны, и въ ней находились наиболѣе благопріятныя условія для воздѣйствія промышленной революціи на различныя стороны соціальной и политической жизни. Такимъ образомъ, мы можемъ обнаружить тѣ выдающіяся стремленія, которыя могутъ проявиться въ другихъ частяхъ свѣта, хотя, разумѣется, они будутъ сильно видоизмѣнены, согласно особенностямъ каждой страны. Изслѣдуя результаты вѣка изобрѣтеній, какіе мы видѣли въ самой Англіи, и какіе мы можемъ прослѣдить въ англійской политикѣ, мы можемъ составить нѣкоторую идею о томъ направленіи, какое, вѣроятно, примутъ болѣе медленныя экономическія движенія въ другихъ странахъ.

125. Быть можетъ намъ будетъ гораздо легче понять истинный характеръ промышленной революціи, если мы сравнимъ условія англійской промышленности середины восемнадцатаго столѣтія съ тѣми условіями, въ которыхъ находилась постоянная торговля страны въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ¹. Въ началѣ этого періода экономическая жизнь Англіи отличалась чрезвычайной *устойчивостью*; мануфактурное производство велось въ весьма

¹ Этотъ періодъ можно ограничить временемъ между торжествомъ англійскаго оружія при Плесси (Plasse), Квебекъ и Ватерло. 1759—1815.

малыхъ размѣрахъ сравнительно съ гигантскимъ его развитіемъ въ позднѣйшемъ періодѣ; но оно стояло прочно и ему не грозила опасность сильныхъ колебаній и серьезной конкуренціи. Самой важной отраслью ея промышленности было производство, какъ суконныхъ, такъ и вообще шерстяныхъ тканей; въ тѣсной связи съ нимъ находились такіе приготовительные процессы, какъ чесаніе и пряденіе, а также и отдѣльные ремесла, стригальное, сукнодѣльное и красильное. Эта огромная промышленность работала для иностранныхъ рынковъ и, безъ сомнѣнія, бывали случайные періоды застоя, вслѣдствіе перерыва экспортной торговли; но, въ общемъ, устойчивость торговли была замѣчательна, что зависѣло отъ того, что Англія, главнымъ образомъ, если не исключительно, обрабатывала свои собственные сырые матеріалы, и англійская мануфактура пользовалась такой высокой извѣстностью, что ея товары почти всегда продавались по хорошей цѣнѣ. Съ одной стороны, въ Англіи не было недостатка въ шерсти, а съ другой, казалось, что требованіе на такой превосходный мануфактурный товаръ не прекратится. Люди, занимавшіеся торговлей могли обыкновенно рассчитывать на правильное и прочное дѣло; торговцы сукнами или суконщики¹ не могли имѣть въ виду быстрого обогащенія, но было невѣроятно, чтобы они могли совершенно разориться.

Въ первой четверти девятнадцатаго столѣтія изъ сравнительно незначительной хлопчато-бумажной промышленности выросло весьма важное производство, которое вытѣснило шерстяную промышленность. Сукно перестало быть главнымъ предметомъ вывозной англійской торговли. Въ Германіи существовалъ огромный рынокъ сученой бумажной пряжи, а на Востокѣ—хлопчато-бумажной ткани; но сырые матеріалы для этой мануфактуры, были, однако, не домашняго производства. Англійскіе рабочіе находились въ зависимости отъ доставки хлопка изъ Египта, а позднѣе—изъ Южныхъ Штатовъ и частые перерывы, которымъ подвергалась эта торговля, сдѣлали бумагопрядильное производство предметомъ сильныхъ спекуляцій. Въ условіяхъ веденія дѣла наступили внезапныя перемѣны; и въ то время, когда многіе составили огромное богат-

¹ Терминъ суконщикъ употребляется въ двоякомъ значеніи: въ Западной Англіи имъ называютъ торговцевъ сукнами, а въ Йоркширѣ — ткачей сукна.

ство, значительное число капиталистовъ съ трудомъ сохранили свое состояніе. Неустойчивость бумагопрядильной мануфактуры ясно обнаружилась во время войны съ Соединенными Штатами въ 1812 году ¹ и стала еще болѣе очевидной въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, когда недостатокъ хлопка явился слѣдствіемъ гражданской войны между Сѣверомъ и Югомъ. Прогрессъ механическихъ изобрѣтеній и успѣхъ англійскихъ производителей въ снабженіи товарами отдаленныхъ рынковъ повлекли за собой этотъ серьезный упадокъ цѣнъ, что обусловило гораздо большую неустойчивость въ промышленности, чѣмъ въ дореволюціонную эру. Ея колебанія болѣе сильны, а также существуетъ очень большая вѣроятность, что какой-либо иностранный конкурентъ успѣшно вытѣснитъ англійскаго производителя съ тѣхъ рынковъ, которые онъ до сихъ поръ занималъ.

Торговое первенство Великобританіи въ девятнадцатомъ столѣтіи вызвало быстрый ростъ промышленности, и, благодаря развитію текстильнаго и желѣзнаго производствъ, они сдѣлались главнымъ источникомъ ея богатства; теперь эти производства составляютъ основу ея главной торговли и служатъ средствами для пріобрѣтенія сѣстныхъ припасовъ. Относительная неустойчивость ея промышленности, теперь, когда эти мануфактуры составляютъ единственный жизненный факторъ ея національной экономической жизни,—представляетъ серьезную опасность для продолженія матеріальнаго преуспѣянія Великобританіи, какъ политической державы; и неопредѣленность, присущая современной промышленности, имѣетъ также весьма вредное вліяніе на личныя условія и благосостояніе тысячъ работниковъ.

Колебанія въ торговлѣ обуславливаютъ непостоянство работы и такія измѣненія въ цѣнахъ вознагражденія за трудъ, что для рабочаго почти невозможно сохранить обыкновенный уровень его образа жизни. Промышленныя перемѣны, вызванныя вѣкомъ изобрѣтеній, лишили рабочій классъ средствъ бороться съ тѣмъ зломъ, которое обуславливается этимъ элементомъ неопредѣленности. Въ дореволюціонное время существовало весьма тѣсное соотношеніе между промышленными и сельскими заня-

¹ Трудность доставки сырыхъ матеріаловъ при помощи ввоза изъ-за-границы была одной изъ причинъ упадка промышленности въ Голландіи. Pringsheim, *op. cit.* 38.

тіями. Это особенно справедливо относительно главнаго предмета торговли страны — суконной мануфактуры. Многіе изъ ткачей были мелкими фермерами съ небольшими участками пастбищной земли, между тѣмъ какъ другіе могли увеличивать свои средства существованія случайной работой на поляхъ во время жатвы и въ иную страдную пору. Такъ какъ ткачество все болѣе и болѣе сосредоточивалось въ промышленныхъ центрахъ и организовалось капиталистами, которые устраивали ткацкія мастерскія, гдѣ люди работали подъ надзоромъ, то представлялось менѣе благопріятныхъ условій для возможности совмѣстить земледѣльческія работы съ выдѣлкой сукна. Введеніе механическаго ткацкаго станка еще болѣе способствовало промышленности перейти въ мануфактуру и окончательно оторвало ткачей, какъ земледѣльцевъ, отъ ихъ земли; они не могли болѣе рассчитывать на добавочныя земледѣльческія работы для увеличенія средствъ существованія и были поставлены въ зависимость отъ одной только заработной платы, и именно въ то время, когда она стала неправильной. Такимъ образомъ, введеніе механическаго производства ускорило скопленіе населенія въ мануфактурныхъ городахъ. Вредное дѣйствіе этой перемѣны яснѣе всего обнаружилось въ дѣлѣ Йоркширскихъ ткачей, которые старались бороться съ нею всѣми законными средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи; такое же вредное ея дѣйствіе обнаружилось въ известной степени и на другого рода промышленныхъ занятіяхъ и въ другихъ мѣстахъ. Ремесленники, имѣвшіе земельные участки, на которыхъ они могли заниматься садоводствомъ, были лишены этого побочнаго источника дохода и приведены въ положеніе простыхъ рабочихъ на жалованьи, когда расширение такихъ большихъ городовъ, какъ Шеффилдъ, заняло подъ мастерскія ¹ эти участки земли. Въ дореволюціонное время большинство искусныхъ рабочихъ этой страны, повидимому, имѣли побочныя средства для своего существованія; въ первой же четверти девятнадцатаго столѣтія они стали только простыми рабочими на жалованьи.

Средоточіе промышленной предпримчивости въ обширныхъ центрахъ было неизбѣжнымъ результатомъ вѣка изобрѣтений и имѣетъ много экономическихъ преимуществъ; оно сильно

¹ Cunningham, *Growth of English Industry*, II, 480.

облегчаетъ дѣйствительный надзоръ ¹ за производствомъ и въ то же время даетъ возможность капиталистамъ извлечь большую пользу изъ физическихъ силъ природы ²; тѣмъ не менѣе, надо признать, что на рабочія руки съ самаго начала оно имѣло временное гибельное вліяніе, и что постоянный убытокъ для земледѣльческихъ округовъ былъ очень великъ. До тѣхъ поръ, пока ткачество широко распространялось по всей странѣ, въ каждомъ округѣ было много работы для тѣхъ женщинъ и дѣтей, которые желали заниматься пряжей шерсти; это служило для нихъ побочнымъ занятіемъ, которое существенно увеличивало доходъ семьи земледѣльца или фермера. Средоточіе же промысла, а еще болѣе введеніе механическаго прядильнаго производства ³, лишило сельское населеніе этого заработка; оно пережило этотъ переходный періодъ, благодаря щедрой помощи бѣднымъ, роковымъ послѣдствіемъ которой былъ пауперизмъ сельскаго населенія; но окончательный его результатъ, сказавшійся при окончаніи Наполеоновской войны, былъ одинаковъ, какъ для сельскаго, такъ и для городского рабочаго: вездѣ работникъ приведенъ былъ въ положеніе простаго рабочаго, который всецѣло зависѣлъ отъ заработной платы, какъ средства существованія и который не имѣлъ возможности пополнить свой заработокъ изъ какого-либо другого источника.

126. Эта важная промышленная перемѣна произошла въ то время, когда англійское земледѣліе начало преобразовываться, и когда общее направленіе прогресса въ обработкѣ земли оказывалось гибельнымъ для сельскаго рабочаго. Во многихъ частяхъ страны обработка пахатныхъ полей еще продолжалась по способамъ практиковавшимся въ восемнадцатомъ столѣтіи; зажиточные земледѣльцы-фермеры держали въ арендѣ отъ тридцати до сорока акровъ земли каждый, и эти аренды состояли изъ отдѣльныхъ участковъ, перемѣшанныхъ съ полосами другихъ хлѣбопашцевъ. Всѣ землевладѣльцы и другія лица, интересовавшіеся развитіемъ сельскохозяйственныхъ улучшеній,

¹ См. выше § 118 о гильдіяхъ и капиталистической организаціи.
² Это особенно справедливо по отношенію къ водѣ, которая, какъ двигательная сила, была примѣнена въ первыхъ фазахъ промышленной эволюціи.

³ Хлопчатобумажное пряденіе было сравнительно не особенно развито и ограничивалось небольшою площадью до тѣхъ поръ, пока Аркрайтъ и Гартгревъ не реформировали его своими изобрѣтеніями.

видѣли въ этой примитивной системѣ серьезное препятствіе для намѣченныхъ ими перемѣнъ; быстро начался процессъ захвата общественной земли въ частную собственность, съ цѣлью доставить каждому фермеру имѣть отдѣльно свою собственную землю и обрабатывать ее съ большею для себя выгодой, по собственному усмотрѣнію ¹. Это переустройство могло бы принести пользу всѣмъ, но оно стоило такъ дорого, что мелкіе фермеры съ трудомъ выплачивали свою долю расходовъ; и во время переходнаго періода множество небольшихъ арендныхъ участковъ, повидимому, были соединены въ одинъ. Зажиточный фермеръ,—будь то свободный арендаторъ или наемщикъ земли на короткій срокъ, которую онъ обрабатывалъ самъ, пользуясь только случайной помощью наемныхъ рабочихъ,—быстро замѣщался капиталистомъ-фермеромъ, имѣвшимъ обыкновенно постоянныхъ работниковъ на жалованьи. Нѣкоторые изъ маленькихъ фермеровъ, вѣроятно, спустились по общественной лѣстницѣ до положенія простыхъ рабочихъ, которые, какъ классъ, тоже, повидимому, пострадали отъ захвата земли въ частныя руки, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ позволяли вложить небольшой капиталъ въ общинную пустошь. Говоря вообще, работники потеряли возможность улучшить свое общественное положеніе, что прежде было для нихъ всегда возможно, пока существовали мелкія аренды, дававшія имъ возможность рано или поздно завести инвентарь и обрабатывать землю. Процессъ захвата земли лишилъ сельскаго работника энергіи въ то самое время, когда отсутствіе работы, которую онъ находилъ въ прядильномъ мастерствѣ, довело его семью до нищенскаго состоянія.

Такимъ образомъ, мы можемъ видѣть, что перемѣны, слѣдовавшія за вѣкомъ изобрѣтеній, имѣли своимъ слѣдствіемъ развитіе одинаковыхъ экономическихъ условій, какъ въ городѣ такъ и въ деревнѣ. Во всей Англіи мы видимъ торжество капиталистической организаціи. Домашняя система ² производства,

¹ Захватъ земли имѣлъ мѣсто въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ съ цѣлью развитія овцеводства, но въ восемнадцатомъ столѣтіи его цѣлью было улучшить земледѣліе.

² Этотъ терминъ, въ его общеупотребительномъ значеніи, подразумеваетъ не только всѣхъ тѣхъ ремесленниковъ, которые работаютъ дома, но и примѣняется къ той экономической системѣ, когда ткачъ обрабатывалъ купленный матеріалъ и продавалъ результатъ своей работы торговцу сукнами.

насколько она имѣла отношеніе къ выдѣлкѣ сукна, исчезала, и зажиточный фермеръ или принимался за другое занятіе, или разорялся совсѣмъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ были капиталисты хозяева, которые контролировали и наблюдали за трудомъ рабочихъ; въ городѣ и въ деревнѣ рабочіе одинаково находились въ строгой зависимости отъ хозяина въ смыслѣ добыванія средствъ къ существованію и не имѣли возможности прибавить что-либо къ своему заработку, занимаясь иногда другой работой. Вѣкъ изобрѣтенія ускорилъ перемѣну, которая медленно подготавливалась въ теченіе столѣтій и завершилъ, съ экономической точки зрѣнія, полное переустройство общества на капиталистической основѣ.

127. Мы уже видѣли, что капиталистическая организація промышленности, при первомъ своемъ появленіи, оказалась невозможной на ряду съ существованіемъ гильдій и другихъ учреждений средневѣковой жизни; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти учрежденія служили препятствіемъ введенію капитализма, въ другихъ они вполнѣ были замѣщены новой системой, предоставившей большую свободу раздѣленію труда. Антагонизмъ между старыми ассоціаціями и новыми способами производства становится болѣе яснымъ, когда мы рассматриваемъ раздробляющее вліяніе современной системы въ обширныхъ размѣрахъ. Капиталъ, научась пользоваться новыми силами, предложенными къ его услугамъ вѣкомъ изобрѣтеній, переросъ англійскую систему регламентаціи, установленную въ интересахъ націи, какъ экономическаго цѣлаго. Въ продолженіи первой четверти девятнадцатаго столѣтія, экономическое зданіе, сооруженное въ вѣкъ Елизаветы, распадалось на куски ¹ пока, наконецъ, всѣ законодательныя попытки, преслѣдовавшія спеціальныя интересы Великобританіи, въ разрѣзъ интересамъ другихъ странъ, были совершенно оставлены. Экономисты утверждали, что можно скорѣе достигнуть національнаго преуспѣянія, если предоставить капиталу абсолютную свободу. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія парламентъ готовъ былъ принять это мнѣніе, какъ аксіому; поэтому и слѣдуетъ рассмотреть дѣйствіе этой аксіомы и прослѣдить тѣ послѣдовательныя стадіи, которыя привели великую си-

¹ См. выше § 116.

стему регламентаціи, созданную Елизаветой, къ ея быстрому уничтоженію.

Первое сильное волненіе возникло въ связи съ хлопчато-бумажнымъ производствомъ. Эта промышленность, которую прежде занимались въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ, начала чрезвычайно развиваться, благодаря изобрѣтенію Аркрайта; дешевизна хлопчато-бумажной пряжи и тканей вызвала на нихъ спросъ, и, несмотря на улучшенія въ процессахъ производства, вслѣдствіе его расширенія, явилось гораздо большее требованіе на трудъ, чѣмъ какое было въ старое время. Механическія примѣненія къ этой мануфактурѣ совсѣмъ не принесли вреда рабочимъ; они не уменьшили, но расширили и увеличили ея производство. Однако колебанія въ торговлѣ, обусловившія непостоянство въ работѣ и частыя измѣненія въ цѣнахъ на трудъ, привели рабочихъ въ самое бѣдственное положеніе. Они стремились установить большее постоянство условій, при которыхъ велась промышленность, и много разъ пытались установить третейскимъ судомъ росписи постоянныхъ цѣнъ; они также признавали, что для хозяевъ вообще будетъ практически невозможно подчиниться цѣнамъ, установленнымъ росписью, если только одинъ изъ нихъ начнетъ уменьшать жалованье. Въ надеждѣ найти средство противъ такого положенія дѣлъ, рабочіе обратились къ Акту Елизаветы, регулировавшему жалованье, то есть они обратились къ мѣрѣ, которая давно уже перестала быть дѣйствительной, но которая, повидимому, имѣла непосредственное отношеніе къ данному случаю и, по крайней мѣрѣ, придавала законный характеръ ихъ требованіямъ. Они просили, чтобы постановленія статута вновь возимѣли свою силу¹; но когда парламентъ обратилъ вниманіе на этотъ забытый актъ, то палата общинъ пришла къ неожиданному взгляду на положеніе дѣлъ, и, вмѣсто того чтобы подтвердить существующій законъ, она исключила изъ него статьи, имѣвшія цѣлью оказать покровительство рабочему классу, установивъ, что жалованье надо періодически переоцѣнивать и что цѣнность рабочей платы должна находиться въ зависимости отъ хорошаго или дурного положенія дѣлъ. Неизвѣстно, была ли когда нибудь вообще примѣнена эта

¹ Cunningham, *Economists as Mischief Makers*, въ *Economic Review*, IV, стр. 8.

мѣра, но существовали попытки систематически привести ее въ исполненіе въ Лондонѣ ¹, хотя эта система, повидимому, была выведена изъ употребленія въ семнадцатомъ столѣтіи и парламентъ едва ли успѣлъ узаконить ее въ девятнадцатомъ; но отмѣна этихъ статей указываетъ на перемѣну взглядовъ правительства на его обязанности относительно рабочаго. Во времена Елизаветы городскіе магистраты должны были установить справедливую заработную плату; въ 1811 году эта защита противъ злоупотребленій конкуренціей, которая могла довести заработную плату до голодныхъ цѣнъ, была уничтожена.

Пренія по поводу шерстяного производства были причиной отмѣны статей объ обученіи ремеслу изъ великаго кодекса Елизаветы о трудѣ. Многіе ткачи западной Англіи не стѣснялись требованіями Акта шестилѣтняго курса ученія; законные ткачи, прошедшіе этотъ долгій курсъ, требовали, чтобы постановленія статута Елизаветы строго примѣнялись къ „незаконнымъ“ работникамъ. Капиталисты-хозяева западной Англіи рѣшили не подчиняться этому, такъ какъ у нихъ не было поводовъ жаловаться на „незаконныхъ“ ткачей, многіе изъ которыхъ были искусными работниками, и такъ какъ долгій срокъ обученія мастерству не представлялъ дѣйствительной гарантіи въ знаніи дѣла, по крайней мѣрѣ, насколько это относилось къ ткацкому мастерству ². Законные ткачи начали движеніе съ цѣлью заставить исполнять, этотъ, хотя и вышедшій изъ употребленія, но существовавшій, законъ; во время этого спора, мнѣніе парламента становилось все болѣе и болѣе противоположно требованіямъ рабочихъ. Главный вопросъ касался обученія, и палата общинъ въ концѣ-концовъ сдѣлала рѣшительный шагъ къ отмѣнѣ законнаго покровительства, которое до сихъ поръ поощряло систему ремесленного обученія. Защитники теоріи *laissez faire* думали, что въ тѣхъ ремеслахъ, для которыхъ эта система представляла удобства, семилѣтній курсъ можетъ сохра-

¹ E. A. Mc. Artur, *Regulation of Wages* въ *English Historical Review* (July 1900), стр. 449.

² Ремеслу можно было выучиться въ два года, и долгій срокъ ученія представлялъ неудобство для хозяина, въ томъ случаѣ, когда у него были лѣнныя ученики, а также сильно стѣснялъ тѣхъ молодыхъ людей, которые работали, какъ мастера, но не получали ихъ жалованья.

ниться безъ законодательной поддержки; но позднѣйшія событія доказали ихъ заблужденіе: капиталистическая организація промышленности была неблагоприятна для обученія, и система, на практикѣ, исчезла ¹. Йоркширскіе ткачи, которые смотрѣли на обязательное обученіе, какъ на преграду для дальнѣйшихъ захватовъ капитализмомъ ихъ „домашней системы“, вполнѣ вѣрно предвидѣли результаты ея уничтоженія; перемѣна дала полный просторъ всѣмъ нововведеніямъ, вызваннымъ промышленной революціей.

Введеніе фабричной системы и опустѣніе сельскихъ участковъ также способствовали окончательному раздробленію домохозяйства, какъ экономическаго цѣлага. Въ дореволюціонное время дѣти жили дома и помогали въ домашнихъ работахъ или въ работахъ на фермѣ, и, пока продолжалось ученіе они проходили эту естественную школу дома и подготавливались къ ремеслу въ юношескомъ возрастѣ. Кромѣ того, каждое домохозяйство представляло экономическое цѣлое ², такъ какъ различные его члены вносили въ него свою долю труда и получали средства къ жизни изъ общаго имущества. Фабричная система измѣнила характеръ семьи, какъ экономической группы; женщины и дѣти могутъ уходить на работы за жалованье на фабрику и по необходимости оставляютъ въ пренебреженіи домашнія занятія; дѣти, какъ работники, самостоятельно зарабатывающіе собственное содержаніе, занимаютъ независимое положеніе, которое представлялось бы неестественнымъ въ старое время. Вслѣдствіе этого родительская отвѣтственность за содержаніе семьи прекращается гораздо раньше, чѣмъ это

¹ О существующихъ въ настоящее время методахъ поступленія въ обученіе различнымъ мастерствамъ, срав. S and B Webb. *Industrial Democracy*, II, 454—507.

² Поучителенъ контрастъ между средневѣковымъ и современнымъ способами регулированія промысловъ. Ремесленные пехи, пользуясь правомъ надзора, могли оказывать давленіе на людей, работавшихъ у себя дома, какъ въ смыслѣ условій, при которыхъ производилась эта работа, такъ и въ смыслѣ платы за нее и содержанія рабочихъ. Фабричные акты и фабричныя и углепромышленныя комиссіи имѣютъ цѣлью учредить такой же надзоръ, и, вѣроятно, онъ гораздо болѣе дѣйствителенъ; но домохозяйство не представляетъ болѣе единицы, съ которой слѣдуетъ считаться и глава домохозяйства не является болѣе отвѣтственнымъ лицомъ. Цѣлый рядъ фабричныхъ актовъ предполагаетъ существованіе новыхъ условій промышленности и помогаетъ наблюдать процессъ полного раздробленія домохозяйства.

было прежде ¹; но чувство долга въ этомъ отношеніи сильно ослабѣло, благодаря дѣятельности попечителей о бѣдныхъ сельскихъ участкахъ, на которую они были вынуждены во время шерстяного голода въ 1793 г. Въ то время, когда ощущался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, и они были дороги, деревенскія женщины и дѣти не могли, за отсутствіемъ матеріала, увеличить достатокъ семьи пряденіемъ, какъ это было прежде. Попечители каждаго сельскаго участка выдавали въ дополненіе къ ихъ заработкамъ на фабрикѣ пособие, которое, казалось, поможетъ пережить это, повидимому, временное затрудненіе, но промышленность уже болѣе не возобновилась, и примѣненіе механическаго прядильнаго шерстяного производства убило ее совсѣмъ. Дѣятельность попечителей о бѣдныхъ, взявшихъ на себя бремя поддержки семей была весьма серьезнымъ отступленіемъ отъ того принципа, который съ незапамятныхъ временъ возлагалъ на родителей обязанность воспитывать своихъ дѣтей.

Послѣднія оставшіяся постановленія, имѣвшія цѣлью создать національную промышленную систему, были уничтожены заключеніемъ парламентской комиссіи ², которое было доложено въ 1824 году. Въ дореволюціонное время, когда между націями происходило такое сильное промышленное соперничество, какъ, напримѣръ, между Франціей и Англіей, власти особенно ревностно запрещали эмиграцію искусныхъ ремесленниковъ, которые могли бы вывезти съ собой тайны производства и насадить въ другой странѣ какое-либо цѣнное ремесло. Дѣлались большія усилія удержать дома англійскихъ ткачей и остановить эмиграцію ремесленниковъ въ колоніи ³. Однако обстоятельства настолько измѣнились, что казалось бесполезнымъ сохранять эти ограниченія; теперь скорѣе машины, чѣмъ ручной трудъ, составляютъ главную черту промышленнаго успѣха. Ограниченія занятія рабочихъ внѣ ихъ отечества оказались особенно неудобны для механиковъ, которымъ фактически мѣшали устанавливать машины въ иностранныхъ странахъ, и не

¹ Очевидность этого зла вызвала необходимость защиты дѣтей противъ ихъ родителей еще раньше учрежденія углепромышленной комиссіи 1840 г.

² Самымъ важнымъ результатомъ изслѣдованія этой комиссіи было уничтоженіе смѣшанныхъ законовъ (Combination Acts); объ этомъ см. ниже стр. 235.

³ См. ниже стр. 263.

было сдѣлано никакихъ серьезныхъ усилій, чтобы сохранить запрещенія въ сводѣ законовъ (Statute Book). Повидимому, полагали, что Англія можетъ удержать за собой первенство въ мануфактурѣ, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ вспомогательнымъ мѣрамъ; но тотъ фактъ, что эти правила не исполнялись, доказываетъ полное паденіе старыхъ системъ созиданія національной промышленности, основанныхъ на устраненіи возможныхъ соперниковъ.

Эта важная перемѣна имѣла огромное значеніе въ другомъ отношеніи; она уничтожила законодательныя запрещенія, которыя мѣшали основанію новой колоніальной имперіи на болѣе здоровыхъ началахъ, чѣмъ какіе примѣнялись въ восемнадцатомъ столѣтіи. E. G. Wakefield и группа энтузіастовъ горячо защищали дѣло колонизаціи въ Австраліи, видя въ ней средство отвлечь переполненіе труда и капитала, которымъ, какъ они думали, страдала Англія. Wakefield доказывалъ, что колоніи должны быть устроены, по возможности, такъ, чтобы онѣ сами себя продовольствовали, имѣя, какъ городское, такъ и сельское населеніе, и чтобы ихъ преуспѣяніе могло благотѣльно воздѣйствовать на матеріальное богатство метрополіи. Онъ не могъ убѣдить правительство отнестись энергично къ дѣлу колонизаціи; общество нѣкоторое время оставалось равнодушнымъ къ расширенію Англіи, но, во всякомъ случаѣ, оно перестало ревниво смотрѣть на основаніе новыхъ колоній. Всѣ попытки подчинить экономическое развитіе колоній интересамъ метрополіи были давно оставлены. Запрещеніе эмиграціи ремесленниковъ было однимъ изъ послѣднихъ сохранившихся элементовъ національной системы регулированія промышленности, но и оно окончательно было уничтожено законодательной мѣрой въ 1825 году¹, и такимъ образомъ поле для созданія новой колоніальной имперіи очистилось.

Принципъ *laissez faire*, признающій регламентацію ненужной и часто вредной для успѣховъ промышленности, — былъ, наконецъ, примѣненъ, хотя и не безъ колебаній, къ торговому флоту, который являлся наиболѣе важнымъ факторомъ въ созданіи англійскаго величія. Сохраненіе и улучшеніе флота, какъ главной опоры могущества морской націи, было самымъ первымъ соображеніемъ экономической политики страны

¹ 5 Geo. IV, стр. 95.

со времени Бёрлея (Burleigh); но въ самомъ началѣ девятнадцато столѣтія это законодательное вмѣшательство было оставлено; оно казалось болѣе ненужнымъ и, во всякомъ случаѣ, едва ли выгоднымъ. Въ продолженіе девятнадцатаго столѣтія развитіе торговыхъ сношеній считали менѣе важнымъ, чѣмъ покровительство англійскому флоту; но, подѣ влияніемъ ученія Адама Смита, государственные люди начали придавать большое значеніе сношеніямъ самимъ по себѣ, и утверждать, что предполагаемыя выгоды, вслѣдствіе покровительства флоту, призрачны, особенно если принять во вниманіе потери, происходящія отъ ограниченія благопріятныхъ условій обмѣна. Первое большое послабленіе въ этомъ направленіи было дано Навигаціонными Актами въ 1796 году въ пользу Соединенныхъ Штатовъ; и, повидимому, опытъ показалъ, что свобода сообщенія съ независимой страной гораздо выгоднѣе, чѣмъ бывшая ограниченная и регулированная торговля съ колоніями. Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1820 г., лондонская торговая палата установила это, общимъ принципомъ политики, и настаивала, что интересы торговли требуютъ скорѣе полнѣйшей свободы сношеній между странами, чѣмъ особеннаго поощренія нашей собственной морской торговлѣ. Такимъ образомъ цѣль, которая такъ долго служила краеугольнымъ камнемъ британской политики, была намѣренно отвергнута, и навигаціонная система быстро измѣнилась согласно съ новыми взглядами.

Приверженцы старой системы національной экономіи обратились по своей послѣдней позиціи къ вопросу о снабженіи продовольствіемъ. Въ Англіи въ теченіе столѣтій традиціонно практиковалось покровительство земледѣлію, цѣлью котораго было желаніе обезпечить народонаселеніе хлѣбомъ ¹. Таковъ

¹ Ученіе Мальтуса замѣчательно измѣнило обыкновенное отношеніе общества къ вопросу объ увеличеніи населенія. Въ дореволюціонный періодъ часто возникало безпокойство по поводу признаемаго уменьшенія народонаселенія и обсуждались различныя мѣры, которыя могли бы способствовать его увеличенію. Быстрое развитіе промышленности, какъ утверждалъ Сэръ Джемсъ Стѣартъ, привело къ этому результату настолько рѣшительно, что общественное мнѣніе пришло въ ужасъ грозившимъ перенаселеніемъ. Дальнѣйшія разсужденія показали призрачность обоихъ этихъ опасеній; импульсъ къ увеличенію сообщается каждымъ благопріятнымъ условіемъ, которое доставляетъ средства существованія, но это увеличеніе не таково, чтобы оно могло понизить уровень благосостоянія всѣхъ классовъ. *Modern Civilisation*, 173.

былъ характеръ исключительно англійской политики; покровительство овцеводству въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, повидимому, представляло національную опасность, и во времена Тюдоровъ были приложены особенныя старанія для поощренія хлѣбопашества. Выгоды правительственного фиска въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ заставляли держаться того же направленія; казалось желательнымъ заботиться о благосостояніи земледѣлія, такъ какъ обложеніе налогами падало тяжелымъ бременемъ на землю. Существовала масса традиціонныхъ мнѣній и интересовъ, которые содѣйствовали принятію хлѣбнаго закона 1815 г., въ надеждѣ, что эта мѣра сохранитъ условія, которыя возникли во время войны, и сообщили нездоровое направленіе хлѣбопашеству въ Британіи. Эта покровительственная мѣра не достигла той цѣли, для которой была создана; она мало принесла пользы интересамъ земледѣлія вообще, хотя, повидимому, оказалась выгодной для земледѣльцевъ, какъ класса; съ другой стороны, она стѣснила англійскую торговлю и мѣшала развитію англійскаго мануфактурнаго производства¹. Успѣхъ движенія въ пользу свободной торговли былъ неизбѣженъ, и геній Кобдена достигъ очень быстрого торжества тѣхъ принциповъ, которые онъ защищалъ, благодаря отмѣнѣ хлѣбнаго закона въ 1846 году. Отказъ отъ традиціонной схемы національной политики снабженія страны продовольствіемъ, — этого самаго жизненнаго національнаго интереса, — нанесъ окончательный ударъ, подѣ которымъ пала старая система. Въ это время національное богатство и преемственность перестали быть самостоятельной цѣлью, къ которой могли благоразумно направляться національныя усилія; торжество индивидуальной предприимчивости, вопреки всѣмъ формамъ ея ограниченія и регулированія, наконецъ, стало полнымъ.

Торжество индивидуализма надъ націонализмомъ во внутреннихъ дѣлахъ повлекло за собой полную перемѣну экономического положенія, занятаго англичанами относительно другихъ странъ. Самая большая выгода новыхъ условій для Великобританіи заключалась въ возможности самыхъ свободныхъ ея сношеній съ другими странами, съ цѣлью получить доступъ къ наиболѣе обширнымъ рынкамъ и приобрѣтать съѣстные припасы по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Не въ ея интересахъ было

¹ Cunningham, *Growth of English Industry*, II. 591.

продолжать исключительную торговую политику, при помощи которой было создано ея морское могущество, и ея вступленіе на путь космополитической экономической системы громко привѣтствовали, какъ предвѣстника эры всеобщаго мира. Ликованіе фритредеровъ и партіи мира оказались преждевременны; однако они не были вполне нелѣпы. Желаніе пользоваться исключительной торговлей въ прошломъ часто служило поводомъ войны; національное экономическое соперничество и таможенная война поддерживаютъ враждебный духъ, который можетъ внезапно и неожиданно разразиться дѣйствительною войною. Отказъ самыхъ великихъ торговыхъ націй отъ своей традиціонной системы уже уменьшилъ причины борьбы, поскольку это касается самой Англіи. Иностранные купцы, вообще, очень мало выиграютъ отъ утраты Англіею той или другой части ея имперіи, гдѣ она свободно примѣнила свою новую торговую политику. Свободная торговля не обезпечивала мира, но сдѣлала много для устраненія поводовъ къ активной враждѣ.

Какъ бы то ни было, но отказъ отъ исключительной экономической политики страны, которая достигла своей національности, какъ таковой, въ болѣе раннее время, заслуживаетъ вниманія. По крайней мѣрѣ, возникаетъ вопросъ, даетъ ли національность окончательную форму для организаціи промышленности и торговли? Это наводитъ на соображеніе, что частое сношеніе между различными частями свѣта можетъ возрасти до такой степени, что всѣ страны стануть въ болѣе и болѣе зависимое экономическое положеніе другъ отъ друга, и что болѣе и болѣе обширныя секціи государства убѣдятся, что ихъ интересы страдаютъ отъ сохраненія національныхъ экономическихъ схемъ, и пожелаютъ вмѣсто этого свободно извлекать возможно большую пользу изъ ихъ благопріятныхъ условій въ качествѣ членовъ космополитической системы.

128. Въ предыдущихъ главахъ этого труда было обращено вниманіе на три главныхъ типа соціальнаго строя, которые служили основаніемъ экономической организаціи, на семью, городъ и націю. Новое приспособленіе и переустройство. Самопродовольствующія домохозяйства большихъ землевладѣльцевъ были замѣнены развитіемъ городовъ, какъ основой промышленной жизни; города съ ихъ исключительною политикой исчезали еще до возникновенія на-

ціональностей. Промышленная революція стремится ввести полный индивидуализмъ: онъ создаетъ раздробленіе семьи и составляетъ противоположность націонализму. Но, по крайней мѣрѣ, можно сомнѣваться, является ли націонализмъ окончательной формой экономического развитія, такъ какъ сохраненіе англійскаго могущества при новыхъ условіяхъ дискредитировало дальновидность меркантилистовъ, дѣйствія которыхъ опирались на мнѣніе, что хозяйственная дѣятельность индивидуума должна подчиняться интересамъ національнаго богатства.

Ни семейный, ни городской, ни національный типъ организации не могутъ имѣть притязанія на то господствующее положеніе, какое нѣкогда они поочередно занимали; однако же каждый изъ нихъ можетъ исполнять полезныя экономическія функціи. Нельзя ожидать, что въ скоромъ времени можно было бы вполне обойтись безъ какой-либо изъ этихъ функцій, такъ какъ всѣ онѣ могутъ успѣшно содѣйствовать индивидуальному благосостоянію. Важное значеніе семьи и дома въ связи съ воспитаніемъ каждаго новаго поколѣнія не требуетъ доказательства, и потому нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ: ея значеніе признано всѣми слоями общества, не только рабочими союзами (Trades Unions), политика которыхъ показываетъ, что они вполне сознаютъ важность семейнаго очага, какъ элемента благосостоянія рабочихъ классовъ ¹, но также и городскими властями и отдѣльными филантропами, которые сосредоточили все свое вниманіе на вопросѣ устройства бѣдныхъ въ городѣ или въ деревнѣ съ цѣлью доставить возможность ихъ семьямъ жить въ приличныхъ условіяхъ.

Городъ также есть органъ, долженствующій служить многимъ потребностямъ, которыя имѣютъ жизненное значеніе для каждаго гражданина: заботы объ освѣщеніи, водоснабженіи, быстромъ передвиженіи, о санитарной части и удобствахъ для здороваго отдохновенія въ общественныхъ паркахъ, все это необходимо для благосостоянія жителей, какъ индивидуумовъ. Громадныя скопленія людей, которые соединились съ началомъ вѣка изобрѣтеній, значительно осложнили эти проблемы и открыли обширное поле для полезной дѣятельности муниципальныхъ управленій въ этомъ отношеніи ².

¹ Cunningham, *Politics and Economics*, 100.

² *Modern Civilisation*, 182.

Нація имѣетъ также свои экономическія функціи, которыя не могутъ быть удовлетворительно выполнены какимъ - либо органомъ мѣстнаго управленія. Насколько желательно обезпечить благоприятныя условія труда, настолько было бы умѣстно ввести такія правила, которыя распространялись бы на весь районъ, гдѣ происходитъ свободный притокъ труда и капитала¹. Дѣятельность фабричныхъ и рудничныхъ инспекторовъ сдѣлала много, чтобы воспрепятствовать уменьшенію народонаселенія. Они осуществляли законы, устанавливающіе минимумъ безопасности для здоровья и максимумъ рабочихъ часовъ; такимъ образомъ произошло постепенное улучшеніе условій въ которыхъ производится работа. Правительство страны обязано предусматривать будущее² и заботиться о сохраненіи источниковъ ея богатства, не въ интересахъ какого - либо капиталиста, какъ бы предприимчивъ онъ ни былъ, а въ интересахъ будущихъ поколѣній.

Конечный результатъ промышленной революціи, насколько его можно прослѣдить въ Англіи, состоялъ не въ разрушеніи основныхъ типовъ соціальной организаціи³, но въ приспособленіи ихъ къ современнымъ требованіямъ и измѣнившимся обстоятельствамъ. Въ то же время нѣкоторыя возникшія учрежденія настолько отличаются отъ всѣхъ предшествовавшихъ имъ, что ихъ можно разсматривать, какъ совершенно новыя. Изъ нихъ самое важное значеніе имѣютъ Рабочіе Союзы (Trades Unions). Рабочія организаціи среднихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, были исключительно муниципальныя; современные же рабочія ассоціаціи не имѣютъ этого мѣстнаго характера, но приспособлены къ образованію международныхъ союзовъ и къ преслѣдованію космополитическихъ цѣлей. Какъ по своему происхожденію, такъ и по устройству рабочій союзъ

¹ См. выше объ опредѣленіи страны § 158.

² Какъ городъ, такъ и нація имѣютъ новое экономическое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ система общественныхъ займовъ сдѣлалась обычнымъ явленіемъ. Городъ и нація могутъ дѣлать займы для удовлетворенія не терпящихъ отлагательства потребностей на болѣе легкихъ условіяхъ, какія невозможны ни для какого отдѣльнаго лица.

³ Въ общемъ старыя гражданскія учрежденія были разрушены, но нѣкоторыя остались, и теперь употребляютъ большія усилія, чтобы придать имъ новое экономическое значеніе. Эту тенденцію мы можемъ замѣтить въ предложеніи утилизировать Livery Companies въ связи съ техническимъ обученіемъ.

совершенно отличается отъ древней *collegia* и средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ, которые болѣе всего съ ними сходны.

Рабочіе союзы возникали какъ временныя или постоянныя средства для защиты труда отъ опасностей, которымъ онъ подвергается, когда дѣятельность капиталистовъ ничѣмъ неограничена и когда не существуетъ охранительныхъ мѣръ противъ неограниченной конкуренціи; юніонизмъ постепенно, ошупью, выступилъ на путь болѣе положительной программы ¹. До тѣхъ поръ, пока государство принимало на себя обязанность опредѣлять вознагражденіе за трудъ и заботиться о правильномъ обученіи рабочихъ, было извѣстное основаніе противодѣйствовать дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, соединившихся для вмѣшательства въ общественныя дѣла. Но отмѣна промышленнаго закона Елизаветы, поставила работника въ совершенно неопредѣленное и бѣдственное положеніе, вслѣдствіе введенія машиннаго производства и его внезапныхъ колебаній, вмѣстѣ съ разрушительной конкуренціей, которая за нимъ слѣдовала. Существовало традиционное подозрѣніе относительно рабочихъ коалицій, и во время политическаго террора 1799 и 1800 года ² была сдѣлана другая попытка уничтожить ихъ совсѣмъ, такъ какъ казалось, что они могли служить центрами возмущенія.

Условія тайны, при которыхъ вынуждены были дѣйствовать товарищества, сообщили имъ тираническій и преступный характеръ ³ и ставили ихъ въ особенно невыгодныя условія при всякой ихъ попыткѣ получить легальное положеніе. Въ дѣйствительности же, они боролись только за болѣе полное примѣненіе принципа *laissez faire*; если индивидуумъ долженъ быть свободенъ, чтобы дѣйствовать въ своемъ собственномъ интересѣ, то онъ долженъ такъ же свободно соединяться съ другими рабочими для ихъ общаго интереса ⁴. Въ 1825 году

¹ Теперь можно подвести итогъ этому движенію и разсматривать его, какъ борьбу за нормированіе жалованья и рабочаго дня которое должно быть достигнуто законнымъ путемъ.

² Cunningham, *Economists at Mischief Makers* IV. 12.

³ Webb, *History of Trade Unionism*, 72. Mrs L. Bankes, *Bond slaves*.

⁴ Свобода соединяться для всякихъ экономическихъ цѣлей есть послѣднее торжество индивидуализма. Во время рабскаго труда союзъ рабовъ могъ предполагать подготовленіе ихъ къ войнѣ. Даже между свободными рабочими въ Аѣинахъ было весьма мало ассоціацій, между тѣмъ какъ *collegia* владѣли жалкое существованіе въ Римѣ. Въ средніе вѣка ремесленные цехи находились въ

были отмѣнены законы о стачкахъ (Combination Laws) подъ вліяніемъ ошибочнаго убѣжденія, что соединеніе для цѣлей производства никогда не можетъ принести пользу существеннымъ интересамъ отдѣльныхъ рабочихъ, и что они скоро придутъ къ тому же заключенію, разъ получаютъ полную свободу дѣйствія въ этомъ отношеніи ¹. Но быстрое возростаніе рабочихъ организацій и ихъ силы въ теченіе послѣднихъ семидесяти пяти лѣтъ показали именно то, какъ могутъ глубоко ошибаться самые свѣдующіе наблюдатели въ своихъ предсказаніяхъ въ области политическихъ и общественныхъ явленій. Рабочіе союзы по большей части отказались отъ ограничительной системы, слѣдовать которой они были склонны въ началѣ ², и пытаются дѣйствовать такъ, чтобы достигнуть возможно большаго вліянія ³.

рукахъ муниципальной власти или королевскихъ уставовъ; ясно понимали, что эти цехи могли быть опасны въ экономическомъ отношеніи. Въ наше время въ Англіи стали невозможны попытки уничтожить подобныя организаціи, если бы даже такія попытки и были желательны. Англія пріобрѣла свободу составлять ассоціаціи съ экономическими цѣлями; однако же могутъ возникать большія опасенія относительно благоразумія союзовъ и преслѣдуемой ими политики. Если такія ассоціаціи сосредоточиваютъ свое вниманіе на спеціальныхъ интересахъ какой-либо партіи или класса и не охотно отказываются отъ такого образа дѣйствій, который приноситъ вредъ всему обществу, взятому въ цѣломъ, тогда образуется сильнѣйшій классовый антагонизмъ, приводящій къ страшнымъ экономическимъ кризисамъ. Но если они смогутъ настолько обуздать себя, что поставятъ принципомъ своей дѣятельности благосостояніе всего общества, то докажутъ свою способность участвовать въ общественномъ управленіи именно тѣмъ, что сами примѣняютъ принципъ, которому властно были подчинены добровольныя ассоціаціи и союзы прежняго времени.

¹ Таково было мнѣніе Фрэнсиса Плеса и Юма, подъ руководствомъ которыхъ палата общинъ пришла къ рѣшенію включить статьи о стачкахъ въ „Великій Статутъ объ отмѣнѣ“ въ 1825 г. Wallas, *Life of F. Palace*. 211, 217.

² Примѣръ этого см. у Webb, *Industrial Democracy*. 302; о возраженіяхъ противъ механическаго производства см. *Modern Civilisation*, 126—7; также *Outlines of English History*, 226.

³ Манчестерская школа не обратила досточнаго вниманія на тотъ фактъ, что при улучшеніи условій труда часто увеличивается его интенсивность и что при извѣстныхъ обстоятельствахъ косвенное вліяніе сокращенія рабочихъ часовъ усиливаетъ, а не уменьшаетъ производство. Однако, въ общемъ она была права, принимая возможно большую сумму производства за критерій полезнаго или вреднаго вліянія промышленныхъ перемѣнъ. Всякій союзъ, будетъ ли это союзъ рабочихъ, или капиталистовъ, который своими требованіями или правилами ограничиваетъ въ общемъ производство

До тѣхъ поръ, пока они работаютъ въ этомъ направленіи, ихъ дѣятельность безвредна, такъ какъ она внесла нѣкоторыя полезныя поправки въ смыслъ облегченія тѣхъ золъ, которыя сопровождали переходъ къ капиталистической организаціи. Они стремились ввести большую устойчивость промышленности, чтобы уменьшить силу колебаній производства, вмѣстѣ съ ихъ роковымъ вліяніемъ на судьбу рабочаго; они также старались сохранить извѣстныя жизненныя удобства рабочаго и бороться со всѣми вліяніями, которыя прямо или косвенно пытаются уменьшить его благосостояніе.

Иногда утверждали, что улучшеніе положенія англійскихъ рабочихъ явилось слѣдствіемъ „общаго соціального прогресса“, и что можно было достигнуть того же результата, помимо фабричныхъ законовъ и рабочихъ союзовъ; это утверженіе не можетъ быть доказано, и потому оно является въ высшей степени невѣроятнымъ. Одно индивидуальное соревнованіе можетъ служить прогрессу общества, но ему нѣтъ надобности считаться съ положеніемъ будущаго поколѣнія или съ благосостояніемъ рабочаго класса вообще. Государство вмѣшалось путемъ законодательства и надзора, но ремесленники организовались сами для защиты важныхъ элементовъ своего благосостоянія, и каждый изъ нихъ, какъ индивидуумъ, едва ли бы могъ имѣть настолько силы, чтобы добиться этого. Несмотря на ужасныя жизненныя условія многихъ бѣдныхъ, можно думать, что новыя соціальныя условія, вызванныя промышленной революціей, благопріятны для благосостоянія рабочихъ классовъ, какъ въ отношеніи ихъ матеріальнаго положенія, такъ и въ смыслѣ выработки личнаго характера. Легко идеализировать прошлое и рисовать картину независимаго и счастливаго ткача, который живетъ въ прекрасной деревнѣ и работаетъ для себя вмѣстѣ съ своей женой и семьей. Но чѣмъ болѣе мы изслѣдуемъ подробности, тѣмъ болѣе находимъ причинъ сомнѣваться въ томъ, чтобы жизнь фабричнаго въ дореволюціонное время была та- и такимъ образомъ сокращаетъ возможность пользованія благами жизни, по справедливости, подозрѣвается какъ приносящій общественный вредъ. Подобный способъ дѣйствія союза можетъ имѣть свою причину, но по крайней мѣрѣ онъ требуетъ полнаго оправданія и противъ него существуетъ *prima facie*. Такъ какъ экономическія отношенія и организаціи становятся болѣе и болѣе космополитическими, то является дѣйствительная опасность, что никакая политическая власть не будетъ въ состояніи серьезно бороться съ организаціями, имѣющими такія обширныя развѣтвленія.

кова. что могла бы вызвать зависть въ среднемъ современномъ мастеровомъ. Идеаль жизненныхъ удобствъ былъ низокъ, и ткачъ, который могъ заработать хорошее жалованье, довольствовался имъ, и много времени проводилъ въ праздности; въ узкомъ кругозорѣ деревенской жизни онъ не находилъ никакихъ умственныхъ интересовъ ни въ политикѣ, ни въ разумныхъ развлеченіяхъ и въ то же время былъ лишень всякой возможности развить свои музыкальные и литературные вкусы. Изъ пережившихъ примѣровъ мы знаемъ, какъ плохо было помѣщеніе, въ которомъ онъ работалъ, и нѣтъ основанія думать, что его дѣти находили въ немъ всегда справедливаго и сдержаннаго учителя; первобытныя фабрики приняла за образецъ нормальный распорядокъ домашней промышленности, въ смыслѣ гигиены и вентиляціи. Но фабричная система обнаружила полную неудовлетворительность тѣхъ условій, въ которыхъ жили и работали мужчины, женщины и дѣти, и сдѣлала возможной попытку исправить это зло. Безъ сомнѣнія, съ введеніемъ этой системы индивидуальность понесла серьезную потерю; каждый чувствовалъ, что онъ уже не свободный челоувѣкъ, а руки, управляемая тираніей фабричнаго колокола; но дисциплина правильной работы по часамъ, а также обученіе, приобретаемое совмѣстнымъ трудомъ, способствовали выработкѣ замѣчательнаго типа. Когда мы обратимъ свой взглядъ назадъ къ дореволюціонному времени и посмотримъ на всѣ бѣдствія переходнаго періода. то у насъ явится сомнѣніе, было ли положеніе мастера и его семьи въ какомъ бы ни было отношеніи лучше, чѣмъ теперь. Однако такой результатъ не представляется слѣпой игрой экономическихъ силъ; что касается послѣднихъ то онѣ были причиной только раздробленія и индивидуальнаго униженія. Механика изобрѣла способы управлять этими слѣпыми силами, она служила главнымъ орудіемъ для введенія этого общаго улучшенія и сдѣлала возможной заботу объ интересахъ массъ настоящаго и будущаго населенія.

129. Каждая схема національной экономической политики принимала за аксіому, что въ интересахъ національнаго могущества было желательно культивировать извѣстнаго рода матеріальное благосостояніе, и что на обязанности правительства лежало поощрять дѣловую энергію народа въ тѣхъ направленіяхъ, которыя могутъ быть благотѣльны

**Измѣненіе въ
англійскихъ
финансахъ.**

для страны, какъ политическаго государства. Но подъ вліяніемъ ученія Адама Смита, эта доктрина упала въ общественномъ мнѣніи. Казалось, что такъ какъ государство есть агрегатъ индивидуумовъ, то легче достигнуть общаго богатства, если предоставить каждому заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ; чувствовалось также, что при возростаніи общаго благосостоянія могутъ представиться благопріятныя условія для всякой спеціальной формы богатства, какая будетъ желательна. Признаніе національности руководящимъ принципомъ всей экономической организаціи было важнымъ шагомъ движенія впередъ; но лишь только страна стала сомнѣваться въ мудрости контроля надъ всей экономической дѣятельностью англичанъ, съ цѣлью содѣйствовать могуществу королевства, какъ вся система національнаго регулированія промышленности, оказалась несостоятельной. Указы, управлявшіе ходомъ промышленности и покровительствовавшіе мореходству и снабженію продовольственныхъ запасовъ страны, какъ мы видѣли, были отмѣнены одинъ за другимъ. Какъ ни кажется парадоксальнымъ, но будетъ вполнѣ справедливо сказать, что въ торговомъ и промышленномъ отношеніи Англія перестала быть „націей“ въ экономическомъ значеніи этого слова. Однако эта перемѣна доставила значительныя затрудненія для финансовой системы страны. Съ незапамятныхъ временъ главное бремя расходовъ правительства, по скольку они оплачивались налогами, несла на себѣ земля; таможенныя пошлины были сравнительно незначительны, до тѣхъ поръ, пока торговля страны была ничтожна, акцизные же сборы не существовали до Великой революціи. Землевладѣльцы несли главную тяжесть налоговъ, и послѣ Реставраціи обнаружилась ихъ возраставшая зависть къ капиталистамъ, которые пользовались большими состояніями и въ то же время мало участвовали въ расходахъ націи. Удобства фискальной системы облегчали распредѣленіе и сборъ податей съ тѣхъ, кто прочно основался въ странѣ, такъ какъ Локъ утверждалъ, что тяжесть налоговъ въ концѣ концовъ должна ложиться на землевладѣльцевъ и что удобнѣе и дешевле взимать эти налоги непосредственно съ нихъ.

Высоко покровительственный хлѣбный законъ 1815 года отчасти пытался уничтожить несправедливость тяжести податного обложенія; этотъ законъ неправильно отяготилъ земельные доходы; кромѣ того, всѣ землевладѣльцы должны были пла-

тить десятую часть дохода и содержать обнищавшее население сельскихъ участковъ. Этотъ законъ не могъ достигнуть своей цѣли — дать возможность земледѣлю выдержать ту несправедливую часть налога, которою оно было отягощено. Для нѣкоторыхъ частей государства эта тяжесть оказалась такъ велика, что правительству невозможно было настойчиво продолжать свою неудобную попытку исправить несправедливость фискальной системы. Однако достигли значительнаго прогресса, разрѣшивъ эти затрудненія инымъ, лучшимъ способомъ; была придумана система, которая съ успѣхомъ распредѣляла и взимала государственный доходъ съ гражданъ, богатство которыхъ не заключалось въ земельномъ имуществѣ. Акцизъ и таможенные пошлины составляютъ обширную статью дохода. Этотъ доходъ уплачиваютъ потребители всѣхъ классовъ, богатые и бѣдные, горожане и деревенскіе жители. Еще большее значеніе въ своей основѣ имѣетъ подоходный налогъ, который заставляетъ капиталистовъ вносить извѣстный процентъ изъ торговой прибыли, а *рантьеровъ* — часть дохода изъ процентовъ съ своихъ сбереженій. Весь такой механизмъ сбора этой отрасли внутренняго дохода можетъ служить для пониженія налога въ значительныхъ размѣрахъ; однако не легко остановиться на какомъ-либо образцѣ справедливаго и несправедливаго распредѣленія общественныхъ тягостей между земельными и капиталистическими доходами. Тѣмъ не менѣе существуетъ одно очевидное преимущество подоходнаго налога: онъ далъ возможность устранить національную экономическую политику безъ серьезной финансовой опасности. Въ то время, когда землевладѣльцы были единственнымъ классомъ, къ которому сборщики могли обращаться съ своими требованіями; было необходимо охранять интересы этого класса¹; но подоходный налогъ даетъ возможность получать государственный доходъ съ прибылей капитала, помещеннаго въ оборотъ за-границей; онъ устраняетъ финансовые мотивы, которые раньше возбуждали ревность къ колоніальному прогрессу, изъ опасенія, что колоніи задержатъ развитіе тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ извлекали національный доходъ. До тѣхъ поръ, пока англійскіе капиталисты остаются на ро-

¹ Это сказалось въ дѣйствіяхъ правительства относительно Ирландіи въ семнадцатомъ столѣтіи. Cunningham, *Repression of Woollen Trade*, въ *English History Review*. I, 287.

динѣ, для правительства сравнительно безразлично гдѣ помѣщенъ ихъ капиталъ: въ Индіи, или въ колоніяхъ, или на своемъ островѣ; они все равно вносятъ свою часть дохода коронѣ. Реорганизация англійской системы дохода, принятая страной въ 1874 г., совмѣстима съ развитіемъ англійской экономической дѣятельности, не только въ національномъ, но и въ космополитическомъ отношеніи.

Англія была піонеромъ вѣка изобрѣтеній; воспользовавшись сама результатами промышленной революціи, она смогла принять главное участіе въ распространеніи этихъ промышленныхъ улучшеній и ввести быстрыя средства сообщенія во всѣхъ частяхъ земного шара. Дѣло, которое она уже совершала сама или при помощи своихъ обширныхъ развѣтвленій, въ Америкѣ и Австраліи, дало ей особенно важное значеніе въ міровой исторіи, и въ то же время заставило ее приспособить свою экономическую жизнь ко всему свѣту. Всякая страна, предназначенная для экономическихъ цѣлей, представляется какъ бы областью съ свободнымъ притокомъ труда и капитала, но Англія не признаетъ и не налагаетъ границъ на эту область; она дозволила эмиграцію своихъ искусныхъ работниковъ въ 1825 г., и въ финансовомъ отношеніи она относилась индифферентно къ раіонамъ, которые избиралъ для своего помѣщенія капиталъ. Къ добру или къ худу, она отказалась отъ національной экономической политики, одинаково какъ въ торговлѣ и промышленности, такъ въ земледѣліи и финансахъ.

Г Л А В А II.

Общія тенденціи и особенныя условія.

**Неизбѣжныя
тенденціи эконо-
мическихъ
силъ.**

130. Быстрый матеріальный прогрессъ, начавшись въ Англіи въ прошломъ столѣтіи, распространился по всему остальному свѣту. Выгоды, доставляемыя новыми процессами индустріи и средствами сообщенія настолько велики, что такой народъ, какъ японцы, который долго находился почти въ неподвижномъ состояніи, охотно началъ подражать прогрессивнымъ народамъ Запада и вводить разнаго рода механическія изобрѣтенія. Въ другихъ странахъ, какъ въ Китаѣ, необходимость военной защиты заставила его правителей ввести новое вооруженіе и обратиться къ помощи европейскихъ учителей. Предпріимчивые капиталисты быстро проложили себѣ путь въ каждую часть свѣта, гдѣ имѣлось въ виду развитіе природныхъ источниковъ богатства, которые при разработкѣ могутъ съ избыткомъ вознаграждать предпріятіе. Механическіе улучшения и капиталистическая организація промышленности — съ которыми удобно соединяется машинное производство — замѣнили примитивную промышленность искусства и первоначальные типы экономической жизни въ каждой извѣстной области земного шара.

Нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ неизбѣжны, о чемъ часто можно сожалѣть, но разъ великія экономическія силы приведены въ дѣйствіе, онѣ не могутъ быть задержаны; и невѣроятно, чтобы движенія, начавшіяся въ странѣ, когда она вовлечена въ кругъ торговыхъ сношеній, могли быть произвольно остановлены на какомъ-либо пунктѣ. Разъ преграды

разрушены, то замѣщеніе натурального хозяйства денежными платежами, конкуренціей установленныхъ цѣнъ и капиталистическимъ надзоромъ цеховой организаціи, по всей вѣроятности, быстро происходитъ; трудно представить себѣ какія либо средства, которыми можно было задержать эти перемѣны, съ цѣлью сохранить неприкосновенными старыя соціальныя формы и обычаи. Легко осуждать „алчность“ искателей золота и піонеровъ, которые открыли какую-нибудь новую страну; но ихъ пріобрѣтенія не были только личныя такъ какъ ихъ предпріятіе тогда только вознаграждается¹, если имъ удастся удовлетворить общимъ требованіямъ жителей густо населенныхъ европейскихъ странъ. Мы живемъ въ такое время, когда притязанія на исключительную привилегію подвергаются тщательному изслѣдованію; цивилизованные народы настаиваютъ на томъ, чтобы ресурсы земли насколько возможно были использованы; они ревниво относятся къ праву какого-либо варварскаго или полудивилизованнаго народа удержать за собой территорію, если онъ не эксплуатируетъ ее съ наибольшей выгодой. Въ интересахъ всего человѣческаго рода слѣдуетъ воспользоваться жизненными возможностями земного шара, и тѣ, кто предпочитаетъ жить охотниками или номадами на землѣ, пригодной для обработки, никогда не смогутъ устроить въ борьбѣ за существованіе. Если какойлибо народъ или государство отказывается энергично содѣйствовать тому, чтобы земля доставляла возможно большую пользу, то, вѣроятно, ихъ вытѣснятъ тѣ, кто съ энергіей возьмется за эту работу.

131. Есть много людей, которые думаютъ, что эти перемѣны пагубны, и которые смотрятъ на будущее съ мрачнымъ предчувствіемъ. Они полагаютъ, что каждый шагъ прогресса втягиваетъ все большую и большую часть населенія земного шара въ самую острую борьбу за существованіе; что каждое улучшеніе въ промышленности приводитъ къ добыванію болѣе обширныхъ запасовъ пищи, но съ болѣе суровымъ трудомъ²; и что люди постоянно

**Пессимизмъ и
анархизмъ.**

¹ *Modern Civilisation*, 141. Какъ утверждаетъ м-ръ Бусъ (Booth), выгода не столько есть мотивъ, сколько руководящая идея. *Life and Labour in London*, IX. 170.

² Относительно закона о сокращеніи рабочихъ дней, см. *Modern Civilisation*, 77—79.

приближаются къ отчаянному положенію, которое наступитъ тогда, когда ихъ число будетъ гораздо больше чѣмъ теперь, и когда общая нужда явится болѣе интенсивной. Но такое пессимистическое возрѣніе на будущее человѣческой расы основывается на предположеніи, что человѣкъ есть рабъ своихъ болѣе грубыхъ импульсовъ. Каждый успѣхъ въ матеріальномъ прогрессѣ въ прошломъ доставлялъ такія благопріятныя условія, какими можно пользоваться или для распространенія усилившагося благосостоянія, или только для умноженія существующаго уровня благосостоянія, или частью для одного, а частью для другого. Существуетъ распространенное мнѣніе, что такіе преимущества непременно будутъ употреблены во зло и уменьшать число людей, пользующихся благосостояніемъ по старому типу, но это не представляется необходимымъ или неизбѣжнымъ; еще менѣе есть основаніе думать, что увеличеніе населенія будетъ продолжаться механически, такъ что оно понизитъ уровень благосостоянія массъ¹. На сколько мы можемъ судить типъ благосостоянія искуснаго мастера въ Америкѣ и Англіи гораздо выше, чѣмъ могъ быть таковой въ какой бы ни было ранній періодъ всемірной исторіи; и рабочіе классы обладаютъ такой политической властью въ этихъ странахъ, что не легко воспрепятствовать ихъ усиліямъ сохранить или возвысить уровень своего благосостоянія. До тѣхъ поръ, пока это справедливо относительно самыхъ развитыхъ государствъ, у насъ нѣтъ повода опасаться, что матеріальный прогрессъ непременно приведетъ къ увеличенію нищеты и вырожденію расы.

Однако, одно только увеличеніе народонаселенія и капиталистическая организація современнаго общества несомнѣстимы съ тѣми цѣлями, которыя многіе лелѣютъ для себя лично. Классическіе экономисты идеализировали то положеніе дѣлъ, при которомъ каждый человѣкъ могъ бы свободно преслѣдовать свой собственный интересъ такъ, какъ онъ понимаетъ его; они утверждали, что это полезно для государства, какъ цѣлаго, потому что приводитъ къ производству массы товаровъ. Болѣе глубокій индивидуализмъ настаиваетъ, что при существующемъ состояніи общества большинство народонаселенія лишено всѣхъ благопріятныхъ условій проложить себѣ дорогу въ

¹ Ibid. 171.

жизни, ибо съ самаго рожденія оно осуждено работать при такихъ условіяхъ, что эта работа можетъ быть выгодна для интересовъ другихъ, а отнюдь не для ихъ собственныхъ. И такъ какъ все яснѣе обозначается граница между классомъ хозяевъ и классомъ рабочихъ и увеличивается трудность перехода изъ одного класса въ другой, а возможность занять болѣе высокое положеніе въ классѣ хозяевъ все уменьшается, то для личности представляется менѣе простора составить себѣ карьеру. Люди съ исключительными способностями еще могутъ пробить себѣ дорогу къ высшимъ ступенямъ общественной лѣстницы, но люди съ обыкновенными познаніями и дарованіями едва ли могутъ надѣяться когда бы то ни было подняться на ступень выше себя. Становится все больше и больше людей, которые чувствуютъ, что у нихъ никогда не было возможности улучшить свое положеніе и которые недовольны общественными учрежденіями, осудившими ихъ и многихъ ихъ товарищей на тяжкую трудовую жизнь. Анархизмъ есть не только непростительное заблужденіе, но онъ представляетъ весьма реальную опасность для существованія общества, потому что анархизмъ есть логическій выводъ изъ нѣкоторыхъ широкораспространенныхъ вѣрованій, примѣняемыхъ многими къ ихъ собственнымъ жизненнымъ условіямъ. Масса полезнаго богатства мало принимается въ расчетъ этими людьми, и если они считаются съ нимъ, то постольку, поскольку оно нужно для нихъ, чтобы пользоваться имъ въ теченіе ихъ собственной жизни; они требуютъ свободы для индивидуальнаго саморазвитія и не допускаютъ, что они призваны жертвовать собой или ради существующаго строя, или ради будущихъ поколѣній.

Какъ ни извинительно такое состояніе умовъ, но подобный крайній индивидуализмъ несовмѣстимъ съ сохраненіемъ и прогрессомъ человѣческаго общества; мы не должны пренебрегать ни личной, ни соціальной стороною дѣла. Справедливо, что объ учрежденіяхъ общества судятъ по вліянію, какое они оказываютъ на индивидуальный характеръ; но справедливо также и то, что достоинство индивидуума измѣряется его способностью и готовностью содѣйствовать благосостоянію общества въ настоящемъ или въ будущемъ. То, что сфера независимой дѣятельности ограничена капиталистической организаціей, является дѣйствительнымъ стѣсненіемъ личности; но, съ соціальной точки зрѣнія, это стѣсненіе полезно, потому что

оно дисциплинирует челоѣка и дѣлаетъ его болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ могъ бы быть при иныхъ условіяхъ. Мы должны помнить также, что самое высоекое развитіе характера вполне совмѣстимо съ сознательнымъ желаніемъ занять мѣсто въ социальномъ строѣ и возможно лучше использовать свое положеніе. Ошибочно предполагать, что ограниченіе путей для преуспѣянія, которое проистекаетъ отъ увеличенія народонаселенія и осложненія общества, обусловливаетъ упадокъ личности.

Тѣ кто ближе изслѣдуютъ громадную силу орудій производства, которая намъ стала доступна, благодаря вѣку изобрѣтеній, не могутъ не чувствовать разочарованія въ ничтожности полученныхъ результатовъ для счастья челоѣческаго рода. И хотя мы уже не можемъ сочувствовать легкомысленному оптимизму классическихъ экономистовъ, тѣмъ не менѣе намъ нѣтъ надобности впадать въ противоположную ошибку и порицать матеріальный прогрессъ за то, что онъ приноситъ, будто, только вредъ или необходимо влечетъ за собой одни серьезныя бѣдствія. Онъ открываетъ возможность улучшеннаго типа благосостоянія, хотя можно не воспользоваться или злоупотреблять тѣми случаями, которые онъ доставляетъ; онъ даетъ меньше простора для индивидуальной независимости, но это не обусловливаетъ непремѣннаго пониженія личности.

132. Въ то же время, надо замѣтить, что зло и бѣдствіе на которыя такъ нападаютъ пессимисты и анархисты, дѣйствительно существуютъ, и это достойно глубокаго сожалѣнія; но между тѣмъ какъ прогрессъ безостановочно идетъ впередъ, справедливо однако, что можно избѣжать нѣкоторыхъ часто сопровождающихъ его золъ, такъ какъ иногда предпринимались успѣшныя попытки предупреждать появленіе этихъ золъ или уничтожать ихъ, когда они возникали. Лучшая гарантія противъ нѣкоторыхъ опасностей заключается въ признаніи ихъ существованія и готовности встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу; необходимо также помнить, что общественныя бѣдствія часто сопровождаютъ введеніе экономическихъ реформъ. Граждане должны быть постоянно на сторожѣ, чтобы ихъ соединенное усиліе и законодательныя мѣры могли быть рѣшительно направлены на противодѣйствіе какому-либо злу, которое можетъ возникнуть въ переходный періодъ.

**Контроль
надъ дѣйстви-
емъ экономи-
ческихъ силъ
въ различныхъ
обстоятель-
ствахъ.**

Въ этомъ въ настоящее время состоитъ главный долгъ, политической власти по отношенію къ экономическимъ проблемамъ. Распространеніе демократическихъ принциповъ и форма въ которой политическая власть перешла въ руки массъ населенія, говорящаго на англійскомъ языкѣ, обратили вниманіе на благосостояніе рабочихъ классовъ, и это благосостояніе служить теперь критеріемъ національнаго преуспѣянія. Намъ уже нѣтъ надобности обсуждать тѣ методы, при помощи которыхъ національные ресурсы могутъ быстро развиваться такъ, чтобы способствовать увеличенію національнаго могущества или болѣе обширному накопленію продуктовъ; этотъ вопросъ рѣшенъ. Опытъ показалъ намъ, что матеріальнаго богатства можно лучше всего достигнуть, давая полный просторъ капиталистическому веденію промышленности. Сущность современной задачи заключается въ контролированіи этой силы такимъ образомъ, чтобы ея дезинтегрирующее дѣйствіе на общество и ея давленіе на личность были удержаны въ должныхъ границахъ, и чтобы успѣхи матеріальнаго прогресса могли дѣйствительно служить орудіемъ нравственнаго и интеллектуальнаго благосостоянія человѣческаго рода. Эта задача не подлежитъ какому-либо общему рѣшенію; здѣсь приходится имѣть дѣло съ различными способами, согласно особннымъ условіямъ cadaго государства; при этомъ должны быть приняты во вниманіе особенности физическаго характера, національнаго темперамента и политическаго устройства.

Новыя изобрѣтенія и системы промышленно-торговой организациі были введены въ страны, экономическія условія которыхъ весьма несходны съ тѣми же условіями Великобританіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ господствуютъ натуральное хозяйство или цѣны установленныя обычаемъ; между тѣмъ какъ другіе народы привыкли къ денежнымъ торговымъ сдѣлкамъ и конкуренціи. Физическіе источники доходовъ, привлекающіе капиталистовъ, могутъ быть различны: въ одной странѣ большія выгоды приносятъ угольные копи, въ другой — производство пшеницы, въ третьей — мануфактура, и потому воздѣйствія на общество вообще и на существующую промышленность будутъ совершенно различнаго характера. Улучшенія внутренняго сообщенія при помощи желѣзныхъ дорогъ даютъ различные результаты въ ненаселенныхъ преріяхъ Запада и въ таковой густо населенной странѣ, какъ Индія. Они были благодѣ-

тельны, какъ для той, такъ и для другой области; но ихъ выгоды различны, какъ и возникающія бѣдствія, съ которыми надо бороться, не одинаковы. Въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзные пути были піонерами, которые открыли недоступныя прежде земли и сдѣлали возможнымъ заселеніе и обработку отдаленныхъ участковъ; но представляется опасность, что эти пути могутъ создать гигантскую монополію, которая станетъ управлять всѣмъ будущимъ развитіемъ въ своемъ собственномъ интересѣ. Въ Индіи изолированныя деревни вошли въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и нашли лучшій рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ; но быстрый переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству и прекращеніе независимаго экономического положенія деревни усилили тяжесть налоговъ и уничтожили нѣкоторыя прежнія мѣры борьбы съ недостаткомъ или голодомъ. Въ какой бы формѣ не вводили капиталистическую систему, масса населенія будетъ поставлена въ необходимость примѣнять свой обычный образъ жизни къ новымъ условіямъ, но характеръ этого давленія на общество и характеръ его результатовъ будутъ различны, смотря по обстоятельствамъ. Въ такой странѣ, какъ Великобританія, гдѣ земля есть собственность крупныхъ владѣльцевъ съ большой политической властью, борьба между земельными и денежными интересами приняла особенную форму; въ другихъ странахъ, какъ въ Америкѣ, въ Европѣ или въ Индіи, гдѣ существуютъ крестьянскія земельныя владѣнія, та же борьба возникаетъ скорѣе на почвѣ размѣра процентовъ¹, чѣмъ на почвѣ законодательнаго покровительства фермерамъ. То же происходитъ и со всѣми другими переменами. Зло, являющееся слѣдствіемъ распадѣнія семейной жизни будетъ чувствоваться сильнѣе въ странахъ съ грубой и стойкой соціальной системой и тамъ, гдѣ трудъ раздѣленъ между различными кастами. Въ Индіи, напримѣръ, ремесла наслѣдственны и въ высшей степени стереотипны, и невозможно безъ переворота во всѣхъ нравахъ жизни организовать фабрики и инженерныя

¹ Задолженность земледѣльцевъ земельнымъ банкамъ или мѣстнымъ займодавцамъ стала очень серьезнымъ вопросомъ во многихъ частяхъ свѣта. Весьма замѣчательнаго успѣха въ этомъ отношеніи достигли правительства Новой Зеландіи и другихъ австралійскихъ колоній, организовавъ общественныя учрежденія для земледѣльческихъ займовъ.

мастерскія. Переходъ отъ домашней индустріи уже самъ по себѣ приводитъ къ общественной дезинтеграціи, которая усиливается соотвѣтственно стойкости подрываемой ею системы.

Необходимо также помнить, что средства, которыя примѣнимы въ одной странѣ, будутъ несоотвѣтствовать условіямъ другой; нельзя пересадить англійскаго фабричнаго инспектора или рабочіе союзы въ другія страны; могутъ потребоваться новыя формы административнаго механизма для исполненія его функцій. Нѣкоторые народы по своимъ нравамъ и воспитанію могутъ сами организоваться для самозащиты, между тѣмъ какъ другіе могутъ лишь безпомощно ожидать вмѣшательства государства для защиты ихъ интересовъ. Франція въ болѣе высокой степени, чѣмъ Англія, привыкла въ теченіе столѣтій зависѣть отъ инициативы правительства; такія національныя характеристическія черты должны приниматься въ расчетъ, и каждую страну слѣдуетъ разсматривать независимо и отдѣльно. Способъ рѣшенія этихъ проблемъ, имѣвшій успѣхъ въ одной странѣ, можетъ быть совершенно не приложимъ въ другой, но это не избавляетъ какой-либо народъ или правительство отъ обязанности бороться съ этими затрудненіями въ какой бы формѣ они не появились. Никогда не можетъ быть хорошей та политика, которая позволяетъ экономическимъ силамъ свободно дѣйствовать, не стараясь направить ихъ такъ, чтобы уменьшить то зло, которое можетъ возникнуть въ переходный періодъ.

133. Однако существуетъ одно условіе, которое одинаково существенно для всѣхъ странъ; если желаютъ благоразумно управлять экономическими силами, такъ чтобы бѣдствія, сопровождающія промышленныя перемѣны, были доведены до минимума, то для этого необходима такая политическая власть, которая была бы достаточно сильна, чтобы поддержать свой авторитетъ и заставить исполнять ея указанія. Должна существовать дѣйствительная власть, которая могла бы настоять, чтобы истинный интересъ общества въ его цѣломъ не приносили въ жертву выгодамъ какого-либо одного класса. Въ цивилизованныхъ государствахъ Стараго и Новаго свѣта такія правительства существуютъ; но необходимо установленіе вліятельнаго надзора во многихъ частяхъ земного шара, и желательно, чтобы такой надзоръ дѣйствовалъ не только въ личныхъ или національ-

**Націонализмъ
и космополи-
тизмъ**

ныхъ интересахъ, но и въ интересахъ всего человѣчества. Пространства, занятые полуцивилизованными или варварскими народами, вѣроятно, сильно пострадаютъ, пока они не будутъ покорены авторитету какой-либо власти, признаваемой бѣлыми людьми. Это желательно не только въ интересахъ иностранныхъ капиталистовъ, но необходимо, какъ единственное средство обезпечить туземному населенію лучшее обхожденіе. Энергія піонеровъ и предприимчивость купцовъ и искателей золота, предоставленныя самимъ себѣ, довели американскихъ индѣйцевъ и другихъ туземцевъ до ужасныхъ бѣдствій, и вызвали взрывы жестокаго возмездія. Чрезвычайно трудно дозволить нецивилизованнымъ народамъ сохранить свою независимость и попытки быстро прививать отсталымъ расамъ современный образъ мыслей и дѣйствій часто терпѣли неудачу; всего благоразумнѣе сохранить искусственное разобщеніе, съ тѣмъ, чтобы необходимое измѣненіе происходило постепенно не извращая лучшихъ элементовъ ихъ національнаго характера и преданій. Только подъ эгидой сильной политической власти можно дозволить первобытнымъ племенамъ „сохранить“ территоріальныя ихъ владѣнія и принять соотвѣтствующія мѣры для поощренія ихъ постепеннаго развитія.

Расширеніе современной промышленности и торговли сдѣлало весьма желательнымъ распространеніе политической власти цивилизованныхъ государствъ, при чемъ тому или другому изъ нихъ надлежитъ имѣть высшій надзоръ и принять на себя отвѣтственность за матеріальное развитіе всѣхъ частей земного шара. Въ интересахъ всего свѣта необходимо, чтобы вездѣ была обезпечена жизнь и собственность. Франція, Германія, Бельгія и Англія установили различныя сферы вліянія въ Африкѣ. На отдаленномъ Востокѣ совершается тотъ же процессъ; большая часть Азіи находится подъ управленіемъ Россіи, а Англія управляетъ плотно населенной площадью Индіи; между тѣмъ какъ Соединенные Штаты стремятся къ постоянному протекторату въ Новомъ свѣтѣ и на островахъ Тихаго океана. Поразительное расширеніе цивилизованнаго господства явилось необходимымъ слѣдствіемъ открывшихся новыхъ и обширныхъ поприщъ для экономической предприимчивости. Для будущаго представляется сложный вопросъ, должна ли эта новая власть управлять благосостояніемъ всего свѣта или она будетъ направлена только на частныя и національныя интересы.

Это быстрое политическое расширеніе, конечно, не было слѣдствіемъ какого-либо заранѣе условленнаго дѣйствія для общаго блага; дѣйствительно, его можно непосредственно отнести къ возрастающему обостренію національнаго соперничества, которое было слѣдствіемъ промышленной революціи. Періодъ, непосредственно слѣдовавшій за Наполеоновскими войнами, былъ періодомъ истощенія и покоя; наблюдатели были склонны думать, что теперь цивилизованные люди вступили въ промышленную эру, когда соревнованіе націй будетъ отложено въ сторону, и всѣ будутъ соперничать въ культивированіи мирныхъ искусствъ и въ устройствѣ всемірныхъ выставокъ. Но такое мнѣніе было вполне ошибочно; Германія, Италія и Америка только начинали достигать сознательнаго національнаго существованія въ тѣ десятилѣтія, когда это чувство перестало быть господствующей силой въ англійской политикѣ. Событія доказали, что промышленное развитіе Англіи послужило возбуждающимъ стимуломъ для торговыхъ соперничествъ, возникшихъ національностей. До тѣхъ поръ, пока страны торговали другъ съ другомъ своими естественными продуктами, легко было понять, что одна страна доставляла то, что требовала другая, и что каждая получала прибыль при взаимномъ обмѣнѣ; даже до тѣхъ поръ, пока отдѣльные ремесла были наслѣдственны и зависѣли отъ наслѣдственнаго и мѣстнаго искусства, было не трудно пріобрѣтать покупкой мануфактурные товары у того народа, за которымъ какъ бы установилось право на ихъ производство. Но лишь только механическое производство замѣнило личное искусство, уже не было основанія никакому народу ставить себя въ зависимое экономическое положеніе; каждая страна можетъ добывать для себя матеріалы и мануфактурныя произведенія; поэтому каждая страна стремится снабдить товаромъ свой собственный рынокъ и достигнуть въ большей степени экономической самостоятельности.

Были другіе способы, которыми современные изобрѣтенія стремились снова возбудить національное экономическое соревнованіе. Такъ какъ механическое производство развилось въ различныхъ странахъ, то производители стали стремиться получить доступъ не только къ внутреннимъ, но и къ внѣшнимъ рынкамъ. Націи, желавшія исключительно обезпечить рынки для своихъ товаровъ, вовлечены были въ захватъ территоріи въ Африкѣ и въ распространеніе сферы ихъ вліянія на

Дальній Востокъ. Гигантская промышленность не можетъ довольствоваться однимъ внутреннимъ рынкомъ—даже въ Соединенныхъ Штатахъ—но стремится получить доступъ къ болѣе широкимъ сферамъ. Германія съ ея недавно основаннымъ національнымъ единствомъ представляетъ самый наглядный примѣръ этой тенденціи; она старается развить свои промышленные ресурсы и вознаградить себя за пропущенныя ею благоприятныя условія распространенія территоріи и такимъ образомъ создать исключительно національную экономическую систему, какъ основу національнаго могущества. Въ общемъ, кажется, что вѣкъ изобрѣтеній не принесъ пользы дѣлу мира; онъ доставилъ новыя облегченія для организаціи военного дѣла, между тѣмъ какъ національныя соревнованія и соперничества стали острѣе, такъ какъ различныя страны имѣютъ цѣлью обезпечить за собою экономическую независимость и соперничаютъ въ захватѣ рынковъ для своихъ мануфактуръ.

Однако есть основаніе надѣяться, что такой возвратъ къ національному экономическому соревнованію есть только переходящая фаза, а не постоянное политическое состояніе. Англія въ теченіе столѣтій держалась исключительной экономической системы, но назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ отказалась отъ нея, не изъ одной только филантропіи, а потому что при измѣнившихся условіяхъ этого требовали ея интересы. Для нея выгоднѣе занять положеніе въ космополитической системѣ и признать взаимную зависимость между всѣми государствами, чѣмъ стремиться сохранить свою собственную независимую экономическую жизнь. Трудность снабдить себя необходимыми запасами пищи принудила ее принять такое направленіе; но возраставшая польза, благодаря этой системѣ, не ограничивается одной Англіей. Космополитическая система, которую она приняла изъ крайней необходимости, предоставила свободу другимъ націямъ извлекать выгоду изъ рынковъ и благоприятныхъ промышленныхъ условій, доставляемыхъ каждой территоріей, находящейся подъ ея управленіемъ.

Различіе между старымъ націонализмомъ и новымъ космополитизмомъ обнаруживается не только въ правахъ, дарованныхъ колоніямъ ¹, но и въ томъ положеніи, которое занимаетъ Англія въ своихъ новыхъ владѣніяхъ относительно капитала и

¹ Смотри выше стр.

промышленности другихъ цивилизованныхъ націй. Англіійскія должностныя лица съ большими затрудненіями и препятствіями завѣдуютъ дѣлами контроля въ Египтѣ, тогда какъ французскіе капиталисты пожинаютъ плоды улучшенныхъ условий и принимаютъ большое участіе въ торговлѣ и промышленномъ развитіи страны. Долина Нила была недавно открыта на средства Англіи, но Англія не сдѣлала ни малѣйшей попытки ограничить экономическія выгоды, доставляемыя этой обширной площадью британскимъ подданнымъ. Покореніе Индіи подъ англіійское могущество Клейвомъ не принесло непосредственной пользы британскимъ колоніямъ въ Америкѣ, но политика Англіи въ Египтѣ и на Нилѣ благодѣтельна для всѣхъ цивилизованныхъ націй, такъ какъ она обезпечиваетъ одинаковую свободу дѣйствій Англіи, Америкѣ, Франціи и Германіи. Другія націи современемъ вѣроятно оставятъ національную политику, которую теперь они такъ ревностно преслѣдуютъ. Своимъ опытомъ они будутъ вынуждены убѣдиться, что могутъ получать доступъ къ самымъ обширнымъ рынкамъ и обезпечить необходимыя для нихъ удобства на самыхъ лучшихъ условіяхъ, заботясь не о сохраненіи частныхъ правъ, а о расширеніи общихъ торговыхъ сношеній. Надежды Робдена на всемірную свободную торговлю не оправдались; нація должна далеко уйти впередъ въ развитіи своей экономической жизни, прежде чѣмъ она найдетъ для себя наиболѣе выгоднымъ принять космополитическую политику; но это такая стадія развитія, которой, вѣроятно, рано или поздно, достигнутъ торговыя націи.

Эта экономическая система, если будетъ принята вообще, принесетъ важныя политическіе результаты. По мѣрѣ того какъ отдѣльныя страны будутъ находить, что онѣ могутъ, безъ ущерба для себя видоизмѣнить или перестроить свою торговую систему на космополитическихъ началахъ, будутъ вѣроятно значительно уменьшаться и поводы для международныхъ столкновеній. Уничтоженіе національныхъ экономическихъ соперничествъ должно сильно содѣйствовать уничтоженію самыхъ важныхъ поводовъ для войны. Если мы вспомнимъ, какъ много происходило войнъ во всѣ вѣка, причиной которыхъ было стараніе обезпечить странѣ исключительныя торговыя права, то почувствуемъ, что самое благопріятное предсказаніе о наступленіи всеобщаго мира основано на томъ фактѣ, что одна страна нашла желательнымъ оставить такую исключительную политику и

что всѣ націи одинаково могутъ пользоваться торговыми выгодами въ каждой территоріи, гдѣ установлена британская власть.

Между тѣмъ, какъ космополитизмъ въ торговой политикѣ поощряетъ насъ питать надежды на улучшеніе отношеній между націями, онъ доставляетъ также болѣе благопріятныя условія для внутренняго управленія обширныхъ колоній, чѣмъ какія можетъ доставить національная экономическая политика. Лишь только исключительные національные интересы окончательно устранены, правительствамъ представляется менѣе затрудненій считаться съ нравами и обычаями подчиненныхъ имъ расъ и болѣе возможности позаботиться, прежде всего, о благосостояніи этихъ расъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи благосостояніе колонистовъ и туземцевъ въ покоренныхъ странахъ сознательно подчинялось преуспѣянію и могуществу европейскихъ націй. Политика цивилизованныхъ государствъ того времени была настолько эгоистична, что она почти никогда не имѣла ничего общаго съ лучшими традиціями политики римской имперіи, которая, несмотря на всѣ свои недостатки и присущія ей слабости, до сихъ поръ является типомъ величайшей политики, извѣстной когда-либо міру. Главная заслуга этой имперіи заключается въ томъ, что она сохранила много самыхъ благородныхъ элементовъ древнихъ цивилизацій; греческіе города сохраняли традиціи греческой культуры; готы и другія пограничныя колоніи варварскихъ солдатъ сохранили многія изъ своихъ примитивныхъ добродѣтелей. Англія въ своемъ отношеніи къ Канадѣ и Индіи показала, что она способна достигнуть такого же результата, она избѣгала всякаго вмѣшательства въ чувства или традиціи своихъ покоренныхъ народовъ. Провинція Квебекъ служитъ въ этомъ случаѣ выдающимся примѣромъ. Въ 1759 году эта самая цвѣтущая французская колонія была подчинена власти Англіи; но Англія не настаивала на томъ, чтобы вытѣснить все характерное французской націи. Языкъ и религія были заботливо сохранены, и нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы болѣе благотворные элементы древней французской жизни такъ дѣйствительно охранялись, какъ въ Канадѣ. Французское населеніе остается вѣрнымъ англійскому правительству, такъ какъ оно убѣждено, что ему не угрожаетъ опасность попытокъ приспособить его къ нравамъ и учрежденіямъ, которыя ему чужды. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ управленіе Индіей все

болѣе и болѣе переходило подъ власть Англіи, усиленно стараются понять мѣстные законы и обычаи, стараются считаться съ ними и уважать ихъ. Какъ Римъ сохранилъ греческія литературу, искусство и учрежденія въ то время, когда погибала греческая политическая жизнь, такъ англійское вліяніе помогаетъ сохранить свѣту великое наслѣдство восточной мысли и цивилизаціи.

Необходимо, чтобы всюду были установлены законъ и порядокъ и чтобы существовалъ дѣйствительный надзоръ надъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ. Въ этомъ заключаются истинныя основы общества; и только при помощи космополитической системы возможно обезпечить жизнь и собственность, и оставить расовыя привычки и обычаи, сравнительно, не тронутыми, давъ свободу постепенно сохранять и распространять лучшіе соціальныя элементы въ тѣхъ странахъ, которые подчинены цивилизованному контролю.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

**Взаимодѣй-
ствіе человѣ-
ка и окружаю-
щей его среды.**

134. Предыдущій очеркъ имѣлъ цѣлью выяснить одинъ част-
ный историческій вопросъ; въ немъ была сдѣлана
попытка распознать тѣ особенные дары cadaго
изъ великихъ народовъ прошлаго, которые въ со-
вокупности способствовали передавать наслѣдство
западной цивилизаціи изъ одной эры въ другую.

Эта великая и сложная традиція создана и измѣнена, рас-
ширена и украшена каждой рукой, которая передавала ее. Раз-
личные ручейки иногда увеличивали объемъ, а иногда из-
мѣняли характеръ той рѣки, которой они помогали образо-
ваться. Мы отмѣтили промышленное искусство Египтянъ, пас-
сивную торговлю Іудей и активную торговлю Финикіянъ, какъ
элементы экономической жизни; мы замѣтили, какъ греки под-
чинили свое воззрѣніе на матеріальные ресурсы цѣли достиг-
нуть достойной человѣческой жизни; мы видѣли, какъ город-
ская жизнь грековъ непрерывно продолжалась и распростра-
нялась Александромъ Великимъ и римской имперіей; мы пы-
тались указать на причины разрушенія этой имперіи и упадка
древней цивилизаціи.

Мы изслѣдовали также процессъ перестройки цивилизован-
наго общества подъ вліяніемъ новаго авторитета и новыхъ
санкцій; мы разсмотрѣли постепенное возстановленіе многаго
изъ того, что было утрачено на западѣ; первые шаги въ рас-
пространеніи христіанства; вліянія, содѣйствовавшія его рас-

паденію; возникновеніе національностей и происшедшія отъ нихъ торговое и колоніальное соперничество со времени вѣка географическихъ открытій. Было обращено вниманіе на возроставшую власть человѣка надъ природой и на сильнѣйшія соревнованія, вызванныя вѣкомъ изобрѣтеній. Мы, люди двадцатаго столѣтія, являемся должниками безчисленныхъ человѣческихъ поколѣній различныхъ расъ и многихъ странъ; и долгъ благодарности требуетъ, чтобы мы попытались понять сущность того, чѣмъ мы обязаны каждой изъ нихъ.

Существуетъ ясное различіе въ характерѣ первыхъ и позднѣйшихъ даровъ цивилизаціи. Человѣкъ сначала „былъ погруженъ въ природу“; физическія условія опредѣляютъ его судьбу, климатъ и почва устанавливаютъ искусства, которымъ онъ можетъ посвятить себя—охотѣ, скотоводству, обработки земли, или чемубы то ни было; и эти занятія, повидимому, дѣйствуютъ на характеръ, но со временемъ, когда искусства все болѣе развиваются, и сообщеніе распространяетъ ихъ между народами, человѣкъ все болѣе становится властелиномъ природы; онъ можетъ измѣнить всю среду акклиматизаціей растеній и животныхъ, онъ можетъ подчинить себѣ землю и заставить ее удовлетворять своимъ потребностямъ. Финикіянинъ, грекъ и римлянинъ достигли такого господства надъ физической природой, что были способны въ значительной степени видоизмѣнять ее, согласно своему желанію.

Поэтому въ современномъ мірѣ мы менѣе обращаемъ вниманія на физическія условія, опредѣляющія характеръ и направленіе человѣческаго развитія; мы болѣе интересуемся разумнымъ проявленіемъ человѣческаго усилія и человѣческихъ цѣлей и стремленій, опредѣляющихъ пути нашего прогресса. Наступленіе географическихъ открытій не обусловливалось физической необходимостью или случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ; оно явилось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ настойчивой энергіи человѣка, сознательно направленной на эту цѣль. То же надо замѣтить и о прогрессѣ въ области изобрѣтенія; онъ былъ не только дѣломъ счастливой случайности, но созданіемъ человѣка, который, благодаря своему генію, шелъ навстрѣчу потребностямъ времени.

Возрастающее значеніе человѣческой дѣятельности въ позднѣйшей исторіи цивилизаціи, въ сравненіи съ значеніемъ физической среды, можно наблюдать еще инымъ путемъ. Вели-

кіе источники богатства, предоставленные людямъ вѣкомъ морскихъ открытій, не могли сами по себѣ служить къ обогащенію народовъ, которые обладали ими. Португалія была истощена своей ость-индской торговлей, и Испанія не сумѣла воспользоваться своими владѣніями въ Америкѣ. Благопріятныя случайности сами по себѣ имѣютъ мало значенія; умѣнье благоразумно воспользоваться ими играетъ самую важную роль. Поэтому главная дань современныхъ націй міровому экономическому прогрессу заключалась въ ихъ политическихъ опытахъ, въ цѣляхъ, къ которымъ они стремились, въ средствахъ какими они пользовались для достиженія богатства, въ успѣхѣхъ или неудачѣхъ ихъ попытокъ.

135. Итакъ, существовало взаимное вліяніе человѣка на окружающую его среду и среды на человѣка; но въ позднѣйшихъ стадіяхъ прогресса **Случайный прогрессъ.** человѣческая дѣятельность явилась болѣе могущественнымъ факторомъ. Однако любопытно отмѣтить насколько эта дѣятельность была безсознательна или, другими словами, насколько она неумышленно приводила къ достигнутымъ ею результатамъ. Мы никогда не поймемъ экономическихъ явленій если не будемъ обращать вниманія и на другія стороны, человѣческой жизни, которыя имѣли косвенное отношеніе къ движенію матеріальнаго прогресса. Наиболѣе выдающіеся результаты прогресса были достигнуты воздѣйствіемъ политической жизни на экономическія условія или воздѣйствіемъ распространившейся торговли на промышленность и улучшенной промышленности на торговлю. Тѣ, кто строили англійскую свободную политическую систему не имѣли представленія о томъ, что они давали Англій возможность обезпечить и развитіе колоніальную имперію. Тѣ, кто посвятили себя развитію англійскаго коммерческаго флота, не думали, что они создаютъ условія, сдѣлавшія возможнымъ вѣкъ изобрѣтеній. Монахи и миссіонеры, положившіе основанія средневѣковому обществу, также не имѣли иной цѣли, кромѣ спасенія своей души и душъ другихъ. Экономическое вліяніе и результаты этой дѣятельности слишкомъ отдалены, чтобы какое-либо человѣческое существо могло ихъ предвидѣть или преднамѣренно принимать въ расчетъ; такимъ образомъ прогрессъ въ его цѣломъ широко развился, благодаря человѣческой дѣятельности, которая никогда не была сознательно направлена на эту цѣль.

136. Хотя разрастаніе западной цивилизаціи происходило при участіи столь мало сознательнаго человѣческаго усилія, однако, трудно предположить, что бы ея теченіе было вполне случайнымъ. Постоянное измѣненіе и разрушеніе характеризуютъ всякое органическое развитіе; однако въ общемъ ходѣ прогресса замѣчалось движеніе впередъ, хотя все время мѣстами обнаруживался упадокъ, а мѣстами полное разрушеніе. Можно взять любой примѣръ, — господство надъ силами природы и способность добывать естественные продукты для потребностей человѣка, удобство сообщенія между всѣми частями свѣта, возможности сохраненія благосостоянія для обширнаго народонаселенія, — и увидѣть, что какой бы критерій мы не примѣняли для оцѣнки этихъ явленій, не было ни одного вѣка, который можно было бы сравнить съ настоящимъ. Несмотря на бѣдствія нашего времени, мы чувствуемъ движеніе прогресса въ рѣшеніи нѣкоторыхъ наиболѣе трудныхъ соціальныхъ проблемъ. Никогда не было времени, когда бы существовали такія удобства для организации массы труда, и никогда не было періода, когда бы для работника, какъ индивидуума представлялось болѣе благоприятныхъ случаевъ, если не для выбора необходимыхъ для него условій, то для достиженія своего саморазвитія. Если мы сравнимъ работы по постройкѣ Forth Bridge съ традиціонными рассказами о сооруженіи великой пирамиды, то увидимъ, что не только произошелъ прогрессъ въ механическихъ искусствахъ, но и въ умѣніи организовать общество такимъ образомъ, что явилась возможность достигнуть наиболѣе дѣйствительнаго комбинированія массы труда, и, кромѣ того, обезпечить каждому индивидууму нѣкоторыя благоприятныя условія для политической власти и интеллектуальнаго развитія.

**Прогрессъ
столь же дѣй-
ствительный
и не случай-
ный.**

Измѣненіе въ дѣлѣ торговли представляетъ еще болѣе выдающіяся черты; если мы обратимъ вниманіе на такіе ея зачатки, какъ „обоюдные дары“, и дань египтянъ, мѣну финикянъ въ Африкѣ и ихъ полупиратскія экспедиціи на Средиземномъ морѣ и сравнимъ ихъ съ торговлей настоящаго времени — всесвѣтную безопасность, какою она пользуется, сложный механизмъ, при помощи котораго она ведется, ловкость торговыхъ сдѣлокъ, которыя не допускаютъ монополизациі выгодъ одной стороны въ ущербъ другой, — то сможемъ лучше:

оцѣнить тотъ необыкновенный прогрессъ, который совершился за это время.

Если даже мы и чувствуемъ, что мечты о всеобщемъ мирѣ напрасны, что торгоя зависитъ отъ международной безопасности, а безопасность отъ послѣдняго слова въ дѣлѣ вооруженія, то все-таки видимъ, что международная организація почты, банковъ, торговли, постепенно развиваются, и что третейскій судъ разрѣшаетъ вопросы, которые въ прежнее время разрѣшались бы войной; невозможно положить границъ вѣроятному развитію международныхъ учреждений въ будущемъ. Не вдаваясь въ отдаленныя соображенія, мы можемъ однако признать дѣйствительнымъ прогрессъ въ такихъ большихъ отдѣлахъ соціальной жизни, какъ промышленная дѣятельность и организація, какъ торговая дѣятельность и безопасность международныхъ сношеній. Ходъ этихъ перемѣнъ иногда прерывался, но, повидимому, онѣ всегда были направлены къ одной цѣли, — установленію человѣческаго господства надъ землей и возможно полному пользованію ея ресурсами для распространенія благосостоянія человѣческой расы.

137. Если мы сравниваемъ тѣ самыя раннія начала человѣческаго матеріальнаго прогресса, которыя сдѣлались теперь намъ извѣстны, съ его позднѣйшимъ развитіемъ, то видимъ между ними необыкновенное различіе; однако въ то же время необходимо надо помнить, что каждый его факторъ въ этомъ большомъ движеніи самъ по себѣ былъ сравнительно простъ. Бывали выдающіяся перемѣны, но онѣ наступали не вдругъ: путь для нихъ былъ подготовленъ; открытіе прямого сообщенія съ Востокомъ не было счастливой случайностью, годы терпѣливой предпримчивости привели къ этому главному подвигу; дѣятельность каждаго индивидуума замѣщалась дѣятельностью другого и забывалась, но она была необходимымъ шагомъ впередъ, и, какъ таковая, она имѣла свой смыслъ и свои результаты. Многое исчезло, но немногое было утрачено; всѣ формы человѣческаго искусства современемъ превосходили одна другую; всѣ различные типы экономической группы переросли другъ друга, и ни одинъ изъ нихъ не былъ окончательнымъ и продолжительнымъ.

Ничто не имѣло постояннаго и неизмѣннаго значенія, кромѣ принциповъ, которые положены въ основу всего современнаго

общества и которые существенны для ихъ прогресса въ будущемъ, Самое величіе нашего прогресса въ матеріальномъ прѣуспѣяніи можетъ затемнить отъ насъ ту истину, что человѣческая жизнь заключается не въ изобиліи вещей, которыми человѣкъ обладаетъ. Огромныя скопленія богатства могутъ возбудить только зависть и алчность; механическія силы и способность организоваться, развившіяся въ настоящее время, могутъ подчинить себѣ недальновидныя и разрушительныя страсти. Дѣятельность грековъ открыла передъ нами высокій идеаль возможностей человѣческой природы въ индивидуумѣ и въ обществѣ; но весьма важное чувство христіанскаго долга заставляеть сохранять одинаково высокій идеаль въ каждомъ поколѣніи.

Полный просторъ для индивидуума представляетъ характерную черту нашей настоящей цивилизаціи и въ этомъ ея слава и ея опасность. Отсюда задачей нашего вѣка является воспитаніе, которое заключаетъ въ себѣ не только обученіе и даже дисциплинированіе дѣтей, но сформированіе такихъ индивидуумовъ, которые были бы способны къ самовоспитанію и такимъ образомъ добровольно дѣлались бы полезными и дѣйствительными членами общества. Никто не изобрѣлъ болѣе здоровой схемы самовоспитанія, чѣмъ та, которая была основана на истинахъ, открытыхъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ, и которая покоится на вѣрѣ въ безсмертное существованіе человѣческой личности и желаніи воспользоваться матеріальными предметами, какъ подготовленіемъ къ болѣе благородной и болѣе достойной жизни, когда временная исчезнетъ. Нѣтъ другого ученія, которое придавало бы такое высокое достоинство человѣческой природѣ, заставляло бы ея самыя возвышенныя надежды оказывать немедленное и непосредственное вліяніе на рутину обыденной жизни и на контроль свѣтской дѣятельности. Тѣ же принципы, которые послужили основами болѣе здоровой цивилизаціи, когда старая, повидимому, погибла навсегда, будутъ въ состояніи укрѣпить связующія силы общества и охранять его противъ полной раздробленности анархіи.

Опираясь на эти принципы, мы можемъ охранить себя отъ другой угрожающей намъ опасности. Распространеніе западной цивилизаціи привело въ самое близкое соприкосновеніе различныя расы всего свѣта съ очевидно непримиримыми отличіями въ привычкахъ и обычаяхъ; произошло много без-

жалостныхъ истребленій всюду, гдѣ встрѣчаются цивилизованные и получивилизованные народы и между цивилизованными народами существуетъ усиливающаяся національная рознь. Глубоко вкоренившійся антагонизмъ не можетъ быть уничтоженъ, но его можно видоизмѣнить такъ, что онъ перестанетъ быть опаснымъ; онъ перестанетъ быть такимъ, если мы не только признаемъ, что способности различныхъ расъ при различныхъ условіяхъ климата и почвы составляютъ сами по себѣ право на существованіе, но также постараемся постепенно развить въ низшихъ расахъ болѣе высокіе идеалы жизни, такъ чтобы введеніе современной техники и современной организаціи не было бы само по себѣ проклятіемъ. Только тогда, когда мы будемъ стоять съ ними на одной почвѣ, принявъ одни и тѣ же идеалы и стремясь осуществить ихъ, тогда станетъ возможнымъ гармоническое развитіе дѣятельности всего человѣческаго рода.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Пересаждеііе искусствъ и учрежденій.

Часто замѣчаются поразительныя сходства въ искусствахъ и въ административныхъ органахъ, которые существуютъ во всѣхъ частяхъ земного шара. Такое сходство можно объяснить различнымъ образомъ. Оно можетъ быть слѣдствіемъ происхожденія ихъ изъ общаго источника, который направляется по разнымъ опредѣленнымъ путямъ, или его можно объяснить независимымъ началомъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Однако существуетъ еще третій способъ объясненія этого явленія — сознательнымъ и обдуманнѣмъ пересаждеііемъ искусствъ и учрежденій изъ одного мѣста въ другое. Полное значеніе этого третьяго способа передачи не представляется очевиднымъ съ перваго взгляда; но тщательное его изслѣдованіе обнаруживаетъ тотъ фактъ, что возможности сознательнаго пересаждеііа были такъ многочисленны и такъ часто повторялись, что рѣдко встрѣчается необходимость допустить *независимое происхожденіе* или *независимое начало* для болѣе правдоподобнаго объясненія наблюдаемаго сходства.

Примѣръ можетъ сдѣлать болѣе ясной эту нашу точку {отправленія. Матеріальныя остатки римской цивилизаціи находятся во многихъ частяхъ Англіи, и съ перваго взгляда кажется естественнымъ предположить, что ея учрежденія, вполне аналогичныя съ учрежденіями римлянъ, сохраняли постоянную жизнь на этомъ островѣ и суть неразрушенныя пережитки правовъ и обычаевъ Римской Британіи; доказательства, подтверждающія это, были отмѣчены, въ городской и сельской жизни, въ способахъ таксаціи и усло-

віяхъ землевладѣнія. Однако чѣмъ болѣе изслѣдуютъ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе становится вѣроятнымъ, что предполагаемая устойчивость организованнаго общества въ Британіи въ періодъ англійскаго нашествія не заслуживаетъ довѣрія, и что это сходство лучше всего можно объяснить дѣятельностью духовенства и позднѣйшихъ переселенцевъ, которые снова ввели въ Англію учрежденія и терминологію, пережившія отъ римскихъ временъ въ другихъ частяхъ Европы. Такъ какъ эти факты мы можемъ объяснить вліяніемъ сознательнаго пересажденія, которое медленно и постоянно дѣйствовало въ продолженіи столѣтій, то мы не имѣемъ права предположить самостоятельной генеалогіи этого острова самого по себѣ, и главнымъ образомъ потому, что существуетъ много историческихъ доказательствъ, которыя противорѣчатъ такой гипотезѣ.

Всегда можно заслужить упрекъ въ анахронизмъ, если принять навѣру, что обычныя въ наши дни соціальныя силы часто дѣйствовали и въ раннія времена. Англійская раса въ послѣдніе два столѣтія энергично боролась за прогрессъ и сознательно стремилась улучшать всю промышленную жизнь. Планы сбереженія труда изобрѣтаются каждый день въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, и мы склонны признать въ человѣческой расѣ такую же плодovitость изобрѣтенія во всѣхъ стадіяхъ ея развитія. Однако есть основаніе сомнѣваться, могутъ ли такъ легко и такъ часто создаваться новыя искусства и учрежденія, какъ это можно предположить съ перваго взгляда; исторія изобрѣтеній показываетъ, что каждому гению было чрезвычайно трудно довести новый процессъ до практическаго успѣха; въ то же время всегда было трудно убѣдить крестьянъ-фермеровъ примѣнять новыя методы при обработкѣ земли. Даже пересажденіе существующихъ промысловъ встрѣчало значительныя затрудненія, и до сихъ поръ приходится бороться съ большими препятствіями тѣмъ, кто создаетъ какое либо неизвѣстное донынѣ искусство. Вѣроятность независимаго происхожденія въ различныхъ мѣстахъ одного и того же соціального или промышленнаго состоянія сравнительно слаба: кромѣ того мы должны помнить, что такой методъ объясненія соціального явленія самъ по себѣ неудовлетворителенъ, такъ какъ онъ не подлежитъ провѣркѣ ¹. Часто мы не въ состояніи показать, изъ какого источника произошло какое-либо

¹ „Такимъ образомъ оказывается, что сущность истинно научной гипотезы заключается въ томъ, что ей не суждено всегда оставаться гипотезой, но по своему существу она можетъ быть или доказана, или опровергнута тѣмъ сравненіемъ наблюдаемыхъ фактовъ, которое называется провѣркой“. Mill, *Logic*, II. 14.

искусство, но мы никогда не можемъ надѣяться доказать, что такое искусство не было заимствовано совсѣмъ. Мы будемъ правы, дѣлая отрицательное утвержденіе, что мы не можемъ объяснить явленія какимъ-либо другимъ путемъ, но мы никогда не будемъ правы если признаемъ за фактъ его независимое происхожденіе. Къ этому объясненію можно прибѣгать только, какъ къ послѣднему убѣжищу, и мы никогда не должны приписывать какому-либо закону или учрежденію независимое начало, пока не изслѣдуемъ возможностей ихъ пересажденія и всего, что говоритъ противъ всѣхъ этихъ возможностей.

Не прибѣгая къ затруднительной классификаціи, мы можемъ замѣтить, что существуютъ три пути для перенесенія практическихъ искусствъ и учреждений, а именно: личное сношеніе, подражаніе иностраннымъ образцамъ и научный импульсъ.

(а) Переселеніе лицъ, обладающихъ нѣкоторой опредѣленной формой знанія есть простѣйшее средство перенесенія искусства, и въ извѣстныхъ случаяхъ это есть единственный возможный способъ, при помощи котораго промышленность можетъ быть введена въ другія страны. Существуетъ много *техническихъ* приемовъ, которые можно передать только личнымъ обученіемъ, особенно это относится къ ручному труду. Изобрѣтенія машинъ не только освободили трудъ отъ черной работы, но и замѣнили многія формы спеціальнаго технического искусства, и такимъ образомъ дали возможность людямъ обходиться безъ пріобрѣтенія тѣхъ способностей, которыя были неразлучны съ понятіемъ о мастеровомъ во всѣ вѣка, предшествовавшіе промышленной революціи. Ввозъ необходимыхъ машинъ является теперь первымъ шагомъ для введенія новой промышленности, не то было въ прежнее время. Невозможность перенесенія ремесла, безъ того, чтобы не переселить туда же искусныхъ мастеровъ, была признана всѣми, такъ что въ многіе періоды всемірной исторіи города или націи пытались оградить себя отъ иностранной конкуренціи запрещеніемъ эмиграціи ремесленниковъ ¹, съ цѣлью сохранить за собой монополію какого-либо ремесла; въ то же время прогрессирующія общины дѣлали величайшія усилія, чтобы убѣдить искусныхъ мастеровъ эмигрировать къ нимъ. Исторія отдѣльныхъ промышленныхъ изобилуетъ примѣрами того способа, при помощи котораго предприимчи-

¹ Томъ I, стр 33. Съ другой стороны папа Левъ Исаврійскій, пытаясь укрѣпить свою политику иконоборства, изгналъ многихъ художниковъ изъ имперіи и тѣмъ уси-
лил развитіе изящныхъ искусствъ въ Италіи. Labarte, *Histoire des arts industriels*, I. 105.
Cunningham, *Growth of English Industry*, II. 348, 361.

вость и умъ какого-либо эмигранта или ихъ группы служили непосредственнымъ орудіемъ насажденія какой-либо промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотя она раньше и не существовала, но гдѣ находились выгодныя для нея условія,— новое суконное и шелковое производство въ Англіи ¹, бумажная фабрикація въ Шотландіи ², и полотняная мануфактура въ Ирландіи ³ могутъ служить примѣрами въ этомъ отношеніи. Что касается послѣднихъ столѣтій, то тутъ сравнительно легко прослѣдить существованіе въ Англіи группы иноземцевъ и подробно изслѣдовать въ частности сообщенный импульсъ каждою изъ нихъ. Есть большое основаніе думать, что подобный процессъ происходилъ во всѣ времена, хотя очевидность точныхъ звеньевъ этой связи утрачена. Когда мы рассмотримъ частые случаи личнаго сношенія, существовавшіе въ прежнія времена, то увидимъ, что невозможно установить какія-либо границы, до которыхъ распространялось оказываемое ими вліяніе, хотя даже и не сохранилось указаній относительно времени или формы, въ которой произошло это движеніе.

Въ древнемъ мірѣ война, за которой часто слѣдовала военная оккупация и изгнаніе значительнаго населенія ⁴, должно-быть, играла большую роль въ распространіи знанія жизненныхъ ремеселъ; между тѣмъ какъ организованная торговля рабами, существовавшая во всѣ темные вѣка до среднихъ вѣковъ, представляла необыкновенно благоприятныя условія для переселенія.

Многія удобства путешествія, введенныя въ послѣднее столѣтіе, сдѣлали его теперь пріятнымъ, но мы забываемъ, какое множество людей были вынуждены подвергаться различнымъ неудобствамъ и опасностямъ, путешествуя въ концѣ среднихъ вѣковъ. Многія дѣла, которыя теперь можно вести, пользуясь почтой и даже телеграфомъ, для средневѣковыхъ купцовъ были невозможны безъ того, чтобы не предпринимать личнаго путешествія ⁵. Большія дворянскія домохозяйства находились въ постоянномъ передвиженіи, и многіе хозяева бродили, какъ пилигримы ко святымъ мѣстамъ, по своимъ или дальнимъ землямъ. Обширное скопленіе купцовъ на средневѣковыхъ ярмаркахъ ⁶ служить достаточнымъ доказательствомъ, что, несмотря на мѣстныя ограниченія,

¹ Cunningham, *op. cit.*, II. 36.

² Cunningham, *Alien Immigrants in England*, стр. 242.

³ Cunningham, *op. cit.*, стр. 240.

⁴ Много доказательствъ этому даетъ Ветхій Заветъ, напримѣръ, въ Вавилонскомъ плѣненіи іудеевъ, и въ новомъ заселеніи Самаріи.

⁵ Jusserand, *English Wayfaring Life*, 244.

⁶ Bourquelot, *Foires de Champagne*, I 132.

сохранившіяся во многихъ мѣстахъ для извѣстныхъ классовъ, существовало огромное населеніе, которое пользовалось значительной свободой передвиженія. Во всѣ средніе вѣка была масса благоприятныхъ условий для обширнаго личнаго переселенія, такъ что нетрудно понять возможность перенесенія какого-либо ремесла или промысла изъ одной части христіанства въ другую.

Возможность личнаго переселенія часто вполне объясняетъ перенесеніе изъ одного мѣста въ другое не только ремеслъ, но и учреждений; ничто не заставляетъ насъ предполагать, что эти послѣднія развивались самостоятельно въ каждомъ новомъ центрѣ. Въ періодъ крестовыхъ походовъ когда возобновлялась городская жизнь, было обыкновеннымъ явленіемъ пожалованіе гражданамъ одного мѣста всѣхъ правъ и привилегій, которыми уже пользовались граждане какого-либо другого англійскаго города, при чемъ онѣ служили для нихъ образцомъ ¹.

Дарованныя такимъ образомъ права могли быть легко переданы на письмѣ; но иногда практика требовала личнаго обмѣна мыслей для установленій спорныхъ пунктовъ. Кромѣ того, изъ одного записаннаго случая кажется, чувствовалось, что административному искусству лучше всего можно научиться, какъ *техники* въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, у тѣхъ знатоковъ этого дѣла, которыхъ убѣждали переселяться. Когда епископъ Робертъ составилъ планъ города С. Андрью, въ Файфѣ, (*St Andrews in Fife*), то онъ не только заимствовалъ иноземный планъ улицъ, но и пригласилъ городского голову изъ Бервика ², который, изучивъ муниципальное управленіе, былъ въ состояніи организовать учрежденія новаго города. Нѣтъ основанія думать, что этотъ случай былъ единственный или даже исключительный; повидимому въ высшей степени вѣроятно, что *Ганза*, или другой какой-либо элементъ торговаго класса способствовалъ развитію городской жизни въ отдаленныхъ областяхъ Европы, и былъ внесенъ иностранными колонистами, которымъ была отчасти извѣстна торговая жизнь болѣе развитыхъ общинъ.

(b) Иногда, быть-можетъ, пересажденіе происходило при помощи перенесенія мануфактурныхъ товаровъ новаго образца или рисунка. Это могло случаться во время торговыхъ сношеній или во время войны; послѣдующее за тѣмъ подражаніе какимъ-либо товарамъ, которые вызывали большое удивленіе, могло уже происходить сравнительно просто. Существуетъ много вещей, которыя легко

¹ О зачисленіи бурговъ въ города срав. Grass, *Gild Merchant*, I. 241.

² Scott, *Berwick*, стр. 64.

сдѣлать, если разъ подумать о нихъ; импульсомъ для этого можетъ послужить пріобрѣтеніе какого-либо образца. Такое подражаніе совершенно отличается отъ самостоятельнаго изобрѣтенія. Старая восточная кольчуга имѣетъ значительное сходство съ *brunja* Викинговъ¹; древне-скандинавамъ было не трудно сдѣлать такую защитительную броню, разъ она, или идея о ней, обратила на себя ихъ вниманіе; фактъ же торговыхъ сношеній древнескандинавовъ съ Левантомъ на столько установленъ, что для объясненія сходствъ подобнаго рода не представляется затрудненій.

(с) Есть еще другой способъ, при помощи котораго можетъ переноситься знаніе искусствъ и учреждений не только на значительныя разстоянія, но и въ продолжительные періоды времени. Законы и административные методы, системы обложеній налогомъ и дѣловая практика могутъ быть собраны въ записяхъ и такимъ образомъ могутъ облегчить переживаніе давно забытаго обычая. Распространеніе торговаго устава и вліяніе изученія римскаго права въ концѣ среднихъ вѣковъ служатъ примѣрами въ этомъ случаѣ. Подобнаго же рода явленіе, происшедшее послѣ Черной Смерти почти одновременно въ многихъ городахъ и странахъ, въ сферѣ заработной платы и цѣнъ становится болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что традиція могла сохранить попытки всей Римской Имперіи встрѣтить голодъ аналогичными мѣрами. Въ болѣе недавнее время, такой остроумный наблюдатель, какъ Монтескье, отмѣтилъ особенныя отличительныя черты англійскаго парламента, и его трактатъ не только содѣйствовалъ распространенію знанія Британской Конституціи, но и побудилъ почти каждую сосѣднюю цивилизованную страну ввести у себя, болѣе или менѣе сознательно, парламентъ по образцу, описанному французскимъ писателемъ².

Такимъ же путемъ можетъ передаваться и знаніе промышленныхъ искусствъ. Весьма важное значеніе имѣли рецепты не только для лѣченія болѣзней, но и для такихъ процессовъ, какъ крашеніе, а также и для декоративныхъ искусствъ вообще. Наиболѣе знаменитой сокровищницей подобныхъ свѣдѣній была книга *Diversarum Artium Schedula*, Рогкеруса (Rogcegerus), золотыхъ дѣлъ мастера, монаха *Бенедиктинца* въ Гельмерсгаузенѣ, написанная имъ въ оди-

¹ Du Chaillu, *The Viking Age*, I. 215; II. 99.

² Существованіе двухъ палатъ и признаніе отдѣленія исполнительной отъ законодательной власти составляютъ два пункта, на которыхъ онъ горячо настаивалъ.

надцатомъ и въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія¹. Число и даты пережившихъ манускриптовъ показываютъ, что эта книга пользовалась весьма обширной и продолжительной популярностью. Изъ этого Компендіума, по словамъ автора, вы можете „узнать все, чѣмъ обладаетъ Греція, въ дѣлѣ составленія различныхъ красокъ; все, что знаетъ Тоскана въ мозаичныхъ работахъ и различныхъ эмаляхъ; Аравія—въ дѣлѣ плавленія,ковки и чеканки металловъ; Италія—въ орнаментѣ золотомъ, издѣлій разнообразныхъ вазъ и рѣзбѣ по драгоценнымъ камнямъ и слоновой кости; вы узнаете все, что нравится Франціи въ дѣлѣ дорогихъ и разнообразныхъ украшеній оконъ; всѣ улучшенія промышленной Германіи въ издѣліяхъ изъ золота, серебра, мѣди и желѣза, дерева и камней²“. Великодушіе, съ которымъ монахъ старался распространять такія техническія знанія, представляетъ рѣзкій контрастъ, съ той заботливостью, съ которой обыкновенный цеховой ремесленникъ старался сохранить тайну своего ремесла и устранить возможность копирования его рецептовъ. Изъ дѣлъ стеклянной промышленности мы узнаемъ, что дочь одного мастера не сочувствовала системѣ своего отца, которую тотъ примѣнялъ въ своемъ дѣлѣ къ ученикамъ³.

Лишь только признаны безграничныя возможности передачи, какъ открывается обширное поле для изученія исторіи какого-либо промысла или учрежденія. Строительное искусство, оставившее столько прочныхъ памятниковъ своей дѣятельности въ прошедшіе вѣка, даетъ самое неоспоримое доказательство развитія и распространенія особенныхъ способовъ въ постройкѣ или въ планѣ. Изобрѣтеніе арки, ея комбинированіе съ колонной, введеніе купола являются важными строительными улучшеніями; тщательно отмѣчены тѣ мѣста, гдѣ появились первые опыты этихъ архитектурныхъ формъ, и гдѣ онѣ получили развитіе и распространеніе. Господствовавшіе области съ подобными образцами готическихъ построекъ были извѣстны; и исторія архитектуры въ Ильдефрансѣ или въ Англіи, указываетъ не только на постоянный ходъ прогресса въ этомъ дѣлѣ⁴, но и на случайное внесеніе чужихъ вліяній. Посѣщенія мастерами отдаленныхъ мѣстъ становятся особенно очевидны въ связи съ такимъ декоративнымъ искусствомъ, какъ гравированіе или отдѣлка цвѣтныхъ стеколъ; и мраморная мозаика

¹ Ilg., *Theophilus Presbiter* въ *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters*, VII. стр. Xliii.

² *Theophilus Rugerus*, предисловіе (Hendrie's Translation), стр. LI.

³ Lobmeyr, *Die Glasindustrie, ihre geschichte*, 73.

⁴ E. S. Prior, *A History of Gothic Art in England*, стр. 16.

Тай Магалъ въ Агрѣ (*Taj Mahal at Agra*) показываетъ намъ, какъ далеко путешествовали итальянскіе ремесленники семнадцатаго столѣтія ¹. Городскія и домашнія постройки, также какъ и религіозныя, представляютъ частые примѣры пересажденія особенныхъ типовъ рисунка. Мы можемъ замѣтить это въ *stoep* голландскаго дома, въ положеніи, занимаемомъ очагомъ въ домахъ Новой Англіи ², въ методѣ группировать смежныя дома на улицахъ, также какъ и въ планахъ, которые были приняты въ различные времена при планировкѣ городовъ ³.

Въ связи съ архитектурой и декоративными искусствами представляется громадная масса полезныхъ указаній для опредѣленія хода ихъ развитія въ какой-либо мѣстности и начала постороннихъ вліяній. Но мы имѣемъ основаніе предположить, что мы могли бы рассказать такую же исторію и другихъ искусствъ, если бы у насъ были средства прочесть ее. Время введенія лошади въ Египтъ, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ вліяніемъ, которое оно должно было оказать на мирное и военное искусство можно приблизительно опредѣлить ⁴; вѣроятно существуетъ мало странъ, гдѣ паханіе быками было туземнымъ искусствомъ; если бы могли прослѣдить распространеніе этого искусства, у насъ бы также явилась возможность прослѣдить и введеніе учреждений коллективнаго хлѣбопашества, съ которымъ, повидимому, оно тѣсно связано ⁵.

Попытка изслѣдовать тѣ видоизмѣненія, которымъ можетъ подвергаться перенесенное учрежденіе на новой почвѣ, открываетъ также интересное поле изслѣдованій для социолога. Любопытно отмѣтить, какимъ образомъ тѣ перемѣны, при помощи которыхъ ремесленные цехи, организовавшіеся въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи, при Ангевинахъ, для содѣйствія иноземнымъ колоніямъ пріобрѣсти политическое положеніе ⁶, были приспособлены въ четырнадцатомъ столѣтіи къ механизму надзора за качествомъ производства ⁷ и могли сохраниться до нашего времени въ Лондонѣ,

¹ Ferguson, *History of Indian and Eastern Architecture* (1876), 588.

² Isham and Brown, *Early Rhode Island Houses*, стр. 16, *Early Connecticut Houses*, стр. 7.

³ См. выше стр. 88. Что касается городскихъ плановъ то, по крайней мѣрѣ ясно, что ихъ простота не примитивна, и ее достигли только въ позднѣйшія цивилизаціи. Американскій методъ распланировки городовъ оказался простымъ, лишь только его ввели въ Филадельфію; но такой планъ представлялся бы неестественнымъ для колонистовъ Монреаля или Квебека, Бостона или Нью-Йорка или для основателей многочисленныхъ городовъ Стараго свѣта.

⁴ C. A. Piétrement, *Le cheveaaz dans les temps préhistoriques et historiques* (1883), стр. 459 fol.

⁵ Cunningham, *Growth of English Industry*, I. 42.

⁶ *Ibid.* I. 647.

⁷ *Ibid.* I. 342.

какъ органы городской благотворительности. Различіе въ ходѣ развитія соответствующихъ учреждений въ шотландскихъ городахъ ¹ весьма замѣчательно. Климатъ и почва или социальная атмосфера могутъ очень глубоко воздѣйствовать на перенесенное учрежденіе, и геній отдѣльной страны болѣе ясно сказывается въ его реальной силѣ приспособить то, что заимствовано, чѣмъ въ воображаемой его способности независимо создать новое; послѣднее, повидимому, является рѣдкой случайностью, зависящею отъ соединенія личной изобрѣтательности съ исключительно благопріятными обстоятельствамъ.

Легко провести аналогіи между развитіемъ животной жизни и развитіемъ социальнаго организма; но социологъ часто не въ состояніи собрать достаточнаго количества самостоятельныхъ доказательствъ, чтобы имѣть возможность формулировать хорошо обоснованныя обобщенія относительно хода человѣческаго прогресса. Повидимому, несомнѣнно существуетъ значительный контрастъ между эволюціей новыхъ формъ въ животномъ мірѣ и теченіемъ человѣческой исторіи. Мы не находимъ въ социальномъ прогрессѣ безконечнаго числа опытовъ переживанія наибольшаго приспособленія; въ социальной жизни не наблюдается такой поразительной продуктивности, какъ въ животной. Повидимому, въ человѣческихъ учрежденіяхъ замѣтенъ скорѣе застой, упадокъ; и прогрессъ въ его цѣломъ обязанъ своимъ успѣхомъ сохраненію рѣдкихъ усилій человѣческаго генія.

¹ Gross, *Gild Merchant*, I. 199.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
Введеніе	3

КНИГА IV.

Христіанство.

Глава I. Основы общества	18
„ II. Натуральное и денежное хозяйство	67
„ III. Отношенія христіанъ къ язычникамъ и мусуль- манамъ.	102

КНИГА V.

Національности.

Глава I. Секуляризація	130
„ II. Вмѣшательство капитала	153
„ III. Соперничающія торговля имперіи	173

КНИГА VI.

Распространеніе западной цивилизаціи.

Глава I. Промышленная революція	212
„ II. Общія тенденціи и особенныя условія	240
Заключеніе	254
Прибавленіе	261